

М. Л. Плахова, Б. В. Алексеев

К ОСТРОВАМ ИНДИЙСКОГО ОКЕАНА

Annotation

Книга заслуженных художников РСФСР М. Плахой и Б. Алексеева рассказывает об их участии в экспедиции, организованной Академией наук СССР на научно-исследовательском судне «Академик Курчатов» от Калининграда вокруг Европы в Индийский океан (1983 г.). Авторы посетили Сейшельские острова, Мадагаскар, Маврикий, Африку и необитаемые острова в океане, в том числе Альдабру, Фаркуар, Визард группы Космоledo.

Книга снабжена многочисленными иллюстрациями авторов.

- [Мария Леонидовна Плахова](#)

-

- [Предисловие](#)

-

-

-

-

-

-

-

-

-

-

-

-

-

-

-

-

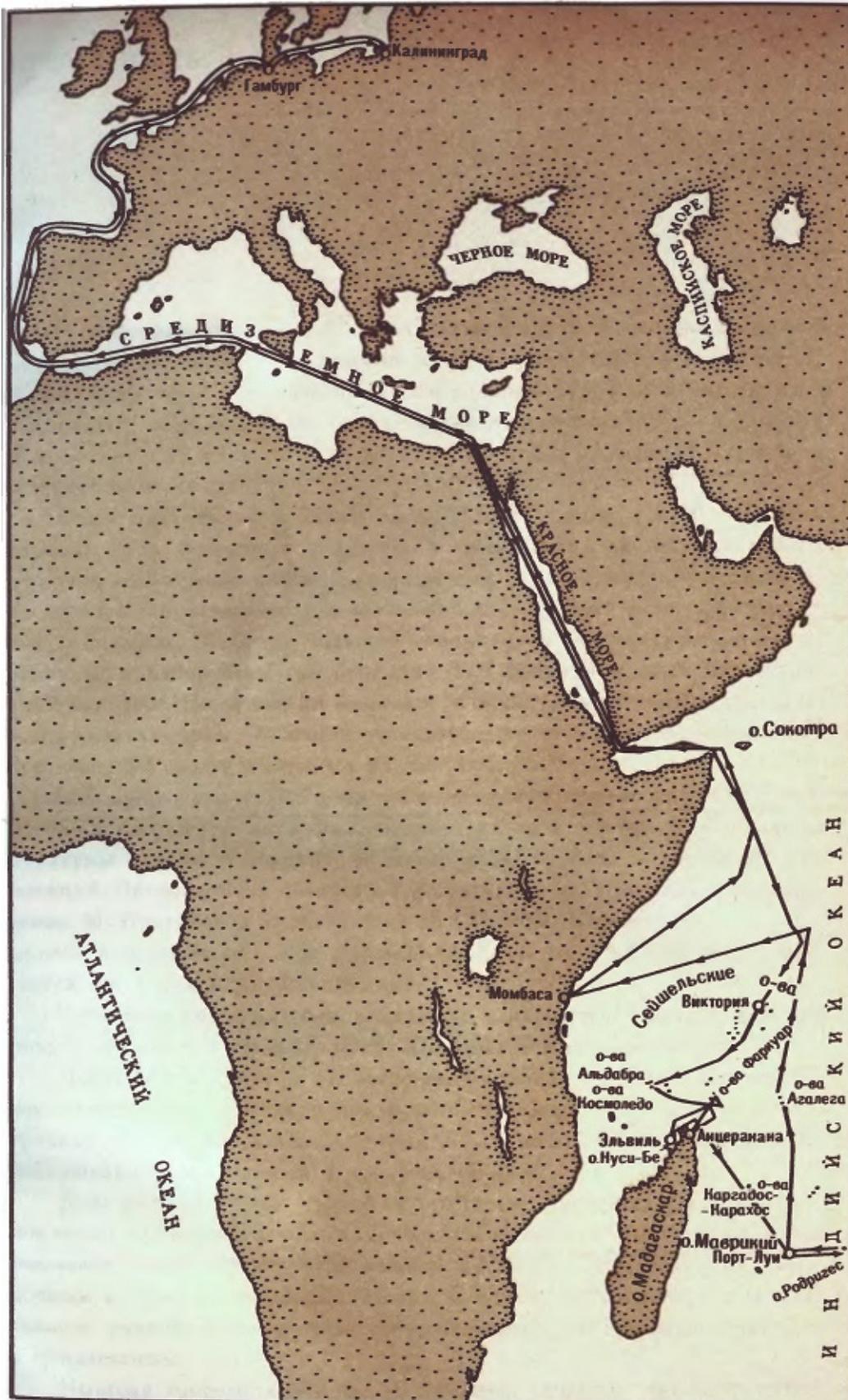
-

-

**Мария Леонидовна Плахова
Борис Владимирович Алексеев
К островам Индийского океана**

Маршрут научно-исследовательского корабля «Академик Курчатов» в 1983 г.

Предисловие

Книга известных художников М. Л. Плаховой и Б. В. Алексева во многом отличается от научно-популярных книг и рассказов о путешествиях.

Все началось с того, что профессиональные художники участвовали в научных экспедициях на научно-исследовательском судне «Дмитрий Менделеев» в Тихом океане, позднее — на корабле «Академик Курчатов» в Индийском океане.

После экспедиции в Тихий океан М. Л. Плахова и Б. В. Алексеев создали серию живописных полотен и графических листов. Эти работы неоднократно демонстрировались на персональных выставках и неизменно привлекали внимание ученых-океанологов, художников, этнографов, искусствоведов. Особенно большой успех имели работы художников на выставке в Хабаровске, где проходил XIV Международный тихоокеанский конгресс. По откликам советских и иностранных участников конгресса можно судить о большом познавательном и эстетическом значении произведений, представленных на выставке.

В январе — марте 1987 года в Финляндии Академии наук СССР совместно с Академией наук Финляндии проводила выставку «Сокровища культуры народов Океании» по материалам русских и советских экспозиций. Оргкомитетом выставки в экспозицию были включены произведения М. Плаховой и Б. Алексева об Океании. Картины демонстрировались в Хельсинки, куда художники были приглашены в качестве гостей Академии наук Финляндии.

Несколько лет назад они выступили в не совсем обычной для них роли — в качестве авторов книги «Океания далекая и близкая».

Читая новую книгу — «К островам Индийского океана», рассматривая иллюстрации, невольно приходишь к выводу, что и в этом многогранном произведении каждая новая глава, новый пейзаж или портрет раскрывают удивительный и прекрасный мир.

Дело не только в том, что два талантливых художника создали огромное число зарисовок и этюдов в нескольких океанских

экспедициях, — они раскрыли новую тему и познакомили читателя с удивительным, загадочным и прекрасным миром Океана. Читатель отправляется в увлекательное, романтическое путешествие, и авторы дарят ему радость встречи с Неизвестным.

Пышная тропическая природа островов, сложный мир островитян, в котором мудрость древних традиций, простота и искренность сочетаются с явлениями новой жизни, все более широко охватывающей даже удаленные острова, — это дает особое ощущение новизны и неожиданности. Авторам удалось увидеть много такого, что могут заметить только люди, сочетающие в себе талант живописца, тончайшую наблюдательность и редкое умение проникать в глубины жизни островитян в процессе непосредственного общения с ними.

Другая тема, другая грань книги — изображение и описание Океана. Океана, вечно меняющегося, то сурового и бурного, то ослепительно красивого в закатные и рассветные часы, в знойный полдень и глубокой ночью. Ощущение неповторимости, высокого эстетического наслаждения передают авторы в своих пейзажах и описаниях.

Превосходные пейзажи, написанные не с берега, а в центре океана, передают впечатление его громадности, бесконечности, силы и суровости стихии, ее нескончаемых превращений. Эта тема раскрыта авторами очень сильно и свежо.

Как пишет директор Института теории и истории искусств Академии художеств СССР, академик А. К. Лебедев, «едва ли не впервые в отечественном изобразительном искусстве отражены виды тропической природы, народные типы, сцены быта... При этом правдиво запечатлены непривычные для глаза жителя северных стран эффекты заката, восхода солнца, игры солнечного и лунного света на поверхности океанской стихии в тропических условиях...

Серия картин, с мастерством исполненная авторами на основе реалистического метода, носит подлинно новаторский характер, этот творческий вклад М. Л. Плаховой и Б. В. Алексеева в известной мере сходен с тем, который внес в искусство XX века А. А. Борисов, впервые раскрывший в живописи своеобразие, красоту и величие природы Арктики. В какой-то мере Плахова и Алексеев также сделали значительный вклад в художественное открытие одного из континентов Земли...»

Третья тема, которой авторы посвятили много страниц повествования, — этнографическая. Быт жителей островов Индийского и Тихого океанов, внешние атрибуты жизни, искусство, ремесло, традиции, жилища, поселки и города... Читатель видит превосходные живописные произведения, читает описания и постепенно входит в незнакомый, яркий, экзотический мир островитян. Эта часть очерков имеет большое познавательное значение. Читателям будет интересно познакомиться с этими описаниями еще и потому, что именно в наши дни активно проходит процесс деколонизации Океании и национального строительства независимых островных государств в Индийском океане.

Увлекательную, новую тему авторы развивают в очерках, посвященных работе ученых в экспедициях. Рассказ о нелегком труде океанологов, сопряженном нередко с риском и опасностями, будет особенно интересен молодым читателям. Мне пришлось участвовать во многих океанских экспедициях, и со знанием дела могу сказать, что авторы весьма правдоподобно описали труд ученых. Зарисовки палубных работ, атмосфера жизни экспедиции, меткие характеристики отдельных ученых, дополняющие живописные портреты, помещенные на страницах книги... Думаю, подобные описания, сделанные самими океанологами, всегда отличаются некоторой суховатостью, чего нет в книге М. Л. Плаховой и Б. В. Алексеева. Рассказ о работе океанологов — живой, читатель получит представление о нелегком пути, по которому идут открыватели тайн океана.

Переходя от яркого, остроумного текста к превосходным иллюстрациям, читатель наверняка почувствует потребность еще больше узнать о том, о чем нам рассказали авторы.

Читатель, вы начинаете путешествие. Вы входите в далекий мир островов, океана, островитян. Счастливого вам пути и не забывайте, что самое увлекательное занятие — это все-таки путешествие...

А. А. Аксенов

Вверх и вниз по Амазонке. Чрезвычайное обстоятельство. «Провожающие, покиньте вагон!»

Алексеев

— Художники! Ваша каюта номер двести сорок два! Возьмите свой ключ!

Все члены экспедиции на борту. Научно-исследовательский корабль Института океанологии имени П. П. Ширшова Академии наук СССР «Академик Курчатов» уходит в многомесячный океанский рейс к островам Индийского океана, как говорится, «экспедиция уходит в океан».

И хотя у нас за плечами путешествие в Океанию на судне «Дмитрий Менделеев», все равно ступаешь на палубу со сложным чувством счастливого волнения и растерянности, — наверное, так ступал первый человек на первый плот.

Самое время оглянуться назад и рассказать, как случилось, что мы вновь оказались на корабле.

Собственно говоря, мы собирались на Амазонку. Как всякое загадочное событие, это хранилось в тайне: к чему лишние разговоры! Иногда для перемены жизни не хватает пустяка, маленький камешек способен увлечь лавину. «Камешком» явилась короткая поездка в Институт океанологии, где шла такая обычная для сотрудников и такая

удивительная для нас жизнь. Там мы узнали, что готовится рейс на Амазонку.

— Амазонку?

— Именно, — был будничным ответ, будто речь шла о воскресной поездке в Абрамцево... — «Курчатов» пойдет в тридцать шестой рейс на Амазонку. А что?

Возглавлять экспедицию должен был член-корреспондент Академии наук СССР, директор института Андрей Сергеевич Монин.

В светлом его кабинете всюду гуляло зимнее солнце, то самое, что светило над Амазонкой тоже. Огромная карта Мирового океана извещала о местонахождении научного флота — белые макетики кораблей разбежались по меридианам и параллелям. «Курчатов» был приколот к Турку: стоял на капитальном ремонте в Финляндии.

Андрей Сергеевич — ученый широкого диапазона, чьи научные работы получили всемирное признание. Ему принадлежат фундаментальные исследования во многих областях гидродинамики и геофизики, труды эти сыграли важную роль в становлении нового направления в науке — гидрофизической гидродинамики. Крупный организатор науки, он находит время и для искусства, занимается живописью.

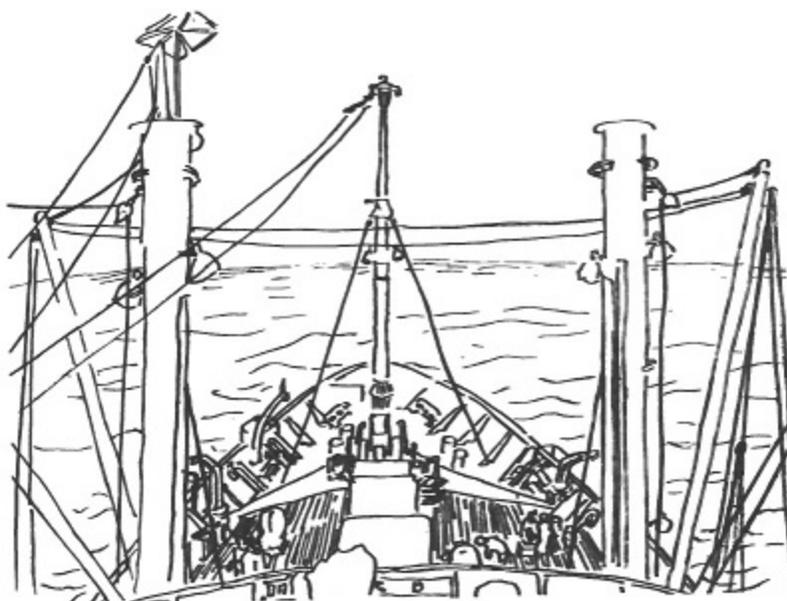
Мы еще не были знакомы, однако перед рейсом в Океанию много слышали об этом незаурядном человеке. Не зря бытует выражение: «Только посредственность не вызывает возражений» — кто-то искренне любит Андрея Сергеевича, кто-то побаивается, однако все согласны в одном: светлый ум, крупнейший ученый.

Андрей Сергеевич приглашал нас принять участие в рейсе на Амазонку. Наладившаяся было «нормальная» жизнь опять шла кувырком. Предстоял путь из квартиры на одиннадцатом этаже московского дома, где еще не выветрился запах новогодней хвои, снова в океан с его циклонами и штормами.

Как-то, кажется накануне, я обронил фразу: «После нашего путешествия в Океанию прошло четыре года...» Меня поправили: прошло шесть лет. Шесть лет назад мы уже пересекали страну от Москвы до Владивостока навстречу восходящему солнцу. Теперь предстоял путь на запад — от Калининградского причала в Атлантику. Между этими отрезками времени лежало многое. Ушли из жизни друзья и попутчики прошлой экспедиции: оптимист Владимир

Григорьевич Рыклин и всегда подвижный, энергичный Донат Владимирович Наумов — в память о них остались выполненные в рейсе портреты. Прошли выставки написанных в экспедиции картин. Неожиданно для нас самих родилась книга об Океании. И еще: было путешествие в Каракумы, где оказались мы, очевидно, по контрасту — из океана в песках.

Говорят, дороги бесконечны. Оканчиваясь, они дают начало новому пути, даже самый, длинный путь начинается с первого шага. Этот шаг в пустыню был сделан на Дальнем Востоке возле пейзажа, написанного на экваторе.

В 1979 году в Хабаровске впервые на территории СССР состоялся XIV Международный тихоокеанский конгресс. Была организована большая выставка. Самостоятельный раздел среди научных экспонатов составила наша живопись и графика — работы из цикла «Тихий океан — Берег Маклая».

Внимание посетителей привлекла картина «Перед наступлением тропической ночи»: еще догорает неистовый закат, но уже проступили зеленовато-холодные звезды. В центре неба непривычно перевернутый на спинку, рожками вверх, узкий серп. Океан потемнел, взбугрился, вобрав в себя тени и блеск заката, крошка-корабль уходит за горизонт.

— Вот я смотрю на вашу картину и вижу уходящую в глубину беспредельность, простор, необычность красок. Это вызывает у меня

желание задать вопрос: не приходилось ли вам бывать в пустыне? Ведь между океаном воды и океаном песка много общего: для человека на корабле и для человека в песках то и другое не имеет границ.

— Я хотел бы показать вам настоящую пустыню, — говорит, посетив выставку, академик Александр Васильевич Сидоренко, президент конгресса, и добавляет: — Скоро я поеду в Туркмению. Можете брать этюдники и ехать вместе со мной. Устраивает вас мое предложение?

Предложение нас устраивало, но на всякий случай мы сказали, что надо подумать. Как-никак глаза еще были полны моря, а уши — плеска океанских волн. Подумав, мы отправились в Каракумы. Действительно, они были сходны: бессильные песчинки, кроткие капельки воды. Разрозненные, развеянные, превращались в ничто, воссоединяясь, становились грозной силой: мириады песчинок погребали города, капли, став океаном, смывали берега в пучину.

Мы работали на мертвых барханах и в живых саксауловых рощах, высаженных руками людей на бесплодных такырах. Бродили по развалинам древнего Мерва, писали в тени фисташковых лесов, на склонах Бадхызского заповедника, среди паутины пробитых архарами троп. Рисовали людей, что умеют из песка строить дома и выращивать сочные гроздья винограда там, где нога уходит в песок, с альбомами в руках прошли по рукотворной реке — каналу имени Ленина.

Четыре года самолеты и поезда доставляли нас из Европы в Азию, в Ашхабад, в Туркмению. Но работа была сделана, и жизнь стала входить в привычную колею.

Теперь все начиналось сначала.

На обратном пути из Института океанологии водитель «Жигулей» Плахова сосредоточенно молчит, дважды проскакивая светофор на красный свет. Где-то на полпути к дому, в районе Новодевичьего монастыря, она наконец совмещает переживания с правилами движения и открывает рот, чтобы сообщить мне о своих сомнениях и колебаниях, приводя доводы, из которых следует, что в силу ряда обстоятельств наша причастность к новому многомесячному рейсу в океан практически невозможна, более того, немыслима. Прежде чем свернуть к дому, она притормаживает и поворачивает ко мне лицо:

— Только уговор: помалкивай. Никому ни звука. Понял?

Теперь и у меня теснятся сомнения, всплывают неотложные, несовместимые с океаном дела.

— Так мы идем или не идем в рейс? — отваживаюсь спросить, когда она, газуя, проскакивает ворота.

— Что значит «не идем»? Идем, естественно. Разве есть вопросы?

Вопросов не было. Да и в чем, собственно, дело? Энтузиасты с рюкзаками за плечами отправлялись пешком с Дальнего Востока в Прибалтику. Папазовы на спасательной шлюпке пересекали океаны. Один из молодых этнографов, преодолевая сопротивление жены, во что бы то ни стало пытался назвать сына Тутанхамоном... Словом, людям свойственно стремление к необычному. Не зря подарено нам судьбой соседство с Московским зоопарком: засыпаем и просыпаемся под рыкание львов, тяжелые вздохи белой медведицы, кошачье мяуканье павлинов.

«И еще жизнь прекрасна потому, что можно путешествовать». Время неуклонно стирает воспоминания, как течение размывает след на песчаном дне. И все же в душе остается частица пережитого: околдованные лагуны и атоллы, лабиринты коралловых рифов, клубящаяся бирюза просвеченных солнцем вод. Память об океане была прочной: стоило закрыть глаза, и над палящей синевой моря зависал горящий диск. Тихими вечерами, скатившись по небосклону, садилось солнце в гнездо оранжевых облаков, выбрасывая последние стрелы света. Сквозь расплавленную щель изливалось последний пульсирующий свет, и океан угасал, храня между спинками волн горячечный блеск заката...

Впереди снова лежал путь за экватор, в страны, где северный ветер несет тепло, а южный — прохладу, первый весенний месяц открывает осень, а исход мая знаменует начало зимы. Солнце, бессильно лежащее на подоконнике московской квартиры, вновь готово было испепелить, сжечь тропическим жаром наши тела и души.

Впрочем, пора было переходить от слов к делу, запастись холстами и красками, хотя, как утверждали шутники, на Амазонке понадобится лишь один зеленый цвет!

Плахова

Это было так давно, что думается: а было ли вообще? Одноэтажный особняк круглый, как праздничный пирог, разделен на секторы-квартиры с узкой полоской сада, где на каменных тумбах чудом сохранились блестящие зеркальные шары — в них, как в комнате смеха, отражаются удлинённые или расплоснутые детские лица. Чумазые, перепачканные горьковато-сладким соком каких-то темных, похожих на рябину ягод, что гроздьями растут вперемежку с колючими шипами. Узорная чугунная ограда окружает двор, сквозь решетку проросли искривленные ветки старых деревьев.

Флигель особняка превращен в столярную мастерскую. Дендильской визжат и скрежещут пилы, ветерок выдувает на мощный булыжником двор мелкие, белесые, как мука, опилки. Так и стоит в Москве на улице Мишина этот не тронутый временем старый дом, застряв между прошлым и будущим, в Петровском парке, ставшем ныне комфортабельным районом близ метро станции «Динамо».

Хлопают крыльями, купаются в лужах куры — водопровода нет и в помине, дом снабжает водой водовоз. Рыжая флегматичная лошаденка с широкой плоской спиной запряжена в телегу с деревянной бочкой, ждет покорно, пока жильцы наполнят ведра. Хлещет из отверстия бочки вода, дремлет возница, зажав в кулаке деревянную пробку.

Худая девчонка с исцарапанными руками и коленками, с пышным бантом на голове долго примеряется, переминаясь с ноги на ногу, и неожиданно ныряет под оглобли, согнувшись, проскакивает под брюхом лошади. Все рассчитано точно, но бант касается лошадиного живота, и лошадь привычно бьет по брюху ногой, ей кажется ползет назойливая муха.

Отделавшись хорошим синяком, девчонка летит кувырком под восторженные крики ребятишек. Кто-то из стоящих в очереди женщин успевает наградить ее звонким шлепком, что куда больнее и обиднее ленивого движения лошади.

Девчонка, перемазанная ягодами, — это я. И девчонка с бантом тоже. Почему-то именно эта картина всплывает перед глазами, когда покосившийся старый дом уже врос в землю и вокруг торопливо поднимаются многоэтажные корпуса. Наверное, потому, что в те дни среди бесчисленных проказ и бесславно кончавшихся шалостей все мы распевали неизвестно откуда взявшуюся дурашливую лесенку:

Вверх и вниз по Амазонке
Я плыву по Амазон-ке,
Я плыву по Типере-ри...
Вверх и вниз по Амазон-ке,
Я плыву, плыву, плыву...

И снова Амазонка. Сделав положенное число витков, скручивается спираль случайностей. И хотя вся жизнь есть цепь случайностей, нет ничего закономернее их, от них во многом зависит течение жизни.

Вопрос решен. Пльвем на Амазонку. Уже ничего не изменить, да и что значат неотложные будничные дела рядом с новым путешествием в Неизвестное. Есть, правда, лишь одно серьезное обстоятельство, но об этом несколько позже.

Алексеев

Сборы идут полным ходом. Выкладываю приобретенные в ларьке Союза художников альбомы, коробки с красками, флаконы растворителей, кисти. Жена сидит на полу над чемоданами вперемешку с сетками накомарников, веером разложив книги об Амазонке. Интересно, как она отнесется к последней новости: в Институте океанологии, куда я заехал по пути, мне сообщили: «Академик Курчатов»... не пойдет на Амазонку! Рейс переменил назначение, вместо Амазонки переоформляется в Индийский океан.

При слове «Амазонка» глаза ее разгорались, как у кошки, увидевшей мышь. А теперь? Экспедиция пойдет вокруг Европы, Бискайским заливом, через Гибралтар, пересечет Средиземное море, Суэцким каналом и Красным морем проследует в Индийский океан. Предполагаются заходы на Мадагаскар, Маврикий, Сейшельские острова, в Африку. И никакой ей Амазонки.

Сообщение мое выслушано молча...

— Да-а, ты не подарок, — скупко резюмирует она, хотя я изо всех сил стараюсь быть подарком, к тому же не я изменил маршрут.

Пытаюсь ее утешить: на Амазонке летающие ядовитые пауки, анаконды, душная, без движения воздуха сельва. Зеленым адом именуют этот край в популярной литературе. Приливная до шести метров волна идет по величайшей реке Южной Америки, топит и выкидывает на берег зазевавшиеся, не успевшие скрыться в протоках корабли.

А Сейшелы! Не зря называют их «жемчужиной Индийского океана»! Или Мадагаскар, Тани-Бе, Великий остров, окрещенный европейцами «Багрным», — единственное место на Земле, где Африка встречается с Океанией.

Экспедиция пойдет по водам, в которых были пойманы рыбы-целаканты, забывшие умереть в свое время. Да, да, в двадцатом веке в омывающих Мадагаскар водах пойманы живые ископаемые, появившиеся в морях девонского периода более четырехсот миллионов лет назад.

Одни названия чего стоят! Антананариву... Амбуситра... Антанамбалана!

Плахова стоически выслушивает мою информацию. Понять ее можно: трудно расставаться с мечтой.

— Ну что же... — слышу вялый ответ. — Мадагаскар — это тоже неплохо...

Но в голосе ее неподдельная грусть.

«Более чем неплохо» — так сказала бы наша дочь Наталья. Я тоже так думаю. Наталья не говорит этого только по той причине, что отъезд наш пока хранится в тайне в силу создавшегося в нашей семье чрезвычайного обстоятельства.

Плахова

«Чрезвычайное обстоятельство» — это дочь нашей дочери Алиса. Как и следовало ожидать, появление ее на свет нас не остепенило и не образумило. Сама она пока не принимала участия в семейных проблемах, лишь исправно поглощала манную кашку.

Наталья с Алисой и мужем живут рядом, дом к дому. Раскрасневшаяся, с Алисой в виде тугого свертка в руках, она заходит к нам после прогулки.

— Опять? Снова великие сборы? А куда, позвольте спросить?

— Видишь ли...

В нашей семье не принято удерживать друг друга от сумасбродств. Наталья — художник, ей не нужны долгие объяснения. Разница в возрасте не мешает понимать главное. С малых лет привыкла она ночевать в палатках, спать на раскинутых сиденьях автомашин, бродить с этюдником по горным дорогам. Втроем путешествуя по Туркмении, вместе увязали на «газиках» в песках Каракумов, на пахнущих керосином вертолетах зависали над барханами. Не так давно, «в доалисин» период, довелось и Наталье совершить рейс на научном корабле «Витязь», обогнув Европу, а затем пересечь Атлантику по воздуху.

Каждая поездка для художника и радость и мука. Отправиться в путь, далекий или близкий, — это значит работать на ходу, стараясь не упустить главного, отобрать в водовороте впечатлений самое характерное, войти в настроение окружающего пейзажа, будто родился вместе с ним, а не пришел гостем.

Радостное и трудное время поисков. Готовность пожертвовать второстепенным, неожиданные сложности, счастливые мгновения удач. Думается ли в такие моменты о предстоящих выставках? Едва ли. Но все-таки настает и этот день, когда пережитое, итоги горестей и радостей окажутся отданными на суд людской.

В последний раз перед отъездом сидим, не зажигая света, в сумраке февральского вечера. Мне кажется, в глазах дочери я вижу упрек. И немного тревоги: уж ей-то хорошо известны недобрые зимние шторма в Бискайском заливе или предотъездные, в один присест, прививки от желтой лихорадки с холерой в придачу. Но все это можно пережить. Гораздо хуже бессонные ночи перед экспедицией, когда заведомо знаешь, что покидаешь привычное, устремляясь в неизведанное, где лишь из множества непредвиденных обстоятельств и случайностей складывается успех. Что может быть хуже назойливой, бьющей в виски тишины, когда ломится голова, уже не вмещающая все обоснованные и ничем не оправданные тревоги...

Как сложится на этот раз? Будет ли удача в главном, в работе? Что было упущено в прошлый рейс, что надо исправить, предусмотреть?

Крутятся крохотные, похожие на жука-древоточца мысли, летят бесцельно, бестолково — только уходящим в море знакомы

лихорадочные минуты, последние на земле.

Заботившее вчера сегодня не представляется важным, однако тревога не утихает, напрасный труд задавать себе вопросы, на которые не существует ответа, и можно лишь замереть в бессилии перед ними. Только где-то, в далекой точке океана, среди неба и воды, в синий, серый или заведомо черный денек забрезжит ответ. И опускаешь руки, презирая себя за слабость в тягостные часы перед прощанием...

Гаснут постепенно, одно за другим в соседних домах окна, а потом в темном еще небе вспыхивают вновь. Как, уже утро?

В день отъезда над Москвой бушует белый снегопад. С Белорусского вокзала поезд «Янтарь» отправляется в Калининград. Члены экспедиции уже в вагонах, несколько минут до отхода. Наталья молча целует меня мягкими губами и внимательно смотрит в глаза, будто надеется, что я передумаю.

— Провожаящие, покиньте вагон!

Лязгает железная площадка, погребая под собой ступеньки.

— До скорого... — шепчет дочь, и слова эти я больше угадываю, чем слышу. И она и я знаем: «скорого» не будет. Впереди тысячи океанских миль, и, как говорится, море есть море. Чувствую, что не успела сказать что-то важное, мучительно ищу слова. Все быстрее летят косые снежинки, оседая на холодных боках тамбура. Белая пелена стирает знакомые контуры вокзала. Вагон вздрагивает, и мы медленно и беззвучно уплываем в светлую метель.

Алексеев

Февраль в Калининграде оказывается теплым, с дождями и туманами, сырой воздух пахнет морем. На вокзальной площади забрызганный талой водой автобус принимает людей и экспедиционный багаж и отправляется к причалу номер восемь Калининградского порта — последней точке нашего пути по твердой земле.

Еще рано. Ни свет, ни темь, пасмурное утро размывает очертания портовых кранов, над торговым портом высится сумрачная громада старого элеватора. Подпрыгивая на железнодорожных переездах, петляя среди пакгаузов, движется автобус.

Перекликаются буксиры, выплевывая струйки дыма, лязгают маневренные паровозы, постанывают краны. Тяжелые, неповоротливые волны, поднятые проходящими судами, медленно, будто нехотя упрутся в причалы.

Вода кажется неподвижной, не грохочет, кидаясь на берег, не швыряет на пирсы пену. Залив загустел, дышит сыростью, самым видом своим вызывая озноб.

«Курчатов» возникает внезапно, белый, светлый, с широкой алой полосой на закошенной трубе. По дощатому скользкому трапу с поперечными рейками и влажным тросом вместо поручней с рук на руки плывет багаж: рюкзаки, чемоданы, ящики с таинственными надписями и лабораторными номерами, колбы, баллоны, полиэтиленовые бачки.

Грузят весело, суматошно, но споро и с азартом, выполняя привычное дело, не в первый раз отправляясь в путь. Уже входит в силу утро; оставляя бурые проталины, подтаивает непрочный снежок.

«Академик Курчатов» постарел: океан не пощадил судно, и, хотя оно только что вернулось из капитального ремонта, вид его оставляет желать лучшего. По вертолетной палубе не пройти: сложены кучей витки канатов, железо неизвестного назначения.

Плахова с опаской рассматривает этот натюрморт; теперь ей понятно, почему корабль именуется «зоной повышенной опасности».

— Что ж, кораблям дано стареть, как и людям, — произносит она с видимым спокойствием, но лицо ее выражает сомнение, доплывет ли корабль до цели в долгом странствии по океану.

— Мы теперь морские волки, нас на мякине не проведешь! Главное сердце корабля — машины, а не корпус, — назидательно и не совсем уверенно замечаю я. — А двигатели заменены при капитальном ремонте.

Это утешает ее, но ненадолго. И хотя я утверждаю, что судно в хорошем состоянии, команда делает все возможное, чтобы свести на нет мои усилия: подтаскивает невесть откуда все новые ржавые детали, сваливая их в кучу на палубе, призванной отныне стать единственной опорой под ногами над океанскими безднами.

— «Менделеев» все-таки был помоложе!

— Эка беда! Покрасят корпус — будет как новый!

— Ты так думаешь? Но ведь надо иметь что красить.

Судя по рассказам очевидцев, ветеран научного флота «Витязь», много лет верой и правдой послужив науке, истлел до такой степени, что нога, как картон, протыкала палубные ограждения.

— А помнишь публикацию о двенадцатибалльном шторме в Бискайском заливе? Когда танкер пополам переломился?

Разговор приобретает опасный крен, пора переводить его в другое русло. По железной лесенке поднимаемся на верхнюю круглую, как бараний лоб, палубу с вырастающей в центре фок-мачтой; порой кажется, мы вновь на «Менделееве», на том же судне, где уютно поскрипывали на «сачкодроме» шезлонги и ожидали своего часа припорошенные снежком турникет и гири.

На «Курчатове» и в помине нет таких легкомысленных деталей. Похрустывают покрытые копотью сугробы, поручни облепили чайки. Поблескивают круглыми, с искринкой глазами, хлопают крыльями, и кажется, корабль уже отошел от берега и движется вместе с птицами.

Пока еще причал надежным цементным боком подпирает правый бок судна, канаты крепко держатся за чугунные, вросшие в пирс кнехты.

И все-таки земля уже позади: здесь кончается суша и начинается море.

Сегодня — день выхода в море. Целые сутки качали с подошедшей баржи пресную воду. Корабль принимает дизельное топливо. Постепенно нос заправщика задирается все выше, баки его пустеют, зато «Курчатов» погрузил, осел, соединяющий с берегом трап уже не поднимается круто вверх, лежит ниже уровня пирса. Спущен с фок-мачты красный флажок, означающий: «Произвожу

заправку». Теперь на его месте бьется другой — белый с синим квадратом: «Всем быть на борту!»

Не хлопают двери кают, не звучат слова прощания, семьи моряков давно покинули корабль, отбыли и оформляющие отход власти, опустел причал. Лишь две одинокие женские фигурки, прижавшись друг к другу, неприкаянно бродят возле судна, печатая все новые цепочки следов на покрытом снежком бетоне. В порту буйствует ветер, метет поземку, скрежещет железом, наваливается грудью на корабли. Подбежит, наберет силу и снова ударяет в суда, как в крепости, пришвартованные к причалам. Тусклый глазок в кабине крановщика слепнет на поворотах, подмигивает устало, искрится в луче прожектора металл.

Мы еще здесь, в нескольких метрах от берега, но что-то незримое уже отделяет от земли уходящих в рейс... «И провожают пароходы совсем не так, как поезда...»

Пройдут месяцы, прежде чем мы снова увидим этот берег.

Потрескивая, включается спикер. Кого-то приглашают на бак, на мостик, к штурману. Слышны поспешные шаги на верхних палубах. Из тьмы залива, взрывая тупыми носами черную воду, приближаются два буксира с МАЗовскими шинами по бортам. Кто-то, не лишенный юмора, нарек буксирчики «Исполином» и «Богатырем».

— Палубной команде стоять по местам швартовки!

Переговариваются невидимки, радио усиливает голоса.

Кто-то часто повторяет: «Так, ясно...» Плахова интересуется, кому принадлежит голос и что ему ясно.

— Отдать швартовы!

«Исполин» и «Богатырь» вжимаются сплюснутыми носами в обращенный к заливу бок «Курчатова». Смотрю на якорный барабан: давно прокрутился, сделав свое дело, но все еще вьется над ним слабый дымок, пахнет гарью. Буксиры плечом к плечу уже всерьез налегли на судно, между пирсом и нами полоса стылой темной воды.

А ведь все это уже было. Метельная мгла берега, клубящаяся вода, первое осязаемое подрагивание под ногами палубы. На корабле заработала машина. И сразу взбудоражилась вода, гулко зашлепала по каменной стене, затолкались, сшибаясь, льдинки. Пошли своим ходом. Лавируя среди громоздких ящиков с экспедиционным оборудованием,

Плахова устремляется на корму — самую близкую к земле часть корабля.

Меркнут постепенно зыбкие огоньки берега, подсвеченная паром торчит в неуютном небе заводская труба. На палубах суета — убирают, переносят, освобождают. Для нас выход из порта — великое событие, для них — обычная работа.

Празднично сияют огни на корабле. Мы уже в рейсе. На борту научно-исследовательского судна «Академик Курчатов», следующего в Индийский океан, сто сорок пять человек, из них семьдесят шесть — экипаж. Запас дизельного топлива — тысяча триста пятьдесят три тонны, пресной воды — семьсот тонн, продовольствия — на сто суток плавания. Словом, вперед, к жарким странам!

А пока балтийский ветер забирается под воротник, будто вылили за шиворот холодной воды. К чувству радости въедливо присоседилась щемящая тоска: на земле рожденным нелегко покидать сушу.

Селедка и Балтика. В Нильском канале. Кто говорил «ясно». Часослов герцога Беррийского

20 февраля вышли из ворот Калининградского морского канала в Балтийское море. На рейде Балтийск стали на якорь в ожидании представителя Калининградского порта. Снялись с якоря, следуя по Кильскому каналу, курс проложили южнее острова Борнхольм.

Из дневника экспедиции

Плахова

Выход в Балтийское море совпадает с образованием области низкого давления, находимся «в ложбине глубокого полярно-фронтального циклона». Так говорят синоптики. Это значит: дождь со снегом и ветер до пяти баллов. Воздух — минус один, вода — плюс три. За иллюминаторами будто растянуто серое полотно, облегающее бугры и впадины, изредка проплескивают холодные белые гребешки.

«Курчатов» идет по нейтральной зоне за границей польских территориальных вод. Порывами налетает холодный ветер, движемся относительно ровно, но все же временами кладет с боку на бок. В такую погоду «раскрашивать» пейзаж можно лишь мысленно...

- Вот она, свинцово-стальная Балтика!
- Серо-голубая!
- Седая! Жемчужная!
- Ртутно-серебряная! Тускло-перламутровая!

По низкому, тяжелому небу нехотя растекается рассвет. На медленно светлеющем востоке скручиваются спиральками облачка — кажется, мы по ошибке вышли в Ледовитый океан. К железным деталям не прикоснуться, наружные переходы превратились в ледяные катки, скользкие ступени лестниц представляют угрозу, уже есть и жертвы обледенения.

У борта, подняв воротник теплой куртки, Клара Васильевна Войтова, кандидат географических наук, начальник отряда метеорологов. Эта милостивая черноглазая женщина, такая хрупкая на вид, — посредник между нами и циклонами. Именно она обеспечивает экспедицию информацией о погодных условиях.

— И что показывают приборы?

— Пока спокойно. По метеокартам, большой антициклон с холодной ясной погодой не дает атлантическим циклонам проникнуть в Европу. Если повезет, Северное море пройдем «по-тихому».

Однако впереди Бискайский залив. О нем Клара Васильевна ничего утешительного сказать не может: февраль — месяц штормов. Пожимает плечами:

— Перетерпим!

Алексеев, появившись на палубе, чтобы обвинить меня в праздности, прислушивается к разговору. Еще бы, погода — вопрос номер один.

Для человека, ступившего на корабль, неизбежна самопроверка физической приспособляемости — ведь условия резко изменились. Впрочем, опыт показывает: к качке «приспособиться» нельзя, тут уж каждому свое полной мерой.

А рассвет растекается все шире, захватив половину небосвода. Как непохож он, северный, тоскующий по краскам, на торжество цвета в тропиках. Усталый, изнуренный ветрами, с приглушенными переливами бледно-розовых, палевых, тусклых тонов, разбредается по небесам Балтики, течет по корпусу корабля, оставляя сумеречные тени, не смягчая жестких конструкций. Из влажного тумана возникает

идущее встречным курсом судно, проходит совсем близко с непогашенными огнями.

Скользя по палубам, возвращаемся в каюту: пора приступить к благоустройству своего жилища. Кювета невелика, но удобна. Письменный столик, вращающееся кресло, намертво привинченные к полу, именуемому «палубой», одна над другой койки с высокими деревянными бортиками, плоский шкаф, умывальник.

Легче существовать с привычными вещами. Дорожный клетчатый плед скрасит серость обитого дермантином Дивана; на линолеум — верх предусмотрительности — домашний коврик из цигейки, на лампу — пестрый абажур.

— Хотел бы я посмотреть, какие путешествия предпримет твой ковер при шторме, — комментирует Алексеев.

— Скоро построишь: впереди Бискай. Хотя синоптики говорят, что два дня шторма в Бискае сменяются, как по графику, сутками штиля. Вдруг проскочим?

К стенке уже прикинута карта, маршрут пока обозначен лишь точкой возле Калининграда.

Когда мы вновь собирались в экспедицию, друзья пожимали плечами. Не отрицая прелестей морского путешествия, скептики добавляли:

— Еще раз несколько месяцев в океане? Один и тот же пересеченный вантами пейзаж? И притом — зимние шторма?

Относительно штормов разговор особый. Приходится признать: ни подсолненные сухари, ни лимоны не приносят облегчения, что касается прославленного пипольфена — с таким же успехом можно жевать бумагу.

Но терпение, и океан щедро вознаградит за пережитое. «Пейзаж, пересеченный вантами», неисчерпаем. Каждый рассвет в тропиках — премьера, в которую природа вкладывает все свои силы. Самые сложные переходы цвета полны гармонии.

Только что шквальный ветер выталкивал из-за горизонта лиловые тучи, но что-то неуловимо изменилось: тучи ушли, будто распахнулся занавес, открыв промытую голубизну неба. Морщины волн сгладились, опали, океан жадно ловит возвращенный свет, еще неуверенные, необжигающие лучи.

Состояние природы чувствуешь физически, все течет, движется, ежесекундно меняясь, ведь находишься между водой и небом, перемещаясь вместе с кораблем. «Подвижный в подвижном!» — лучше не скажешь.

А закаты! Подготовишься к вечернему этюду, лягут на палитру цветные жгутики красок — все лимонные, пурпурные, оранжевые кадмии, что есть в запасе, — успеть бы!

Но нет. Сдвинулось, ушло за корму пылающее, жгучее, и потекло по остывающему небу тихое невзрачное облако с размытыми, тлеющими по контуру краями. Лишь мчится вдогонку не успевшее погаснуть облачко-последыш косенькой сияющей стрелкой. Солнце валится за горизонт, круглый, аккуратно срезанный по верхушке диск превращается в брызжущую искрами полоску.

Океан тоже погас. Сыто лоснятся волны. Тончайшие рефлексы текут по белому кораблю. Чистая, радостная палитра составлена из нежно-зеленых, розовых, жемчужно-серых, серовато-синих тонов, прозрачные краски как бы впитывают свет.

И все это живописное волшебство вплетено в графический ажур тросов и мачт — вот тебе и «один и тот же пейзаж, пересеченный вантами»! Какой технологии, каким краскам подвластна эта вакханалия света?

Всего одиннадцатью-двенадцатью красками пользовались братья Лимбурги, выполняя миниатюры «Времена года» к Часослову герцога Беррийского. Часослов этот, одетый в великолепный переплет, считался любимой книгой, семейным сокровищем, источником эстетической радости. Ряд содержащихся в нем сведений практического характера по астрономии, астрологии и медицине превращал Часослов в домашнюю энциклопедию, иллюстрированную миниатюрами.

Краски приготавливались самими художниками. Лишь узкий круг лиц знал профессиональную тайну их изготовления, кое-что история донесла и до нас; так, дабы придать краскам светоносную силу и стойкость, их растирали с уксусом, добавляя капли вина и меда. В основе зеленых лежал малахит. Кроме зеленых минерального происхождения существовали и другие, растительные, например более глухой «травяной зеленый». Из диких ирисов добывался таинственно мерцающий лиловый цвет, из древесного сока — розовый.

Нетолченые, без меда и вина, скромно поблескивают в свинцовых тюбиках наши краски, в картонных коробках ждут своего часа — те самые, что верой и правдой служили нам в прошлой экспедиции.

Разбираю, раскладываю по местам вещи, убираю краски в выдвижной ящик. Алексеева же интересует проблема зависимости Северо-Западной Европы от простой селедки. Сообщив мне, что

Амстердам построен на селедочных костях, он под мерное покачивание постигает причину спроса на рыбу в Западной Европе. В средневековье католическая церковь в Европе запрещала есть мясо не только круглый год по пятницам, в канун основных церковных праздников, но и в течение сорока дней великого поста, породив тем самым спрос на рыбу. Мощный Ганзейский союз экспортировал сельдь во все страны Европы. Иссякла сельдь — рухнул Ганзейский союз.

В Балтийском море тоже может иссякнуть жизнь: поверхность его сильно опреснена из-за множества впадающих рек, поэтому тяжелые соленые воды держатся возле дна. Во время частых штормов происходит смещение слоев, так глубинные воды получают кислород для жизни. Вернее, так было. А теперь?

Группой специалистов установлен «диагноз»: полузамкнутые акватории — Северное, Балтийское и Средиземное моря сильно загрязняются. На Балтике и в отдельных районах Северного моря катастрофически сокращаются популяции морских млекопитающих, жизнь гибнет.

Радиоактивные отходы, мусор, сточные воды с высокой концентрацией в них металлов попадают в моря с водами рек.

— А какая глубина Балтики?

— Всего шестьдесят метров.

Сквозь мутное, забрызганное стекло наружной галереи видно, как клюет носом рыбацкое судно, по самые мачты зарываясь в пену. Временами горизонт оказывается выше иллюминатора, и кажется, корабль съезжает с горы.

Алексеев

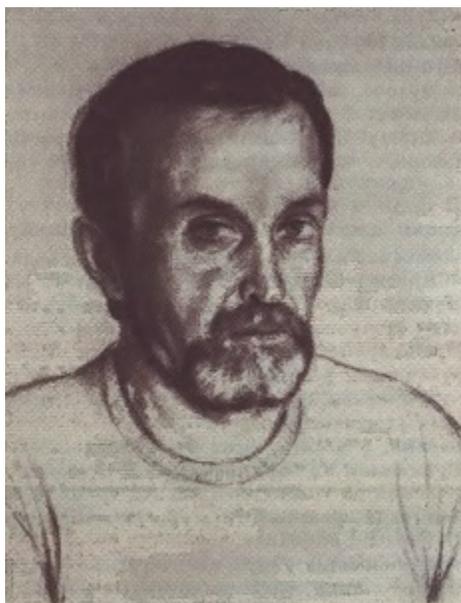
Приближаемся к Килю. На палубах ветер, вода иссечена рябью. Ядовито-зеленые буйки по фарватеру оснащены звуковым сигналом. Покачиваются на взбудораженной воде, издают стонущие звуки, будто, выставив глаза-перископы, переговариваются подводные чудища. Неподалеку, полупогрузившись, разрезает воду подводная лодка, а за ней, как на привязи, сохраняя дистанцию, с полдюжины темно-серых сторожевиков.

21 февраля, в десять часов утра, подходим к маяку Киля и принимаем на борт лоцмана. К створкам шлюзовых сооружений по традиции идем под тремя флагами — нашим, советским, флагом ФРГ и еще вымпелом, означающим: «На корабле лоцман».

Временами кажется: судно идет по земле. Совсем близко аккуратные клинья полей, рассеченные темными полосками лесов, островерхие черепичные крыши коттеджей, шпили соборов. Геометрически спланированные пастбища, ниточки дорог, гигантский макет с вросшими в землю резервуарами горючего, верфями, складами.

«Вошли в Кильскую бухту, ошвартовались в шлюзе Хальтенау. Канал прошли благополучно», — появляется запись в дневнике экспедиции.

День провожу в обживании рабочего места, которое трудно именовать мастерской, остается лишь вспоминать Удобную и просторную, с естественным светом акустическую лабораторию «Менделеева». На «Курчатове» оказывается свободной лишь маленькая комнатка на шлюпочной палубе с единственным иллюминатором, что упирается в лебедку для подъема и спуска глубоководных аппаратов: отныне и на много дней будет виден пейзаж в обрамлении металлических растяжек.

Итак, распаковал ватман; прибил к столу, расширив его, доску, уютно пристроил белый телефон, укрепил мольберт на случай сильной качки, даже проверил, как движутся на кронштейнах лампы. Подготовить рабочее место — не коврик из цигейки постелить. Веду в мастерскую Плахову:

— Видишь, мал золотник, да дорог... Можно по очереди работать. У японцев мини-сады на подоконниках, у нас будет мини-мастерская.

Но соавтор не разделяет моего торжества. Скептический взгляд скользит по стенам и с явным сожалением останавливается на моем лице. Наверное, именно так смотрит охотничий пес на лишнего обоняния охотника.

— А вода?

Воды нет. И как я не заметил такой значительной детали! В помещении отсутствует и намек на воду. Впрочем, намек есть: накрепко запаянная труба сиротливо торчит из стены. Ни кисти помыть, ни руки, ни воды набрать — разве что за бортом. Обнаружив столь существенную брешь в моей деятельности, она продолжает расширять ее до конца. Лампочки исправно ходят на шарнирах, но не подключены к сети. Дверцы навесных полок заклинило, телефонная трубка отвечает на попытки нормального с ней общения лишь пощелкиванием да кряхтеньем. Вскоре оптимизм мой полностью иссякает, а Плахова, завершив разгром и сменив гнев на милость, великодушно сообщает:

— Ладно, не горюй... Зато в море всего три балла!

Ничего не могу возразить против такой странной логики.

Из шлюза в шлюз движется «Курчатов». Идем мимо Киля — центра судостроения, главным образом военного. После второй мировой войны используется как военно-морская база. Именно здесь, в Киле, в ноябре 1918 года началось восстание, вошедшее в историю под названием Кильского. Матросы с корабля «Маркграф» отказались выполнить приказ командования, несмотря на массовые репрессии восстание захватило весь флот, в Киле по примеру Советской власти были созданы советы.

Пахнет весной, весенним неуловимым запахом тянет с подтаявших полей. Под вечер выходим к Эльбе. Не зря считают ее одной из самых больших рек Западной Европы: берегов не видно, гладкая поверхность вод уходит к горизонту. Уровень этой важной водной магистрали подвержен большим колебаниям, связанным с весенними паводками: в реку впадают многочисленные притоки.

На этих погруженных сейчас в тихие сумерки берегах в конце апреля — начале мая 1945 года состоялась капитуляция остатков вооруженных сил фашистской Германии. Здесь, на Эльбе, советские войска встретились с союзными американскими и английскими армиями антигитлеровской коалиции. Но история мало чему научила людей, стремящихся превратить мир в пороховую бочку. И сейчас низко над головой в золотисто-сиреневом вечернем небе с удручающим ревом проносятся истребители.

В одиннадцатом часу ночи фарватер Эльбы остается позади, возле плавмаяка «Эльба-1» «Курчатов» сбавляет ход, высаживая лоцмана. Теперь намеченным курсом идем по Северному морю к Ла-Маншу.

Палуба медленно кренится то в одну, то в другую сторону, над свинцовой поверхностью моря летят, не отражаясь, облака. Пробовал работать, но должно пройти время, пока опять станет привычным ощущение, что пол качается под стулом, а комната-каюта вот-вот готова улечься набок. В поисках устойчивости внезапно пятишься, взмахиваешь руками, словно ловишь воздух, и снова принимаешь сидячее положение.

Ветер усиливается до восьми метров в секунду; как сообщают синоптики, над нами проходит центр антициклона.

Карандаши ползают по столу, акварель произвольно растекается по бумаге, поэтому, отложив кисти, отправляюсь к начальнику экспедиции В. Г. Нейману побеседовать о целях и задачах экспедиции.

— В этом рейсе нас интересует перспектива развития рыбного промысла в открытых частях Мирового океана, — рассказывает Виктор Григорьевич. — Дело в том, что некоторое время назад большинство прибрежных и островных государств объявили о своих исключительных правах на экономическое освоение и научное исследование прилегающих к их границам районов Мирового океана. Таким образом, значительные пространства шельфовой зоны оказались практически закрытыми для рыбного промысла. Богатые

рыбой и другими ценными пищевыми продуктами районы возле берегов Канады, США, стран Северной Европы и Западной Африки стали недоступными для рыбопромыслового флота многих государств, в том числе и Советского Союза.

Возникла необходимость поиска новых промысловых районов, лежащих за пределами запретных зон. По аналогии с известными мелководными банками стали искать рыбу там, где дно поближе к поверхности океана, то есть над подводными хребтами и возвышенностями.

Без научно обоснованного ответа на вопрос, постоянно, периодически или случайно образуются в таких местах скопления рыбы, нельзя рассчитывать на устойчивую перспективу развития рыбного промысла.

Вы спрашиваете, какова цель нашей экспедиции? Собрать материал для решения проблем биологической продуктивности подводных гор Индийского океана. Работать придется в трудных условиях, ведь государства не просто отгородились от океана нейтральными водами — океан, призванный объединять народы и континенты, стал страшен возможностью скрытой угрозы, в напряженной международной обстановке все сложнее проводить научные изыскания.

— Я половину своей жизни провел на море, — скажет потом капитан «Курчатова» Владимир Георгиевич Касаткин. — Ходил в Африку, Канаду, на Шпицберген, плавал в Тихом, Индийском океанах. С той поры многое изменилось, сложно стало работать в территориальных водах. Введено много ограничений, зачастую мешающих маневрированию. Чуть что — штрафы. До пяти, десяти, ста тысяч долларов. Некоторые страны, например, свои «зоны» установили сами, без международной конвенции.

Сидим в капитанской каюте, беседуем за чашкой чая. Капитан, кому отныне вверены наши судьбы, высокий, плотного телосложения, с крупными открытыми чертами лица, — такие люди отличаются трезвым умом и хорошим здоровьем. Поседевшую голову держит прямо, невозмутимые серые глаза смотрят дружелюбно — с таким не пропадешь!

— Я всегда мечтал работать на подобном корабле. «Курчатов» — устойчивый, прекрасный по ходовым качествам корабль. Вот,

например, на большую зыбь, как мы сейчас идем, контейнеровозам попадать не рекомендуется, опасно.

Касаткин работает с научной экспедицией первый раз, недавно принял судно: в Калининград из Финляндии, где «Курчатов» стоял на капитальном ремонте, корабль возвратился лишь 31 декабря.

Нравится капитану «Курчатов», не смущает его солидный возраст судна. Как только разговор касается опасной зыби, Плахова заметно оживляется:

— Владимир Георгиевич! А почему ночью вдруг бросать стало? Шторма вроде не было, а проснулись — все трещит, койка дыбом встает, того и гляди, на полу окажешься. А потом сразу трепка кончилась, как рукой сняло?

— А-а... Это я приказал рули-успокоители включить. Пусть, думаю, люди спокойно доспят, завтрак на камбузе нормально приготовят. Рули-успокоители на корабле — вещь незаменимая! Хотя они и замедляют скорость хода, зато не дают кораблю валиться набок. Вот от килевой качки, к сожалению, не избавляют.

— Объясните, пожалуйста, как они работают?

— Очень просто: из подводной части корпуса выдвигаются четыре крыла, похожие на плавники рыбы. На судне установлены измерители крена, показания их поступают на счетно-решающее устройство, оно и управляет движением подводных крыльев. Стоит судну накрениться, как крылья приходят в движение. Повинуясь сигналам, каждое из них поворачивается на определенный угол, выравнивая корпус.

Встреча наша с капитаном имеет тайную цель, и Плахова уверенно направляет беседу в нужное русло:

— Во время экспедиции в Океанию на «Дмитрии Менделееве» нас, художников, не брали на первые высадки, именуемые «разведкой», бог знает каких усилий стоило нам пробиться на Берег Маклая в Папуа-Новой Гвинее, где лишь восьмерым из ста восьмидесяти человек было разрешено работать в деревне Бонгу, среди папуасов.

А ведь нам быть участниками всех событий просто необходимо!

Касаткин слушает внимательно, постукивая пальцами по кожаному подлокотнику кресла.

— Ясно! — произносит он свое излюбленное словцо и улыбается хорошей улыбкой.

Пару месяцев спустя после ухода из закрытой гавани столицы Маврикия Порт-Луи мы все-таки попадем в настоящий тяжелый шторм. Разгулявшийся ветер, как игрушку, будет укладывать корабль с боку на бок, неподвижные предметы сорвутся с мест. Тогда добродушный взгляд капитана станет стальным и в голосе уже не будет этой раздумчивой мягкости.

Овеянное романтикой моряцкое ремесло — самое древнее на земле, со своими до конца преданными ему рыцарями. Наверное, быть моряком — это знать, что размеренная, спокойная жизнь тебе не дана и ее такой никогда не будет. Для этой категории людей ни с чем не сравнимо счастье, когда литой якорь, громыхнув, уляжется на палубу и впереди по курсу заплещется без конца и края вода.

— Владимир Георгиевич, расскажите, пожалуйста, о себе.

Рассказ капитана Касаткина. В шестнадцать лет я ушел из дому. Работать. Матросом в Калининградский флот. В 1941 году мой отец погиб, мать и сестра ушли на фронт медсестрами.

Сейчас уже полвека прожито. Половину жизни своей учился, половину плавал. Много под парусами ходил, по Северной Атлантике, к Исландии, за Фарерские острова, за Полярным кругом. А в 1952 году пошел матросом на СРТ — тогда еще не было промысловых орудий лова, все приходилось делать вручную. В первый раз в жизни попал в циклон, когда мне семнадцати не было, я на судне практику проходил.

Большой силы был циклон. Мы в центре оказались. В ту ночь в этом районе погибли три советских корабля, двадцать других судов под флагами разных стран исчезли, пропали без вести.

Так вот, циклон вторые сутки держался. Трюмы были наглухо задраены, но все равно туго приходилось. В шестнадцать часов волна разбила радиорубку, унесла за борт боцмана. Судно давно на боку лежало, воду откачивали. Так случилось, что спасательные пояса достать никто не успел: они в затопленных каютах остались. Ветер был сумасшедший — здоровых мужчин с ног сбивало. Многие у нас погибли, меня же и нескольких матросов за борт смыло.

Капитана В. Г. Касаткин

Вода — не более двух градусов. «Холодно» — не то слово. Знали мы: кораблей в этом районе нет, все, кто успел, от циклона ушли, SOS посылать некому, да и радиорубки давно нет. Ну, я кое-как на воде держусь, друг друга в водоворотах почти не видим, помню лишь — паренек один рядом со мной был. Неожиданно нас обоих вал на гребень вскинул, вижу — вроде огонек мелькнул. Сначала решил — показалось, неоткуда здесь кораблю быть. А в голове одна мысль: глубина под нами три тысячи метров, холод ледяной, пена вокруг ревет, под ней и воды не видно.

Знаете, на море такие случаи бывают, порой и поверить трудно. Словом, не привиделся мне огонек, это наше советское судно, тоже СРТ. Не знаю уж, как они к нам подошли, как из воды вытащили. Окоченевших. Без сознания. Робы, что надеты были, заледенели, колом стояли, пришлось их с тела ножами срезать.

Судно, что нас спасло, лазарета не имело. Условий никаких. На одну койку нас по двое положили, чтобы друг друга грели. И что самое удивительное, когда отогрели, пересчитали, до фамилий дело дошло... Знаете, что оказалось? Брат мой родной на этом СРТ плавал. Это он в

ту ночь на вахте стоял и знать не знал, что меня спасали. Мне, конечно, трудно рассказать, как мы потом встретились.

Плахова не умеет держать паузу и не выдерживает:

— И что потом было?

— Выжил. На землю вернулся. Стал дальше учиться, практику на море проходить...

— И это после того, что случилось?

— А что особенного, любил я эту профессию. С тех пор многое минуло, на танкерах пришлось ходить, на плавбазах. Сейчас главным качеством моряка должна быть грамотность, сложнее на море стало. Флот вырос, тоннаж увеличился, да и скорости не те. Теперь наша работа требует большого напряжения, больших знаний. Хотите знать, в чем сейчас главная беда? Часто приходится встречаться с безграмотно действующими судами, это самая большая в море опасность. Причина? Не во всех странах звание «командир корабля» присваивается добросовестно, отсюда и результат. Конечно, тяжело плавать, только я себе другой работы не представляю.

— Так вот, — задумчиво продолжает Владимир Георгиевич. — Я еще в детстве дал себе клятву: буду капитаном. Если на корабле воспитать людей не смогу, значит, сам виноват, сам все делать буду, а с палубы не уйду. И произошел со мной такой случай.

Шли мы на корабле «Карл Линней», приписанном к Калининградскому пароходству, с восемнадцатью тысячами тонн водоизмещением. Раньше этот корабль назывался «Кавказские горы». Стали Вискай проходить, в одну сторону прошли хорошо. А у моряков примета такая есть: если Бискай в одну сторону нормально пропустит, обязательно дождетя и на обратном пути прихватит. Взяли мы в Южной Африке большой палубный груз, домой идем осенними штормами. Я приказал хорошо раскрепить груз, но чувствую, у команды ощущение безопасности возникло, и такое в нашем деле случается.

С палубы не уходил, сам все проверял, кое-где переделать заставил. И что же? В Бискае такой шторм пошел, из рубки смотреть страшно было. Волны по всей палубе гуляют, груза нашего под водой и вовсе не видно. Плохо было бы, если как следует не раскрепили бы.

Из всего рассказа Касаткина Плахова улавливает лишь деталь о волнах, что в Бискае гуляют по палубам, ибо именно в этой точке

рассказа взгляд ее тоскливо устремляется в широкое скошенное окно, выходящее на бак. Обзор лучше некуда, видно сквозь водяную пыль, как вспухают, вздуваются, катят и опадают горбатые серые бугры.

А я смотрю на капитанский стол, где под стеклом большая фотография: красавец морячок в бескозырке, молодой Владимир Георгиевич, черноусый, без седины.

— Да-да. Это мой сын, тоже моряк. Сейчас Калининградскую мореходку заканчивает. Капитаном хочет быть. Ясно!

Так вот чье любимое словечко повторяет спикер. Значит, все-таки романтика моря сильнее штормов!

**О клепсидре.
Идем Ла-Маншем.
Мешок бурь и колокол рока.
«Алло, Наталья!»**

Плахова

— Ты только послушай, как звучит это слово: клеп-сид-ра! Тебе известно, что оно значит?

Возвратившись из конференц-зала, где сосредоточена научная литература, Алексеев всегда задает вопросы. Но и я бываю в конференц-зале.

— Водяные часы древних греков, причем для различных целей — от домашнего использования до измерения пульса. Клепсидра — закрытый сосуд овальной формы с мельчайшими отверстиями в дне: просачивается сквозь сито вода, измеряется время наполнения сосуда.

— Тогда скажи, как использовали клепсидру в комедиях Аристофана для «регламента»?

Этого я не знаю.

— Вот видишь, ты всегда читаешь поверхностно! Еще Платон устраивал из водяных часов будильник, чтобы по утрам созывать учеников на занятия. Однажды оратор Демосфен обвинил сторожа в «краже воды», а в другом случае потребовал «остановить воду», когда его прервали.

Каких только способов не придумывали люди, чтобы измерить время. Часы солнечные, звездные и водяные, часы огненные и песочные неумолимо и бесстрастно умеют отсчитывать минуты, в том числе растраченные по пустякам. Здесь, на корабле, особый смысл приобретает выражение «сколько воды утекло с тех пор». И днем и ночью, в любое время суток бежит за кормой пеннистая дорога — недолговечный росчерк корабля в океане.

Удивительно быстро летит время в экспедиции: каждый день, каждый час приносит новое, держит в состоянии лихорадочной готовности.

Понятие «работа художника» на борту корабля теряет привычный и обретает новый, продиктованный условиями и обстоятельствами смысл. Иногда, в качку, доберешься «до дела», потянешься к холстам, да и уйдешь ни с чем в каюту, на койку. Много и других «невидимых миру слез».

У художников существует выражение «вжиться в пейзаж», дать возможность акклиматизироваться глазу и чувству. Где уж тут «вживаться»! На голову обрушивается смена полушарий, Северное переходит в Южное, зимние метели — в тропические широты с их одуряющей духотой и влажностью. От жары меняется даже качество красок. Переносит тебя по земному шару от страны к стране, от континента к континенту.

Однако физическое самочувствие и калейдоскоп широт не главное, именно к этому легче всего приспособиться, «перетерпеть» жару и тяготы тропиков. Главная сложность заключена в том, что сама обстановка заставляет работать по-иному, по-новому, и это «новое» еще не стало своим, органичным, ему еще не доверяешь, должно пройти время, пока слетит шелуха, исчезнут привычные штампы.

Иногда работа сродни эксперименту: каким материалом, в какой технике, в какой фактуре передать динамику окружающей среды, экспрессивность шторма, мощь грозы в открытом океане или нежно-пастельную мягкость, идиллический покой штиля.

К слову сказать, иногда «открытия» происходят случайно, сама судьба вкладывает в руки ключ к решению проблем. Помнится, еще в экспедиции в Океанию нас изрядно мучили свежезаписанные холсты, что при малейшей качке так и норовили шлепнуться друг на друга или

на пол по закону падающего бутерброда — именно покрытой краской стороной.

Однажды по свойственной ей рассеянности довелось Плаховой выдавить на палитру вместо масляных белил тюбик ацетатной белой темперы. И что же? Замешенные на вязкой массе, в считанные часы высохли масляные краски, проблема «сохнувших холстов» перестала существовать и отравлять жизнь.

Ко многому приходится приспособливаться в океане. Хочется работать точно и просто, отдавая дань естественной репортажности (ибо события подталкивают и торопят), и в то же время осмыслить виденное, не просто показать, но и рассказать. Ведь живопись, как и наука, входит составной частью в единый процесс познания мира: ученый всматривается в океан, чтобы разгадать его биологические тайны, художник — тайны его красоты. Настоящее где-то близко, рядом, и, чем труднее, тем больше ощущаешь сил, о которых и не подозревал.

Еще раз на час переведены стрелки судовых часов. «Академик Курчатов» проходит самое узкое место Ла-Манша. Слева — туманные берега Франции, справа, как мираж, белеют меловые скалы Дувра. Тяжелый, многоэтажный паром утюжит пролив.

Не так давно водолазы обнаружили здесь останки неизвестного судна; в разрушенном остове сохранился кованый сундук, а в нем — серебряная медаль, отчеканенная в 1740 году в Гааге. Если верить надписи на медали, Гуттенберг вовсе не был изобретателем первого печатного станка: на одной стороне медали выбито «Гуттенберг из Майнца», на другой — текст, из которого следует, что первый станок для печатания книг изготовил в 1440 году некто Лоренцо Костер из

Нидерландов. Медаль выбита по случаю... трехсотлетия этого события!

Пролив Ла-Манш издавна служил своеобразной ареной для желающих совершить подвиг. Пересекали его на бочках, пускались вплавь, перелетали на воздушном шаре, опускались на дно.

В 1588 году сто тридцать тяжелых кораблей и множество вспомогательных суденышек «Непобедимой Армады» испанского флота вошли в воды Ла-Манша: Англия, владычица морей, мешала испанцам спокойно вывозить серебро и золото. Англичане успешно атаковали испанцев и, потопив несколько кораблей, скрылись, вынудив суда «Непобедимой Армады» уйти на ночь к французскому берегу и стать на рейде города Кале.

Глубокой ночью английские пираты под предводительством Фрэнсиса Дрейка вновь напали на испанцев. Специально оснащенные суда-поджигатели вызвали многочисленные пожары. Согласно молве, наутро Фрэнсис Дрейк послал лорду Адмиралтейства следующее донесение: «Мы их порядочно пощипали, а остатки развеяли по всем румбам».

Два столетия спустя, в октябре 1805 года, английский флот встретился в Ла-Манше с объединенной франкоиспанской эскадрой. В знаменитом бою у Трафальгара был убит адмирал Нельсон. Бой тем не менее закончился полным разгромом наполеоновского флота, английским же матросам приказано было носить свободно завязанные черные галстуки в знак траура по адмиралу. Носят их и по сей день.

Из рубки, где готовится приступить к дежурству штурман Валихов, пролив Ла-Манш похож на забитый судами коридор.

— Тесно в наши дни кораблям в Ла-Манше, — говорит штурман. — Велика опасность столкновений, особенно ночами при частых туманах. К тому же в Ла-Манше очень высоки приливы. Вы слышали о маленьком заливе Лайм на английском побережье? Там во время прилива вода поднимается на целых четырнадцать с половиной метров, а на французском берегу, у городка Гранвиль, — даже на пятнадцать. Для предотвращения опасности столкновений на кораблях ставят навигационные радары: они определяют направление и расстояние до ближайших объектов.

— И радар гарантирует безопасность?

— Не всегда. Радар может не дать наглядного представления о грозящей беде, ни тем более о том, как ее избежать. Зато одна из французских фирм выпустила недавно прибор «Орион» — его можно подключать к радару. С помощью «Ориона» штурман видит на экране положение всех судов в пределах действия радара, а главное — в центре экрана прибор самостоятельно вычерчивает зону, в которой судно может оказаться в течение ближайших минут, если осуществит маневр без изменения скорости. Может быть, я непонятно излагаю? Короче говоря, прибор сам обозначает секторы опасности, да еще окрашивает их разными цветами, указывая место, где могут оказаться другие суда. Штурману ясно, как надо изменить курс, как вести судно, чтобы избежать столкновения.

Чего ясней! Валихов молод, подтянут. Удивительно ладно сидит на моряках форма. Когда капитана нет в рубке, всю ответственность за курс принимает штурман. Рубка похожа на оснащенный сложными приборами цех современного завода, две боковые двери ведут на мостик, третья — в большой рабочий кабинет.

Валихов терпеливо разъясняет, что такое лаг, гирокомпас, пытается объяснить, как определить местонахождение судна. В его изложении все предельно понятно и просто, но не хотела бы я плыть на корабле, чье местонахождение определяю самостоятельно.

— А скажите, Ла-Манш всегда так спокоен?

— Нет, что вы. Узость пролива не мешает штормам бушевать, скорее наоборот. Поучительная история произошла с идущим под либерийским флагом танкером «Амоко Кадис». Судно принадлежало одной американской компании и шло из Персидского залива в Роттердам с полными танками нефти. Лебедка одного из якорей была в неисправности, но капитан вышел в море. При входе в Ла-Манш судно потеряло управление и запросило помощи. Поблизости находилось спасательное западногерманское судно «Пасифик» — выйди оно немедленно, одна из самых страшных катастроф века была бы предупреждена.

Капитан «Пасифика» для получения инструкций решил связаться по радио с начальством. Когда наконец из Гамбурга пришел ответ, в Ла-Манше бушевал шторм, и танкер с единственным якорем стало сносить к берегу.

Взяв «Амоко Кадис» на буксир и пользуясь безвыходным положением танкера, «Пасифик» запросил с терпящих бедствие изрядное вознаграждение. Торг длился несколько часов. На маломощном «Пасифике» один за другим стали лопаться буксирные тросы, связывающие его с танкером. Обреченный «Амоко Кадис» штормом был вынесен на берег и посажен на камни.

Машинное отделение затопила вода, экипаж по сигналу сняли вертолетами. К рассвету корпус танкера переломился пополам, и двести двадцать тысяч тонн нефти вылилось в прибрежные воды Франции. Впоследствии выяснилось, что спасательная компания могла направить в район бедствия и другое, более мощное судно, но «Пасифик» отправился в одиночку — ведь речь шла о вознаграждении.

— А какая сумма была затребована за спасение?

— Два миллиона долларов. Так что не думайте, что в Ла-Манше не бывает штормов: в тысяча девятьсот двадцать девятом году целых четыре дня бушевал двенадцатибальный шторм, в первые же сутки у берегов Англии был перевернут пароход «Дункан», в волнах Ла-Манша затонули со всем экипажем два парохода водоизмещением пять тысяч и восемь тысяч тонн, погибли английский пароход «Волумния» и несколько десятков небольших судов.

На этом беседа обрывается, и работники несмежной профессии покидают рубку, ибо штурман приступает к дежурству.

23 февраля, в 14 часов 51 минуту по судовому времени, благополучно выходим из Ла-Манша, подсчитав самостоятельно: за сутки «Академиком Курчатовым» пройдено триста восемьдесят морских миль, что означает более семисот километров. Теперь наш путь от Калининграда — черточка на карте в полтора сантиметра длиной.

Спустя несколько часов через Па-де-Кале судно выходит в Атлантику. Зеленовато-серая вода постепенно приобретает все более голубой, серебристого оттенка цвет. Изменилась и форма волн — острровершие, с глубокими короткими ложбинами, идут почти без интервалов.

Все ближе Бискай, «мешок бурь», соперничать в недоброй славе с которым может лишь Бермудский треугольник, капитаны всех эпох, от парусных судов до современных лайнеров, знали: штормовая волна в

Бискайском заливе при северных и северо-западных ветрах значительно круче океанской и потому опаснее.

Не так давно в прессе был опубликован рассказ капитана Домолего о переходе вверенного ему советского судна через Бискай: «Остались позади Африканский континент и вместе с ним беззаботный штиль. На траверзе Гибралтара началась болтанка, а затем шторм. Из Северо-Западной Атлантики смещался навстречу нам центр мощного циклона, чтобы на своем излюбленном полигоне устроить очередной экзамен кораблю и людям. К ночи ветер достиг ураганной силы, а высота вала — пятнадцати метров. Скорость сбавили до двух узлов.

На судне никто не спал, даже свободные от вахты: разве уснешь, когда стена воды с пятиэтажный дом бьет по корпусу? Двенадцать часов продолжалось это единоборство...»

Верьте, верьте приметам, особенно находясь на корабле! Ведь, как правило, никогда не случается то, чего боишься, каждый знает: взятый из дома зонтик гарантирует от дождя! Перед выходом в Бискайский залив закрепили все, что можно крепить в каюте, убрали способное падать и разбиваться, закрутили до отказа болты иллюминатора, заготовили бесполезный пипольфен и лимоны — ждем своего часа.

А он не наступает вовсе.

Ни бури, ни циклона, ни заваливающего штормика. «Курчатов» успевает проскочить между фронтом циклона и антициклона; как говорит Клара Войтова, «прошли по гребешку», «25 февраля завершили переход через Бискайский залив при относительно хорошей погоде», как зафиксировано в дневнике экспедиции.

«Относительно хорошая погода» — это если тебя не переворачивает вверх ногами, а лишь кидает из стороны в сторону и моросит мелкий дождь, покрывая сеткой пятибалльные волны. Однако, если ожидаешь худшего, всякая мелочь вроде уходящей из-под ног палубы не имеет значения.

К. В. Войтова

К вечеру облачность разрывается. Среди мятых, хлопьями взбитых облаков показывается и прячется луна. Жемчужно-серые тени бегут по кораблю, прозрачные и легкие, не подчеркивают рельефа. Бархатно-густые, без лунного блеска воды колышутся тяжелой массой. Горизонта нет, граница неба и моря обозначена лишь одинаковыми огоньками идущих встречным курсом кораблей. Идем тихим ходом, отбрасывая на две стороны пенистые горы.

Слева и справа от корабля бегут они, растягиваясь бурлящими полосами в ореоле бледно-бирюзовых пузырьков воздуха, и теплый свет иллюминаторов ложится на воду золотым кружевом.

Западная часть Европы пройдена. Впереди Гибралтар и Средиземное море. День окончен. Собираюсь в столовую команды — на очередной фильм, в «кинозал», где с потолка съезжает экраншторка. Алексеев откладывает фломастер и впивается в меня удивленным взглядом:

- Куда? Ведь ты в Бискае умирать собралась?
- А уж это как-нибудь в другой раз!

К вечеру входим в зону штиля. Вволю нагулявшись по просторам Атлантики, медленно катятся волны. Если взглянуть на карту, пролив Гибралтар узок и длинен, с севера на юг врезается в Средиземное море. Пролив неширок, всего шестнадцать километров разделяют два мыса — марокканский Сирее и испанский Марокки. До двухсот судов проходит здесь в течение дня, в любое время суток с десятков кораблей одновременно шествует проливом. Узкий фарватер считается опасным; во избежание столкновений установлен строгий порядок: заход в Средиземное море — вдоль южного побережья, выход — вдоль северного.

Сегодня появляется счастливая возможность поговорить с Москвой.

— Алло! Это ты, Наталья?

Только находясь между водой и небом, можно в полной мере понять, что значит услышать голоса из Москвы: возможность эта кажется фантастической.

Мир оплетен линиями, круглые сутки снуют по ним точки и тире — корабли, как и люди, общаются друг с другом, разговаривая с помощью радио. Здравуются или прощаются, расходясь в разные стороны, обмениваются запасными частями, продуктами, киноплёнками, помогают в беде, передают новости — ведь едва родившись, они сразу покидают землю.

Радиотелефонный разговор с близкими, чьи голоса, смещенные помехами и расстоянием, пробиваются на корабль, остается чудом.

Плахова никак не может привыкнуть к «методу» радиоразговора, вероятно, потому, что он, как таковой, несвойствен ее натуре: ведь сначала, нажав кнопку, нужно терпеливо выслушать собеседника и лишь новым нажатием переключить на себя.

— Прием! Говорите! — И говорить будет тот, кто раньше мог лишь слушать.

Очень полезная методика обязывает уметь молчать и четко формулировать вопросы, на которые жаждешь получить ответ.

— Алло! Наталья!

Сидим в радиорубке, ожидаем Москву. На двери плакат-предупреждение: «Посетители, не засовывайте руки в аппараты!»

Тексту сопутствует рисунок, выполненный корабельными умельцами: сизо-лиловый человечек излучает пронизывающие его токи — радист Иван Иванович Коси-нов не лишен юмора.

Уже пятнадцать лет работает он на корабле «Академик Курчатов». Подвижный, черноволосый, четкий в движениях, он кажется моложе, чем есть, и я попадаю впросак.

— А не тяжело столько лет плавать? От семьи вдалеке, ведь у вас, наверное, есть дети?

— А как же! Двойняшки они у меня.

Вот как. Живут, значит, где-то на земле симпатичные двойняшки, темноглазые, как отец, с любопытными детскими мордашками.

— Сыну моему двадцать исполнилось, дочери, естественно, столько же. Сын в Высшем инженерно-техническом учится, дочка — на юридическом. Вот и я тоже учусь, — улыбается Иван Иванович. — Конечно, заочно, в Высшем инженерно-мореходном училище, я ведь лишь радиотехническое мореходное училище кончал, а до этого все время в море был — на «рыбаках» плавал. И сам, бывало, тонул, и других спасал.

Художников радист еще приемлет, а вот журналистов терпеть не может.

— Что так?

— Да, знаете... Как-то над Калининградом пронесся ураган, аппаратуру повредил, я тогда ремонтировал радиопередатчик...

Словом, пришли журналисты. Двое. Им порекомендовали побеседовать с радистом. Он и не беседовал вовсе — некогда было, на вопросы, конечно, отвечал вежливо, но был занят другим, более важным делом.

— Ну, они вроде посидели, поморились малость и пошли. А наутро в калининградской газете большая статья — откуда что взялось. И все обо мне. Перед людьми неудобно было, будто я в такое время о себе рассказывал.

В радиорубке каждого морского судна обязательно висят большие настенные часы с белым циферблатом. Поперек циферблата наклеена узкая бумажная полоска, по неписаному закону моря эта полоска закрывает несколько минутных делений: как только стрелки часов приближаются к ней, радиостанции всех судов мира замолкают. Все разговоры прерываются: радисты слушают эфир. Дважды в течение

часа, с пятнадцатой по восемнадцатую минуту и с сорок пятой по сорок восьмую, — всего сорок восемь раз в сутки корабли во всех морях и океанах слушают, не зазвучит ли на частоте пятьсот килогерц призыв о помощи. Международный закон моряков разрешает в эти минуты посылать в эфир лишь один сигнал — SOS. Save our souls (Спасите наши души) — международный сигнал бедствия. Любое находящееся поблизости судно спешит на помощь тем, кто ее просит.

Каждый миг времени в водах Мирового океана находится до сорока тысяч различных судов, и, хотя сегодня моря бороздят не утлые суденышки, а металлические гиганты, оснащенные надежной связью и мощными противопожарными средствами, три точки, три тире, три точки продолжают ежедневно звучать в эфире. Каждый день, каждый час что-нибудь случается.

Не так давно индонезийское грузовое судно «Джелатин» водоизмещением шесть тысяч двести тонн было сорвано ураганом с гребня огромной волны и... заброшено на берег в семнадцати метрах от водяной кромки! Кстати, никто из команды не пострадал.

В 1970 году в Мировом океане находилось около пятидесяти пяти тысяч судов, триста пятьдесят два из них не вернулись в гавань. За первые девять месяцев 1976 года затонуло тринадцать танкеров, за тот же период зарегистрировано шестьсот четыре крупные аварии танкеров, в том числе десять столкновений и пятьдесят пожаров на борту. Ежегодно в результате кораблекрушений погибает около двух тысяч человек, правда, цифра эта значительно ниже числа жертв автомобильного транспорта.

Говорят, в старые времена на каждом корабле жил свой добрый дух, покровитель моряков и судна, но и он был бессилен перед сюрпризами океана. Сюрпризов же предостаточно. Не так давно, в 1977 году, в одном из районов Тихого океана, знаменитом таинственными исчезновениями судов, неподалеку от японского острова Огасавара, был обнаружен водоворот радиусом до ста километров. К поверхности океана поднимается он с глубины пять тысяч метров, удивляя более чем странным поведением: через каждые сто дней направление вращения воды меняется на противоположное.

В Лондоне, в одном из залов английской страховой компании «Ллойд», висит бронзовый «колокол рока», поднятый с затонувшего клипера «Лютин». Каждый раз, когда в здание на берегу Темзы

поступает сообщение о гибели судна, облаченный в старинную форму служащий отбивает удары. Один — извещает, что застрахованное «Ллойдом» судно не прибыло в порт назначения. Два удара в колокол означает, что не подававший о себе вестей корабль нашелся. Три удара звучат как похоронный звон — с этого момента судно считается пропавшим без вести.

Простая чашка кофе родила крупнейшую в мире страховую компанию: основатель ее Эдвард Ллойд до 1716 года был содержанием кофейни. В сейфах компании хранятся толстые тома: «Книга кораблекрушений», «Затонувшие в море», «Сгоревшие», «Взорвавшиеся», «Погибли в результате столкновений», «Погибшие на мели». Печальный этот перечень оказался бы еще обширнее, если бы кто-то вернулся с пропавшего без вести корабля, поведав о причинах его гибели. Ведь иногда суда терпят бедствие столь быстро, что не успевают подать в эфир радиосигнал, не успевают спустить шлюпки.

Уже целый час сидим в радиорубке. Посвистывает морзянка, слышны обрывки чужих разговоров, прорываясь сквозь помехи, кто-то помнит, скучает, радуется, ждет, волнуется...

— Конечно, моя работа трудная, — говорит Иван Иванович, — но, знаете, я всегда радуюсь, когда вижу, что человек уходит из радиорубки каким-то другим, просветленным, что ли.

Позже, когда рейс подойдет к концу, будет произведен подсчет: через радиорубку корабля передано две тысячи триста радиограмм, принято радиограмм частных и служебных две тысячи семьсот, проведено триста пятьдесят радиотелефонных сеансов связи.

— Алло, Наталья! Молчи и слушай, сначала буду говорить я. У нас все нормально, прошли Бискай, идем к Гибралтару. Что у вас? Как Алиса? Прием...

Нажато, что положено нажимать, и трубка возвращает Натальин голос, сообщая, что дома все в порядке и двухмесячная Алиса шлет самый нежный привет.

Перекресток по пути из Европы в Азию, Ворота Средиземноморья в Атлантику, Геркулесовы столбы, Скала — таковы присвоенные Гибралтару титулы. Пролив неширок, поэтому особую опасность для судов представляет интенсивное движение паромов «Европа — Африка».

Испания и Марокко, претендуя каждая на двенадцать миль территориальных вод, фактически разделили Гибралтарский пролив пополам, хотя на Женевской конференции ООН по морскому праву 1958 года принята специальная конвенция, предусматривающая свободу открытого моря — мирный проход судов через иностранные территориальные воды.

— Какой же проход считается «мирным»? — спрашиваю у появившегося на палубе капитана Касаткина.

— Если он не наносит ущерба безопасности прибрежного государства, — отвечает Владимир Георгиевич. — Субмарины должны проходить пролив в надводном положении, с поднятым флагом. Однако командиры подводных лодок не всегда придерживаются этого правила; США, например, считают середину Гибралтара открытым морем и проводят свои подводные лодки в погруженном состоянии. Их военные самолеты систематически пересекают воздушное пространство именно по этому «коридору»; вопреки протестам правительств Испании и Марокко американцы в семьдесят третьем году осуществляли военные поставки Израилю. Сегодня, как и столетия назад, Гибралтар остается предметом политических разногласий.

Мореходы издавна не дерзали пускаться в путь далее Геркулесовых столбов. В 711 году мавры вторглись в Испанию из Африки и построили у подножия скалы крепость, названную по имени мавританского вождя Тарика ибн Саида Джебель ат-Тарика и превратившуюся постепенно в Джибралтар, а позже в Гибралтар.

В конце XVIII века испанцы начали «великую осаду» Гибралтара, чтобы заставить уйти обосновавшихся там англичан. К несчастью для англичан, шестнадцать из двадцати кораблей с провизией для осажденных были отнесены от берега ураганом. Подобные ураганы нередки в этом районе: в 1891 году налетевший шторм непосредственно в гавани швырнул пароход «Утопия» на бронированное английское судно, из-за бури и невозможности организовать спасательные работы погибло пятьсот пятьдесят человек, находившихся на судне.

Плавание через пролив делают опасным не только частые туманы и приливы, но и сильные поверхностные течения, а также восточные и западные ветры. Неудивительно, что Гибралтар приобрел печальную славу места многочисленных кораблекрушений.

Прибрежные страны серьезно обеспокоены возможностью аварий нефтеналивных танкеров, так как проливом идут крупные партии нефти из стран Персидского залива, из Ливии и Алжира. За один лишь 1982 год по Гибралтарскому проливу было перевезено около пятидесяти миллионов тонн сырой нефти.

Странный город на шести квадратных километрах суши. Герб Гибралтара — замок и ключ, может быть, потому, что на протяжении столетий подбирают к нему «ключи» различные государства.

В 1713 году Утрехтский договор закрепил Гибралтар за Великобританией, однако конфликт остается не решенным и в наши дни. На рейде военной базы порта стоят эсминцы, наготове ракетные установки, в недрах пещер — железобетонные сооружения. Да и сама скала оделась в панцирь, значительная часть ее поверхности покрыта оцинкованным железом для сбора питьевой воды.

Неприступная с севера и востока гора лишь к западу имеет пологий склон.

Уже давно стою на палубе в светлом кружке дежурной лампы, бак в полной темноте, выключены все источники света, что мешают работающим в рубке.

Черненым серебром поблескивают волны, где-то неподалеку, невидимый, спит удивительный город. Воображение рисует сбегające вниз террасы древней крепостной стены, строения смешанной испанской, мавританской и гинуэзской архитектуры, узкие, похожие на тоннель улочки в скалах.

Насвистывая, деловым шагом спешит куда-то штурман Валихов.

— Скажите, это огоньки Гибралтара?

— Это огоньки проходящих судов. А Гибралтар прошли уже. Час назад.

«26 февраля, в 01.00, прошли Гибралтарский пролив и вошли в Средиземное море» — из дневника экспедиции.

Так, выйдя из каюты в Атлантике, возвращаюсь назад уже в Средиземном море.

**Средиземное море.
О чудесах и лунной радуге.
«Этого не может быть, потому что не
может быть никогда».
Где она, Атлантида?**

Плахова

Идем Средиземным морем.

С утра погода одаряет мир ярким солнцем и голубыми водами. Кое-кто, поспешно сбросив рубашки, подставляет лучам белые спины. Но радость длится недолго: небо хмурится, тучи скрывают солнце, и корабль вновь начинает ложиться с боку на бок.

Алексеев работает на палубе, «примеряется» к портрету доктора биологических наук Бельковича. Всеволод Михайлович возглавляет группу биоакустики и представляет на корабле дельфиньи интересы. Он уже основательно загорел, округленностью черт лица похож на Ломоносова. Высок, представительен, мягок, чуть ироничен, интересуется искусством. Алексеев полагает, что Белькович похож на римских философов и ему очень пошла бы тога. Но тоги нет. Всеволод Михайлович в обычной клетчатой ковбойке, рассказывает о работе своего отряда:

— Задача наша — выяснить численность китообразных в районе Индийского океана, ведь подобные данные фактически отсутствуют.

— И в чем причина?

— Видите ли, район этот никогда не был промысловым. Цель нашей группы — изучение дельфинов.

— Я надеюсь, вы не собираетесь их ловить и убивать?

После моего вопроса наступает пауза, но Белькович интеллигентный человек, поэтому ограничивается удивленным взглядом и вежливо отвечает:

— Нет, нет, с чего вы взяли? Работу моей группы можно назвать «пассивной», задача наша — получить сравнительные данные поведения дельфинов. Сложность в том, что шумы корабля заглушают голоса моря, в том числе и дельфиньи. По методике акустических исследований нам придется уходить от судна на шлюпке, чтобы избавиться от шума его двигателей: ведь корабль — это большая мембрана.

— Надо признать, — продолжает Белькович, — мы еще очень мало знаем океан. Однажды в шестьдесят пятом году капитан ледокола заметил в воде странное существо с длинной, почти семиметровой шеей и дал указание подойти поближе, но животное нырнуло и скрылось. Его стали преследовать со скоростью тридцать узлов, но так и не могли догнать.

— И как такому капитану ледокол доверили!

— Это почему же?

— Не мог догадаться фотографию сделать — в документальном веке живем, словам никто не верит.

— И верно, — задумчиво говорит Белькович, непонятно только, признает ли он недогадливость капитана или согласен с торжеством документа. — А вы знаете, этот капитан сказал мне, что фотоаппарат под рукой лежал. Все так поражены были увиденным, что в первую секунду никто не догадался его использовать, а позже преследуемое животное скрылось под водой.

В мастерской Алексеев обвиняет меня в бестактности:

— Ты что, не веришь, что природа не торопится открывать свои тайны? Почему бы не быть в Ледовитом океане такому чудовищу? А что ты скажешь насчет озера Рейстрек? В Калифорнии, в ложе пересохшего озера, камни не желают лежать как им положено, а самостоятельно двигаются, на это указывают следы на песчаном дне. Обломки до пятнадцати килограммов весом пускаются в путь,

преодолевая расстояния в десятки метров! Ученые до сих пор не нашли объяснения этому феномену! Сначала предполагали, что влага, оседая на песке, играет роль смазки, то есть камни передвигает ветер. Только потом обнаружили, что камни путешествуют в противоположном ветру направлении! Ну, что ты на это скажешь?

— Ничего не скажу. Камни камнями, но Лох-Несси из Ледовитого океана...

— Ах так! А как ты объяснишь, что в черепах людей эпохи мезолита и неолита находили следы прижизненно выполненных трепанаций с полным или частичным заживлением?

Мне ничего не приходится объяснять, ибо в мастерскую заходит «на огонек» Нелли Константиновна Калинина, инженер-оптик, и Алексеев подучает поддержку.

— Вполне могло быть такое животное, моряки парусных судов не раз сообщали о гигантских кальмарах и невиданных морских змеях, — подключается новый собеседник. — К сожалению, все непонятное принято считать оптическим обманом. Лично со мной такой случай был. В одной из экспедиций в ясную лунную ночь я вышла на верхнюю палубу и вдруг четко увидела на небе лунную радугу. Побежала в лабораторию, где работал авторитетный ученый, рассказываю, что видела... «Вы этого не могли видеть, потому что этого не могло быть!» — довольно резко возразил он, но все-таки пошел со мной. Как всегда происходит в подобных случаях, необычная радуга исчезла. На лице ученого появилась скептическая улыбка, но тут на небе вновь вспыхнула и заискрилась световая дуга — «лунная радуга», иначе не назовешь. Так я убедилась, что надо верить в загадочные явления, даже если они не подкреплены документами!

Бывают же такие совпадения! Вручаю Нелли Константиновне воспоминания участника экспедиции на французском научно-исследовательском судне «Калипсо» Джемса Дагена, отчеркнув ногтем нужную страницу. «Как-то вечером мы бродили, любуясь огнями "Калипсо", которое качалось на волнах за барьерным рифом. Вдруг позади нас из моря выскочила луна и озарила летучее облако. В небе над кораблем вспыхнула белая лунная радуга! Ее было видно отчетливо, а если прищуриться, можно различить цвета. До тех пор никто из нас не слышал про лунные радуги, не говоря уже о том, чтобы

их видеть!» И лунная радуга Нелли Калининой окончательно получает право на существование.

Месяц спустя, когда «Курчатов» будет работать в юго-западной части Индийского океана, сама жизнь заставит меня признать, что излюбленный скептиками девиз: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда» — несостоятелен.

После ужина в столовой команды демонстрировался очередной, десятилетней давности фильм. Иллюминаторы были не зашторены: над океаном уже лежала непроглядная тьма. Неожиданно ослепительно холодное сияние вспыхнуло подле корабля. Проникнув в помещение, голубоватый свет залил экран, мгновенно смыв с него изображение. Светящийся бело-голубой шар висел над океаном.

Перепрыгивая через железные ступеньки лестниц, «зрители» бросились на палубы. В мертвенно-серебристом свете лица казались зеленоватыми, как сквозь толщу воды. «Оно» пульсировало, не двигаясь. Под «ним» на море блестело отраженным светом четко очерченное пятно. Через несколько секунд загадочное тело погасло, исчезло и пятно света под ним. Гурьбой направились мы к штурманской рубке.

— Это что было?

— Вы тоже видели? — вопросом на вопрос ответил вахтенный дежурный и хмуро добавил: — Пожалуйста, запишите в судовой журнал, что видели круглый, излучающий свет объект. А то я сделал запрос и получил ответ... Знаете, что мне ответили? «Пить надо меньше».

Наверное, вопрос был адресован скептику — «не может быть, потому что не может быть никогда».

Шаровая молния оставалась вне подозрений: метеорологи подтвердили: грозовые явления ни вблизи, ни вдали, ни вообще в этом районе океана в тот вечер не наблюдались. Так почему бы в самом деле Лох-Несси не появиться в Ледовитом океане?

Красноватым светом возвещает о своем появлении луна, еще бессильная подсветить воды, расстелить дорожку. Постепенно набирает силу, скользит, окрашивая небосклон изысканными серосиними тонами. На стеклянно-светлом диске отчетливо темнеют вмятины, будто плоское круглое лицо подмигивает одним глазом. Спокойно море, лишь голубые пенные нити покорно тянутся рядом с

кораблем, прозрачными лессировками накладываясь друг на друга. Нежно мерцают воздушные пузырьки. Три пары глаз устремлены в небо в ожидании чуда, но увы, и в помине нет лунной радуги. Но это, право, неважно, раз она существует, удивляя тех, кому довелось ее увидеть. Ведь с тех пор, как люди стали передвигаться по земле, они не перестают удивляться.

Алексеев

Продолжим разговор о чудесах.

В январе 1974 года сотрудник Института океанологии Владимир Иванович Маракуев, специалист подводного фотографирования, сделал серию снимков подводной горы Ампер, расположенной в Атлантике, к западу от Гибралтара. «Еще в рейсе проявив фотографии и сделав первые отпечатки, — писал Маракуев, — я понял, что ничего подобного не видел прежде, — на снимках была видна... каменная кладка».

Спустя пять лет аналогичные фотографии были получены с борта «Курчатова»: восточная вершина подводной горы напоминала развалины крепостных стен, арок и лестниц, похожие на цирк постройки. Увиденное поражало воображение: при желании в них можно было усмотреть архитектурный ритм.

Была или не была таинственная Атлантида, затопленная водами моря? Впервые упоминает о ней греческий философ Платон, более двух тысяч лет назад поведавший миру о могущественном морском государстве, ушедшем в пучину «в одну бедственную ночь и день». Загадка Атлантиды породила множество версий: одни помещали ее в Атлантический океан, другие — в Средиземное море, глубина которого (три-четыре тысячи метров) тоже вполне достаточна, чтобы хранить тайны.

И в античное время не было единой точки зрения на проблему реальности Атлантиды. Аристотель, любимый ученик Платона, заявивший «Платон мне друг, но истина дороже», выразил свое отношение к Атлантиде следующим образом: «Кто ее создал, тот и заставил исчезнуть!»

Платон утверждал, что в VII–VI веках до нашей эры за Геракловыми столпами существовал остров и могучее государство во главе с царями, происходившими от бога Посейдона. Первым царем Атлантиды был Атлант — сын Посейдона и смертной женщины по имени Клито. Остров изобилдовал плодородными землями, в густых лесах водились звери, в том числе слоны. Верфи, дворцы и храмы были окружены оборонительными стенами; в гаванях стояли военные корабли — триеры; в арсеналах теснились боевые колесницы; страну пересекали многочисленные каналы.

Цари Атлантиды вознамерились ввергнуть в рабство «все страны по эту сторону пролива» (Гибралтарского) — угрозе противостояли лишь Афины. Однако, как утверждает Платон, афинская армия «за одни ужасные сутки была поглощена разверзшейся землей», Атлантида же исчезла, «погрузившись в пучину».

Плеяды ученых — историки, археологи, геологи и географы занимались проблемой Атлантиды. В результате ее следовало искать в морях Средиземном, Азовском, Северном и даже Балтийском. В Испании, Франции, на Шпицбергене — вплоть до Экваториальной Африки. И за столпами Геракла...

Многочисленные гипотезы, в том числе космологические, «объясняли» причину ее гибели. Атлантов обвиняли также в исчезновении судов в районе Бермудского треугольника.

В марте 1979 года Рейтер и другие информационные агентства сообщили из Лиссабона: «Советские ученые получили фотографии, которые, возможно, подтвердят существование исчезнувшего континента Атлантиды». Что же произошло на самом деле?

2 января 1982 года из Новороссийска отправилось научно-исследовательское судно — новый «Витязь» с обитаемым подводным аппаратом «Аргус» на борту. В Гибралтаре началась сильная бортовая качка, хотя именно в этом районе исследования загадочной горы Ампер требовали «спокойной воды». Предстояло найти аргументы в пользу той или иной точки зрения, опустив на дно обитаемый аппарат. «Аргус» стали готовить к погружению, но волнение моря усилилось, и спуск пришлось отменить.

Гора эта — вершина подводного вулкана, находится в четырехстах километрах к юго-западу от крайней юго-западной точки Португалии. Сначала район был исследован акустическим аппаратом «Звук-Гео»,

затем, несмотря на шторм, на глубину восемьдесят метров на двух тросах, каждый с грузом четырёхста пятьдесят килограммов, был спущен водолазный колокол. Водолазу удалось доставить на научный корабль «кусочек стены» — осколок базальта более трёх килограммов. Анализы показали: базальт щелочной, Ампер — потухший вулкан со сложной геологической историей. Возможно, будучи островом, после очередного катаклизма погрузился на дно.

— На горе. Ампер мы имеем дело с удивительным творением природы, — считает начальник этого рейса, доктор технических наук Вячеслав Семенович Ястребов. — Базальты изливались из недр в период активной жизни вулкана, причудливые формы, создающие полную иллюзию каменной кладки, — не что иное, как рассеченные трещинами породы.

Однако, если гора Ампер могла быть островом, почему бы не существовать на нем цивилизации атлантов? Считают, что двести тысяч лет назад остров мог занимать достаточно большую площадь.

Снимки показали: под водой есть сглаженное эрозией плато, на котором могли жить люди!

Подводный обитаемый аппарат «Аргус», которому на этот раз не удалось открыть Атлантиду, был нам хорошо знаком, как и чреватая опасностями и трудностями работа акванавтов. Однажды...

«... "Аргус", "Аргус" ...где вы?»

Плахова

...Однажды, когда в Краснодарском крае вовсю буйствовала весна, почтальон вручил нам в Москве удивительную телеграмму: «Срочно выезжайте под воду погружением, "Аргуса"». Расшифровать ее было несложно: в Южном отделении Института океанологии, неподалеку от Геленджика, готовили к погружению подводный обитаемый аппарат «Аргус».

Сравнительно недавно в арсенале исследователей океана появилось новое средство, с помощью которого геологи могут собственными глазами увидеть рельеф дна, — подводные обитаемые аппараты. Они могут опускаться на глубину до двух километров с тремя членами экипажа на борту и системой жизнеобеспечения на трое суток, с обычным рабочим погружением, не превышающим восьми часов.

«Аргус» — аппарат отечественный. В 1976 году по заказу Академии наук СССР в Канаде были построены два подводных обитаемых аппарата «Пайсис» («Пайсис» — созвездие и знак Зодиака Рыбы). Батискафы снабжены механической рукой-манипулятором, теле- и фотокамерами, локаторами кругового обзора и подводным акустическим телефоном для связи с поверхностью.

Из нашей мастерской, что находится в Краснодарском крае, в очаровательном месте, именуемом Горячий Ключ, недалек путь до Южного отделения, и мы стали очевидцами прибытия «Пайсиса». Мощный кран осторожно перенес десятитонную махину с платформы

на прогретую солнцем землю. Расплюснутое белое тело, покачиваясь, медленно вращалось на тросах. Сияя алой горловиной, приближалось к земле, будто садилась диковинная птица, пробуя грунт ногами-опорами. Три глаза-иллюминатора оглядывали окрестность.

В длинном алюминиевом ангаре ожидал встречи с коллегой желтый «Аргус».

Вскоре, малость пообжившись, «Пайсис» отправился исследовать дно Байкала, где в 1977 году приступила к работе Байкальская геофизическая экспедиция, «Аргус» же готовили к очередному погружению в воды Черного моря.

Весной в Южном отделении остро ипряно пахнет сосновая рощица, высаженная руками сотрудников. Выталкивают лиловые стрелки ирисы, стекают с кустов сиреневые грозди. Получив телеграмму, мы, погрузив в машину холсты и краски, немедленно отправились в путь втроем, сидя за рулем по очереди с Натальей: в семье нашей глава осуществляет лишь общее руководство, изредка совмещая его с заправкой бака бензином.

И вот уже позади Пшадский и Михайловский перевалы, «Жигуль» сигналил перед железными воротами. На въезде поблескивает таинственная надпись: ИОАН (Институт океанологии Академии наук). Трем художникам работать вместе и легче и трудней. Порой разные точки зрения рождают сложности, однако, наспорившись вдоволь, приходим к бесспорному: точка пересечения взглядов есть истина.

Прихватив альбом, Наталья отправляется в ангар, предоставив нам решать бытовые проблемы, которых, впрочем, немного: «дом» на четырех колесах со сдвоенным багажником прибывает вместе с нами. Успеваем приехать вовремя: завтра, на рассвете, «Аргус» отбуксируют к месту погружения.

Батискаф похож на фантастическое белое яйцо. Еще не так давно он был желтым, как вылупившийся цыпленок. Изменить цвет его заставил случай, едва не ставший трагическим. В ангаре, оплетенном щупальцами кабелей и тросов, рисуем «Аргус» в последние часы перед погружением.

Вечерний свет окрашивает муаровыми переливами алюминиевые бока ангара. Колеса несущей платформы вцепились в рельсы — по крупному галечнику убегают к морю. Экипаж батискафа работает слаженно, без слов понимая друг друга. Металлическая лесенка

кажется ненужной, так уверенно перемещаются они по корпусу, находя лишь им ведомые точки опоры.

От поведения машины зависит жизнь человека. Наверное, поэтому люди наделяют технику свойскими, земными именами: батискафы — «Скатом» и «Мантой», надувной рыжий плотик — «Пеликаном», барометрический испытательный комплекс — «Кроликом».

Все ниже скатывается солнце, удлинняя тени. В углах ангара сгущаются сумерки. Рабочее время истекло, и, вытащив легкие теннисные ракетки, пилоты и наблюдатель отправляются на корт, за лужайкой. А мы остаемся наедине с «Аргусом».

В сумраке поблескивают иллюминаторы глазастой рубки. Тишину прерывают лишь частые шлепки мячей да вскрики птиц: в эти часы ангар принадлежит ласточкам, среди хитросплетений опор и балок стального каркаса видны хрупкие птичьи гнезда. С недовольными криками кружат птицы, роняя на палитру нечто явно биологического происхождения, — выживают чужаков.

— Ишь ты! Блиско взял, и в тоне красиво.

— Вписалось! А ракурс перебрал...

— Техника и птицы! В этом что-то есть!

Для непосвященных трудно уловить суть. Акванавты продолжают сражение на корте, будто не им опускаться через несколько часов в глубины, не ведающие смен времен года и солнца. Никогда никакого света, кроме слабого мерцания бортовых огней и прожекторов батискафа...

А погода портится. Набрякли водянистые тучи, спешат закрыть небо. Ветер просвистывает долину, треплет лохматую сирень, наизнанку выворачивая листву. Простые и махровые, белые и голубые, розовые, фиолетовые, сиреневые гроздья источают аромат, заглушая запахи моря. И вот уже дождь полосует землю. С торопливым стуком захлопываются ставни, скрежещут железные ворота — сотрудники, получившие благоустроенные квартиры в Геленджике, спешат добраться домой.

Располагаюсь с Натальей в пустующем коттедже, где в небольшой квадратной комнатке определен наш приют. Алексеев предпочитает раскинутые сиденья духоте помещения и отправляется спать в машину, несмотря на адскую канонаду капель по жигулевой крыше. Ночью слепящие молнии бьют совсем рядом, глушат раскаты грома, свистит, позвякивая стеклами в оконных створках, ветер.

Но это пустяк в сравнении с грохотом в коридора, где сохнут свежезаписанные холсты. Что-то падает, лязгает, трещит и бьется, кто-то, тяжело ударяясь о стенки, мечется в передней. Наконец дверь распаивается, и нечто мокрое, сверкнувшее рыжим в очередном блеске молнии, врывается в комнату и забивается под мою койку. Испорчены упавшие холсты, испачкан масляной краской пол, на ватмане отпечатки собачьих лап, но я прощаю псу устроенный погром и даже пытаюсь его утешить — ведь он искал защиты именно у меня и нырнул именно под мою койку.

Утром гроза уходит, потянув за горизонт шлейф сизых облаков. В сосновой рощице поблескивают влажные иголки. Но любоваться некогда, проспав, бежим к причалу. «Прибой», маленький кораблик Южного отделения, готовится буксировать батискаф.

«Аргус», влекомый лебедкой, как чудо морское, выползает из своей алюминиевой норы. С пристани спешим перебраться на палубу «Прибоя», но не тут-то было: норовя схватить за ноги, несет у трапа вахту микрособака с отвислым щенячьим пузиком.

— Это наш Джим! — сообщает, выглянув с камбуза, кок Евгений.

— Какой он Джим! — протестует Наталья. — Это не Джим, а Тюлька.

«Аргус» уже дополз до кромки берега. Широкие колеса платформы окунулись в прозрачную полоску пены. Через несколько секунд над батискафом смыкается по-утреннему светлая вода, еще

угадываются очертания, но вот сияние корпуса не может дробить толщу вод, слабеет и меркнет, будто задули светлое пятно фонаря.

«Прибой», пятась кормой, отходит от причала. Все шире панорама берега. Белесые скальные сбросы, похожие на слоеный пирог, правильными треугольниками сжимают долину, волнистая линия холмов еще подернута туманом. Ветерок колеблет над берегом золотистое облачко пылицы: цветет сосновая роща. В первых, слабых лучах вспыхивают красные черепичные крыши коттеджей-лабораторий.

По мере удаления от земли вода приобретает плотность разлитой ртути, кажется густой и вязкой, как сироп.

— «Аргус», «Аргус», вы меня слышите? Прием... — вопрошает наблюдатель.

Теперь только человеческий голос остается непрочной связью батискафа с поверхностью. В голубом комбинезоне с узкими ляпочками на плечах наблюдатель кажется совсем мальчишкой. Не такими представлялись акванавты, чередой выходящие из вод морских.

В день приезда мы обратились к Владимиру Юрьевичу Маслову, заместителю директора Института океанологии по Южному отделению, с просьбой познакомить нас с экипажем.

— Это пожалуйста, сейчас представлю нашу троицу. Вот и они. — Булыга, Сирота и Нищета.

— Это что, настоящие фамилии? — изумляется Наталья.

— Конечно, настоящие, — с улыбкой подтверждает Маслов.

Владимир Юрьевич — черноволосый, темноглазый, энергичный человек. В 1973 году, закончив институт, получил приглашение в аналитическую лабораторию Института для разработки темы «Аппаратура обнаружения и регистрации нефтяной пленки на поверхности океана».

— С тех пор минуло более десяти лет работы в Институте. Долго не мог решиться перейти в Южное отделение, хотя и привлекала возможность работы в непосредственной близости от моря: ведь именно здесь идеи, родившись в московских лабораториях, проходят проверку, получают путевку в жизнь. Именно здесь испытываются на судах макеты новых приборов, — увлеченно рассказывает Маслов. — У нас сложился хороший, стабильный коллектив, способный вести работу практически со всеми видами подводной техники. Сегодня

наряду с традиционными направлениями — геофизики, геологии, гипербарической техники — усиленно развиваются волновая энергетика, гидроакустика. Совсем недавно был проведен уникальный эксперимент: впервые в стране получена ценная научная информация о состоянии человека во время длительного пребывания на больших глубинах.

Четыре участника эксперимента в течение полутора месяцев находились в гипербарическом комплексе. Там, в барокамере, были созданы условия погружения на большие глубины.

А «Прибой» все дальше уходит в море. Кок Евгений готовит удочки с наживкой, надеясь, что вложенный капитал даст доход. Где-то под водой движется невидимый «Аргус». Наблюдатель Сергей приготовил журнал испытаний, а пока, пользуясь свободной минутой, дочитывает книжку, делая пометки в клетчатой тетрадке. С нами он не общается, как, впрочем, ни с кем, темноволосый, худощавый, по-мальчишески угловатый. Глаза прикрыты солидными темными очками. Сережа не шутит, не улыбается, не отвлекается на досадные мелочи, каковыми считает общение с нами; похоже, мир для него делится на акванавтов и людей, чьи познания о водной стихии ограничиваются ее поверхностью, — всех тех, для кого дно лишь линия, вычерченная эхолотом.

Что движет юностью при выборе подобной профессии? Случай? Призвание? Жажда острых ощущений? Испокон веку море служило ареной приключений для смелых, акванавты же отрезаны от мира больше, чем космонавты в полете.

— Первой моей мечтой было, — говорит после приложенных мною усилий стажер-гидронавт Сергей Холмов, — учиться в кораблестроительном институте в Ленинграде. Туда я и попал, на приборостроительный факультет.

Осуществление второй мечты — работать на батискафе — тоже не задержалось. Ястребов, крупный специалист в области подводных исследований, готовил экспедицию на новом «Витязе». Из Южного отделения был взят «Аргус». Его экипаж, в том числе Сергей, тоже отправился в рейс исследовать ту самую, загадочную, гору Ампер.

— Как это ты его «разговорила»? — спрашивает Наталья, отложив альбом (ею задумана картина-триптих «Акванавты»). — А вот у меня ничего не вышло!

Сергей несколько поспешно погружается в книгу Риффо и Ксавье ли Пишона «Три тысячи метров Атлантики». Через его плечо заглядываю в отчеркнутую страницу: «Человек подобен водяному пауку, что дерзко проникает под воду, захватив с поверхности пузырек воздуха. Стоит воздушному пузырьку лопнуть, и прекрасная мечта превратится в конец». А что записано в тетрадке? «Волны, с глухим шумом разбивающиеся о берег, — это биение сердца нашего родового дома. Жидкость, такая же соленая, как вода, течет по нашим венам. Исследованию моря я посвятил более полувека, иногда для меня наступают минуты отчаяния, но, как правило, я всегда остаюсь оптимистом». Это Ив Кусто.

— Сережа, может быть, вы расскажете, что случилось с «Аргусом» в сто пятом его погружении? (Эту историю мы слышали еще в Москве.) — Может быть, вы в курсе?

— Отчего не в курсе, я сам тогда был на «Аргусе». Предстояло взять образцы грунта. Ну, погрузились мы на дно, а оно с очень сложным рельефом...

История эта едва не кончилась трагедией. Батискаф опустился, вышел на большую глубину. Слева — илистый, мягкий склон подводного ущелья порядка сорока пяти градусов. С него, потревоженная винтами аппарата, стала оползать илистая лавина. Взбаламученные донные осадки колыхались сплошной завесой, течений в этом районе нет, мутный шлейф обволакивал батискаф.

— У батискафа есть «слепая зона», — продолжает Сергей. — Два боковых прожектора — как автомобильные фары, а один, мы зовем его

«подводным светильником», светит вниз. Как только пелена заволочла иллюминаторы, «Аргус» ослеп.

Рассказывает неохотно, с паузами.

— Со склона шел, сильно провисая, тяжелый, свинцовый кабель. Батискаф прямо под него попал. Левая лыжня плавно так, тихо вошла в ил — сразу стало темно, чувствуем, «Аргус» попал в капкан, держит нас кабель. Изменяли плавучесть, продували цистерны, пробовали вырваться, но скоро все мы трое поняли: сидим в ловушке. Кабель запутался не как-нибудь, а лег точно посередине между выступавшей рубкой и спасательным бумом. Решили ждать. Через четыре часа тщетных усилий командир наш Евгений Павлюченко признал аппарат в аварийном состоянии и запросил помощи с поверхности.

Запаса кислорода было у них на трое суток. Случилось то, что невозможно предусмотреть и вероятность чего нельзя предвидеть: батискаф не мог двигаться ни вперед, ни назад, ни вверх, ни вниз — никуда. Трудно представить себя в подобной ситуации.

— Чтобы кислород не расходовать, старались меньше двигаться, легли. Первые сутки никто из нас не спал, потом успокоились.

Хочется спросить, что значит «успокоились» при таком стечении обстоятельств, но молчу, и Сергей продолжает ровным, бесцветным голосом:

— Есть не хотелось. Те двое суток, что пробыли под водой, никто к еде не притронулся. На вторые сутки отказала подводная связь: что сверху говорят — слышим, а сами ничего передать не можем. Тогда стали молотком по металлической обшивке, бить: частые удары «да, да, да», два коротких — «нет, нет». Шансы на спасение знали, но старались сохранять спокойствие. А кстати, — неожиданно добавляет он, — кстати, все, о чем рассказываю, на этом самом месте произошло, тут все и было.

Увлеченные рассказом, не заметили, что «Прибой» лежит в дрейфе. Бульга, дотоле мирно беседовавший с «Аргусом», откладывает бортовой журнал, и что-то меняется в его голосе.

— «Аргус»! «Аргус»! Я — первый. Вас не слышу. Отвечайте! Сообщите обстановку.

Звучно хлюпает по бортам черноморская водица. Утренний ветерок морщит перламутровую ее поверхность, длинными рыбинами извиваются, струятся блики.

— Ну, лежим, значит, ни взад ни вперед, — продолжает Сергей, искоса бросив взгляд на Булыгу. — Лежим и думаем: хорошо хоть, пока связь была, успели на «Прибой» сообщить, что нас накрепко придавило.

— На «Прибой»?! — вырывается у Натальи.

— Да, на этот самый. Так что можете себе представить, как все было. Такой же блеклый денек, вернее, утро такое же...

Однако и сейчас что-то происходит. Подошел, встал рядом капитан «Прибоя». Оставив рыбную ловлю, сгрудились члены экипажа.

— «Аргус»! «Аргус»! Я — первый, вас не слышу. Отвечайте! — вопрошает безмолвную гладь Булыга. Где-то под нами молчит невидимый «Аргус».

— Аргус, почему молчите? Прием!

А приема нет как нет. Связь прекратилась. Признаться, меня начинает мучить совесть: стоило заговорить о трагедии, и вот... Мистика. Не хватало, чтобы вновь случилось то же самое. Взгляды вопросительно устремляются к Булыге. Тюлька-Джим деловито грызет мои сандалии острыми, как иглы, щенячьими зубками. Один Сережа делает вид, что ничего не происходит.

— Лежим, значит, — продолжает он, — думаем хорошо, что у батискафа теплоизоляция есть. Знаем: аварийный буй всплыть не может, тоже кабелем прижат. Тем временем наверху вызвали опытных водолазов — несколько раз они выходили на дно, нас же из-за пересеченного рельефа не видели: «Аргус» тогда еще желтым был, что не последнюю роль сыграло. На фоне донных отложений желтый цвет закамуфлировал батискаф. Из Севастополя на помощь срочно вышел кабелеукладчик «Цна» с опытными моряками на борту...

Алексеев подталкивает меня, кивая на горизонт. Верно говорил капитан Касаткин: «На море такое произойти может, что и поверить трудно» — из-за горизонта показывается туманное пятно, постепенно принимающее очертания корабля. Экипаж «Прибоя» узнает знакомый силуэт «Цны». Той самой.

Лично мне кажется — это уж слишком. Мы вовсе не хотим, чтобы, иллюстрируя Сережин рассказ, все повторялось вновь и «Аргус» исчезал в пучине. И пусть себе кабелеукладчик «Цна» с опытными моряками идет мимо.

— Уже сорок четыре часа мы были на дне. Потом я взглянул в иллюминатор... То ли лавина, то ли маневрировавшие над нами корабли изменили положение кабеля, но зловещей его тени над головой мы не обнаружили. Сверху дали «добро» на всплытие. Продули цистерны, но батискаф увяз, даже не шелохнулся. Оставалось последнее: аварийный сброс груза. Когда семь свинцовых кругляшей выбросили один за другим, аппарат дрогнул. В пять часов утра всплыли, увидели над собой небо. Была большая волна, пасмурный, штормовой денек.

На корабле «Академик Орбели» — это наше, из Южного отделения, судно — организовали штаб по спасению, устроили встречу — подходим, а на причале стоят сотрудники, ждут, каждому из нас вручили по букету роз...

И тут, как бы вежливо дождавшись конца повествования, оживает, подает голос «Аргус». «Прибой» разворачивается, начинает кружить над предполагаемым местом всплытия батискафа.

Все шире расходятся изумрудно-зеленые кольца над белым яйцом. Пронизав толщину вод, белым видением всплывает «Аргус», опоясанный ореолом пены. Уже откинута крышка аппарата, выбравшись наружу, оседлали ее два босоногих странника. Любопытная чайка метнулась к небывалой рыбине, шалыми кругами ушла в небо.

Сереза лихо спрыгивает в надувную лодку, и ярко-оранжевый «Пеликан» принимает его, напружинившись резиновым телом. «Прибой» ложится на обратный курс. Присмиривший, облитый хрустальной голубизной, движется за кормой на буксире батискафа, рыская и виляя во все стороны.

На берегу акванавты вручают нам подарок — большой ропан с закаменевшим по краям створок малиновым кружевом, морской «цветок» поднят со дна послушной механической рукой «Аргуса».

— Когда мы всплыли после двух суток на дне, — застенчиво улыбаясь, говорит Сергей, — я тогда подумал: больше — никогда...

Кажется, он благодарен за то, что не был задан традиционно глупый вопрос: «О чем вы думали там, лежа в брезентовых чехлах и зная: даже спасательный буй не укажет местонахождение батискафа?»

А зачем спрашивать? Вот они, весь экипаж, снова на работе. И Сергей Холмов в клетчатой ковбойке, обтянувшей худенькие плечи, больше не кажется мальчишкой.

Вечером отправляемся в общежитие Южного отделения в гости к акванавтам. Шторой закрывает окно цветущая сирень. Члены экипажа по очереди чистят картошку, достают из холодильника ужин. Есть люди, в большом и малом остающиеся самими собой: в комнате ничего лишнего — гантели, раскрытая, с недоигранной партией шахматная доска, гипсовая улыбка Нефертити, на самодельных стеллажах стопки книг.

Без громких слов, «без звона» работает в Южном отделении Института океанологии рядом с ветеранами молодежь. Штудируют учебники водолазного дела, читают книги, испещряя абзацы вопросительными и восклицательными знаками, и библиотечарь, наверное, ссорится с ними из-за пометок на полях.

Не каждому дано ходить на дно в батискафе, даже если он не желтый, а белый. Так буднично, но не просто делается наука.

Над рабочим столом приколоты кнопками большая любительская фотография «Витязя». В том самом рейсе, где возле подводной вершины горы Ампер мечтал Сергей найти Атлантиду. Что ж, как любит говорить моя дочь, еще не вечер!

Пока молодой акванавт провел под водой всего сто пятьдесят часов. Время есть.

Сергей найдет Атлантиду как-нибудь в другой раз.

В Суэцком канале.

«Давай каюта!»

О песчаной буре и бороде Сфинкса

«3 марта в 15.05 по местному времени пришли на рейд Порт-Саида для дальнейшего перехода Суэцким каналом. Сильные шестибалльные ветры юго-западного направления несут из африканской пустыни большое количество мельчайшей пыли и песок, которыми покрылись палубы и все надстройки...»

Из дневника экспедиции

Алексеев

— И это вблизи Африки?

Иосиф Исаевич Гительзон, доктор биологических наук, член-корреспондент Академии наук СССР, работает над проблемой свечения, или биолюминесценции, моря. Знакомство наше началось еще в период совместного рейса на «Дмитрии Менделееве» в Океанию.

— Свечение моря — одно из прекраснейших проявлений жизни на нашей планете, — говорит Иосиф Исаевич.

В море с океанологами выходит он не в первый раз, испытывая в экспедиционных условиях батифотометры, разрабатываемые лабораторией фотобиологии Красноярского института физики.

— Где синева? Где небо? Ни света, ни солнца...

Гительзон пожимает плечами, он, как и я, поражен пейзажем. От Африки тянет холодом, с обращенного к Европе борта веет слабым теплом. В воздухе мутное марево, в бесцветных небесах бесформенные облака, в снастях подвывает ветер.

На мачте рядом с советским полощется красно-синий с белыми продольными полосами флаг. На рейде Порт-Саида вода рябит мелкими морщинами странного зеленоватого оттенка, будто армаду разномастных кораблей скопом затолкали в огромный хлорированный бассейн. Контейнеровозы и танкеры, буксиры, суда грузовые и пассажирские под флагами всех стран. Вавилон этот покорно ждет формирования каравана для прохода Суэцким каналом. Стали на якорь и мы.

Иногда белесый солнечный свет прорывается сквозь хмарь, и тогда вода приобретает цвет расплавленного олова. Медленно, бессистемно, как во сне, перемещаются корабли по заливу, оставляя за кормой искрящуюся полоску, будто, наскучив ожиданием, бродят из угла в угол. Даже чайки не оглашают криками сонное царство, описывают беззвучно круги над мачтами, растворяются бесследно в высоте. Какое-то отчаянно ржавое судно, очнувшись, неожиданно выбрасывает из желтой трубы черную струю дыма, не торопясь перемещается на несколько метров и вновь замирает будто уткнувшись в невидимую черту.

— Однажды мы целых десять дней ожидали разрешения на вход в канал, — утешают бывалые моряки, члены экипажа.

— Зато судьбой нам дадено дойти до пирса Адена, — бормочет Плахова, отскребая палитру.

Я тоже написал пару этюдов, но кто поверит в Москве, что писано возле Африки. Закончив работу и собрав этюдник, за отсутствием ярких впечатлений, отправляюсь в конференц-зал изучать историю Суэцкого канала.

Уже в глубокой древности существовал судоходный канал, соединяющий Средиземное и Красное моря. Построенный многие тысячелетия назад, он постепенно подвергся разрушению. В период расцвета персидского государства царь Дарий приказал восстановить канал — повеление это высечено на каменных, раскопанных в Египте плитах. По свидетельству античных ученых Геродота и Страбона,

«канал фараонов» еще в древнем Египте связывал дельту Нила с Красным морем; в VIII веке, повинуясь приказу багдадского халифа, канал засыпали.

Первые проекты нового сооружения появляются после открытия морского пути в Индию вокруг Африки, а в конце XVIII века в связи с расширением международной торговли постройка канала через Суэцкий перешеек становится необходимостью. Десять лет длится начатое в апреле 1859 года строительство, и лишь в ноябре 1869 года состоится официальное открытие канала для судоходства.

Построенный руками египетских феллахов (более двадцати тысяч которых погибло при строительстве) канал стал пропускать первые суда.

В Константинополе на конференции (в число стран-участниц входила и Россия) был определен международный режим работы канала. Согласно принятой конвенции, канал должен был оставаться открытым для торговых и военных судов всех стран как в мирное, так и в военное время. Любая блокада признавалась недопустимой, право свободного прохода предоставлялось даже военным кораблям воюющих государств.

Однако правила конвенции вскоре были нарушены: в 1882 году Египет оккупировали английские войска. Великобритания, подписав конвенцию, отказалась ее выполнить и во время первой мировой войны объявила об установлении протектората над Египтом.

Сразу после своего сооружения в 1868 году Суэцкий канал стал объектом ожесточенной межимпериалистической борьбы. Захват Египта и зоны канала — одна из целей гитлеровской Германии во время военных действий в Северной Африке в 1940–1942 году.

В 1952 году в Египте происходит революция, в 1953 году провозглашается республика. В 1956 году Суэцкий канал национализируется.

Империалистические государства предпринимают против Египта карательные санкции, движение судов прерывается. В 1967 году в результате агрессии Израиля против арабских народов международное судоходство вновь прекращается на долгие восемь лет. Канал заминирован.

Перед открытием судоходства возникла острая необходимость расчистить фарватер. Однако в лоциях и на картах Красного моря не

были отмечены происшедшие за эти годы изменения: новые коралловые рифы и банки, в которых намертво застревали поставленные тралы. Особую опасность представляли затонувшие суда: взрывы могли произойти в любую секунду. Дополнительные трудности создавала близость израильских войск — провокации не прекращались. «Фантомы» и «скайхоки» кружили над советскими кораблями в опасной близости. Израильские торпедные катера с расчехленными орудиями демонстративно ложились в дрейф по курсу.

И все-таки просьбу египетского правительства провести боевое траление советские тральщики выполнили. В 1975 году канал разминировали. Первым проложило дорогу советское судно.

После открытия канала началась его реконструкция, первая ее очередь окончилась к началу 1981 года. Сейчас глубина бесшлюзового канала — около двадцати метров, что позволяет проходить здесь любому кораблю, бывший «канал фараонов» стал водной артерией большого международного значения.

А в природе перемены к лучшему. Истончилась облачность, разлинованным рисунком лежит на палубе солнце. Ожила поверхность залива, размашисто заструились блики, как на фотопленке, проявилась вдали зубчатая гряда гор. В потоках света корабли вспыхивают желтым, зеленым и красным, будто прошла по ним волшебная кисть живописца.

День проходит без изменений, стоим на якоре. Поздним вечером, когда тьма-тьмуца накрывает мир, живой россыпью вспыхивают корабельные огоньки в заливе. Светлыми капельками поблескивают иллюминаторы, сверкают ограничительные огни на мачтах, соединяются в праздничные гирлянды, отражаясь, текут, сливаются в сплошную ленту, только теперь видно, как плотно забит залив судами.

Заполнив таможенные декларации и вволю налюбавшись ночной феерией рейда Порт-Саида, члены экспедиции расходятся по каютам.

Ровные, подхватывающие друг друга толчки, еле ощутимая дрожь под ногами, и «Курчатов» пошел, потянуло легким ветерком, ожила потревоженная вода.

Фарватер обозначен голубыми с одной и красными с другой стороны борта световыми сигналами. Тонкий луч берегового маяка расплавленной иглой покачивается над берегом. Идем тихо, пока,

полоснув прожектором, лоцманский катерок не притирается к кораблю: прибыл лоцман.

Плахова

— Чиф! Ручс!!!

Просыпаемся от диких, непривычных на судне криков. За иллюминатором слабо брезжит рассвет. Кто-то бежит по коридору быстрыми шаркающими шажками. Незнакомые гортанные голоса все громче, настойчивей.

— Чиф! Каюта давай, давай каюта!

Над кормой «Курчатова» покачивается зеленая лодчонка с просмоленным черным днищем. В лодке нехитрый скарб — жестяной помятый чайник и оловянные миски, рваные одеяла, закопченный примус.

Мотор лебедки «вирает» лодку, что в переводе на обычный язык означает «переносит» ее вместе с содержимым на палубу. Проходя каналом, корабли обязаны принимать на борт швартовщиков на тот случай, если возникнет срочная необходимость швартоваться в канале. Забегая вперед, скажу: судьба заготавливает нам именно этот случай.

Швартовщики в живописных лохмотьях, с шеями, замотанными потерявшими цвет платками, в полинялых кофтах и заношенных широченных штанах поочередно суют под нос помощника капитана свой грязный палец, что означает: «по отдельной каюте на каждого».

Получив одну каюту на двоих, арабы сами удивлены подобным оборотом дела, ибо уже расстелили в укромном местечке на корме свои одеяла. Развязывают полосатый залатанный мешок, вытряхивая содержимое. Что только не вываливается из него: авторучки и бритвы, дешевые открытки с красотками, кошельки, свитые змеиным клубком пояса и подтяжки, потертые кожаные пуфики с золоченой арабской вязью.

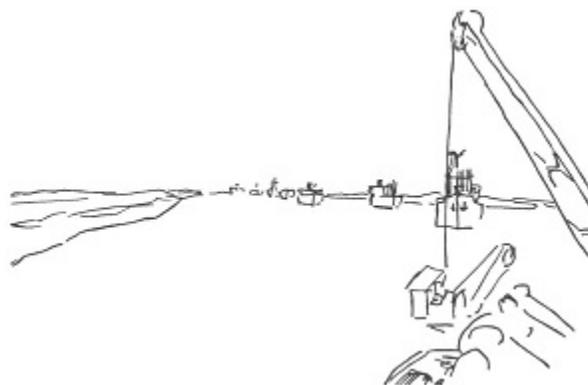
Процесс открытия на корме «Курчатова» торговой точки сопровождается призывными движениями темных рук, бормотанием, причмокиванием и прищелкиванием.

— Бизнес давай, давай бизнес!

Один из швартовщиков, низенький, коренастый, с лицом, иссеченным глубокими морщинами и шрамами, в лиловой чалме поверх старого берета, сразу избирает меня объектом обогащения.

— Мадам, мадам, давай бизнес!

Стою, ошеломленная столь быстрой атакой, а перед носом уже вспыхивают зажигалки, мелькают авторучки.

Но и с бизнесменами можно найти общий язык, вместо коммерческих операций приступаем к мирной беседе с помощью мимики и жестов. Вооруженный альбомом, подходит Алексеев. Через пару минут второй швартовщик, высокий и худой араб, закинув голову с острым, выпирающим кадыком, уже позирует для наброска, получив в подарок пачку сигарет.

Вскоре оба швартовщика, растопырив ладони и добродушно улыбаясь, начинают поочередно загибать пальцы.

— Знаешь, — сообщает, возвратившись в мастерскую, Алексеев, — их зовут Ваддах и Хатыб.

В иллюминатор видно, как, прижимая к засаленным кофтам оловянные миски с корабельным омлетом, Ваддах и Хатыб бредут по палубе.

— А ведь они очень несчастные люди. Они — феллахи. Ты хоть знаешь, кто такие феллахи? Это самый низший, самый эксплуатируемый класс, настоящие бедняки. Ютятся на окраинах, в глиняных землянках. Обремененные податями, лишь на короткий сезон пахоты или жатвы уходят обрабатывать землю примитивным плугом, на уровне древних египтян. Своей земли у феллахов нет, они получают ее во временное пользование и платят подати большей частью урожая.

— Как это они тебе без знания языка рассказали?

— Почему они мне должны рассказывать? Книги читать надо, — и протягивает извлеченную из библиотеки брошюру.

«Техника земледелия феллахов, — говорится в ней, — примитивна и напоминает технику на уровне древних египтян. Исповедуют ислам, говорят на арабском языке...»

Теперь и я заинтересована судьбой несчастных феллахов.

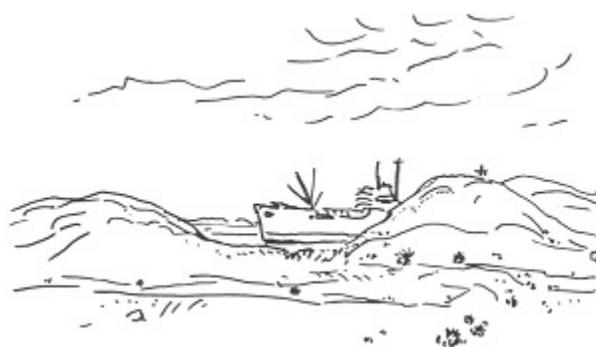
— А что они тебе на пальцах объясняли?

— А-а... Это я спросил, детей сколько.

— И сколько?

— Страшно сказать: у Ваддаха — семь, у Хатыба — девять. Только я не понял, сколько в живых осталось.

«Курчатов» неторопливо движется в караване судов. Впереди высокая красная корма сухогруза, позади большое двухтрубное пассажирское судно. В узком горле канала корабли кажутся громоздкими, неповоротливыми, трасса проходит по пустынному Суэцкому перешейку, разрезая его с севера на юг, в наиболее низкой части соединяя Средиземное море с Красным. Между устьевыми портами длина канала составляет сто шестьдесят километров. Иногда русло отклоняется от прямой, делая поворот, и тогда можно лицезреть фантастическую картину: песчаные горбы скрывают канал, от впереди идущих судов видны лишь мачты с надстройками да изрыгающие дым трубы. Мачты, надстройки и трубы движутся над пустыней, будто презрев законы, плывут корабли по песку. К такому зрелищу надо привыкнуть!

И снова, в который раз, с ревом проносятся над головами истребители: благодаря своему положению между бассейнами

Атлантического и Индийского океанов Суэцкий канал становится все более горячей «точкой приложения сил».

Идем, прижимаясь к северной стороне канала. Справа безжизненные пространства, слева теплится жизнь. За буграми спрессованного, извлеченного из русла песка, как за рыжими стенами цитадели, приютились домики. Собственно, слово «домики» вряд ли применимо к жалким хибарам, что выросли в холмы.

Лачуги со слепыми оконцами наглухо отгородились закрытыми ставенками. Изредка вспыхнет солнечный блик, нашарив медный кувшин на плоской крыше, заверещит петух, тьякнет одичалая собачонка.

Берег кажется необжитым, безлюдным, лишь закутанная в черное покрывало женщина тянет за веревку понурую низкорослую коровенку. Сухой ветерок шевелит мусор, гложут, увязают в плотном воздухе звуки. А рядом нацеленные в небо стволы орудий, груды покоруженного металла, колючая проволока. Иногда завалы насыпи расступаются, открывая горизонт с уходящими в белое сияние полосками оазисов и тусклыми серо-зелеными пальмами.

Лениво журчит у бортов вода, слабой волной упирается в укрепленный берег. Нищета и разор печально контрастируют с утренним крепнущим светом. Еще не набрали полной силы краски, но уже уплотнился, зарозовел песок, зазолотились финиковые пальмы.

Частыми порывами налетает ветер, наизнанку, до рыжего основания выворачивает листву, укладывает, отбрасывает набок широкие, как веер, кроны, будто, раскинув зеленые крылья, рвутся и не могут сорваться с гнезда лохматые птицы.

Все плотнее насыщается мир сиренево-охристыми красками. Сужаясь позади, как бегущие к горизонту рельсы, уходят в песчаное марево берега канала. Над полоской воды, извиваясь и меняя рисунок, тянется цепочка мигрирующих птиц, растягивается, сжимается, в сложных своих построениях сохраняя неведомую нам систему.

Все дальше углубляемся в Суэцкий перешеек, и косяки птиц уже исчезают за безжизненными дюнами.

Идем каналом, постепенно попадая в сферу действия глубокого циклона с центром над Черным морем. Мгла обрушивается внезапно, видимость уменьшается до мили. В десять часов тридцать минут утра по указанию лоцмана пришвартовываемся левым бортом к берегу: движение по каналу запрещено. Идет песчаная буря. Она налетает неожиданно, рваным серым краем смывая нежные утренние краски.

— Внимание! В связи с приближением песчаной бури караван остановлен. Срочно зачехлить лебедки. Задрать иллюминаторы!

Борьба мрака и света длится недолго. Утро умирает, предоставив песку властвовать на земле и в небесах. Палубные надстройки припудрены белой пылью, сквозь завинченный иллюминатор пробиваются песчинки, запорашивая стол. Берега расплылись. Стволы пальм, похожие на перевернутые острием вниз конусы, еще держатся за почву, но под прямым углом свернуты набок кроны. Ветер несет сор, тряпки, крутит перекасти-поле, срывает брезент со шлюпок. Бурые вихри, словно дым пожарищ, по диагонали перечеркивают небо; на зубах хрустит песок.

Есть что-то скорбное и величественное в неистовстве стихии, мгновенная перемена в природе действует угнетающе. Ни ночь, ни день, ни свет, ни тьма. Не имеющая цвета и формы дымчато-мятущаяся масса обволакивает корабль — будто встряхнули пустыню, как перину, и понеслась мириадами песчинок серая метель. Уже не пыльца, струйки и ручьи песка, свиваясь жгутиками, гуляют по палубам, сбиваются холмиками, наткнувшись на препятствие.

А что происходит с солнцем? Тусклое светило с трудом пробивает мглу, на обугленный, угасающий диск можно смотреть, как через закопченное стекло, невооруженным глазом. Небо, исштрихованное, изорванное полосами, нависает беспокойной тяжестью над землей, лишенной горизонта.

Феллахи спешно покидают корабль: настал их час. Лебедка быстро опускает за борт просмоленную лодчонку.

Вода тоже взбунтовалась, включилась в общий хоровод, пошла воронками, бурунами, скользкой змеиной чешуей поползла к берегу, исчез бирюзово-небесный цвет.

Закутав лица по самые глаза платками, Ваддах и Хатыб прыгают в лодку и с трудом выгребают к берегу, где буравчиками ввинчиваются в грунт вихри. И вот уже пошли с «Курчатова» на чалках тяжелые

канаты, согнувшись в три погибели выбирают их швартовщики: теперь корабль раскреплен «врастяжку» между железными чушками, по самую шляпку занесенными песком. Стонут, терзая душу, звуковые маяки, бьются готовые сорваться флаги.

Уже не видно каравана, не видно правого берега канала, лишь крутится и вертится над нашим одиноким судном песчаная буря.

У берега сбилась желтая накипь пены. «Курчатов» покряхтывает, вздрагивает от ветра. Изредка в мутной пелене возникает впереди баржа, сидит низко, зарывшись носом в беспокойную воду, — и вновь, будто задернули занавес, мы одни в серой мгле.

А я смотрю назад: успели ли уйти от бури птицы? Глазу кажется, что темные точки истаявшего птичьего косяка порой возникают в круговерти, но это лишь проделки воображения.

Слева — пески Аравии, справа, со стороны Египта, — пески Нубийской пустыни.

Совсем недавно довелось нам плыть другим каналом — по созданной руками людей Каракум-реке, прохладным голубым лезвием рассекающей пустыню. Говорят, в старину туркмены не спрашивали, сколько у тебя земли, спрашивали: «Воды у тебя сколько?..»

История хранит много планов орошения Каракумов. Еще в 1713 году мангышлакский старшина Ходжа Непес с берегов Каспия добрался до Петербурга и явился к Петру Первому, поведав царю, что в давние времена река Амударья текла в Каспийское море, а ныне бесплодные равнины были цветущими оазисами. Старшина просил русского царя помочь туркменам вернуть реку в ее прежнее русло.

В 1714–1717 годах Петром Первым были снаряжены две экспедиции, но обе потерпели неудачу: для новых попыток в царской казне не хватило средств.

В начале XX века вновь встал вопрос об использовании вод Амударьи для орошения южных районов Туркмении, но экономические и технические возможности России того времени не позволяли осуществить грандиозную идею — строительство канала в песках. Такой канал начали строить в 1954 году.

Мы плыли по искусственно рожденной реке, и воды ее дробились миллионами радужных брызг, разбегались позади катера зеркальными усами среди черных песков Каракумов.

Какие там «черные»! Бирюзовое небо, бирюзовая вода — золото и бирюза, цвета Азии!

По воде ходили круги — гуляла рыба, взлетали над камышами пестрые сороки, в зеленых рощах проплывали аккуратные крыши поселков, уходили вдаль струны электропередачи, пухлыми снеговыми горами лежал хлопок.

Покачивались на поднятой катерком волне лодки. На ветерке хлопало белье: у хозяек в поселке большая стирка! Выставив удочки, прилипли к берегам мальчишки, ловили рыбу в пустыне. С севера и юга, всего в нескольких километрах, подступали мертвые пески.

Наверное, современники не всегда с должной остротой видят современность, недостаточно поражаются ею. Так, зрячие иногда оказываются слепыми, принимая за должное совершающееся на глазах чудо. Сотворенная людьми река орошала пол миллиона гектаров. Пять гидроузлов регулировали ее уровень, три насосные станции за секунду поднимали пятьдесят кубометров воды на высоту тридцать три метра, подавая ее в дельту Мургаба. Протяженность канала имени Ленина уже превысила тысячу километров, а канал шел дальше на запад, к Каспийскому морю.

Но главным было не это. Не сотни километров линий электропередачи, дорог, не разработки нефти и газа.

— Вы про город Карамет-Нияз слышали? — спрашивали нас люди. — Строители канала зовут его «столицей пустыни». Нет такого второго в мире!

В первый его дом люди вошли в 1954 году, а сейчас в городе уже несколько тысяч. А кто жители? Те, что съехались на стройку, на голое место. Семьями обзавелись, остались навсегда в пустыне, которая перестала быть пустыней.

— Канал наш не просто стройка, а целая эпоха в истории туркменского народа. Это не только новая экономика, но и новый быт, новая психология, — говорили люди.

— Ты не помнишь, какова протяженность Каракум-канала? — спрашиваю Плахову.

— Первая очередь — четыреста километров — была сооружена за четыре года. Вторая — сто сорок километров — за шесть месяцев. Вся мировая практика строительства оросительных и судоходных каналов не знала таких сроков.

— Я не ослышался? Ведь Суэцкий канал строили десять лет?

— Десять, — подтверждает, собирая кисти, Плахова. — Ровно десять лет ушло на строительство ста шестидесяти километров.

Плахова

Феллахи на берегу пережидают бурю, чтобы освободить корабль от пут. Ссутулив спины, сидят на корточках под слабым прикрытием вытасченной на берег лодки. По-прежнему крутятся песчаные вихри, и черное, просмоленное днище лодчонки вскоре становится пепельно-серым, сливаясь с цветом песка.

На палубах не поработаешь, из каюты ничего не видно. Приходится, собрав имущество, проситься «на постой» в штурманскую рубку, что недремлющим оком возвышается над баком со сплошным, открытым для обзора окном. Поскольку все равно стоим на приколе, Валихов любезно разрешает пристроиться в удобном месте — пишу этюд «Пыльная буря над Суэцем», и это, право, не так часто увидишь в жизни.

Небо меняет и меняет цвет, то разбухая желтизной, то растекаясь зловещими черно-лиловыми подтеками. Жутковатое величие есть в этом хаосе. Построен канал, углублено русло, люди строят, роют, планируют, а пустыня шутя останавливает как ей вздумается железные машины судов.

Одобрив этюд, штурман Валихов в качестве вознаграждения вручает мне толстую книгу в переплете с весьма полезными сведениями «Лоция Красного моря».

Оказывается, наша песчаная буря — сущие пустяки, ибо сейчас март, в мае же и в июне над пустыней беснуется самум. Самум — страшный ураган, который местные жители называют огненным мечом или дыханием смерти. Родившись в Сахаре, мчит он, прихватив массы песка, и, добравшись до Аравийской пустыни, не теряет своей разрушительной силы. У человека вызывает тяжелое состояние, головную боль, рвоту, иногда смерть.

Еще на выбор дует хамсин, что по-арабски значит «пятьдесят», ибо беснуется пятьдесят дней в году. Ветер конца зимы — начала весны сухой и раскаленный. «Когда дует хамсин, люди задыхаются от зноя, мельчайшая пыль проникает во все поры тела».

Через несколько часов буря уходит, и корабль снова получает возможность двигаться. Уже приняты назад швартовые канаты, включены двигатели, но ураган, сильно прижав судно к берегу, посадил нас на мель — своим ходом «Курчатов» сняться с нее не может. Вновь длится тягостное ожидание, пока на выручку не приходит буксир. Натянув канаты, маленькое суденышко отважно пыхтит, тужится, стаскивая с мели корабль восемь тысяч тонн водоизмещением.

Наступил вечер. В лучах прожектора серебрятся брызги. Еще усилие — и «Курчатов» медленно отходит от северного берега канала. Вскоре прибывает на борт новый лоцман, остальной отрезок пути пойдем ночью, в темноте.

Потеряв грозную силу, но еще поскрипывая песчинками, врывается в открытый иллюминатор ветерок. Рейс продолжается. Проходим рядом с Вечностью — где-то неподалеку спят сфинксы: покоятся на цоколях могучие лапы, застыли полуприкрытые тяжелыми веками глаза. Может быть, видят они наш караван, гуськом идущие

корабли, и сооружения из железа и стали кажутся властелинам песков хрупкими, недолговечными.

А ведь может родиться фантастическая картина «Корабли и Вечность». Почему не помечтать, мысленно положив на монохромно серый холст усталые глыбы сфинксов. Лица, источенные веками, гибкие зеленовато-коричневые тени залегли во впадинах, неподвижный взгляд устремлен туда, где цепочка огоньков выдает присутствие кораблей, шествующих по пескам.

— Вечного ничего нет! — сообщает Алексеев, заглянув в мой альбом, где с помощью акварели пытаюсь материализовать возникшую в воображении картину. — О какой вечности может идти речь?

— Между прочим, знаменитому сфинксу возле египетских пирамид уже более четырех тысяч лет.

— А тебе известно, что он медленно гибнет? Под воздействием песчаных бурь и грунтовых вод в монолите неуклонно идет процесс эрозии.

Не люблю, когда выражаются столь научно.

— Ты получил сигнал бедствия?

— Почему я? Все знают, что у гигантского изваяния уже отвалился кусок лапы, идут реставрационные работы. Теперь начат второй этап «лечения» — к фигуре льва с головой человека будет приставлена борода.

— При чем здесь борода?

— Борода, — назидательно сообщает он, — борода эта долгое время обитала вдали от туловища, находилась в Англии, в Британском музее. Только после продолжительных переговоров администрация музея согласилась вернуть бороду в Египет. Так вот, знаменитый театр Сфинкса — открытая площадка у подножия исполина — сейчас реконструируется. При участии итальянских артистов, там в натуральных декорациях должна демонстрироваться «Аида»!

Теперь наступает мой черед.

— Между прочим, «Аида» была написана Верди именно по случаю торжественной даты открытия Суэцкого канала!

Алексеев молчит, и мы у теплого бортика корабля смотрим на уходящие в темноту берега канала, за которыми лежит пустыня с дремлющим безбородым Сфинксом.

Ни эрозия, ни трещины, ни даже временно украденная борода не могут лишить его права называться Вечным. Так полагаю я.

Берега Африки. Несколько слов о Северном полюсе. Пищевая цепь и пища для размышлений

5 марта выходим из Суэцкого канала. Температура воздуха — плюс пятнадцать. Ветер — пять баллов.

Из дневника экспедиции

Алексеев

Берега Аравии и Африки смягчены утренним туманом. Пока еще неопределенный коричнево-разбеленный тон имеет сиреневатый оттенок, колорит приглушен, мягко вкраплены светло-желтые пятна охры. Постепенно утро вступает в свои права, хотя встречным курсом идут корабли с непогашенными сигнальными огнями. Слева по борту совсем близко проходит карминно-красное судно с ярко-желтыми надстройками и ослепительно белыми спасательными шлюпками. Черная, как мазок тушью, труба, за кормой тянутся зеленоватые буруны.

Если пройти на бак и стать по носу корабля, берег левый и берег правый одновременно откроются взгляду. Все ярче, локальнее краски, сочные и живые, как полотна Анри Матисса.

Удивительный этот мастер последовательно избирал лишь те мотивы, что, не волнуя воображение драматическим содержанием, способны были радовать глаз изысканным сочетанием форм и красок. По собственным его словам, стремился он уподобить свое искусство «удобному креслу», в котором современный человек может отдохнуть от тяжелой умственной работы. Своеобразная, лишь ему свойственная живописная система основана на плоскостном сочетании цветовых пятен с активным подчеркиванием контура — мир и предметы превращены в изысканный орнаментальный узор.

Постепенно насыщаясь цветом, все шире разворачивается пейзаж: яркая голубизна неба, пологие рыжие холмы Аравии, подобно жесткой аппликации подклеенные к небесам, лиловые ленты дымок — горит газ. Угольно-черным рисуются эстакады и нефтяные вышки рядом с пестрыми пятнами причалов для танкеров, цилиндров нефтехранилищ.

Справа — мрачный ландшафт африканского берега. Дикие кряжи, мощные горные цепи с острыми зубцами вершин. Выдавленные гигантскими силами из недр планеты, красноватые сбросы страшной крутизной срываются к океану.

Величественны угрюмые изломы земной коры, природа вдоволь натешилась своим могуществом. И хотя Драконовы горы, одни из самых высоких в Африке, находятся не здесь, название это как нельзя лучше кажется предназначенным открывавшемуся пейзажу.

Необычный цвет моря под стать грозной картине: до предела насыщенная ультрамарином, непрозрачная, расчерченная рядками голубоватых гребешков, колышется подле берега вода. И как последний, завершающий штрих — под багровыми оползнями заваленный набок черный остов погибшего корабля с сиротливо торчащими мачтами. Ни рощицы, ни деревца — лишь безжизненно-унылые ущелья, вобравшие фиолетово-синие тени.

Так и бегаешь от борта к борту, стремясь объять необъятное. Наконец-то есть что писать. Удивляя «зрителей», работаем сразу на нескольких листах, стараясь не упустить переходы света, что длятся недолго: метод работы, как и технику, приходится изобретать сообразно обстоятельствам.

Стрелки судовых часов переведены на час вперед по третьему часовому поясу. Живописные отношения все сложнее, тоньше, дыхание Аравийской и африканских пустынь искажает световой

спектр, частицы песчаной пыли преломляют свет, окрашивая мир фантастическими рыже-лиловыми красками. Насквозь просвечено желтизной небо, растрепанные редкие облачка мечутся по небосводу, не находя себе места. И как вознаграждение за долгий путь из Европы разливается первый буйный закат.

Просияв всеми оттенками яростно-лимонного, желтого и багрового, небо сливается с водой. Темная полоса поверху, темная полоса над самым горизонтом, между ними, сжатый посредине, рдеет огонь. Кто кого? Кажется, оранжевые всполохи уже просочились, стекли вниз, мгновение — и, насытившись светом, вновь вспыхнет плотная завеса над морем, как вспыхивает от тлеющего уголька костер. Ненадолго светлеет, червонным золотом наливаются воды. Но нет, день окончен, равновесие длится недолго, исход битвы предрешен.

Лишь на секунду опустишь взгляд, оторвавшись от небес, тронешь кистью краски на палитре и... будто не полыхало вокруг, не пылал свет, пытаюсь пробиться из темной щели. Нет уже кирпично-горячих охристых тонов, неподвластный земным краскам, растекается сумрак. Выскакивает на небеса первая, еще одинокая звезда, будто спешит опередить кого-то, набирает силу, лучится холодными, покалывающими стрелками.

Одинокая звезда так и просится на холст, пишу, пока на палубе не вспыхивают бортовые лампы. Теперь бегущие рядом волны кажутся твердыми, вычеканенными из металла, с резкими, острыми гранями.

Увлечшись, опоздал на ужин, а зря: после Суэца в кают-компании появились свежие помидоры и необычные мандарины, катаются внутри тончайшей душистой корочки. Обломки веточек еще сохранили отлакированную листву. Такой мандарин и съесть грешно, разве что предварительно им налюбовавшись.

Прохладна тихая ночь. Отваливая от бортов, поплескивают волны, боковой ветерок уносит в Аравию дымок из трубы «Курчатова». Мирно попыхивая, движется наш корабль к Индийскому океану.

Стоим с Иосифом Исаевичем Гительзоном на пустой верхней палубе, вспоминаем рейс в Океанию, крошки-атоллы, незабываемые дни на Берегу Маклая, в деревне Бонгу, долгий путь через океан в Австралию... Над головой ярким зеленоватым светом горит Сириус. Погода не соответствует широте: тропик Рака близко, а тепла нет как нет. Очевидно, по ассоциации с погодой Иосиф Исаевич вспоминает свое пребывание на Северном полюсе, что само по себе примечательно, ибо разговор происходит возле берегов Африки.

— И как же вы там жили?

— Обыкновенно. В палатках. Только лед от снега очистили. Вы знаете, на полюсе меня поразило освещение — будто вообще нет источника света, выходишь из палатки и сразу окунаешься в изумительно голубое сияние. А работали так: пробивали или сверлили во льду отверстие и над полыньей ставили палатку, только тогда можно было располагать в ней приборы.

Трудно представить, что происходило, когда прилетал и садился на лед самолет! Из каждой полыньи фонтаном извергалась вода, даже из тех, что находились в отдалении. А спали мы в спальных мешках на туристских раскладушках, только с более высокими ножками.

Теплый воздух в палатках скапливается наверху, а «по полу» можно пройти лишь в меховых унтах. Так и работали. Зато много интересного обнаружили...

— Например?

— Например, температура воды значительно ниже нуля, но высокая соленость не дает ей превращаться в лед. И в этой воде кипит жизнь! Вам известно, что такое планктон? Это большая масса живых, находящихся во взвешенном состоянии организмов, не имеющих органов для самостоятельного передвижения.

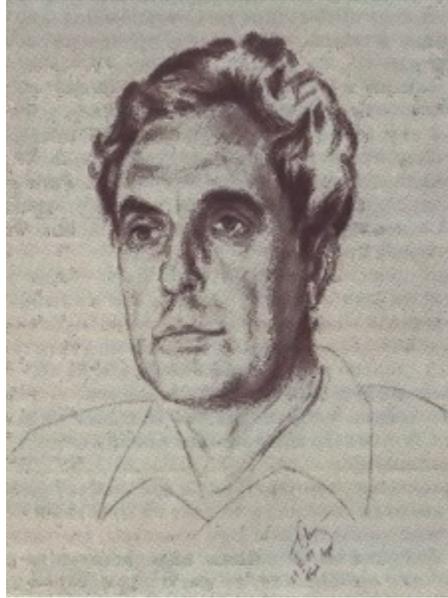
— И какая разница с тропиками?

— Вот тут и есть самое удивительное: открытый океан в районе экватора... беднее, чем воды Ледовитого океана у полюса!

С темной пеленгаторной палубы по железной узкой лесенке спускаемся на шлюпочную, где уютно помаргивают дежурные лампы. По дороге заглядываю в мастерскую, просматриваю, что сделано за истекший день, сегодня он проведен прекрасно: работали с семи часов утра до одиннадцати вечера, вознаграждая себя за вынужденное безделье.

Плахова

На корабле собирается научно-технический совет. Кают-компания занимает всю ширину корабля — от палубы до палубы. Четыре квадратных иллюминатора смотрят на один борт, четыре — на другой. Синий пластик пола отражает восьмирядный свет ламп дневного освещения, диваны обтянуты красной кожей. По четыре стола на шесть персон с каждой стороны, в центре — стол для руководства. За ним капитан, его помощники, начальник экспедиции, руководители отрядов, врач. Они — мозг и сердце экспедиции, даже во время торжественного приема пицци могут лицезреть все, что происходит на корабле, с правой и с левой стороны.

И. И. Гительзон

Пара пингвиных чучел потускневшими стеклянными глазками печально озирает кают-компанию. Выставив белые манишки, растопырив лапки, стоят на прозрачном куске оргстекла, изображающем полярный лед. За пингвинами, как тому и положено быть, вздымаются на панно анилиново-ядовитые айсберги — пингвины эти уже много лет путешествуют по тропикам. В торжественные дни кают-компания преобразуется в «зону отдыха» — достаточно крышку центрального стола заменить круглыми и уютными «ресторанными» столиками. В салоне ждет своего часа пианино, стенка над радиолой задекорирована моделями яхт, шхун и каравелл с вмонтированными в них светильниками: в праздники и на вечерах отдыха получают отставку дежурные лампы дневного света, и яхты-фонарики заливают помещение интимным, способствующим отдыху мерцанием.

Сегодня в кают-компании сугубо деловая обстановка: первое заседание научного совета. Ученые со степенями и званиями, руководители отрядов в спорах рождают истину.

Скромно пристроившись в уголке дивана, понемногу рисую, понемногу слушаю. На борту «Курчатова» собралась весьма

представительная группа крупных специалистов практически- по всем разделам морской биологической науки, включая исследователей китообразных под руководством доктора наук Бельковича. Вместе с «чистыми биологами» работают в экспедиции биофизики, биогеогидрохимии, гидрофизики, метеорологи.

Каждая научная группа оснащена специальным оборудованием и является как бы отдельным элементом экспериментального комплекса, без которого невозможно подойти к решению поставленных перед экспедицией задач.

О них уже рассказывал начальник рейса Нейман. Цель — получить и изучить данные, необходимые для решения проблемы биологической продуктивности подводных возвышенностей Индийского океана.

— По аналогии с известными мелководными банками, — говорит Виктор Григорьевич, — стали искать рыбу там, где дно поближе к поверхности океана; в некоторых таких местах действительно удалось обнаружить промысловые скопления ценной пищевой рыбы. Но где, когда и сколько можно ловить без риска «подрубить сук»? Каждый ли район подводной возвышенности имеет повышенную биологическую продуктивность? И во всех ли своих звеньях, от мельчайших водорослей до крупной рыбы, например тунца?

Для контрольного лова настоящими промысловыми тралами с нашей экспедицией идет второе, специально приспособленное судно «Рифт» из Южного отделения Института океанологии. На «Рифте» есть все, что нужно для подобной работы. Под руководством доктора биологических наук, ихтиолога Николая Васильевича Парина будут выполняться контрольные траления над подводными горами.

Сижу слушаю, как обсуждается программа работ. Вопросы, вопросы...

— На каких уровнях предполагаются работы?

— Какой методикой?

— Есть ли основания полагать, что рыбы, обитающие на поднятиях, имеют биологические особенности?

— В какое время суток обильнее лов?

— А ночью?

— Скажите, — раздается голос Иосифа Исаевича, — а есть доказательства, что над подводными поднятиями живут самые

воспроизводящие популяции? Видовое мечение не производилось?

Вот так. Возможно, мы, художники, станем свидетелями того, как ученые переметят рыб в Мировом океане. Почему бы нет? Переметить их, как почтовых голубей, да и только!

Совет переходит к обсуждению проблем, чем питаются рыбы, образующие скопления, в чем разница обитателей «на» и «вне» подводных поднятий.

— Существует ли единое мнение о том, что происходит с полем концентрации планктона над возвышенностями?

— У меня вопрос к гидрологам: есть ли над подводными горами вихри? А если да, то за какое время может поменяться половина объема воды и, следовательно, содержание в ней планктона?

Прислушиваюсь.

— Послушайте... Ведь икра личиночной стадии рыб находится в планктоне, значит, и она будет унесена течением? Выходит, часть своей жизни молодь проведет в верхнем слое, а затем опустится на ту же возвышенность?

Чей-то голос:

— Чепуха какая!

Оживление в работу научного совета вносит Федор Пастернак. Он чем-то напоминает Леву Москалева, биолога, с которым судьба свела нас на «Дмитрии Менделееве». Оба не обделены статью и ростом, только Лева был черен, как ассириец, Пастернак же моложав, но величаво сед, с загадочной улыбкой Дон Кихота на загорелом лице. Пастернак сообщает, что группа бентоса давно работает над изучением изолированных вершин в океане, ибо внимание биологов привлек тот факт, что населены они богаче, чем материковые склоны.

— А какова роль гидрологии и геофизики в решении этой проблемы?

И опять вопросы. Вопросов пока больше, чем ответов. Ответы придут потом, после окончания рейса.

Разгорается дискуссия на тему, дает ли подводное фотографирование точную картину объекта, речь идет о преимуществах наблюдения с помощью экрана телевизионного аппарата — и такое есть на «Курчатове». Суть проблемы мне недоступна, поэтому, уяснив лишь разницу между бентосом и обыкновенной рыбой, собираюсь удалиться: рыба — то, что перемещается в воде, бентос же никуда не перемещается, а «привязан» к месту. Лицо капитана Касаткина, впервые присутствующего на научном совете, также проясняется после приобщения к научным данным.

— Задачи экспедиции, — подытоживает Нейман, — еще не могут быть сформулированы окончательно, но все, что будет сделано, станет новым шагом в изучении промыслового значения подводных поднятий.

Словом, получить ответы на все вопросы не удастся, а что удастся — пойдет на пользу науке. И пока ученые — коллеги по изучению пищевой цепи оживленно обмениваются мнениями (речь идет не только о пищевой цепи, но и о пище для размышлений!), покидаю кают-компанию, спешу в мастерскую, где Алексеев переписывает хороший этюд, исступленно налегая на мастехин. Вкратце делюсь впечатлениями, но он желает до всего дойти досконально:

— Тогда скажи, если рыба взяла да и зарылась в ил, стала неподвижной и никуда не перемещается, ее тоже можно классифицировать как бентос? А если моллюск двинулся, он — рыба?

— При чем тут, моллюск?

— А притом... Если он... это... лапки выпустил и пошлепал, он — рыба?

Но если говорить серьезно, задача, поставленная учеными, не проста. Взяв за объект одну из подводных вершин, они хотят установить концентрацию бентоса, провести всесторонние исследования для определения биопродуктивности Мирового океана за пределами шельфовых зон.

Итак, в путь, и да помогут нам ветры.

Скоро выходим в Индийский океан. Попадаем как раз в сезон «перестройки» одного муссона на другой, дующий в обратном направлении: летние муссоны дуют с моря на сушу, зимние — наоборот.

Триходесциум эритреум. Кто сделал дырки? Одинокая звезда

Прошли Суэцкий канал. Убыл с борта лоцман. 5 марта 1983 года вышли в Красное море.

Из дневника экспедиции

Алексеев

С обеих сторон Красное море окаймлено великими пустынями, все еще идем между Нубийской пустыней и песками Саудовской Аравии. Иногда Красное море называют «Средиземноморьем Индийского океана», от берега к берегу расстояние не превышает ста пятидесяти километров.

В лабораториях отмечена самая большая за рейс разница температур воды и воздуха, небо безоблачно, но видимость оставляет желать лучшего, на палубы продолжает ложиться ровный слой песчаной пыли.

— А почему эта узкая полоса воды в царстве пустынь называется Красным морем?

На этом корабле на все вопросы можно получить ответ.

...Знаменитым историком Страбоном, два тысячелетия назад проделавшим путь по Аравии, приведено несколько версий,

объясняющих возникновение этого названия. Возможно, морю дали имя «Красное» в честь Эритра, царя персидского, могущественного владыки: ведь «эритрум» значит «красный». Существует и предание о простом персе, также носившем имя Эритр. На быстроногом коне пас Эритр свой табун, когда неожиданно налетела песчаная буря. Вскоре мимо табуна промчались испуганные бурей львы, кони ринулись с места и, не слушая Эритра, понеслись к морю. Владельцу табуна поневоле пришлось двигаться за ними, так после долгого пути оказался он на пустом, безлюдном берегу. Дикое место понравилось пастуху, и, поселившись возле моря, перс Эритр дал ему свое имя.

— Красное море получило свое название благодаря присутствию значительного количества водорослей, придающих воде в определенный период красный цвет, — сообщают ученые. — Остальное сказки.

«Триходесциум эритреум» — это звучное имя носят мельчайшие красные морские водоросли, похожие под микроскопом на спутанные яркие волокна. Сильные ветры сбивают их на поверхности вод в длинные красноватые полосы. Увы, сейчас ветер не сбивает их в полосы, а интересно было бы написать Красное море — красным!

Водорослей нет и в помине, обычная густо-синяя волна с журчанием убегает от борта. Исчезли мерцающие зеленоватые оттенки Атлантики. Вокруг напряженная лазурь, насыщенный синий кобальт с ультрамарином разлиты в загадочном море, по берегам которого правоверные мусульмане совершали паломничество в Мекку, толпы приверженцев ислама наводняли порт Джидду и где-то неподалеку обитала греческая богиня Тетис.

Район Красного моря представляет для ученых особый интерес: именно здесь, считают они, зарождается новый океан, постепенно отдаляющий Африку от Азии. Около пяти миллионов лет назад здесь образовалось море. Рифтовая зона с молодой океанической корой являет собой узкую трещину шириной двадцать километров.

— А что такое рифты?

— Крупные структуры земной коры, имеющие форму протяженных, узких впадин. Такие впадины существуют и на суше. Именно в рифтах формируется новая океаническая земная кора, которая затем отодвигается в сторону.

В начале декабря 1979 года в Красное море отправились три научно-исследовательских судна Института океанологии АН СССР — «Акванавт», «Профессор Штокман» и «Академик Курчатов» — с целью подводных исследований Красноморско-Аденского рифта. По начальным буквам этих слов экспедиция получила краткое название «ПИКАР».

В экспедиции участвовали видный океанолог, член-корреспондент АН СССР Андрей Сергеевич Монин и доктор технических наук Вячеслав Семенович Ястребов, специалист в области подводных обитаемых и глубоководных аппаратов-роботов. На полигонах должны были работать обитаемый «Пайсис» и два необитаемых телеуправляемых аппарата «Звук-4» и «Звук-6», прибывшие на борту «Курчатова». Такое оснащение позволяло почти непрерывно наблюдать дно Красного моря.

Загадки возникали одна за другой. На красноватом, покрывающем дно песке неожиданно были обнаружены странные светлые пятна, отстоящие друг от друга на десятки метров. При исследовании «пятна» оказались невысокими холмиками со множеством аккуратных небольших дырок. Ученые есть ученые: количество странных отверстий было тщательно пересчитано — в каждом возвышении до семидесяти, диаметром три-четыре сантиметра.

«Создается впечатление, — писал Андрей Сергеевич Монин, — что какие-то роющие животные выкопали норки, выбросив на красный песок светлый нижний грунт и зацементировав стенки норки своей слизью. Однако ни при визуальных наблюдениях, ни при просеивании

грунта, взятого тралами и манипуляторами аппаратов из пятен с дырочками, никаких роющих животных обнаружено не было».

Теперь и нам известно, что дно Красного моря — не что иное, как ряд пологих ступеней с крутыми уступами; в этом море, единственном в мире, имеются на дне ямы с горячими «рассолами» и таинственными, неопознанными дырками!

Сегодня написаны этюды «Рассвет над Красным морем», «Поддень» и «Закат». Цветовые сочетания неожиданны: песчинки, лишая воздух прозрачности, как бы надевают мягкую вуаль на предметы, солнце просвечивает плоским малиновым диском. Мотивы несложны, немногословны, но не так просто передать удивительную гармонию в природе, этот своеобразный, приглушенный цвет...

Только в районе Красного моря удалось наблюдать подобные световые эффекты — будто смотришь на мир сквозь замутненное стекло.

Пишу в упор, с натуры, стараясь поймать мотив, как жар-птицу, но чувствую, масляные краски слишком тяжеловесны для передачи распыленного, тонкого цвета, приходится перейти на пастель, гибкий и сложный материал. Работать с ним приходится осторожно, «не пережимая», излишние мазки, как излишние комментарии, только «ослабляют текст».

Новый материал всегда дисциплинирует, вдохновение не избавляет руку от сомнений, заставляю себя искать верный цвет и тон сначала в уме и лишь затем на плоскости.

Время летит незаметно. Еще не погас день, а над кораблем восходит второе, голубовато-холодное солнце — бесстрашно утверждаясь, на небосводе сияет Венера.

— Одинокая звезда! — восклицает Плахова и с акварелью устремляется на корму, туда, где сражаются на расчерченных квадратах столов шахматисты и пощелкивают шарики пинг-понга.

Теперь, кроме одинокой звезды, она ничего не видит и не слышит, поэтому мне приходится идти в радиорубку: спикером объявлена поступившая на ее имя радиограмма. «Как себя чувствуешь переносишь качку очень беспокоюсь», — запрашивает из далекой Москвы любящая дочь. Пристроившись на палубе, пишу ответ, немедленно переданный над просторами Мирового океана: «Прошли Красное море пока нечего переносить все нормально».

Написав неплохой этюд, моя жена прикалывает в качестве сувенира полученную радиограмму над койкой и отправляется в конференц-зал, приняв на свои плечи бремя забот по оформлению праздничного номера стенной газеты «Океан». Через пару часов цветными фломастерами изукрашены заголовки, нарядные цветы рассыпаны по склеенным воедино трем листам ватмана. Свершив этот подвиг, она призывает меня принять участие в прогулке вверх, вниз и вдоль по палубам.

— Не пойду. Я только что оттуда. Сделал вечерний этюд пастелью.

— Тогда собирайся, пойдём в кино.

— Я не хожу в кино.

Уведомив меня, что я скучен, как дорога в пустыне, она отправляется в столовую команды смотреть трижды или четырежды виденный в Москве фильм.

Восьмое марта. Дельфиний визит. Хлеб и наука, или Тысяча двести буханок в рейс

Вторник, 8 марта, в 10 часов 15 минут вышли из Красного моря, вошли в Индийский океан.

Из дневника экспедиции

Плахова

Баб-эль-Мандебский пролив переводится с арабского как «Ворота слез». Пролив считается «хитрым», опасным для судоходства из-за течений: в поверхностном его слое менее соленая вода идет в Красное море, а в глубинном более соленая — из Красного моря в Индийский океан. В течение одного лишь года из Европы в страны Восточной Азии и Австралии через «Ворота слез» проходит до двадцати тысяч судов.

Сегодня праздник. Ради Восьмого марта очищается небо, на глазах оживают краски. Море приобретает прозрачность и глубину, долго виднеется упавший за борт предмет. Вокруг растекается мерцающая нежно-голубоватая дымка, воспетая в литературе как «таинственная дымка Южных морей», и кажется, шелестят рядом

удивительные страницы книг Роберта Льюиса Стивенсона и Германа Мелвилла, Джека Лондона и Константина Станюковича.

Народ выбирается из лабораторий на палубы под ласковые небеса, накрывшие мир синим куполом. В такой день у человека не может быть разочарований. Перед оснащенным мощной фото- и биноккулярной аппаратурой Бельковичем, стоящим на посту в надежде подкараулить китообразных, как и следует ожидать, немедленно появляется стая дельфинов. Упругие тела с лоснящимися синевой спинами взлетают над водой и, описав дугу, уходят в глубину, не вспенив воду. Но вот крупный красавец отделяется от стаи, приближается, взлетает рядом с кораблем и неловко, гулко шлепается в море, поднимая фонтаны брызг. Второй прыжок следует за первым — и вновь шлепок и брызжущий каскад.

— Ой! Он, наверное, ушибся! — раздается женский сочувствующий голос, но веселый дельфин, описав круг, уже возвращается обратно и, к удовольствию публики, совершает еще один, самый искусный из всего дельфиньего репертуара прыжок, беззвучно, без всплеска уходя под воду.

Дождавшись окончания сольного номера, еще один дельфин отделяется от стаи, и члены экспедиции становятся зачарованными свидетелями целой серии синхронных, голова к голове полетов над водой.

Белькович сияет, будто лично ему нанесен дельфиний визит.

— Видите, какое любопытное существо! — комментирует он происходящее. — Ведь это он к себе внимание привлекал! Сейчас стая идет параллельно судну, но дельфинам свойственно стремление «прокатиться» на отраженной, поднятой винтами волне. Поставят хвост в определенное положение и, не тратя мышечной энергии, мчатся, сбалансировав скорость.

Сопровождающий нас эскорт не хочет ставить хвосты и кататься на волне! Круто развернувшись, будто выполнив морскую команду «поворот всем вдруг», стая уходит в бирюзово-лазурное сияние.

Женщины относят приятный визит на свой счет — ведь дельфиний народ посетил нас Восьмого марта!

Итак, праздник. Спикер поутих, не слышно суровых распоряжений, звучат лишь нежные мелодии, выбранные по вкусу мужчин для дам. Прекрасной половине человечества уже вручены

памятные подарки. Приближается время официальных торжеств, и у меня появляется повод извлечь из чемодана красавицу туркменскую шаль, с которой может соперничать разве что шаль испанская. Но главный сюрприз впереди.

— Внимание! В эфире первый спецвыпуск радиогазеты тридцать шестого рейса «Академика Курчатова».

Во всех отсеках звучит воркующий баритон Федора Пастернака — изысканные вирши посвящены чудесной ладье, плывущей по морям, и, естественно, прекрасным дамам, ее обитательницам. Не обойдена вниманием и я: «Темной ночью однажды вахтенный штурман ударом тяжелым о борт корабля был разбужен... Глянул за борт — там плавает ящик фанерный... На бак был он поднят...»

Столь своеобразным образом доставив меня на судно, радиоузел голосом автора излагает дальнейшие события: «Закрытым тот ящик боцман с собой уволок и под брашпиль засунул...» Однако любопытные дамы (уже появившиеся дотоле на «Курчатове» в качестве наяд и русалок) «брашпиль толпою снесли и, несмотря на запрет, крышку ту мигом сорвали... Дым разноцветный спиралью оттуда поднялся. Марья, художница, в небо с кистями взвилась. Круг над трубой описав, принялась резво над судном порхать, разные краски из складок хитона роняя. Там, где упали они, пышно и ярко ковер из картин расцветал...»

Весь вечер радиоузел бодрым речитативом продолжает извещать членов экспедиции, не имеющих честь принадлежать к прекрасному полу, что «без женщин жить нельзя на свете, нет». В салоне праздничный концерт. После торжественного ужина освобождаем территорию кают-компании для молодежных танцев и отправляемся «в

гости» к Гительзону, пригласив для компании Валью Пелевину, кормилицу нашу, пекаря на корабле.

Пелевина, крупная блондинка, сначала немного смущена обществом известного ученого, но вскоре рассеяны первые минуты неловкости. Уютно располагаемся в просторной каюте Иосифа Исаевича, попиваем по-домашнему заваренный чай. Валя — ладная, крепко сбитая, из тех русских женщин, что «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Сложности в жизни у таких натур лишь пробуждают энергию. У Вали нет воспоминаний об оставленной на берегу квартире, нет постоянного адреса, нет семьи, ее дом — корабль. У одних личная неустроенность оборачивается отчуждением, у других, наоборот, стремлением излить на людей неистраченное душевное тепло. Такова Валя.

— Не надоело плавать? Все-таки пятнадцать лет в море — долгий срок.

Валины глаза, светло-серые, красивого разреза, с глубоким темным зрачком, смотрят укоризненно.

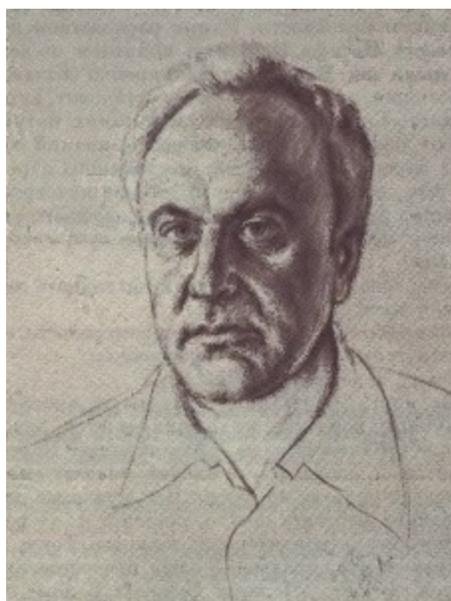
— Почему надоело? Это мой дом.

А годы идут. Черты лица сохраняют привлекательность, льняные короткие кудряшки выются надо лбом.

— Жила в Калининграде, — рассказывает Пелевина. — Город портовый, каждый где-нибудь плавает, мне тоже очень хотелось попасть на судно. Все знакомые девчонки на «китобойки» работать пошли, пошла и я, но получила ответ: «Нам пекари-кондитеры не нужны». Тогда я в Институт океанологии подалась — люди посоветовали. В отделе кадров говорят: «Пекарь? Нужен!» К тому времени подружки мои уже наплавались, замуж повыходили, нарожали детишек, а я только свет повидать собралась. Ну, приняли меня, оформили пекарем. Пятнадцать лет назад пришла я на этот корабль.

— Наверное, тогда «Курчатов» молодым, хорошим был?

— А по мне, он и сейчас хорош! Мне тут все дорого. Вы только не обижайтесь, разве вы корабль по-настоящему знаете? Леса по опушке не узнать. Словом, приняли меня пекарем, да оказалось, есть уже на корабле пекарь, ошибка вышла. И пошла я на судно камбузницей — мыла, убирала, все делала. Но случилось так, что заболел в рейсе пекарь, и мне предложили работать по специальности.

В. М. Белькович

Сейчас у меня каждый день по две выпечки — ведь около двухсот человек на корабле. Сорок три свежеиспеченные буханки в день, и торты приходится печь, и пирожные. Я свою работу люблю. Много на корабле автоматики и печи электрические, да ведь руки ничем не заменишь. А знаете, что значит хлеб испечь? Вот, кажется, и по одной мерке кладу, и замешиваю, и выпекаю одинаково, а он каждый раз, хоть чуть, да иной — и запахом, и вкусом, и цветом.

Рассказывает Валя Пелевина, а я подсчитываю в уме: сорок три буханки в день — это тысяча двести буханок в месяц, шесть тысяч сто шестьдесят буханок в рейс. А за пятнадцать лет? Никакую науку не совершить без хлеба.

Поздно вечером выходим все вместе на палубу. Теплый ветерок треплет бахрому туркменской шали, из города Ашхабада волею судеб попавшей в Индийский океан.

Льетса из кают-компания музыка, сияя огнями движется корабль по ласковым водам.

Встреча в океане.

Самое синее.

Два раза о шлюпке.

Ахмед ибн Маджид и Сулейман Махри

9 марта после выхода из Аденского залива встретили «Рифт». Договорились с начальником экспедиции «Рифта» Лариным о совместных действиях двух судов в сейшельском районе. Встретились с идущим на родину НИС «Витязь».

Из дневника экспедиции

Алексеев

Увидеть «Витязь» в числе первых мне помогает случай. Третьи сутки с нами плывет удад. Сначала птица Летала вокруг, почти касаясь крылом воды, кружила долго и наконец спланировала на мачту. Решил позаботиться о бедном страннике: добыл жестяную банку, наполнил пресной водой, по вертикальной лесенке с переборками влез на площадку фок-мачты и поставил для птицы банку.

Отсюда, с высоты, в необычном ракурсе виден океан — будто находишься в центре огромной, ликующе синим окрашенной чаше. Еще чуть золотится на востоке небо, небольшие ложбинки волн прозрачны, будто проложены легкими лессировками, — какое

богатство чистых, открытых тонов, сплав сложных оттенков голубых, кобальтовосиних, густо-ультрамариновых!

Природа ворожит красками, словно скупец, перебирающий драгоценности. Синий цвет поет, вибрирует — просто утро, просто океан — и все бесконечно сложно. Можно писать часами, сантиметр за сантиметром заполняя поверхность холста, с верой в возможность чуда — ухватить, передать хотя бы частицу этой живой и гибкой игры красок.

Кажется, солнце выпарило все цвета, оставив лишь синий концентрат — певучий, сложный, вобравший свет небес, особенно контрастный рядом с отваливающей от борта кипящей белоснежной пеной.

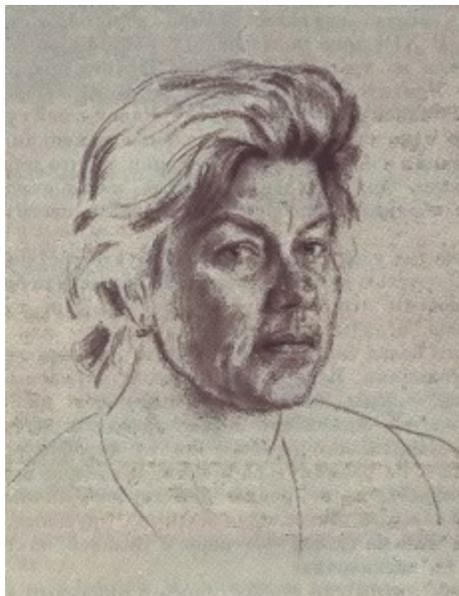
Синяя всегда считалась самой дорогой и красивой краской. В XIV веке пользовались ультрамарином, который делали из драгоценной ляпис-лазури, привозимой с Востока. Удивительно голубая, эта краска не выцветала и не разлагалась в течение столетий. Рядом с ней существовала еще одна синяя, так называемая немецкая лазурь, менее дорогая и потому более доступная, та, что добывалась из малахита. Она не хранила густой, насыщенной синевы, зато обладала способностью радостно светиться изнутри.

Однако где уют? Птица исчезла, будто растворилась в синеве. С грустью думаю, суждено ли ей достичь берега, да и безрадостны эти берега — ни ручейка, ни травинки.

И пока оглядываюсь вокруг, вдалеке, как мираж, появляется белая черточка, постепенно принимающая форму треугольника. Вскоре все бинокли нацелены на это пятнышко, члены экспедиции высыпают на палубы, всматриваются, оживленно переговариваясь: шутка ли — после трехнедельного пребывания на корабле встретить «земляков», не разминуться в пути. Подобная встреча не только радость, но и предлог для глубоко личных переживаний каждого. Люди ждут встречи с друзьями, спешат написать письма домой — теперь с оказией почта скоро попадет по назначению.

А белое пятнышко превратилось в нарядный красавец корабль. «Витязь» заходит со стороны солнца. «Курчатов» ложится в дрейф, два корабля покачиваются рядышком на низкой зыби. Первой нарушает тишину басистая сирена «Витязя», ей вторит «Курчатов», и вот уже два голоса, один замирая, а другой набирая силу, резонируя от воды,

растекаются над океаном. Будто работяги из стали и железа, живут собственной, отдельной от людей жизнью, встретились на долгом пути и приветствуют друг друга.

Л. Я. Буданова

Впервые довелось нам увидеть новый «Витязь» в Новороссийске: пришвартованный неподалеку от городской набережной, он казался высоким и легким, горные гряды просматривались ниже бортовых надстроек. Изящный, нарядный и компактный, водоизмещением пять тысяч семьсот тонн, оснащенный новейшим комплексом океанологической техники — от простых черпаков до вычислительного центра и гипербарической камеры на борту. Четвертым по счету суждено этому судну носить славное имя «Витязь». Предшественник его, ветеран научного флота, проплавал под вымпелом Академии наук СССР более тридцати лет. На корвете под тем же названием плыл русский путешественник и ученый Николай Николаевич Миклухо-Маклай, совершал кругосветное путешествие адмирал Макаров.

— Группе высадки на «Витязь» спуститься к штурмтрапу со спасательными поясами!

Спешат визитеры навстречу друг другу, пестрые пятна одежд, веселый говорок, шутки, праздничное настроение. А мы, добровольно отказавшись от поездки, лихорадочно пишем, стремясь с разных точек запечатлеть на холстах недолгую встречу.

Неподалеку в нарядной праздничной блузке, опершись о белый корабельный бортик, задумалась о чем-то инженер-картограф Буданова, коротко остриженные, тронутые сединой волосы шевелит ветерок.

— Лилия Яковлевна! А вы что не на «Витязе»?

— Да так...

— А все-таки?

— Я тот, старый, «Витязь» вспоминаю, предшественника этого корабля. Много в моей жизни было с ним связано, много плавать на нем довелось.

Сложная профессия у Будановой, более тридцати лет работает она в Институте океанологии, изучает рельеф морского дна. Это ее руки создают батиметрические, геоморфологические, физико-географические и другие карты. Не гаснет ночами свет в лаборатории, где ведется эхолотный промер, звуковым сигналом, эхолот-самописец «прощупывает» дно высокими частотами. Отраженный поверхностью дна, возвращается эхо-звук обратно, четкой линией ложится на эхограмме зафиксированный пером самописца.

Каждые четыре часа сменяются операторы у эхолота, при ведении эхопромера производится экспресс-обработка данных, рисуется профиль дна, составляется подробная батиметрическая карта и по горячему следу передается начальникам отрядов. Карта нужна всем, в том числе командирам подводных аппаратов.

— Лилия Яковлевна, а почему вы избрали именно эту специальность?

— Трудно сказать. С детства бредила морем, правда, еще рисовать любила. В школе дружила с мальчиками, они тоже мечтали стать и стали впоследствии моряками. Мне всегда хотелось составлять морские карты, наверное, удалось соединить обе свои привязанности — «рисую» морские карты. А может быть, любовь к морю я получила в наследство от родителей, предки которых были исконными моряками на Балтике.

Свыше миллиона морских миль было пройдено старым «Витязем», сделано почти восемь тысяч научных станций, обнаружены новые подводные хребты. Ему принадлежит честь открытия глубин Марианской впадины. Маршруты легендарного корабля густой сетью покрывают водные пространства Тихого и Индийского океанов. Верой и правдой послужил этот замечательный корабль науке.

В славной его истории есть и частица труда Будановой, более тридцати лет занятой любимым делом. Люди крепче кораблей.

Возвращается последняя шлюпка с «Витязя», перевоза оборудование — тросы, буй, приборы. Только что шумевшие на нашем борту гости уже дома. Снова долгие гудки, на этот раз прощальные, и корабли расходятся, каждый своим курсом. Один — из антарктического рейса на родину, другой — в Индийский океан, к Сейшельским островам, в намеченный район работ возле подводной возвышенности «Экватор».

Плахова

— Вы не хотели бы пойти с нами на шлюпке?

В каюту входит загоревший во время «дельфиньих бдений» Белькович. Вопрос поставлен по-джентльменски. Но по любому часовому поясу давно полдень. Солнце в зените, жжет через одежду, находясь на палубе, выискиваешь тень. Уже сутки прошли после встречи с «Витязем», «Курчатов» вышел в открытый океан, где, упираясь в горизонт, гоняются друг за другом темно-синие валы.

Сегодня подальше от корабля уйдет группа биоакустики. Хорошо бы открытый океан пощупать рукой. Опытные моряки доверительно сообщают, что быть в шлюпке и на борту пятиэтажного корабля — не одно и то же.

И я приношу в жертву художника Алексева — должен же хоть один из нас познакомиться с океаном вблизи.

— На шлюпке? Обязательно. С вами пойдет Алексей.

Вскоре скинер объявляет посадку. Шестеро членов отряда биоакустики во главе с Бельковичем спускаются по штурмтрапу. Зрелище живописное: головы и шеи обмотаны махровыми

полотенцами, поперек груди пробковые жилеты. А вот и мой муж, едва видимый в спасательном приспособлении, висит на последней ступеньке веревочной лестницы, именуемой штормтрапом.

Слабые мои сожаления, что я добровольно отказалась от прекрасной прогулки, мгновенно улетучиваются, как только волна, уловив момент, вскидывает на холку шлюп, перекладывая его с боку на бок. Оставляя шлейф кипящей воды, описывает он дугу, уходя в яростную синеву.

Алексеев пока еще виден, приютился на корме, из оранжевого жилета торчит голова в коричневой кепчонке... даже не оглянулся на прощание, впрочем, может быть, ему мешает пробковый ошейник. На палубе слишком жарко для дальнейших наблюдений, ухожу обратно в каюту, где кондиционер ровным гудением одобряет мое благоразумие.

После палубы каюта кажется темной, глаза с трудом приспособливаются к перемене света.

В тропиках белое становится еще белей, излучая свет, синева же насыщена до предела — декоративность возведена природой в принцип. Просматриваю вчерашние этюды «Встреча кораблей». Мотив поэтичный, красивый сам по себе — две белоснежные птицы на лазурном атласе моря. Подобные работы нельзя программировать, они создаются лишь впечатлением и чувством.

Невольно вспоминаются колористическая гамма и яркий свет, пронизывающий полотна импрессионистов. Их пейзажи, портреты или жанровые сцены объединены волшебным умением передать на холсте момент, острое впечатление от увиденного. «То, что я пишу, — мгновение...» Слова эти принадлежат художнику Клоду Моне, главе импрессионистов. «Восход солнца. Впечатление» — называлась выставленная им в 1874 году в Париже картина. Ухватившись за слово «впечатление» (*impression*), группу молодых художников, противопоставивших себя официальному искусству, критики нарекли импрессионистами.

«Курчатов» в дрейфе. На баке испытывают аппаратуру, проверяют тросы на лебедках: судно вышло к месту работ. Клара Войтова сообщает, что над нами образовался антициклон, температура воздуха — плюс двадцать девять.

Но где шлюпка? Океан пустынен как за правым, так и за левым бортом. Всматриваюсь до рези в глазах. Кручу окуляры бинокля, и в

мерном колыхании вспухающих гребней возникает нечто крохотное, как обломок спички. Черточка периодически ныряет в ложбины волн. Постепенно спичка превращается в крошечную белую скорлупку с красной точкой флажка на корме. Но что творится со шлюпкой? Светлый островок показывается на секунду, чтобы вновь исчезнуть в синей яме, будто и не было вовсе.

По прошествии пары часов робко звякает дверь, и в каюте появляется с ног до головы мокрый Алексеев, так и не снявший пробковый жилет: сроднился с ним за это время или нет сил стащить. Муж мой молчит, молчу и я. На пол с его одеяний уже натекла порядочная лужа. Наконец слабым голосом он произносит: «Пить».

Напоив, отправляю его в душ, после чего обмен впечатлениями состояться не может: примкнувший к группе биоакустики художник валится на койку и засыпает среди бела дня.

Впрочем, проснувшись, он утверждает, что все происходило совсем не так. Что ж, никто не отнимает у него права рассказать самому...

Алексеев

О выходе шлюпки в открытый океан, подальше от корабельных шумов, Белькович предупредил меня накануне; я сам просил его взять меня с собой. Целые сутки держал язык за зубами — иначе Плахова не пустит, однако не мог предусмотреть, что он будет столь любезен и сам явится в каюту. Разговор его с Плаховой не слышал, но полагаю, что он происходил примерно так.

— А где Борис Владимирович? Ведь он изъявил желание идти с нами, посадка уже объявлена.

На что Мария Леонидовна отвечает так, как должна была ответить:

— Посадка? Понятия не имею, первый раз слышу. А зачем вы его берете? У него давление повышено, и вообще... Никуда он не пойдет.

После чего устремляется на корму, где, по ее предположениям, можно меня обнаружить. Я же бегу к штурмтрапу с противоположной стороны.

Поэтому Белькович встречает меня у лацпорта как потерянный, но нашедшийся предмет. Хорошо, что я заранее успел сменить шорты на брюки и натянуть брезентовую штормовку — иначе сгоришь. Приготовил этюдник, которому не суждено будет открыться, взял фотоаппарат, блокнот. При мне и уродливый спасательный жилет со множеством тесемок. Вахтенный строго оглядывает мою экипировку, придрататься не к чему, я ныряю в люк к заветной лесенке-веревке и спрыгиваю в шлюп.

Там уже сидят четыре матроса из команды и трое ученых из отряда Бельковича, погружены приборы для записи «голосов океана». Солнце палит, будто предупреждает, что дальше будет еще хуже. Смотрю украдкой: навесной тент, который иногда растягивают над шлюпом, скручен, лежит тугим свертком на дне. Итак, надежда на тень над головой утеряна. Но молчу. А то еще высадят.

Моторист Евгений, наш соратник по выпуску стенгазет, что-то сосредоточенно подкручивает в моторе, дергает, тянет, после чего в оглушительном шуме выхлопов отходим от «Курчатова».

Океан играет со шлюпом, как щенок со старой калошей: подбросит вверх и ловит на прозрачный гребень. Горизонт изломан острыми зубринами. Впрочем, рассматривать мир нет возможности — взлетаем и падаем; тягуче, влажно хлюпает вода.

А ведь с борта корабля океан казался спокойным. Наконец, разогнавшись, двигатель набирает скорость, и качка становится терпимой. Временами, подброшенный волной, вижу острый белый нос «Курчатова», торчат, как рыжие усы, по обе стороны якоря. Волны, швыряющие нас, лишь робко облизывают судно возле ватерлинии. Корабль быстро уменьшается, и наконец принаряженная белым кружевом гигантская волна скрывает его от глаз.

Теперь могу представить, как видят океан люди, не по своей воле оказавшиеся на лодке в его просторах, — ощущение не из приятных.

Чувствуешь потеряность, мизерность своего существования, подавленный мощью гигантской синей котловины без конца и края. В нашей экипировке и вовсе дышать нечем. В районе экватора солнце особенно нагревает воды, соответственно происходит усиленное испарение влаги, и нагретые водяные пары движутся вертикально вверх. Влажный теплый воздух на высоте охлаждается, и часть влаги выпадает в виде тропических ливней. Если бы!

Редкие, нежные, как паутинки, дымчато-золотистые облачка тянутся к светилу. Смотрю на них с надеждой, но солнце безжалостно их растапливает, бесследно распыляя по белесым от зноя небесам. Иногда на секунду поблескивает где-то далеко белое пятнышко — все, что осталось от бывшего таким большим, таким надежным корабля.

Евгений выключает двигатель, в воздухе распространяется острый запах перегретого машинного масла и гари. Теперь, при неработающем двигателе, океан швыряет нас, как игрушку, устоять на ногах может только акробат. Очевидно, пара моих набросков так и останется единственным историческим документом, отражающим вояж на шлюпе. Нет больше сил, качает так, что временами мелькает мысль: не лучше ли в эти волны... сразу вниз головой. Все-таки жена моя — мудрейшая женщина. Мои спутники как ни в чем не бывало занимаются своими делами. Евгений, натянув маску с загубником, пятится и плюхается в воду, уходит вниз, становясь розово-зеленым размытым пятном.

— Ну что там? — бодро вопрошает Белькович. — Приемник наш видите? Все в порядке? Начинаем работу.

А мне уже не до «дельфиньих бесед». Хочется пить и спать. Упасть на днище, вытянуться, скинуть проклятый жилет. Какое уютное местечко под скамейкой, какой, наверное, мягкий скрученный под ней брезент. В углублениях между досками скопились лужицы влаги, в них притаились крошки-рачки, плавают травинки...

Интересно, как долго они будут вести записи? Может быть, до ночи?

Вынырнув, Евгений обсуждает проблему рыбной ловли со спиннингом. Все что-то обсуждают, чем-то заняты, я же становлюсь более чем неразговорчивым. И зачем я сюда полез? Чего не видел? Волны как волны. И ничего-то красивого нет в этом океане, и чем только я мог восхищаться с палубы корабля!

Как далекий мираж мелькают между гребнями тонкие мачты «Курчатова». Шлюп, желая доконать меня, начинает выделять кренделя, поворачиваясь вокруг оси, будто ловит собственный хвост.

— Начали носом корму ловить! — говорит Евгений.

Вода — плюс тридцать. Под нами — три тысячи метров. А ведь действительно там хорошо, тихо и рыбы, как сказал кто-то, «принимают за своего».

«Какой бы ураган ни бушевал на поверхности, в глубинах моря царит тишина...» — так, кажется, говорил капитан Немо профессору Аронаксу.

Ихтиологи с капроновыми сачками в руках пристроились на бортах, как наездники-гаучо. Только со взбесившимся быком можно сравнить прыжки нашего шлюпа. Или это, с быками, называется родео? Голова отказывается соображать что-либо.

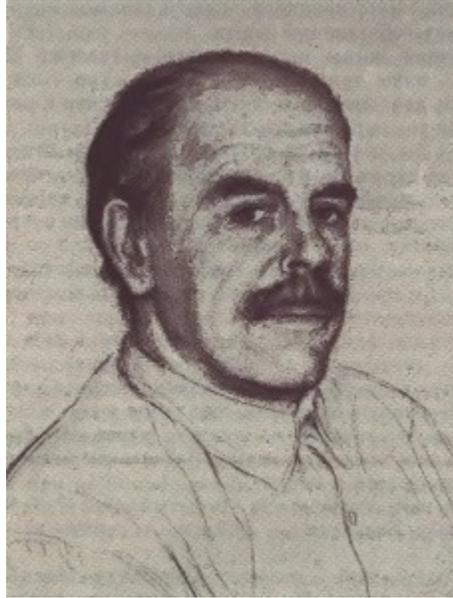
Не могу сказать, сколько времени длится подслушивание бесед дельфинов и прочих обитателей моря. Как избавление от мук до сознания доходит бодрое тархтенье мотора. Буксируя аппараты, медленно идем к кораблю, «Курчатов» вырастает на глазах, извлекаю фотоаппарат — иначе к чему были муки. Избавление близко, судно уже не вмещается в кадр.

— Ну как, понравился открытый океан? — радушно спрашивает Белькович. — Пойдете с нами в следующий раз?

— Обязательно! — отвечаю Всеволоду Михайловичу, а про себя думаю: «Ни за что, разве что отнесут связанного».

Плахова молчит, но великодушно подает мне стакан крепко заваренного чая. Теплым и неприятным кажется душ. Так бесславно кончается мой выход с группой биоакустиков.

А на вертолетной палубе, под натянутой шатром крупной сеткой, слышны азартные вопли и удары по мячу: сражаются волейбольные команды «Смутьяны» и «Гайки». И что самое удивительное — в их числе моряки, что ходили с нами в океан на шлюпе. Поневоле вспомнишь слова средневекового мудреца: «Океан — это предел суши, грань материков, лоно, приемлющее реки, источник дождей, убежище в час опасности, наслаждение в час досуга — это стезя смелых».

Заместитель начальника экспедиции О. А. Кузнецов

Плахова

«Академик Курчатов» держит курс к небольшому островному государству, затерявшемуся в самом центре Индийского океана, — Республике Сейшельские Острова. Ровно месяц прожит без единого захода на твердую землю. С высоты палуб, в иллюминаторах, с кормы и бака, с левого и правого борта — один лишь беспокойный, вечно меняющий лицо океан, живое движение воды, феерия рассветов и закатов, непредсказуемые эффекты света и красок.

Закат всегда норовит застать врасплох. Сегодня, лишь стал угасать день, стеной поползла из-за горизонта темная клубящаяся масса, выталкивая отдельные облачка. Уже затянута половина небосвода, а туча-великан все рвется к центру небесной сферы, разрезая ее на две половины: с одной стороны — зловещая тьма, с другой — набухает вечерней золотистой спелостью чистое небо. Океан тоже расчленен светом и мраком на две части: густой, свинцово-лиловый под тучей — против светлого и живого.

Лохматое чудище взбирается все выше, готовое поглотить свет, однако истончается по краям, слабеет, пронизанное желтыми рефlekсами, расслаивается, оплывая причудливыми формами, и утекает обратно за горизонт, очищая небо.

Никогда не угадать, чем одарит закат. Вечерами стоишь «в боевой готовности» на верхней палубе — на вялом небе зависли так себе облачка, растянутые скучными параллельными жгутиками. Расходятся разочарованные «ловцы закатов», не слышно щелчков фотоаппаратов. Но лишь, вздохнув, сложишь этюдник... Что это? Откуда взялось?

Вспыхивает горячий блеск, это, уходя, полоснуло солнце затаенным жаром. Подпаленные, вспыхнули дурнушки-жгутики, мгновенно превратились в огненно-волшебную пряжу. И немеешь, бежишь обратно, роняя кисти, замешиваешь на палитре неизвестно что с неизвестно чем, в лихорадке глаза и руки: скорее!

Растянуты в полнеба нити. Алые, багрово-оранжевые, вплетены в зеленоватое небо. Жгутики-золушки надели драгоценный наряд, переливаются всеми оттенками кармина и пурпура. Океан зеркально окрашен их красками, рябит золотом, жадно впитывает пламень. «Вот мы как!» — кричат небеса, безумствуя расплавленными сполохами. «А мы вот так!» — и рвется пылающая пряжа, превращается в перья, искорками впивается в небесное полотно.

Ни предвидеть, ни предсказать, какой сценарий заготовлен закатом, и в этом главная тайна. Жди и всегда будь начеку, иначе ненадолго расцветет и увянет своенравный цветок тропического заката.

Поздними вечерами тепло и тихо на пеленгаторной. Плутают над мачтами, возвращаясь по собственным следам, звезды. Здесь, в тропиках, привычный звездный рисунок перевернут вверх ногами. Невидимый из европейских широт, сияет изумрудами на тусклом бархате Южный Крест, таинственная музыка заключена в названиях Арктур и Вега, Плеяды и Альтаир, Кассиопея, Сириус, Капелла... Созвездие Единорога, Персея, Голубя и даже Живописца! Темнея черным пятном «угольного мешка», широкой светящейся полосой течет Млечный Путь, название свое получив от древнегреческих мифов.

Согласно одному из них, однажды рассерженный Зевс отнял от груди своей супруги Геры младенца, и молоко из груди Геры вылилось

на небеса. Другой миф повествует о том, как божественный скороход Гермес приложил к груди Геры голодного младенца Геркулеса, рожденного смертной женщиной от Зевса. Оскорбленная Гера в ярости сама оттолкнула ребенка, и молоко ее хлынуло на небеса — белесая полоса Млечного Пути действительно напоминает пролитое молоко или туман.

С точки зрения науки, дело обстоит иначе. Млечный Путь — лишь скопление миллиардов звезд, расположенных по обоим полушариям неба и замыкающихся в Звездное кольцо, наклоненное к небесному экватору под углом шестьдесят три градуса.

Открылась бездна, звезд полна,
Звездам числа нет, бездне дна,—

писал вдохновенно М. В. Ломоносов. Бесчисленные светила высыпают в безоблачные ночи, трудно разобраться в этой величественной картине. Но в экспедиции есть люди, для которых небеса яснее раскрытой книги. Поднявшись на открытую палубу, нет-нет да и бросят они взгляд на сверкающий хоровод.

— Видите, вот он, Южный Крест, — из ярких звезд первой величины образован ромб! Между созвездием Центавра и Мухи!

Ночами от корабля расходуется светлое сияние, днем, наоборот, возле корпуса сгущается синева. Подрагивают провода, поскрипывают доски палубы, затемнен бак, чтобы не мешать работам в штурманской рубке, неосвещенный черный треугольник носовой части корабля упирается в небо. Скупой свет дежурных ламп вырывает из темноты основания мачт, и кажется, исчезает, растворяется океан. Покинув лаборатории, отдыхают люди после напряженного дня, обмениваются короткими репликами, беседуют — в данный момент о звездах. Удлиняются паузы, тихо срываются с губ слова...

— А ведь когда-то лишь звезды вели мореплавателей...

— А магнитная стрелка?

— Да-да... В Персидском заливе она использовалась при судоходстве, но лишь тогда, когда не было видно звезд...

— А как же навигационные наставления?

— Ну, они касались лишь методов астрономических наблюдений, путь же моряка целиком зависел от светил. А какое огромное практическое значение имели большие каталоги звезд! Возьмите, к примеру, мусульманского астронома Аль-Суфи. Координаты каждой звезды были известны еще в...

— Кстати, именно здесь, в Индийском океане, на рубеже пятнадцатого-шестнадцатого веков, а точнее, в тысяча четыреста девяносто восьмом году Васко да Гама брал на свой корабль штурманом арабского мореплавателя Ахмеда ибн Маджида...

Еще на заре человечества кочующим племенам необходимо было ориентироваться в своих длительных переходах. С началом земледелия появилась необходимость вести хотя бы грубый отсчет времени для регулирования сельскохозяйственных работ. И древние народы стали учиться ориентироваться по звездному небу на местности, вести отсчет времени. Интерес к картине звездного неба имел следствием зарождение науки, названной затем в древней Греции астрономией — от двух греческих слов: «астрой» — звезда и «номос» — закон.

— Однако название еще не служит доказательством возникновения этой науки лишь в древней Греции, астрономия развивалась самостоятельно почти у всех народов, разумеется находясь в прямой зависимости от уровня их развития...

Кто-то, невидимый в темноте, спускается с небес на землю:

— А вам известно, что, когда прокладывали кратчайший прямой путь из Москвы в Ярославль, а также между Москвой и Владимиром, ориентировались по звездам? Ведь Москва как селение существовала во второй половине десятого века, Ярославль же основан в тысяча десятом году; как известно, иных способов ориентировки в те времена не было.

— А как вы полагаете...

Мы не просто прислушиваемся к разговору о звездах. Собственное важное дело привело нас на пеленгаторную в столь поздний час: уже давно тревожит душу и ждет своего часа мотив «Корабль и Ночь». Сегодня наконец друзья-электрики подтянули провод, заручившись согласием капитана Касаткина; приладили лампу, что светит прямо на холст. Работать и пользоваться этим не предусмотренным уставом светом разрешено лишь на станциях, когда судно лежит в дрейфе. Сейчас именно такой случай.

Работаем с облюбованной точки, ищем строгую выразительность конструкций. С торжественного ночного купола изливается алмазный, серебристо-голубой блеск, дышит за спиной теплом пароходная труба. Общение с учеными приносит свои плоды. Теперь и мне известно, что небо поделено на восемьдесят восемь созвездий, из которых тридцать одно находится в Северном полушарии, а сорок восемь — в Южном. Остальные девять — Рыбы, Кит, Орион, Единорог, Секстант, Дева, Змея, Змееносец и Орел — расположились в обоих небесных полушариях. Но ближе к делу.

— Итак, берем холст по вертикали. Корабль-песчинка, над ним Млечный Путь. Ты меня слушаешь?

Но он не слушает. Обстановка действует, Алексеев заражен звездной проблемой. Непримечательны будни наших дней в сравнении с пятнадцатью миллиардами лет возраста Вселенной. Поэтому на мой вопрос он отвечает вопросом:

— Ты помнишь поездку в обсерваторию на Зеленчук? Помнишь радиотелескоп «Ратан» — «Земное ухо» с кольцевой антенной длиной два километра? Для регистрации сигналов из космоса.

— А они будут?

— Сигналы? Будут обязательно, а иначе зачем бы его строили?

И мы остаемся одни на опустевшей палубе, каждый наедине со своими мыслями, под зеленоватым светом звезд, а точнее, бесчисленных солнц. И мерцающий их блеск слепит глаза даже через закрытые веки.

**Сейшелы — острова сокровищ.
«Кто за пауками, выйдите к трапу!».
Ахатина путешествующая.
«Коко де мер»**

21 марта 08.05 стали на якорь рейда Порт-Виктория. В 12.00 ошвартовались левым боком к причалу. Начинаем принимать воду — строгий водный режим. Представители советского посольства сообщают о разрешении на работы в экономической зоне Сейшел.

Из дневника экспедиции

Алексеев

— Земля!!!

В древности люди передвигались по воде с помощью бурдюков с воздухом — плотов из надутых шкур животных. Еще на рельефах древней Ассирии были изображены плоты. Потом плавали в лодках-однодеревках, выдолбив и заострив древесный ствол, на барках, вязанных из стеблей тростника и папируса, с каменными якорями, с парусами, с веслами и без оных, на судах, заменив впоследствии дерево металлом, на современных комфортабельных, оснащенных навигационными приборами лайнерах с мощными машинами вместо мускульной силы и ветра. И всег-гда, лишь только слабые очертания

берегов ломали выпуклую линию океанского горизонта, с палуб, высоких или низких, раздавался ликующий крик: «Земля!»

Мы тоже кричим: «Земля!» — устремляясь на палубу. Хлопают двери, люди бегут из лабораторий, в руках бинокли, фотоаппараты, каждому хочется стать свидетелем чуда — рождения земли из вод морских.

И чудо свершается. На утреннем нежно-пастельном небе, там, куда нацелен острый нос «Курчатова», над слегка намеченной полоской тверди, появляются сочные и пухлые, будто взбитые облачка. Каждая пройденная миля — таинственный переход от бесплотного к плоти, полоска растет, превращаясь в остров, принимает форму высокой трапеции с вертикально встающими голыми скалами, лишь у подножий покрытыми густой пеной лесов. На выступах гор застряли, зацепившись, клочки легких облачков.

Расстояние, отделяющее нас от острова Маэ, еще огромно, и можно охватить взглядом общий его силуэт. Справа и слева от корабля возникают округлые, будто покрытые зеленым ворсистым плюшем головки крошек-островков.

— В палеозойский период Мадагаскар и Индостан были соединены сушей, Сейшелы же — не что иное, как остаточные пики гор между континентами Азия и Африка, — считают одни.

— Сейшелы — остатки давно затонувшего континента, — утверждают другие.

Для разных точек зрения достаточно оснований: до сих пор остается тайной, каким именно образом возникла в центре западной части Индийского океана цепь, именуемая Сейшелами. Ученые легко находят объяснение происхождению разбросанных пятидесяти коралловых атоллов этой группы. Но откуда появились остальные сорок два — гранитных, поднявшихся из континентального шельфа? В том и загвоздка, что гранитных, а не коралловых или вулканических, какими обычно бывают океанские острова. Единственные в мире, они сложены исключительно гранитами и сиенитами (относимыми геологами к числу самых древних пород на Земле). Остальные принадлежат к группе коралловых — это плоские атоллы, возвышающиеся над уровнем океана не более чем на восемь-десять метров.

Таинственное возникновение Сейшельских островов тесно связано с не менее таинственными легендами о наличии на них сокровищ и кладов, якобы зарытых морскими разбойниками, ведь первыми оценили прелесть этих мест европейские пираты и корсары.

— Если верить легендам, еще сам Синдбад-мореход...

— Это лишь искаженное индийское слово «синдху-пати», что переводится как «владыка морей»! — перебивает меня Плахова.

Синдбад-мореход, или Синдхупати, считал Сейшельские острова раем, окаймленным равнинами ослепительно белого кораллового песка и бирюзовыми, прозрачными лагунами. Ни зимы, ни лета не бывает в вечно зеленом царстве, температура не поднимается выше тридцати и не опускается ниже двадцати пяти градусов. Дожди выпадают лишь ночами, в душистых лесах произрастают корица, гвоздика, ваниль и прочие ароматные растения и нет ни хищных зверей, ни змей.

Отдав должное благодатным местам, занятые морским военным разбоем суда (кстати сказать, ходившие под королевским флагом!) избрали их в качестве пристанища и часто посещали бухты. Исторические корни пиратства восходят к незапамятным временам. Полагают, пиратство возникло одновременно с судоходством и считалось вполне респектабельным, даже почетным занятием: награбленная добыча рассматривалась как военный трофей, морским разбоем не гнушались и короли.

Память Плаховой блестяще приспособлена к выборочному хранению информации.

— Совершенно точно! — оживленно восклицает она. — И все же самые яркие страницы в историю пиратства вписали не короли, а женщины! В Карибском море морским разбоем занимались Анна Бони и Мэри Рид, а китаянка Цин командовала пиратской эскадрой и, между прочим, ввела железную дисциплину, даже могла вступать в бой с императорским флотом — в ее эскадру входило сто шестьдесят кораблей!

Но вернемся к Сейшелам. Молва утверждает, что на островах погребены сундуки золотых монет и алмазов; туристам нередко предлагают «войти в долю» или купить акции по кладам!

Утверждают также, что в бухте Бель-Омбр по сей день лежат сокровища казненного на острове Реюньон француза, известного

игрока и авантюриста Оливье Вассера, носившего также имя Ла-Бюз. Перед кончиной на виселице, воскликнув: «Ищите, кто может!» — швырнул он в толпу свиток с чертежами.

Тем временем по правому борту «Курчатова» поднимается островок с гранитным основанием, окруженным белым воротничком прибоа. Островок носит имя Мойенн и приобретен за наличный расчет журналистом Бренденом Гришпоу. Робинзон XX века не чурается посетителей: сейшельские путеводители извещают о зарытой на Мойенне пиратской добыче. Указана и стоимость запрятанного в тайниках клада: тридцать миллионов фунтов стерлингов золотом.

Плахова интересуется, каким образом удалось подсчитать еще не найденный клад, но на этот вопрос путеводитель не дает ответа. Зато можно ознакомиться с дополнительными сведениями: владелец острова сам предпринял попытку извлечь богатство на свет божий, но лишь ударил железной киркой о землю, как два кокосовых ореха упали с двадцатиметровой высоты, чуть было не размозжив ему голову. После столь грозного предупреждения потусторонних сил владелец островка никогда более не делал попыток нарушить покой заколдованного места. Такова вкратце суть интервью Брендона Гришпоу, данного его собратьям, представителям прессы.

— Ну и чепуха! — изрекает лишенная поэтического воображения Плахова, которая не верит и в существование Лох-Несси. — Мистер журналист просто-напросто задумал перепродать свой остров и набивает цену, — подытоживает она, спешно дописывая этюд с потихоньку уплывающим за корму островком Мойенн.

Все выше поднимаются лиловато-серые глыбы Маэ. Глубокие тени лежат в ущельях, по склонам, одетым густым лесом, взбираются вверх светлые коробочки домиков. Встающий из океана остров обведен сахарно-белой каймой коралловых пляжей. Океан, добравшись до берега, приобретает изумрудно-синий оттенок, от оранжево-красной почвы отражаются горячие блики. Административный центр, порт и столица острова — город Виктория нежится в утренних лучах, осененный величественным пиком Морнэ с наивысшей точкой в девятьсот пятнадцать метров. Со скрежетом уходит якорь. «Курчатов» ожидает прибытия лоцмана.

Позади тридцатидневный переход из Европы.

Перед нами открытые в начале XVI века португальскими мореплавателями острова.

Плахова

Ошвартованный левым бортом, стоит «Курчатов» в порту Виктории, на пирсе Лонг-Пир. Когда-то остров Маэ носил звучное имя Иль-д'Абодан. Из гавани город не виден, лишь нависают стеной суровые горные пики. За кормой виднеются странные очертания острова Силуэт с ровной, будто срезанной ножом верхушкой.

В ожидании увольнения в город пишем то небольшое, что видим: я — горные пики, Алексеев — вид на бухту с голубым островом, лишенным вершины. В зрителях недостатка нет: после месяца утомительного плавания люди неприкаянно бродят по палубам в ожидании желанного свидания с землей.

Удивительно красивы переливы цвета в лагуне. Муаровую поверхность бледно-зеленоватых вод прошивают опаловые стежки течений, сплавлены воедино сложные оттенки изумрудно-зеленых, кобальтово-голубых, оливково-травяных тонов.

— Красота, какая удивительная красота! — делится с присутствующими при рождении этюда художник Алексеев. — Не зря утверждал Достоевский: никакая фантазия не может выдержать сравнения с действительностью! Нет, вы только взгляните: каждый островок имеет свой цвет, свой голос.

И трепетной рукой выдавливает на палитру все имеющиеся в тюбиках зеленые краски. Но аудиторию уже как ветром сдуло: спикер объявил увольнение. И тут в нашей семье назревает очередной конфликт.

— Ты знаешь, я, пожалуй, задержусь немного. Это же дописать надо.

В голосе его упорство, с каким тихая вода давит на плотину. Остаться без берега ради живописного залива?! Это уж слишком. Да и что значит «задержусь немного», если в нашем распоряжении лишь трое суток, подаренных для знакомства с Сейшелами?

Положение спасает Гительзон, противиться мягкому голосу которого у Алексеева не хватает сил. Гительзон бросает мне

понимающий, сочувствующий взгляд.

— А вы не думаете, — вежливый голос обращен к Алексееву, занятому передачей великолепного мотива, — вы не думаете, что панорама залива с набережной, из центра Виктории, может оказаться интереснее, нежели с привычной палубы корабля?

Алексеев так не думает, но все-таки складывает кисти. И как раз вовремя: с лязгом опускается парадный трап. Стихла предшествующая выходам праздничная суета, где обязательно кто-то кого-то где-то ждет, зовет или ищет. Сформированы группы, назначены старшие.

И нельзя привыкнуть к этим взволнованным сборам, будто каждый раз впервые ступаешь с корабля на земли тридевятого царства.

— Внимание участников экспедиции! Кто за науками, выйдите к трапу! — разносит спикер голос Федора Пастернака.

Объявление обескураживает, но подкативший к трапу местный пузатый автобус разъясняет ситуацию: куда-то едут.

— Может быть, и мы... — неуверенно вопрошает мой муж, предвкушая возможность избавиться от необходимости транспортировки этюдников: ведь ему приходится таскать и свой и мой тоже. Но нет! Что можно увидеть из окошка автобуса? В жизни всегда приходится чем-нибудь жертвовать, жертвуем пауками и этюдниками. Гительзон и его спутники тоже воздержались от поездки — вместе налегке отправляемся в путь.

Последняя железная ступенька трапа — еще корабль, родина. Один короткий шаг — и ноги ступают на землю Сейшел. Нигде и никогда не бывает столь цепким глаз и обостренным чувство, как на не виданных дотоле землях.

В очень чистом порту низко стриженные газоны пестрят мелкими, похожими на нарциссы цветами. На асфальте скачет и мельтешит нарядный птичий народ, перелетают воробьиные стайки. Да и воробьи ли это? Среди скромных сереньких птичек рдеют огоньками красногрудые, с алыми перышками красавцы, будто несет ветерок над землей яркую осеннюю листву. Может быть, это «ток-ток» — сухопутный ткачик, из-за ярко-красного брачного одеяния его называют кардиналом. Воробей же, завезенный на Сейшелы в тридцатые годы, не был еще известен на островах.

— Оказывается, воробьиный век не так уж короток — четырнадцать-пятнадцать лет, — спешу поделиться немногими

имеющимися в моем распоряжении сведениями.

— Да, да, — поддерживает Иосиф Исаевич. — Но, как подсчитали орнитологи, это общие цифры, средняя же продолжительность их жизни — всего несколько месяцев.

Они любят странствовать: однажды воробей, окольцованный в Москве, был пойман в Африке, мы встречали этих птиц и на зимовках полярников.

Обсуждая птичий вопрос, минуем территорию порта, широкая прямая магистраль ведет в город Викторию.

Сейшелы часто называют «улыбающимся архипелагом». Немногочисленные встречные приветливы и дружелюбны. Темные курчавые головы, смуглые лица, широкополые шляпы, яркие одежды сливаются, словно мазки на картине. Сюда не проникли строгие заповеди ислама, и мусульманская чадра не превратилась в черное покрывало, под объективом фотоаппарата девушки не отводят глаз, улыбаются как давно знакомым.

Судя по рассказам посетивших Сейшелы путешественников, судьба большинства молодых женщин далеко не безоблачна: низкооплачиваемая, по двенадцать часов в сутки работа официантками в ресторанах, барах и прочих увеселительных заведениях или в качестве домашней прислуги.

— Вы обратили внимание на высоту зданий? Вернее, на отсутствие высоты? На Сейшелах действует правило: строения не должны превышать высоты кокосовой пальмы.

В отличие от островитян Тихого океана на улицах не встретишь босого, как в Папуа-Новой Гвинее, в столице ее Порт-Морсби. На Сейшелах даже жители далеких селений, появившись в городе, вынимают из плетеных сумок принесенную с собой обувь.

Одноэтажные и двухэтажные домики убегают к подножию скал. Идем по неширокой Маркет-стрит, ищем, сверяясь с проспектом, любопытное сооружение: на небольшой площади среди разношерстных зданий — башенка с часами в викторианском стиле — миниатюрная копия лондонского Биг Бена. Некогда установленная англичанами и ставшая сейчас анахронизмом.

— И как давно стоят здесь эти часы?

— В тысяча семьсот сорок третьем году «самые прекрасные в мире острова» стали добычей Франции, затем Англии, а с тысяча девятьсот третьего года были выделены в отдельную Британскую колонию, управляемую с острова Маврикий, тогда и была установлена башенка с часами.

Теперь сейшельцы ведут собственный счет времени. Спросите живущего на этих островах, кто он, и получите ответ: «Мы — сейшельцы». Образовалась сейшельская нация, или, как называют ее коренные жители, креольская. В одном котле переплавлена кровь африканских рабов, потомков французских плантаторов, английских моряков, индийских ремесленников, китайских торговцев.

Очередная перепись населения на островах была проведена крайне мудро, без попытки фиксировать расовую принадлежность и определить, кто белый, кто черный, ибо это практически невозможно. Недаром один из советских журналистов, побывавший на Сейшелах, писал: «Генетические связи здесь столь запутаны, что даже самая добропорядочная пара не знает, какого цвета младенец появится на свет!»

Все дороги ведут к океану. В час отлива, уходя, оставляет он отбросы — цветные поплавки, пробки, яркий пластик. Над шелковистой кромкой песка, что-то поклевывая, мелькают необычные птицы с удлинённой точеной головкой, коротким веселым хохолком.

Походная жизнь учит: хочешь знать, не бойся признаться в невежестве. Стоит сказать «не знаю», и люди охотно просвещают тебя.

— Это что за птица?

Иосиф Исаевич и сам пожимает плечами, но переводит вопрос на английский язык. Молодой мужчина в лимонно-желтой косынке на шее, с коричневым добрым лицом и мускулистыми руками подстригает кусты на лужайке.

Он откладывает в сторону большие садовые ножницы и с готовностью оборачивается:

— Эту птицу островитяне называют индийской майной.

Похожая на скворца бойкая птичка нашла приют на Сейшелах. Если повезет, можно увидеть и райскую мухоловку с острова Ла-Диг, ту самую, что считали исчезнувшей с лица Земли.

Сидим, блаженствуя на прогретом солнцем валуне (сейшельцы игнорируют скамейки, о чем говорит их полное отсутствие), но райская мухоловка летает где-то в другом месте.

Неподалеку от берега, дробясь в танцующих отражениях, скользит шхуна «Леди Эсм», перевозит пассажиров из Виктории на многочисленные острова.

Вскоре попутчики наши уходят к северной окраине Виктории, где улочки упираются в четырехсотметровый конус горы, увенчанный антеннами и мачтами, мы же, верные принципу «чем дальше, тем интереснее», избираем дорогу, уводящую из города.

Все реже домики под оцинкованными крышами, все уже полоска асфальта. В глубине зеленеющих лужаек хижины, крытые пальмовыми листьями, сохнувшее белье, запахи пищи, детские голоса.

«Каждой семье — свой дом!» — провозгласил президент Альбер Рене как одну из первых задач молодой республики. И хотя ежегодно строится около семисот домов и начата застройка четырех жилых массивов, дела пока обстоят неважно.

Бредем, оглядываясь по сторонам. ПрогнулсЯ над руслом слабеющей речушки старый мостик, робкие струйки с трудом пробивают путь среди вросших в почву гранитных валунов, мощными зелеными джунглями заросли извилистые берега. Речушка впадает в океан, окрашивая воды побережья мутным, рыжим цветом. Тяжелая сумка оттягивает руки, опустел термос. Не сговариваясь, сворачиваем на грунтовую дорогу с глубокими засохшими колеями к небольшому домику, одиноко притулившемуся под могучим шатром дерева.

Истошным, визгливым лаем заливается черная собачонка. Немолодая креолка в полинялом платье, повязанном крест-накрест шалью, поднимает голову, не прекращая стирки, в деревянном корыте ритмично двигаются большие натруженные руки. Над мыльной пеной танцует веселая радуга, из крана заманчиво бьет струя воды. Знаками прошу разрешения наполнить термос, хочется пить, гудят ноги. Немного передохнуть — и дальше, за поворот, где полощет листьями банановая роща и тянутся вверх стволы пальм.

Алексеев

Наконец-то мы остановились. Люди везде люди, без языка можно найти общий язык. Нас напоили, усадили на кривоватый чурбачок и даже одарили кокосовым орехом с кисловатым прохладным соком. Отполированные валуны, как каменные пальцы, торчат из влажного песка: несколько часов назад возле них еще плескался океан. Сейчас отлив, вода отступила, но он совсем рядом — серебруются солнечные блики, будто движемся косяк блестящей рыбы.

Карин, так зовут женщину, живет здесь с двумя сыновьями; муж, рыбак, утонул много лет назад, когда дети были еще вот такими — мокрая, в мыльной пене рука показывает совсем невысоко от земли. Старший, лет пятнадцати, сидя на корточках, налаживает плетеную ловушку для рыбы, младший, прихрамывая, опираясь на палку, бродит по двору, поглядывая на нас. Хромота — результат полиомиелита,

теперь его лечит врач, даже в селениях вместо колдунов и знахарей появились медицинские пункты. Раньше больные лечились у «бон ом де буа», что означает «лесной добряк» — нечто среднее между колдуном и знахарем. Теперь на Сейшелах запрещена частная медицинская практика. С 1980 года все лечебное обслуживание бесплатно, бесплатны и лекарства, выдаваемые по официальным рецептам.

Тяжелая листва никнет в горячем потоке света, сияющая плоскость океана подчеркивает бесконечность пространства. Три отрешенные человеческие фигурки на клочке земли будто впаяны в пейзаж, как и нехитрое, похожее на сарай жилье из старых ящиков с обрезками жести вместо крыши, незастекленными проемами окон и пожелтевшей циновкой вместо двери над входом. Торцовая часть домика забрана потемневшими, плохо пригнанными досками, на них гирлянды сухих трав, связки мелкой рыбешки.

Плахова порывается сорваться с места, но я вынимаю альбом. Карин напевает, не прекращая стирки, и в напеве слышится нотка щемящей грусти — быть может, отголосок песен предков с их тоской по родной Африке, людей, разлученных с родиной и перевезенных на эти острова в тесных и душных трюмах судов.

Кисть может что-то преувеличить, усилить или приглушить, подчеркнуть разлитую в природе гармонию или, наоборот, нагнетать тревогу и беспокойство. Живописное соотношение воды, неба и земли, сочные пятна растительности, солнечные блики — не главное в этом маленьком мирке, куда привела нас дорога. Ведь у каждого, кто говорит о дальних странах, при всей точности рассказа — своя страна, каждый видит и слышит ее по-своему. Что и как увидеть, как отнестись к увиденному — тайна за семью печатями, не зря существует притча о камнях и людях.

Однажды, сгибаясь под бременем тяжелой ноши, люди носили камни. Одного спросили: «Что ты делаешь?» — и человек ответил: «Не видишь разве? Таскаю камни». Другой, услышав тот же вопрос, сказал: «Что я делаю? Я строю храм».

И хочется «построить храм», держа в руках карандаш, — передать не этнографический характер увиденного, а суть открывшегося крохотного мирка.

В освещенное косым лучом пространство между пальмами и старым деревом врывается живая торпеда. Взвизгнув, шарахается собачонка, рассыпаются в стороны мелкие пестрые куры. Юный сейшелец, белозубый, крутолобый, как молодой бычок, с короткими, туго скрученными кудряшками, тормозит босой ногой и, подняв облако рыжей пыли, спрыгивает с доски самодельного самоката. Мальчишка, будто монетками, облеплен круглой рыбьей чешуей, под мышкой зажат клеенчатый сверток, из свертка, пронзенный прутком, свисает осклизлый рыбий хвост: соседи поделились уловом.

В нескольких крупных магазинах города цены слишком велики, и, хотя местные воды населены восьмьюстами видами рыб, океан не обеспечивает горожан рыбой. Лишь немногие рыбаки имеют снасти для ловли и снабжают жителей небольшим количеством дешевой

рыбы. Дети почти не видят ни молока, ни мяса, сейшельский стол держится на рисе и рыбе.

В каждом экзотическом городе любая дорога неизбежно приводит на рынок, и Виктория не составляет исключения. Попадаем на базар, что носит имя «рыбный», но лишь на одном прилавке розовеют тунцовые тушки. В центре — небольшой, выложенный зеленоватым камнем водоем, продавец-негр в живописном лимонно-желтом клеенчатом фартуке ополаскивает широкий нож в водоеме и приступает к разделке тушек. Покупатели, нанизав сочные куски на длинный прут, уносят рыбу.

Над водоемом скривилась старая, лишенная листьев мимоза, на голом ее острове пара некрупных белых цапель. Склонив головы, следят за мелькающим ножом: не перепадет ли что-либо? Неподвижные, будто изваянные из гипса, они не обращают внимания на говор, скрип тележек, квохтанье связанных за ноги кур.

Пряности, листья кустарника пачули, свернутые коричневыми трубочками палочки корицы, ваниль, бананы, плоды хлебного дерева. Других продуктов не видно: овощи, фрукты и табак островитяне выращивают лишь для местного употребления. Зато бойко торгуют пальмовым вином — тодди, сладким пивом из забродившего сока сахарного тростника — баккой. Широким ножом — пангой — тут же искусно вскрывают кокосовые орехи и, прорезав аккуратное отверстие в скорлупе, предлагают прохладный сок, уверяя, что он куда вкуснее пива.

Однако какой может быть разговор о Сейшелах без упоминания о сейшельском орехе! В лавчонках, гордо возвышаясь над рядами раковин, гребнями, шкатулками и браслетами из панциря черепах, среди соблазнительного изобилия сувениров, лежат они, округлые, удивительные по форме. Не похожие ни на что виденное ранее. Таинственные и загадочные.

Многие журналисты, побывавшие на Сейшелах, не обошли вниманием историю «коко де мер» — морских кокосов. Еще задолго до открытия Сейшельских островов океанские течения прибывали к арабским и индийским берегам гигантские орехи необычайной формы, повторяющей очертания женского тела. Легенды утверждали, что растут они на деревьях, произрастающих на морском дне.

Морские кокосы молва наделила чудодейственными свойствами, связав их с секретом вечной молодости. Как утверждает та же молва, один из Габсбургов посулил четыре тысячи золотых флоринов за орех! Ажиотаж вокруг таинственного ореха усиливался до тех пор, пока какой-то французский моряк не посетил остров Праслен, расположенный в двадцати милях от Маэ. Там, а не на океанском дне, в большой роще странных пальм, росли «морские кокосы»! С той поры единственную в мире рощу варварски расхищали на потребу туристам, пока государство не взяло под охрану эти сейшельские пальмы-эндемики.

Волны выбрасывали гигантские двойные орехи на Малабарский берег Индии, побережье Явы, Суматры, Цейлона (Шри Ланки) и даже на Мальдивские острова. С удивлением находили люди огромные плоды необычайной формы. Происхождение орехов оставалось загадкой, хотя о них ходило множество самых невероятных легенд. Молва утверждала, что орехи эти не только обладают необъяснимой способностью плыть против течения, но и прячутся от людей — добравшись до берегов, самостоятельно передвигаются, стремясь скрыться в лесах. Орехи якобы обладали удивительными свойствами: самый страшный яд терял силу, оказавшись в сосуде из их скорлупы. Полагали, что ядро «коко де мер» в соединении с перемолотым в порошок носорожьим рогом излечивало болезни. Восточная медицина приписывала им также способность возвращать мужскую силу и молодость. Историки утверждали, что на Мальдивских островах содержался особый отряд, именуемый «стражи побережья». После океанского прилива совершали они обход берега, дабы обнаружить выброшенные «морские кокосы». Утаивший находку обрекался на смерть. Вскоре орехи достигли такой цены, что весь судовой груз в трюмах обменивали на один-единственный «коко де мер»!

Тем временем слава о его целебных свойствах успела достичь Европы. В середине XVIII века европейцы впервые проникли в горные долины острова Праслен.

Стоим возле прилавка с «коко де мер». Плахова кружит вокруг витрины, как горькая сирота, рассматривающая пасхальный пряник. Приданные орехам этикетки с нулями возле числа рупий не умеряют ее пыл.

— Надо купить сейшельский орех, лишь один орех!

В качестве утешения покупаю великолепно отглянцованную открытку с изображением не одного, а двух орехов, но, одарив меня уничтожающим взглядом, она погружается в размышления. Могу держать пари, — как стать владелицей «коко де мер».

— Орех будет, — твердо произносит моя жена, возвратившись в порт и вышагивая вверх по трапу. — Без ореха я не уплыву с этих островов. И не сувенирного, заполированного, а в его естественном виде.

Может быть, она собирается совершить кражу на острове Праслен? Мне не нравится манера считать решенными не поддающиеся решению вопросы. И хотя она любит ссылаться на Хаджи-Мурата, который, затевая что-либо, был наперед уверен в удаче и которому всегда улыбалось счастье, но... Выражение лица Плаховой говорит о том, что она вполне созрела для приобретения сейшельского ореха, хотя бы для этого ей пришлось ограбить самого Габсбурга.

**Еще раз о пауках и улитках.
Адам, Дженни, Джозеф и Джозефина.
Мы едем в колледж.
Класс искусств**

Плахова

И все-таки что за таинственная операция под кодовым названием «Пауки»?

Федор Алексеевич Пастернак в своей лаборатории рассеянно покручивает в руках металлическую спиральку. На микроскопе высокий колпак из белой марли. Заметив мой устремленный на микроскоп взгляд, поясняет:

— Это я чехол сделал, чтобы защитить оптический прибор от микрочастиц пыли и ржавчины. (Ученые имеют привычку самые простые вещи излагать научно.)

Алексеев давно собирается «подобраться» к нему с портретом: загорелое, слегка удлинненное лицо, в усах и бородке пробивается рыжинка, под гривой седых волос сияют светлые глаза с живыми темными искорками.

— Федор Алексеевич! Вчера по спикеру вы «экскурсию за пауками» объявили. Вы не могли бы объяснить, что это значит?

— А почему нет, могу объяснить, — отвечает Пастернак, хотя мой вопрос, как и мое присутствие, явно отвлекает его от единоборства со спиралью.

Рассказ Пастернака. С Сейшельскими островами я впервые познакомился в 1968 году, во время экспедиции. Пауков тогда было очень много. Огромные, черно-оранжевые, они висели на деревьях, вили сети на проводах электролиний. Сейчас таких проводов нет:

сейшельцы перешли на европейскую систему освещения. Стало намного больше летучих лисиц, к тому же завезенные на эти острова мальдивские муравьи и термиты всячески досаждают сейшельцам.

Так вот, этих необычных пауков член нашей экспедиции доктор биологических наук Анатолий Алексеевич Шилейко должен был в качестве экспоната доставить в Москву, в лабораторию бентоса. Добыв местный автобус, мы отправились к подножию скал; деревья прямо-таки карабкались вверх по граниту, а солнце не пробивало полога зелени. Бродили долго, продирались сквозь заросли, но так и не нашли желанных пауков, зато обнаружили не менее интересных сухопутных моллюсков, достигающих огромных размеров. Это были так называемые ахатины: можно не поверить глазам, увидя сидящую на листе улиточку... до пятнадцати сантиметров длиной!

Раньше она жила в африканских и мадагаскарских лесах, питаясь зеленью. Африканцы, в свою очередь, с удовольствием употребляли в пищу саму улитку. Раковину ее использовали для изготовления монет. Улитка эта была обнаружена и описана в середине XVIII века. Однажды некто, соблазненный размером или вкусом моллюска, взял его с собой на корабль. Дальнейшие события развивались несколько неожиданно: через сто лет — срок для природы незначительный — ахатину обнаружили в Индийском океане, на островах Маврикий, Реюньон, Сейшелы. Затем путешествующая улитка оказалась в Индии, откуда ее продвижение на восток почему-то приостановилось.

Зато в 1910 году ее обнаружили в Малайе, в 1925 году — в Японии, в 1931 году — в Южном Китае, а затем на Гавайских островах. Остается предположить, что какому-то японскому солдату пришлось в голову увезти в ранце несколько ахатин. Завоевателей изгнали, но ахатины остались, и освоение ими новых территорий стало лишь вопросом времени. Рассказывают также, что один молодой человек, проходивший военную службу на Гавайях, собираясь в отпуск во Флориду, «прихватил» с собой три ахатины — вскоре любители цветов обнаружили прожорливых улиток на любимых клумбах. Одна ахатина откладывает ежегодно до шестисот яиц. Если бы выживал каждый вылупившийся моллюск, через три года они достигли бы цифры одиннадцать миллиардов.

Сельскохозяйственные эксперты забили тревогу: улитку стали называть «чумой растений» — опасность грозила всем кофейным

плантациям Флориды; из «африканского деликатеса» жительница тропических лесов превратилась в кругосветную путешественницу!

Ф. А. Пастернак

Но ведь мы о пауках говорили. Так вот, за их отсутствием биологи сосредоточили внимание на ахатинах. После неудачной экскурсии к подножию скал Шилейко собрался в Ботанический сад. Тут я вспомнил прошлую экспедицию. Говорю: «А ведь я тебе пауков без тропических лесов и садов достану!» — и повел его к окраинам, где стоят домики местных жителей. Между ними под кривым деревянным мостиком струился зажатый каменными стенками ручеек. На полусгнивших сваях, между провисшими проводами, в изобилии висели пауки, те самые. Шилейко оставалось лишь спуститься к ручейку и отважно хватать пауков пинцетом, что он и сделал без промедления.

В лаборатории биологов, за темными стеклами банок, плавают в формалине желанные пауки. Нашли свое место и ахатины — бледно-коричневые красавицы в туго свитых конусообразных раковинах с продольными коричневыми полосками по золотому фону.

Чтобы не расстраивать охотников за пауками и сухопутными моллюсками, молчу и не сообщаю о том, что и за ахатинами не было никакой необходимости выезжать на автобусе. Нами тоже сделано научное открытие: в любой канаве города Виктории по цементному ложу, предназначенному для стока дождевых вод, и просто по тротуарам свободно гуляют ахатины — кому какая понравится!

Второе утро на Сейшелах. Еще не объявлен выход в город. В ожидании разрешения приходится любоваться пейзажем с палубы.

Самый изобретательный зодчий не смог бы придать столь фантастичных форм своему творению: трехглавый гранитный исполин сглажен ветрами, иссечен глубокими трещинами, будто затейливой вязью абстрактного рисунка. Гранитный фиолетово-зеленый монолит стережет залив, бухта, как стручками, усеяна шхунами и лодками.

Виляя и раскачиваясь из стороны в сторону, движется неустойчивое суденышко «Леди Эсм» — три раза в неделю курсирует оно между островами Праслен и Ла-Диг и Викторией. Путешествие на «Леди Эсм» среди местных жителей не считается приятным.

А. А. Шилейко

Корабли, яхты, шхуны и лодки приспособляются к жизни воды и неба, кажутся живыми, как и плещущие подле них волны. Но главная прелесть их заключена в скользющем движении по утренней воде. Иллюзия парения тем сильнее, чем спокойнее океан, чем ярче трепет бликов на округлых боках суденышек.

Безмятежное созерцание залива прервано появлением оживленно жестикулирующего Алексева. Проходит не менее пяти минут, прежде чем удастся добиться от него внятного рассказа, что именно произошло или собирается произойти.

Итак, Иосиф Исаевич Гительзон познакомился с ученым, директором Сейшельского колледжа, Джоном Адамом. Сейчас Адам с семьей прибудет на корабль; Гительзон приглашает нас принять участие в ответном визите в колледж, где есть класс искусств.

Адам приезжает вместе с супругой и двумя ребятишками — десятилетним Джозефом и малюткой Джозефиной. Глава семьи представительен, корректен, держится дружелюбно и просто. Дженни Адам — миниатюрная креолка, совсем юная, с восточным разрезом удлинённых к вискам карих глаз. Красивые руки, на нежном лице, будто роспись по фаянсу, темные полукружия бровей — красавица из сказки. С ребятишками, подвижными, как ртуть, разговаривает тихим, мелодичным голосом, и они повинуются ей беспрекословно, как маленькие веселые зверьки, тут же прибегают на зов.

Дети в первый раз на корабле. Заглядывают в гостеприимно распахнутую дверь капитанской рубки, с удивлением рассматривают пульта управления, замирают перед стеклянными витринами, где хранятся подарки, полученные «Курчатовым» во всех концах света:

австралийские игрушки — кенгуру и коалы, флажки, искусные плетения Океании, гирлянды транжипаний с островов Тонга, нарядные, отделанные оленьим мехом куклы северных стран, значки, эмблемы...

Гости совершают экскурсию по кораблю. Комфортабельные салоны, солидная научная библиотека, удобные интерьеры производят должное впечатление. В семье Адама, как и в остальных сейшельских семьях, говорят на трех языках — французском, английском и местном, креольском. В беседе с Гительзоном Адам придерживается английского, но Дженни и дети то и дело переходят на живой креольский. Неожиданно выясняется: Дженни владеет и четвертым — немецким, теперь наступает мой час — тягостное время безмолвных жестов и улыбок миновало.

Семья Адама посещает лаборатории, в том числе лабораторию Гительсона, руководителя группы биофизиков, самую таинственную на корабле, здесь исследуется биолюминесценция моря. Иллюминатор плотно задраен темными шторками, погашен свет — в темноте неземным, фосфоресцирующим светом загораются голубые колонии бактерий, извлеченные учеными из организмов морских рыб.

Время летит быстро, но все же Алексеев ухитряется сделать карандашный набросок — портрет Адама, и тот, бережно завернув рисунок, уносит подарок с собой.

— В колледже обучается двести человек, — рассказывает Адам, когда машина, уходя в сторону от гавани, взбирается вверх по асфальту. — Есть и класс искусств.

Пестрые козырьки и цветные жалюзи придают улице нарядный вид. Цветущие кустарники ярко-желтыми и алыми гирляндами перетекают через низкие ограждения, свисают над тротуарами.

— Обучение в колледже совместное, сейчас процент девушек составляет одну треть, но цифра эта неуклонно растет. Вы уже обратили внимание на сейшельский типаж? Ведь наши острова показали миру уникальный случай образования нации, в основе которой лежат разнородные корни — европейский, индийский и африканский. Родился и новый язык — креольский.

— И за какой период это произошло?

— Всего за два века — исторически очень короткий срок. Несмотря на разные этнические типы, наш народ доказал, что можно

жить дружно.

Машина минует ажурные ворота, за ними лужайки с низкоостриженными газонами, рдеют на кустарниках огромные, как тарелки, цветы гибискуса. На территории расположены два учреждения — колледж и министерство образования. Именно это последнее обстоятельство едва не сыграло роковую роль в нашем путешествии!

Двухэтажное здание колледжа под ярко-красной черепичной крышей спланировано в форме буквы П. Широкая наружная галерея с белыми колоннами объединяет выходящие на нее классы. Замкнутый крыльями галереи, лежит внутренний дворик с плотной голубоватой травкой, похожей на искусственное покрытие.

В колледже перерыв. Девушки-смуглянки в светленьких закрытых блузках и длинных малиновых юбках, перетянутые в талии аккуратными узкими поясками, щебечут непринужденно и весело. Одарив нас задорными улыбками, крепенькие девчушки, хохоча и брызгаясь, моют под краном ноги, ничуть не смущаясь присутствия посторонних. Юноши в свежих отутюженных рубашках, шортах и высоких белых гольфах кажутся рослыми и статными, белизна накрахмаленных безрукавок оттеняет золотистую кожу. У многих ярко выражен африканский тип, но все они, светлые и темнокожие, кажутся удивительно юными и красивыми.

— Сейчас наше правительство в отличие от бывшей колониальной администрации придает исключительно важное значение образованию молодежи, — с гордостью говорит Джон Адам, вводя нас в свой кабинет. — Выехавшим для дальнейшего обучения в другие страны молодым сейшельцам выплачивается стипендия. Бесплатно не только само обучение, но и учебные пособия. Вы знаете, какая самая большая расходная статья нашего государственного бюджета? Восемьдесят миллионов рупий в год на образование, что составляет двенадцать миллионов долларов в год!

Кабинет Джона Адама — глубокая застекленная ниша на первом этаже галереи, сюда не долетает разноголосый шум переменки. Полутораметровая модель яхты с оснасткой сделана руками учащих,

на мачте трехцветный флаг республики. Африканские скульптуры, декоративный батик, натюрморты в технике акварели, масла. Многочисленные фотографии отражают увлечение студенческого ансамбля танцами и музыкой, спортивные призы говорят о высоком уровне спорта. Стены увешаны таблицами с расписаниями занятий, программами, календарями.

— Колледж — промежуточное звено между средней и высшей школой, — говорит Адам.

— Каково его основное назначение? — вопрос Иосифа Исаевича.

— Подготовить способную молодежь к поступлению в университеты Англии, Франции, Австралии. В последние годы многие сейшельцы обучаются в социалистических странах, например в Югославии. Несколько человек учатся в институтах Киева и Московском университете.

И пока рассматриваем объемистый журнал — ежегодник, иллюстрированный фотоматериалами и юмористическими рисунками учащихся, пронзительный звонок возвещает о конце перемены.

В аудитории, куда приводит нас директор колледжа, вопрошающие глаза, оживленные лица. Креолы, индийцы с иссиня-черными прядями волос, европейского типа светловолосые юноши, рыженькие девушки с распущенными по плечам локонами. Тремя секторами поднимаются ряды, каждый выше предыдущего, за столиками по три человека.

При словах Адама «гости из Советского Союза» по аудитории проходит легкий шепоток.

На безукоризненном английском Гительзон читает лекцию сейшельским студентам, и в речи его то и дело звучат слова «Москва», «университет». Рассказывает об организации в Советском Союзе науки, о Сибирском отделении Академии наук, о задачах экспедиции.

И кажется — мир не так уж велик. Незримая нить от сибирского академгородка пересекла экватор, дотянулась до затерянных в просторах Индийского океана Сейшельских островов. Когда указка, демонстрируя путь «Курчатова», огибает Европу и по карте шествует в Южное полушарие, аудитория приподнимается с мест. Глаза, блестящие, как антрацит, светлые и темные, серьезные и с веселой искринкой, следят за указкой. В классе, вмещающем сто учащихся, напряженная тишина, полуоткрыты рты, внимательны взгляды. Голос

Гительзона перебивают лишь посвистывание и треньканье резвящихся на лужайке птиц. Иосиф Исаевич переходит к рассказу о своей лаборатории.

— Борис Владимирович! Не поможете ли вы нарисовать батометр?

— Корабль в любом ракурсе — пожалуйста. Боты, шлюпки, киты, акулы — тоже. А насчет батометра я пас.

Лектор удивлен. Его батометр кажется ему простым как божий день и ясным даже неспециалисту. И хотя ответ Алексеева звучит на чистейшем русском языке, выражение лиц и мимика сделали диалог понятным — заулыбались, засмеялись, задвигались. Приходится Гительзону самому брать голубой мелок и рисовать свой прибор. А затем наступает время обращенных к лектору вопросов. Они следуют один за другим. О свечении. О приборах, его определяющих. О методах, результатах, перспективах.

— А знаете, — скажет, вернувшись на корабль, доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Гительзон, — ведь они задавали мне очень дельные, очень толковые вопросы.

— Например?

— Я рассказывал о свечении и фиксации его приборами в глубинах океана. Первый вопрос, заданный мне девушкой-студенткой, был: удалось ли установить, какие именно организмы и каким образом излучают свет?

И неудивительно: кабинеты биологии, физики, химии и другие приспособлены к серьезной экспериментальной работе, оборудованы приборами: программа по биологии в Сейшельском колледже соответствует программе Кембриджского университета.

— Занятия в нашем классе искусств добровольные, аудитория комплектуется по призванию и таланту, — рассказывает преподавательница, когда мы появляемся в большом светлом помещении с открытыми, во всю стену проемами окон. Молодая женщина в голубой строгой блузке, с тяжелой копной вьющихся каштановых волос кажется сверстницей своих учеников. Уважительно и ласково они зовут ее по имени — Кристина.

Для нас, гостей, сооружена выставка-экспромт. Живопись и рисунки, выполненные в различной технике, уже развешаны на стенах

— не каждый день появляются на Сейшелах советские художники. Судя по экспозиции, молодежь тщательно штудирует натуру, стремится передать характер и материальные особенности предметов. Сложные формы океанских раковин, узоры кораллов, живые и сухие цветы и растения. Немало портретов, рисунков с обнаженной модели.

— Многие рисуют у нас в классе «просто так», — рассказывает Кристина, — но для иных искусство — призвание.

Винсента Катима и Камиля Стренга она считает самыми одаренными из своих учеников. Немного смущаясь, темноволосые рослые юноши снимают со стеллажей объемные папки с рисунками. Винсент и Камиль мечтают учиться в Советском Союзе. Несколько молодых сейшельцев уже учатся в Москве. В библиотеке колледжа много переводной литературы из СССР, в классе искусств среди пособий находим репродукции с картин Сурикова и Репина, Саврасова и Левитана, Васнецова, Рябушкина, Врубеля. Есть альбомы репродукций и с работ современных мастеров изобразительного искусства.

Класс полон света, широкое окно выходит на внутренний дворик. Плотные, подбитые черной тканью драпировки регулируют силу освещения. Вдоль одной из стен — полки с материалами для работы: рулоны ватмана, холста, краски и кисти — все выдается бесплатно.

Тем временем Винсент и Камиль, развязав тесемки толстой папки, извлекают рисунки и акварели. Примечательно, что, работая на плейере, молодые художники не стремятся к выигрышным мотивам, а уж их-то на Сейшелах предостаточно. Любой предмет кажется им достойным изучения, отсюда — многочисленные фрагменты: камень на дороге, стволы в пятнах солнечного света, цветущий куст... Попавшее в поле зрения изображено с протокольной точностью.

— Мы еще не умеем постигать живописную структуру пейзажа, — говорит Кристина, — но хотим научиться передавать, как трепещут листья и переливается вода...

Методика преподавания в колледже «еще ищет себя», работы студентов класса искусств не следуют определенной школе, в значительной степени «каждый поет свою песню». Составляющие экспромтом созданную выставку работы (в основном композиции учащихся) во многом грешат рассудочностью, яркая, прекрасная

природа тропиков предстает монохромной, налицо стремление к символике, гротеску.

Гигантский рак душит в клешнях человечка; из взбудораженных вод тянутся разверстые пасти чудищ; полузвери-полупризраки осаждают города — хаос тел, взрыв фантазии, вакханалия эмоций. И рядом «Рыба на тарелке» того же автора — скрупулезно выполненный натюрморт, с тщательно проработанными деталями.

Было бы по меньшей мере странно, если бы океанские ветры не занесли на Сейшелы господствующие на западе и окруженные неослабным вниманием мировой печати веяния: искусство, имеющее своим содержанием не внешний мир, а состояние ума художника, повернутое спиной к изображению жизни.

Однако здоровые, живые ростки пробиваются к свету. Наряду со стилизованными, условными работами есть острые, характерные зарисовки: «Занятия в колледже», портреты, жанровые сценки, отличающиеся непосредственностью и хорошим вкусом: учащиеся обращаются к живительному источнику искусства — правде жизни.

Любимый художник Кристины — Огюст Ренуар. Его слова: «Художник должен верить самому себе и советоваться только со своим истинным учителем — природой» — ее художественное кредо. «Я не мудрую, у меня нет ни правил, ни методов. Любой человек может смотреть, как я пишу... и он увидит, что у меня нет секретов», — писал этот мастер. Не случайно А. В. Луначарский назвал Ренуара «живописцем счастья».

В старой немецкой сказке о трех сестрах Одноглазка и Трехглазка упиваются своей непохожестью на людей, презирают Двуглазку за сходство с другими. В наш непростой двадцатый век у этой сказки должен быть счастливый конец. Жизнеутверждающее начало, питаемое щедрой природой тропиков, созерцательный дух островитян, логично воспринимающих мир, неизбежно должны стать основой творческого поиска молодежи.

Может быть, потому, что так ослепителен экваториальный свет и окружают нас такие же смуглые молодые лица, память невольно возвращает в другую часть планеты, в другой океан, в другое, ставшее свободным государство.

— Талант — это достояние народа, и его надо беречь, — говорили нам в Национальной школе искусств города Порт-Морсби, где учатся

представители шестисот этнокультурных групп Папуа-Новой Гвинеи. — Наша школа — единственное подобного рода учреждение в Океании; вернувшись домой, в деревни, ученики передадут приобретенные знания своему народу.

Условия отбора для учения в школе искусств Папуа-Новой Гвинеи те же, что и в колледже Сейшел, — наличие таланта, призвание. Процесс учебы сложен, общение между учащимися затруднено, недаром этот район планеты считается «раем для лингвистов». Дети шестисот различных племен говорят на разных языках и наречиях, нередко даже жители соседних деревень плохо понимают друг друга.

Национальная школа искусств в Порт-Морсби — явление уникальное, это не только единственное учреждение в Океании, объединяющее одаренную молодежь, но и первая попытка свободного государства воздействовать средствами искусства на духовный мир человека. Программа обучения включает изобразительное искусство (в том числе прикладное), хореографию, драматургию, литературу, музыку. Оригинальное и самобытное искусство народа, несмотря на долгое бремя колониального господства, живет и развивается в творчестве талантливых юношей и девушек.

В искусстве отражены их представления о мире, связывающие в единую цепь человека, животных, постоянно умирающую и возрождающуюся природу.

Своеобразно преломляясь в творчестве, мир этот сохраняет свои конкретные обозначения, всегда узнаваем. Однако в изображении новогвинейцев он предстает фантастичным и условным, как условны и фантастичны сами представления художника о мире.

Неудивительно, что в разных точках планеты есть много общего в восприятии жизни островитянами: условия существования, тесно связанные с природой, заставляют людей пристально к ней приглядываться, «дружить», искать контакта. Богатое воображение стремится проникнуть в суть предмета, в метафорическом, поэтичном видении мира заключена реальность.

С восходом солнца в океане из мрака возникают очертания изящных пальм, хижин, скал. Почему бы не утверждать, что... «солнце рождает деревья»? Многие народы, определив, что предметы при блеске огня приобретают красный цвет, стали считать причастными к рождению огня ярко окрашенных алых птиц...

Но вернемся к Сейшелам.

Как скажется влияние профессионального образования, как претворятся на деле сложные задачи воспитания молодых художников в молодой республике, покажет время.

Президент Альбер Рене, чей портрет, выполненный одним из учащихся, висит в аудитории класса искусств, провозгласил: «Абсолютно каждый сейшелец имеет право на бесплатное образование, а уж как он им сумеет воспользоваться — дело таланта каждого...»

На прощание Джон Адам обращается с просьбой показать учащимся наши рисунки и акварели, сделанные в рейсе и на Сейшелах. Смуглые юноши и девушки склоняются над длинным столом, где мы раскладываем работы.

Из окон класса виден океан с полоской прибоя на рифах. Белое здание колледжа похоже на большой корабль, уплывающий в голубую даль.

Близится к концу день, уже окрасились рыжим цветом гранитные скалы, солнце опускается за остров Силуэт. Джон Адам любезно предлагает отвезти нас на корабль. Цветы гибискуса еще раскрыты, ловят последние лучи, факелами пылают на фоне набрякших фиолетовых теней. Прошу Алексеева сделать несколько слайдов с цветами на фоне колледжа. И тут происходит непредвиденное.

Как всегда не торопясь, неохотно отправляется он выполнять поручение. Привыкнув все делать добротнo, долго раздумывает, какому именно кусту отдать предпочтение. Выискивает ракурс, приседает и примеряется, кружит около «объекта».

Загадочные маневры и манипуляции с фотоаппаратом привлекают внимание стоящего возле соседствующего с колледжем министерства образования и информации полицейского. Покинув пост у входа, блюстителъ порядка в черном мундире быстрыми шажками приближается к подозрительной личности. Художник Алексеев, сочтя полицейского достаточно колоритной для кадра фигурой, включает и его в поле зрения фотообъектива, затем, желая быть правильно понятым, оживленно жестикулирует, чем еще более убеждает последнего в преступности своих намерений. В силу незнания языка диалог состояться не может, и полицейский, потеряв терпение, решительно хватает вяло отбивающегося Алексеева за руку.

С галереи видно: мой муж робко пятится в тень зарослей, представитель же власти, не выпуская руки, тащит его в обратную сторону. Мизансцена напоминает известный сюжет «кто кого перетянет». Алексеев в последний раз оглядывается в надежде на спасение, и вот лишь алая рамка цветущего кустарника обрамляет опустевшую лужайку.

К счастью, Адам уже в машине. Выруливаем к месту происшествия: примирившись со своей участью, влекомый полицейским, бредет Алексеев — левая его рука прижимает к груди злополучный фотоаппарат, правая надежно покоится в твердой руке представителя власти. Так вот почему отсутствует на Сейшелах характерная для века проблема роста преступности: бдительность полиции играет не последнюю роль! Кто знает, какое наказание предусмотрено иностранцам, бесславно фотографирующим неположенные объекты; моему соавтору, наверное, уже чудится сейшельская Бастилия во чреве гранитных скал.

Тем временем машина догнала шествующую пару. Не тратя времени на размышления, открываю дверцу и крепко вцепляюсь в неплененную руку своего мужа — как-никак, а сделать слайды его послала я! Изо всех сил тащу жертву к машине, благо вблизи полицейский оказывается низкорослым и щупленьким. От неожиданности пальцы его разжимаются, и Алексеев, изменив обычной флегматичности, поспешно ныряет в машину.

Мистер Адам монотонно объясняет представителю власти, что мы его, директора колледжа, гости. Полицейский берет под козырек. Инцидент исчерпан. Так заканчивается посещение колледжа.

От своего и Дженни имени Адам приглашает нас на обед, вернее, ужин. Неподалеку от Виктории, на самом берегу океана, находится их коттедж.

— Очень скромный, построен по собственному проекту, — говорит Джон Адам.

Уже истаяла томительная дневная духота. Напоенный запахами цветущих растений, стекает с гор воздух. Темнеет быстро, будто накрывает острова мохнатое черное покрывало. Уже давно зажглись бледно-розовым светом фонари, желтые огоньки домиков карабкаются к подножию гор. Изредка на головокругительной высоте вспыхивают на шоссе фары — словно большие светляки облётывают горы.

О пиратах. В гостях у Адама. Буржуа под соусом. Мы — сейшельцы

Алексеев

Целых двадцать пять лет я был несправедлив к Плаховой, считая ее «адским водителем». В стремлении скорее вернуться к Дженни Джон Адам то резко ныряет под уклон, то заставляет машину свечой устремляться в небо. Поздний вечер скрывает дорогу, сквозь широкие лапы пальм прорывается и не может прорваться половинчатый диск луны. Мятущийся свет фар вырывает странные очертания каменных гигантов — огромные глыбы, добравшись до осевой, вросли, сдавили и без того узкое полотно дороги, козырьками-карнизами нависают над головой. Валуны теснят ленту асфальта, каменные великаны стремятся столкнуть машину в пропасть, откуда, заглушая шум двигателя, нарастает рокот океана.

Иногда проскользнет, пересекая путь, собака да вспыхнут на обочине зеленые изумруды кошачьих глаз. На заднем стекле еще играют отсветы сейшельского маяка, но вскоре выступающий мыс глухой кулисой отрезает город. Мчимся в тоннеле искривленных пальмовых стволов, вытянутых в сторону океана.

— История Сейшел удивительна, — прерывает молчание Адам. — И самое удивительное, что до шестнадцатого века они были необитаемы, лишь арабские пираты использовали их как временное пристанище.

Рассказ Джона Адама. Основание поселению, названному Порт-Ройяль, положила в 1742 году группа из пяти-шести французов и девяти африканских рабов. Первым поселенцам было трудно: изолированные острова не имели каких бы то ни было контактов. Однако поселенцам помогала природа: плодородные почвы давали богатый урожай, океан снабжал рыбой, леса — древесиной, климат был гостеприимен и мягок; у колонистов не существовало причин беспокоиться о будущем. Многие побывавшие на островах считают, что потомки переняли эти черты и сейшельцы — люди беззаботные и беспечные. К первым поселенцам присоединились другие эмигранты. Острова стали постоянным предметом раздора между англичанами и французами. После поражения Наполеона в войне Сейшелы окончательно перешли к Великобритании в качестве колонии, которая управлялась сначала с острова Маврикий, а позже превратилась в колонию Сейшельские острова.

Запрещение рабства в 1835 году вызвало приток освобожденных рабов. Захватывая суда работорговцев, британские военно-морские силы отпускали рабов на свободу. Сейшелы стали привлекать индийцев и китайцев, преуспевающих в коммерции.

Черты культур трех континентов не могли не оставить след на образе жизни сейшельцев.

28 июня 1981 года народ Сейшел и многочисленные иностранные гости торжественно отметили пятую годовщину провозглашения независимости: нашему национальному празднику сопутствует веселый карнавал, вобравший краски праздничных традиций нескольких стран. В танцах и музыке воплощены черты и африканской культуры. В течение двух веков бывшие рабы из Африки в тайне сохраняли свои обряды, устраивая празднества в укромных уголках под звуки тамтамов, и сегодня в креольском танце сохранены танцевальные ритмы барабанов. Здоровые черты культуры возрождаются, растет число ансамблей, певцов и танцоров. Скажите, вам приходилось видеть креольскую сегу? Это удивительное зрелище! В танце оживает душа народа, множество оттенков настроения передается пластикой жестов, движением тел, выразительной игрой пальцев.

Мы не видели креольской сегы и не знаем, доведется ли ее увидеть. Свист покрывок на поворотах, где совсем рядом угадывается в

чернильной темноте обрыв, глухие удары прибоя. Дробится в листве лунный свет, тянутся к стеклам машины растрепанные листья бананов. Обстановка располагает к таинственным историям.

— Скажите, что означает марка с изображением морских разбойников, зарывающих сундук? — спрашивает Иосиф Исаевич. — Пятицентровая марка семьдесят пятого года.

— Если вы видели наши карты, то наверняка обратили внимание на названия. Например, «Пиратская пещера» на Маэ или присвоенное островку имя корсара восемнадцатого века Жана Франсуа Одуля. Пираты и корсары были крепко связаны с губернаторами и офицерами, поэтому пиратская вольница действовала безнаказанно. На Сейшелах зарытые сокровища по сей день тревожат людское воображение. Полагают, что главные богатства лежат в прибрежных скалах бухты Бель-Омбр, и вот однажды...

Тут машина под прямым углом сворачивает с шоссе на грунтовую дорогу. Еще несколько метров — и мы упираемся в поляну, замкнутую тяжелыми купами деревьев, с одноэтажным коттеджем в центре. Из раскрытой двери дрожащей золотой полоской тянется свет, сияют теплотой окна, и уже бегут навстречу, перепрыгивая через выступающие корни, Джозеф и Джозефина.

Только что земля казалась нетронутой и дикой, безликой — масса растений. Но вот уже на пороге дома в простом и милом домашнем платье встречает нас Дженни. Еще покачиваются недавно брошенные качели, сохнут ребячьи трусики и рубашонки, вертятся под ногами две черно-белые кошки с острыми лисьими мордочками.

Как сказал Адам, семьей был приобретен пустующий участок джунглей на берегу океана. Теперь здесь растут бананы и манго, тянется ввысь папайя, вокруг плодовых деревьев тщательно вскопанные, аккуратные колечки земли. На тонких ножках, похожие на мячи свешиваются плоды хлебного дерева. Дженни с гордостью

показывает посаженное ею авокадо, называемое здесь «аллигаторовой грушей».

— А вот и яблоня! — Дженни весело смеется, уловив удивленный взгляд. Странное растение с блестящими, как у фикуса, глянцевыми листьями даже отдаленно не напоминает яблоню.

В большом, переходящем в террасу холле уютно и просторно. Толстый ковер на синем с белыми квадратами пластике пола, светлые стены, окрашенный белой масляной краской потолок обрамлен декоративными балками. Несколько изящных гравюр и удобная мягкая мебель составляют убранство холла.

Джозеф помогает матери сервировать низкий столик — холодные фруктовые напитки, блюдо с подсоленными фисташками, ледяное пиво, пористые кубики сыра. От включенного телеэкрана бегут по потолку голубые рефлексy, высвечивая многодетное семейство гекконов. Приклеившись вверх ногами, пара больших демонстрирует многочисленный выводок малышей от полутора сантиметров длиной.

— Они живут в каждом доме! — говорит Дженни. — В тропиках их более шестисот видов. Мы довольны, что они поселились у нас — ведь гекконы питаются бабочками, пауками и многоножками.

В подтверждение ее слов гекконы обращают внимание на привлеченных светом ночных бабочек, с удивительной точностью, одним стремительным движением головы хватая жертву. Поужинав, семейство гекконов застывает с торчащими изо рта крылышками.

— Наши — самые лучшие! — улыбается хозяйка. Адам же как ученый считает долгом пояснить:

— Это очень древнего происхождения вид животных. Из семейства ящериц. Позвонки двояковогнутые, а пальцы расширены и покрыты роговыми пластинками, что позволяет им свободно прогуливаться вверх ногами по потолкам.

И пока Дженни хлопчет у стола, Адам подключает видеоролик, снятый на островах Альдабра, куда нам вскоре предстоит заход.

Атолл Альдабра находится в тысяче километров к юго-западу от Маэ и выглядит на экране сплюснутым, вытянутым по эллипсу кольцом, напоминающим раскрытую пасть акулы. Заповедник, изолированный самой природой. В цветном изображении, неторопливо взмахивая лапами, передвигаются огромные, как малолитражки, слоновые черепахи. Те самые, что заслужили честь располагаться на

сейшельском гербе. Удивительные эти существа могут считать себя ровесниками исчезнувших с лица земли динозавров — окаменелые черепашьи останки были найдены в слоях, насчитывающих четверть миллиарда лет. Благополучно пережив конец мелового периода — дату гибели динозавров и других пресмыкающихся, исполинские черепахи свободно гуляли во многих частях света. Еще сто пятьдесят — двести лет назад обитали они более чем на тридцати островах Индийского океана. Увы, по мере развития судоходства бедные черепахи все более превращались в объект промысла ради панциря и мяса, став в трюмах парусников «живыми консервами» для моряков.

Особенно интенсивно истребляли галапагосских слоновых черепах: мясо и печень их оказались очень вкусными и питательными. Сегодня эти гиганты сохранились лишь в двух уголках планеты — на Сейшелах и у западного побережья Америки. Громоздкие существа — прекрасные пловцы; если их смывает приливом в океан, они плывут, ухитряясь держать панцирь под водой, голову же поднимают вверх, как перископ. Без пресной воды и пищи плывут они неделями и месяцами.

— Пленка очень редкая, — комментирует Адам. — Ведь мой отец был чиновником, отвечающим за подведомственные территории, в том числе за атолл Альдабру. В детстве я жил вместе с ним на этом атолле, но, к сожалению, детские впечатления стерлись. Кроме Альдабры имеются национальные парки и в других районах, есть заповедник и на Маэ. На рифах тоже созданы морские заповедники для изучения происходящих там процессов.

Дженни приглашает к ужину. На столе изобилие фруктов, печеные плоды хлебного дерева. Джозеф приготовил сюрприз: сам наловил в океане рыбы!

Из двадцати пяти тысяч известных человечеству видов рыб съедобны лишь несколько их групп, к ним относится и разновидность морского окуня, добытого Джозефом. На местном диалекте рыбу эту называют «буржуа». Буржуа приготовлены и поданы под соусом. Но каким!

— С соусом следует обращаться осторожно! — предупреждает Дженни.

Как понимать это предостережение? Неполная чайная ложка вылита на рис и отправлена в рот. Взрыв! Пожар! В горло влит глоток расплавленной смолы. Бедный, не приспособленный к сейшельской

кухне рот! Бедняжка Джозеф давится от смеха, а я... только вежливость может удержать за столом.

Угадав мои муки, Дженни удаляется на кухню и приносит кувшин охлажденной чистой воды, божественный напиток, способный погасить пожар.

Рыбу сменяют аппетитно подрумяненные цыплята под соусом, но с ним предпочитаем не иметь дела, утешаясь десертом — мороженым с янтарными дольками плодов.

После ужина Дженни делится с Плаховой секретами сейшельской кухни, вобравшей в себя черты французской, индийской и китайской кулинарии. Надеюсь, добравшись до Москвы, она забудет эти рецепты.

— Оказывается, это можно приготовить и дома! — торжествует моя жена. — Корица, ваниль, тмин, уксус, имбирь и чеснок. Да-да, чуть не забыла: особое место как ингредиент занимает кокосовое молоко!

Возможно, отсутствие в Москве хотя бы этого последнего «ингредиента» избавит меня от преждевременной гибели.

Очень хочется сделать портрет Дженни, подарив его Адамам на память. Но как поделикатнее приступить к этому вопросу?

Плахова

После ужина Алексеев затевает светскую беседу, в витиеватых выражениях извещая, что ужин был прекрасен, как прекрасна сама хозяйка дома, но он удручен тем немаловажным обстоятельством, что не имеет уверенности, согласится ли она позировать и, если согласится, удастся ли ему передать все ее очарование и прелесть. Затем взор его обращается ко мне — очевидно, в ожидании перевода. Но нет, немецкий язык слишком прямолинеен, дабы передать такие глубокие мысли и чувства. Гительзон приходит на помощь, однако надо признать, что перевод его значительно короче речи Алексеева. Дженни улыбается, кокетливо поправляет шелковые локоны и с готовностью усаживается на диван. Алексеев извлекает альбом и приступает к действию.

Вчера на корабле он сделал удачный рисунок с Адама. Но Дженни! Лицо ее все время в движении, в нем нет ничего обыденного, трепетная изменчивость выражения глаз, мимика, женственность чуть

широковатого лица с еле заметно выступающими скулами. Дженни не позирует: подвижной ее натуре противоестественны застывшие позы. Алексеев с хитростью приступает к портрету, лишь контуром наметив очертания лица, сосредоточившись для начала на каштановой волне ниспадающих волос. А мне не остается ничего другого, как рисовать портрет устроенного Джозефом на моих коленях толстого щенка, во всем мире именуемого дворняжкой. Имени у юного существа еще нет, но судьба его складывается удачно.

— Можете себе представить, — горюет Дженни. — У нас сейчас три щенка, и все три — девчонки!

Действительно, можно посочувствовать. Включая со-баку-маму, наличие четырех девиц в доме — и на Сейшелах проблема.

— О! И что же вы намерены делать?

— Не знаю! — пожимает плечиком Дженни. — Мы хотели их отдать, но дети категорически против.

Отрадно слышать, что мнение Джозефа и четырехлетней Джозефины может играть решающую роль в судьбе собачьей семьи.

Так и течет тихий вечер на берегу Индийского океана. Совсем близко проходит шоссе, но сочная листва гасит звуки, зеленым занавесом отделяя дом от дороги. Семейство гекконов, устроя пауков и многоножек, все еще висит на потолке распластанными черными крестиками.

— Хотите, я прочитаю вам стихи сейшельских поэтов? — предлагает Адам.

...О великий сейшельский народ,
Это единственное сочетание всех рас,
Посол всех культур,
Зеркало, отражающее все цвета,
Котел, переваривший все предрассудки,
Носитель многих цивилизаций,
Ты показываешь пример пути,
По которому должен последовать мир...

Перед отъездом заветной тропинкой Джозефа спускаемся к океану. Одевшись звездами, совершает свой путь Ночь. Берег в лунном свете

кажется голубым, коралловый пляж похож на светлый ковер, обрамленный черными тенями пальм и полоской прибой. Благоприятные острова действительно кажутся раем, будто лежит перед глазами не земной пейзаж, а созданная искусным художником декорация.

Но покой обманчив. Прошу Джона Адама рассказать, что произошло на Сейшелах в 1979 году.

— Тогда, в октябре тысяча девятьсот семьдесят девятого года, мы не знали, что беспорядки на Сейшелах возникли не стихийно, а явились частью тщательно разработанного южноафриканскими службами плана свержения правительства Альбера Рене и установления контроля над «райскими островами».

Двадцать пятого ноября восемьдесят первого года, в семнадцать часов тридцать минут, группа южноафриканских наемников под видом спортивной команды регбистов прилетела рейсом из Мбабане и высадилась на Сейшелах, в международном аэропорту Пуэнт-Ларю в Виктории. Во время прохождения пассажирами паспортного контроля один из сотрудников таможни заметил, что из рюкзака «спортсмена» торчит дуло автомата. В упаковках с детскими игрушками и кондитерскими изделиями, зарегистрированных как «подарки детскому дому», было обнаружено оружие.

Благодаря внезапности вторжения группе наемников удалось захватить диспетчерский пост аэродрома, взяв пассажиров в качестве заложников. Однако после многочасовой перестрелки стало ясно, что «регбистам» надо удирать, и как можно скорее.

В это время самолет индийской авиакомпании совершал перелет по маршруту Солсбери — Бомбей. Ничего не подозревая, летчики сели в Пуэнт-Ларю для заправки.

Силой захватив самолет, наемники позорно бежали в ЮАР. Цель этой акции недвусмысленна — ведь удобная гавань острова Маэ находится вблизи маршрута танкеров, следующих из Персидского залива мимо мыса Доброй Надежды, и Виктория могла бы стать звеном в цепи военно-морских баз «сил быстрого развертывания» в юго-западной части Индийского океана.

Но мы, сейшельцы, думаем иначе. В семьдесят девятом году, в дни бесславно закончившегося «переворота», народ продемонстрировал единство с правительством Альбера Рене. Возле гавани установлен монумент Свободы: человек, рвущий цепи. Взявшись за руки, стояли в

оцеплении, охраняя его, сейшельцы. Наш народ предлагает превратить Индийский океан в зону мира!

Последний день на Сейшелах. Дорога на Бо-Валлон. Кого едят акулы. Рассказ Розы Мишель. Паспорт для Кокоши

Алексеев

Молодой кондуктор в залихватски сдвинутой на затылок форменной фуражке растягивает в улыбке толстые губы и приставляет к ладони с растопыренными пальцами еще один палец. Это значит, что за шесть рупий нас доставят к конечной остановке, а где она будет, нам, право, все равно. Легковая машина Адама — жалкий тихоход в сравнении с доставшимся нам бешеным автобусом, жарким и тряским. Водитель, для удобства сбросив сандалии, до отказа выжимает босой ногой педали и, держа руль одной рукой (в другой руке сигарета, дымок ее мечется то вправо, то влево, повторяя поворот), ухитряется совершать лихие пируэты. Что такое наши кавказские или крымские «тещины языки» перед этой своенравной дорогой, конечным пунктом которой являются небеса! Вспоминаем путешествие с Адамом, однако автомагистраль ночью не так безжалостна к пассажирам — скрывает пропасти и скалы.

Нещадно лязгая передачей, ветхий наш транспорт вновь устремляется на очередную крутую горку. Катят навстречу по правой стороне неповоротливые фургоны, выскакивают на обгон малолитражки. Неожиданно тезка-автобус, вынырнув из-за скалы, атакует в лоб и,

чадя дымом, пролетает мимо — законы для физических тел в пространстве не распространяются на Сейшелы, где рейсовые автобусы могут при необходимости растягиваться и сокращаться в ширине!

Пассажиры валятся друг на друга, вцепившись в поручни, до блеска отполированные руками. Судя по всему, наше транспортное средство знавало и лучшие времена, сейчас же оно без единого стекла, с отверстием вместо двери. В пустом проеме, чиркнув темным пятном, исчезает выпавший из чьей-то поклажи кокосовый орех. Квохчут куры, визжат поросята, почтенная креолка, зажав между толстыми коленями плетеную корзину с цыплятами, истово осеняет себя крестом на каждом повороте, иначе говоря, крестится непрерывно. Перегревается, жжет ноги через подошвы туфель пол.

И кто бы мог подумать, что головокружительный наш путь имеет протяженность всего четыре километра; аттракцион за шесть рупий окончен, нам вновь дарована жизнь. Прибываем на Бо-Валлон, знаменитый пляж, впрочем, на Маэ любая дорога приводит к пляжу — шестьдесят восемь пляжей длиной девяносто семь километров составляют береговую линию острова.

Общая территория островов невелика — всего четыреста пять квадратных километров, акватория вместе с двухсотмильной экономической зоной вокруг архипелага превышает миллион квадратных километров — столь явной диспропорцией между водой и сушей не обладает ни одно государство в мире.

Снова стоим на берегу океана (или Сейшельского межостровного моря). Лоция утверждает, что «выделение этого моря в особый бассейн не является всеми признанным, хотя глубина его составляет пять тысяч триста тридцать два метра».

Для купания глубина Сейшельского моря, как и температура воды (плюс тридцать два градуса), вполне достаточна. Памятуя о запретах на бикини и шорты в Океании (в частности на высоконравственных

землях королевства Тонга), Плахова обеспокоена этическими проблемами:

— А как насчет открытых купальников? Прилично?

Тогда в Океании, на полинезийском острове Номука, члены экспедиции были несколько ошарашены поставленными властями условиями: «Женщины не должны появляться на острове в шортах, мужчины — купаться в плавках». Сформированной для высадки первой целомудренной группе, в том числе нам, пришлось придерживаться предписания. Однако во время пребывания на острове начался отлив. Там, где утром покачивался на волнах бот, теперь обнажились корявые рифы. Бот держался вдалеке от берега, на большой воде, с опущенной в море железной лесенкой.

На глазах у жителей деревни Номука члены экспедиции дружно ринулись в глубины в одежде. Договоренность с властями была соблюдена: никто не воспользовался купальным костюмом и, что еще ужаснее, плавками.

— Так я могу надеть открытый купальник? — отрывает меня от воспоминаний Плахова.

Напоминаю ей, что ранее, в старые времена, проспекты рекламировали Сейшелы как «острова вседозволенности». Сообщаю, что более половины младенцев появляется здесь на свет вне законных браков, от молодых матерей в возрасте от пятнадцати до двадцати четырех лет.

— А причем здесь купальники? — спрашивает моя жена, и это звучит резонно.

Туристический бизнес, дающий республике девяносто процентов валютной выручки, вряд ли станет накладывать вето на открытые купальники.

Сейчас не сезон, и знаменитый «Коралловый отель» Бо-Валлон пустует, на широкой светлой полосе пляжа не видно купальщиков. Легкое, нежное небо, изящные шеренги пальм, утопающие в свете

холмы окружают опалово-изумрудную бухту. Коралловый песок искрится алмазными блестками, удивляют беззаботной щедростью пейзажи, будто природа выставляет себя напоказ.

Безлюдно и под тенью шатров из пальмовых листьев, островерхие, как шляпки гномов, выстроились на набережной необычные зонтики; в каменной стенке, отделяющей пляж от асфальтированного шоссе, зигзагообразные выступы, образующие углубления, подобные отдельным кабинам. Там, на удобных каменных скамьях, можно сложить вещи.

Вопрос о форме пляжной одежды не успевает перерасти в проблему: сжалившись, судьба посылает знамение — от пальмовой рощи к океану медленно движется сейшельская пери. На точеных плечиках черные кольца локонов, крошки-бикини, прекрасен обнаженный торс. Невозмутимо прошествовав рядом, красавица входит в воду. Так вот какова мода на островах!

Нежно поплескивая, томится океан — гигантская ванна с теплой горьковато-соленой водой. Низкие волны идут по мелководью, желтизной просвечивает дно, и прозрачная вода кажется золотистой. Возле границы рифов цвет густеет, насыщаясь иссиня-изумрудными красками. Крутая дуга бухты замкнута торчащими из воды гладкими розово-фиолетовыми скалами. Под ногами юркие рачки ввинчиваются во влажный песок остренькими конусами ракушек, матово светятся обломки кораллов. Чтобы попасть на глубину, надо уйти далеко в море.

— А как насчет акул? — на всякий случай задаю вопрос, памятуя об опыте, полученном в Океании.

— Какие еще акулы! Они только в глубинах ходят, а это курортный пляж, здесь миллионеры купаются, — в голосе Плаховой неиссякаемый оптимизм.

Хочу сказать, что вряд ли счет в банке имеет для морских хищниц какое-либо значение, но... наконец-то ноги не достают дна, упругая атласная вода блаженно покачивает тело. Над кудрявым зеленым холмом неожиданно расцветают в небе два красно-оранжевых цветка, планирующие к океану, где в ожидании «приводнения» спортсменов покачивается яркий катер.

Желающих ждет и другое развлечение: неширокие доски, по форме напоминающие лыжу, с установленными на них мачтой и парусом —

виндсерфинг. Пестрыми бабочками горят косые паруса — любители скольжения под парусом выходят в залив. Знаменитое «катание на волнах» пришло с других материков. (Известный чехословацкий писатель и этнограф М. Стингл описывает давно известный в Полинезии «холуа» — спуск со склонов гор. Соорудив на сотни метров трассы из каменных плит, полинезийцы скользят по ним, как «на санях, без снега».) Возле домика-проката виден сколоченный из досок высокий помост, на нем неподвижная фигурка.

— А это что?

Трудно пожать плечами, находясь в колыхающейся воде.

Действительно, что это? На берег выбираемся вблизи загадочного сооружения. Опустив на нос поля плетеной шляпы, крепко спит молодой мужчина в залатанных белых джинсах. Мерно двигается кадык, пальцы сжимают ремешок бинокля. Все тайное рано или поздно становится явным: помост — рабочее место, мужчина — наблюдатель. Подвешенный рядом железный брус призван издать предупреждающий звук, если в безмятежной глади покажется грозный плавник.

Но мы уже на берегу, и добрых тебе сновидений. Тем более местные жители не помнят случая, чтобы в заливе акула напала на купальщика. По статистике, в Тихом океане от акул погибает пять человек в году, в Атлантике — один, в Индийском — еще предстоит выяснить, наверное, какой-то пустяк. Теперь в роли пессимиста выступает Плахова.

— Но в прежние времена на Сейшелах велась на акул интенсивная охота! Акульки плавники вывозили в Сингапур и Гонконг, а съедобные части ели сами сейшельцы. Кто знает, когда акулы вздумают появиться вновь?

Вот теперь я наконец могу пожать плечами. Действительно, кто знает? Снова, в который раз, поражаешься светоносной силе тропической природы. Как многолик пейзаж в южных и северных широтах, в разное время суток и при разной погоде. Свет гасит или заставляет вспыхивать краски, выявляет или смягчает очертания предметов, создает настроение, управляет кистью.

Проблема передачи освещения занимала не одно поколение живописцев. Удивительных успехов добились голландские пейзажисты XVII века, в частности Вермеер Дельфтский. В XIX веке к

проблеме света в плейере вплотную приблизились англичане Джон Констебль и Уильям Тернер с их мягкой и подвижной красочной средой и точным движением кисти, определяющей место предмета в воздушной среде.

Лена Лазарева

Именно Джона Констебля можно назвать отцом реалистического пейзажа. В начале XIX столетия, стремясь к предельно конкретному и правдивому изображению, стал он впервые писать природу непосредственно с натуры, творчеством своим совершив подлинную революцию в пейзажной живописи. Небезынтересна и позиция Жана Батиста Камиля Коро: «...природа — это все...» Этот мастер французской школы, как никто, умел передать свежее, трепетное ее дыхание. Он пишет растрепанные дуновением воздуха кроны деревьев, склоненные сухие стебли трав, на его полотнах ветер гонит облака, колышет цветущий вереск.

Велико искусство поймать мгновение. Запечатлеть его навечно, совершить невозможное, остановив облако или ветер. Только такая кисть может отобразить изумительный сейшельский пейзаж. Полжизни можно положить, чтобы передать ритм гибких пальмовых стволов, сложную и тонкую игру света на поверхности моря, воздушную дымку над островками.

Бели бы я мог располагать достаточным временем! Вместо половины жизни я имею половину дня, а может, и того меньше. Об этюде не приходится и мечтать, ухожу с альбомом в тень пальмовой рощи. Пересечь раскаленную ленту асфальта — то же самое, что ступить на железный противень, вынутый из полыхающей печи.

Делаю наброски: две женщины-креолки похожими на грабли метелками прочесывают и без того чистый пляж; притененный широченной сизалевой шляпой, бредет старик с удочками на плече;

чернокожая девушка, совсем ребенок, узкоплечая, хрупкая, длинноногая, несет на голове корзину: Голова на гибкой шейке кажется маленькой от множества туго сплетенных, притянутых к коже косичек.

По обрызганной солнцем тропинке шествуют девушки. Стройные, худощавые, прекрасно сложенные, с европейскими чертами лица и светло-коричневым оттенком кожи, с волнистыми прядями волос. Группка слилась с пейзажем — до чего гармонично создала природа женщин. Будто не касаясь земли, плывут по дорожке, ничем особо не примечательные, а глаз не оторвать. Пытаюсь незаметно воспользоваться фотоаппаратом. Могут получиться прекрасные слайды.

Плахова устроилась на парапете на противоположной стороне шоссе, целиком сосредоточенная на очаровательном мотиве. Пишет акварелью панораму берега, макая кисти в банку с океанской водой. Когда мы наконец встречаемся — первые услышанные мною слова: — Еще не всю пленку перевел на женщин? Для пейзажей хоть одна кассета осталась?

А ведь могу поклясться: сидела ко мне спиной. Поразительно.

Плахова

По белому, как сахар, коралловому пляжу Бо-Валлон идут, взявшись за руки, две молодые женщины. Одна из них — Лена, член экспедиции. Аспирантка Лена Лазарева окончила химический факультет Московского университета, три года работала на Дальнем Востоке в ЛИЗО — Лаборатории исследований загрязнения океана. Там, в Хабаровске, на Тихоокеанском научном конгрессе и состоялось наше знакомство: прекрасно владея французским языком, Лена работала гидом на академической выставке.

— Я ведь в первый раз в жизни за рубежом, никогда не ступала на землю так далеко от родины, — говорит Лена.

Худенькая, с короткой стрижкой, в шортиках и полосатой майке, она похожа на стройного мальчишку.

— Когда сошла с корабля на Сейшелах все показалось таким чужим, непривычным, и люди такие далекие, непохожие на нас, чужие. Это чувство носила в себе, пока не забрела в Ботанический сад. Там, на

лужайке, среди тропических цветов, молодая женщина играла в мяч с ребятами — четырехлетним и двухлетним малышами. Дети так звонко смеялись, а я так соскучилась по своей Настеньке... Словом, подошла, угостила ребятшек апельсинами. Так я познакомилась с Розой.

Рядом с Леной — стройная сейшелка: наверное, здесь все женщины красавицы! Из-под пушистых ресниц доверчиво светят карие глаза, темные локоны просвечены солнцем. Роза Мишель — креолка, ей двадцать три года, работает клерком в «Коралловом отеле» — том самом, знаменитом Бо-Валлон. На свой заработок содержит мать и двух ребятшек.

— И так пошло у нас с ней все по-доброму, — продолжает Лена. — Мы почти не расставались в эти дни. Роза пригласила меня в гости, я ее — на корабль. Возникло ощущение, будто мы давным-давно знакомы, и Сейшелы перестали казаться мне чужими.

Лена встряхивает короткой челкой и понижает голос, хотя Роза Мишель вряд ли может ее понять, ведь мы с Леной беседуем по-русски.

— Мне кажется, — говорит Лена, — какая-то трагедия произошла в семье Розы: ведь она осталась одна с двумя детишками на руках. Что именно произошло, спрашивать было неудобно, я лишь задала вопрос, как она управляет с детьми, ходят ли они в детский садик. Роза ответила, что во всей Виктории есть пока одни-единственные ясли, поэтому за детьми присматривают матери или бабушки. Ей тоже помогает ее старенькая мама, они живут все вместе в маленьком домике неподалеку от Дома народа.

Мы видели это здание, крупнейшую новостройку столицы — трехэтажное, современной архитектуры, простое и строгое. Широкие марши белых лестниц ведут в Дом народа, на флагштоках трехцветные национальные флаги, анфилада высоких окон смотрит в океан.

— Роза рассказала, как строили этот дом. Средства на его сооружение собирали жители всех Сейшельских островов, а первый камень был заложен в июне семьдесят девятого года, в день третьей годовщины революции.

— А большая у Розы семья? Есть сестры, братья?

— У нее есть только младшая сестра, сейчас она в молодежном лагере Порт-Лоне Национальной молодежной службы.

Переводит Лена, а Роза с мягкой улыбкой смотрит на нас прекрасными креольскими очами.

— Лена, попросите, пожалуйста, Розу рассказать о молодежном лагере.

Рассказ Розы Мишель. Моя младшая сестра Лив очень хотела попасть в молодежный лагерь неподалеку от Виктории, на побережье бухты Лауни, в Порт-Лоне. Каждый год в январе (это у нас начало учебного года) лагерь принимает очередную смену.

— А Роза была в этом лагере?

— Конечно. Кроме того, о нем ей много рассказывает сестра. Очень живописное место, на западном побережье острова Маэ.

В недавнем прошлом бухта была знаменита тем, что здесь снимались порнографические фильмы из серии «Похождения красотки Эммануэль».

Правительство выкупило у частных лиц эту территорию — теперь здесь живет и учится молодежь.

Роза Мишель

Лучшие преподаватели знакомят ее с историей страны, мировым искусством, музыкой. Юноши и девушки могут записаться туда лишь по окончании девятилетнего школьного обучения. Дело это сугубо добровольное.

Когда в семьдесят девятом году правительством было принято решение о создании Национальной службы молодежи, недовольные отпрыски из богатых семей стали усиленно распускать слухи, что всех школьников старше пятнадцати лет будут силой отправлять на дальние острова в военизированные лагеря. В столице возникли беспорядки, на целую неделю пришлось закрыть школы. В западной прессе пытались представить молодежные лагеря как принудительные

военно-казарменные поселения. Эти измышления публиковали противники демократического режима. Им не нравится, что в молодежном лагере прививают чувство гражданского долга, дают специальность. Преподавание ведется в тесной связи с практическими знаниями.

Надо сказать, «по все частные школы на Сейшелах сейчас закрыты. Всякая плата за обучение отменена. А если семья очень бедная я не может в течение многих лет посылать ребенка в школу или, например, школа далеко от дома, такой семье оказывают помощь.

— И в чем она выражается?

— Дети получают бесплатно школьную одежду, учебники, питание во время занятий. Специальные автомашины лодки привозят ребяташек из дальних районов. В декабре семьдесят девятого в Виктории была открыта большая детская столовая, где бесплатно питается три тысячи детей из всех пятнадцати школ города.

В молодежном лагере популярен спорт, в каждую смену сюда приезжает восемьсот человек. Девушки и юноши в возрасте от пятнадцати до семнадцати лет должны провести там два года. Классные комнаты и общежития находятся в пальмовой роще, занятия ведутся нестандартно, с использованием видеоаппаратуры: преподаватели стремятся слить теорию с практикой. Есть свои катера, сети, даже небольшая животноводческая ферма, учащиеся полностью обеспечивают себя продуктами.

В группе, где находится Лив (их называют «связками»), сорок два человека, они самостоятельно распоряжаются несколькими акрами земли. В блочных домиках уютные комнаты, каждый по очереди выполняет работы по дому, готовит пищу. Покидая лагерь, молодые люди сами выбирают свой дальнейший путь: продолжают образование или поступают на работу. Миновали колониальные времена, когда учебные программы готовили из сейшельцев лишь квалифицированную прислугу для западных туристов, теперь молодежи предоставлена возможность получить всестороннее образование.

На центральной площади Виктории воздвигнуты три белые стелы, подобные взмахнувшим крыльями, готовым к полету птицам. Легкие сиреневые тени косыми стрелами ложатся на асфальт, бегут голубые рефлексии по белоснежной поверхности. Школьники-малыши,

побросав ранцы, расчертили площадь кружками и квадратами, скачут и смеются, как все дети планеты. И есть что-то символическое в шумливых стайках детворы, играющей рядом со светлыми птицами, слетевшимися на Сейшелы с трех континентов — Европы, Азии и Африки.

Алексеев

Последние часы на острове Маэ. Объявлено короткое увольнение в город. «Рифт», дотоле пришвартованный к «Курчатову», уже отведен на рейд. Обидно уходить от этих берегов без таинственного морского ореха. Не теряя времени, отправляемся в поход за «коко де мер», без которого Плахова не мыслит дальнейшего существования. Суть отнюдь не в приобретении любого ореха-сувенира: ей нужен морской орех — неполированный, нелакированный, не изукрашенный нелепыми орнаментами, не в виде коробочки-шкатулки, а такой, каким его создала природа.

Если верить справочнику-проспекту, лишь в Майской долине, в национальном заповеднике на острове Праслен, счастливцы могут лицезреть орех в натуральном виде.

Удаленность Сейшельских островов от материков, естественная их изоляция привели к тому, что флора и фауна по числу эндемиков (растений, пресмыкающихся и птиц, обитающих лишь на этом архипелаге) занимают одно из первых мест в мире. И все же главная достопримечательность островов — знаменитая пальма-лодоицея с Праслена. Растение служит отличной приманкой для туристов, веерные пальмы тщательно пересчитаны на всех двадцати гектарах Майской долины. Изображение чудо-пальмы украшает герб Сейшел, гигантские сдвоенные орехи, весом до двадцати пяти килограммов каждый, самые крупные семена на планете, наречены восьмым чудом света. Такому плоду для созревания требуется десятилетие, само же дерево имеет долгий, до восьмисот лет, век. Должно пройти не менее шести месяцев после падения ореха на землю, чтобы сгнила его плотная оболочка и орех начал прорастать. Только спустя полтора года устремится росток к свету, прибавляя по одному-единственному листку в год. «Не уносите отсюда ничего, кроме сделанных вами фотографий и не оставляйте ничего, кроме следов ваших ног» —

написано в памятке, вручаемой при входе. Национальный заповедник сохраняется в первозданном виде, хотя и острова Праслен коснулись происходящие в республике перемены, например строительство небольшой верфи на берегу океана, откуда выходят рыболовные суда. Из справочника следует также, что загадочные пальмы — растения двудомные, на одних деревьях произрастают мужские цветки, на других — женские. Из женских развивается плод-великан, весом в несколько килограммов, общий же вес плодов только на одной пальме порой достигает двухсот килограммов. Мужские соцветия достигают метровой длины и усеяны мелкими цветочками. Странная форма их породила легенду о том, что душными и жаркими тропическими ночами пальмы «любят друг друга», свидетели же их любовных игр обязательно умрут.

Местные поверья предостерегают любопытных от ночных визитов в роццу. Лишь живущие здесь черные попугаи могут безнаказанно наблюдать «зачатие и рождение» морского кокоса. Колония этих нескромных птиц на острове не превышает тридцати-пятидесяти экземпляров, гнездами для них служат дупла сгнивших пальмовых стволов.

В поисках «коко де мер» все дальше уходим в город.

От окрашенных в разные цвета лавчонок — ярко-зеленых, желтых, синих — рябит в глазах. Под старомодными карнизами нарядные гирлянды флажков и лампочек. Зато внутри, в полумраке, невообразимо пестрое смешение товаров. Кольшутся распяленные под потолками на вешалках юбки и рубашки, поблескивают в углах утварь, обои и сервизы, пряности, зубные щетки и магнитофоны, штабеля свернутых рулонами тканей, парфюмерия и бензиновые горелки. Продавцы, как факиры, безошибочно извлекают из хаоса нужный товар. Прилавки заполнены безделушками и сувенирами, резными, из слоновой кости шахматами, бижутерией, изделиями из панцирей черепах. Цветным фейерверком переливаются лепестки вееров, глазают из полутьмы чучела странных рыб и птиц, рассыпаны неизвестно как забредшие на Сейшелы кастаньеты. Но увы, «коко де мер» ожидают покупателей лишь в виде шкатулок или отполированных, снабженных орнаментами чаш.

Обратный путь к кораблю уже не окрашен радужными надеждами, возвращаемся но розовым, усыпанным опавшими лепестками

дорожкам, не заглядывая больше в витрины. Уже близко гавань — над низкими крышами поднимаются верхушки мачт, видны пароходные трубы. Именно в этот момент...

Плахова

Крупная, представительная дама в броском декоративном платье, покроем похожем на кимоно, качнув угольно-черной, сложной, как башня, прической и распространяя аромат восточных духов, энергично пересекает дорогу. Каблучки изящных европейских босоножек столь высоки, что вынуждают снизу вверх взирать на их владелицу. Благополучно избежав столкновения, останавливаемся на узком тротуаре. Алексеев делает шаг назад, по-джентльменски освобождая путь стремительной сейшелке, но, оглядев нас и безошибочно определив потенциальных покупателей, прекрасная дама улыбается самой ослепительной из рекламных сейшельских улыбок и жестом приглашает следовать за собой. Рукой подать от дороги, последний в ряду замыкает улицу невзрачный деревянный домик, без витрин и вывесок, скучного, серо-зеленого цвета.

Так не будем удивляться: именно он оказывается мастерской, где обрабатывают «коко де мер»! Не раз и не два миновали мы эту постройку в странствии по Виктории, как Тильгиль и Митиль, устремляясь за синей птицей, не удосужились взглянуть на то, что рядом. А зря.

Дальнейшие события развиваются донельзя удачно. Преодолев обыкновенное деревянное крылечко, попадаем в мир вещей, сотворенных из предоставленного природой материала. Поделки из ракушек, миски, ложки-черпаки на длинных ручках (из расщепленных бамбуковых палочек, вставленных в скорлупу кокосовых орехов!), резные фигурки из кожуры плодов, плетения из сизаля и рисовой соломы, черепаховые гребни, бусы и заколки — буро-золотистые, светлые, темно-коричневые из панциря черепах-каррет, что значит «остроклювая». На свое несчастье, бедняжка каретта обладает прочным, легко поддающимся полировке панцирем. И... «коко де мер». Крупные и средние, удивительные по форме, но увы, полированные, испорченные навсегда.

До сих пор остается загадкой, как без знания английского, французского или креольского языка удастся растолковать даме, что мы художники из Советского Союза и нам нужен «нормальный», необработанный орех. В ход идут улыбки и жесты, восклицания и междометия, согласные и гласные звуки. Рисунки в блокноте довершают дело. Дама кивает головой и скрывается в соседней комнате, притворив за собой дверь. Мне кажется, она просто выпроваживает нас, но Алексеев по наитию устремляется за ней следом. За дверью мастерская. В длинной пристройке, на цементном полу, беспорядочной кучей лежат, ожидая обработки, таинственные «морские орехи». Матовые, сохранившие шероховатость живого растения, с порослью жестких рыжеватых волокон. Помещение, куда привел нас случай, — одно из отделений открытого в Виктории в 1977 году Центра прикладных искусств и ремесел.

Центр объединяет желающих постичь тайны мастерства. Ловкие руки юношей и девушек создают сувениры из природного материала. Чего только нет в мастерской: связки молодого бамбука, пучки сизаля, кораллы, черепаший панцири, плоды и листья кокосовой пальмы. Худощавый юноша в темных очках, с курчавыми завитками над высоким лбом выкатывает к нашим ногам гигантское ядро, действительно напоминающее очертаниями женское тело.

Еще один полученный от дамы знак призывает к терпению. Хозяйка салона вновь удаляется, на этот раз в контору. На всякий случай поближе продвигаемся к ореху. По истечении десяти минут нам вручают лист гербовой бумаги в голубой сетке разводов — паспорт на орех, затем бланк с указанием стоимости и сертификат для таможни на вывоз за пределы Сейшельских островов законного приобретения. Что и говорить — уважение мое к ореху растет пропорционально количеству связанных с его судьбой формальностей. Даме вручаем двести рупий (обработанный орех стоит шестьсот) и даже получаем сдачу: горсть очаровательных сейшельских монеток с изображением зверюшек и раковин, призванных стать желанными сувенирами для московских друзей-нумизматов.

Наступает мгновение, когда можно получить товар. Алексеев протягивает к Кокосе (так отныне называется наша собственность) руки и... сгибается в три погибели. Попробуйте рывком поднять с

пола орешек весом десять килограммов и донести его до причала. Но тут уж, как говорится, своя ноша не тянет.

Экспедиция опять уходит в океан, оставляя за кормой удивительный архипелаг, на гербе которого еще в XVIII веке обозначен был латинский девиз: «Тысяча миль отовсюду!»

«Курчатов» покидает острова, которые гораздо прекраснее своих изображений на самых глянцевых проспектах: недаром существует предположение, что арабский путешественник XIV века Ибн Баттута, описавший чудесный остров-мираж в Индийском океане (тот самый, где он якобы увидел фантастическую птицу Рох), подразумевал Сейшелы. К сожалению, нам так и не довелось увидеть знаменитую креольскую сегу, как не довелось отведать супа из ракушек тет-тет, бифштекса из черепахи и тушеных летучих мышей-фруктоедов, считающихся у сейшельцев деликатесом. Зато мы увозим Кокошу, снабженного паспортом, подтверждающим его высокое происхождение под океанским бризом на острове Праслен.

Полигон «Фреда».

Потоп, или Что такое ватергюйс.

«Боцмана — на бак!»

24—28 марта работаем на полигоне «Фреда» в районе подводной возвышенности

Из дневника экспедиции

Алексеев

«Курчатов» уходит от острова Маэ и следует в район подводной возвышенности Фреда. От правительства Сейшел получено разрешение на работу советского научного судна в территориальных водах Сейшельских островов. Полным ходом идем на новый полигон, станции следуют одна за другой. Уже миновали сутки, океан относительно спокоен, однако среди ночи разбужены лязгом и хлопаньем тяжелых, ведущих на палубы дверей. Что-то скрежещет в кают-компании, ожила, поползла по столу посуда, с боку на бок перекачивает нас по койке. Доверившись обманчивому покою, не только мы проявили беззаботность: в соседних каютах звон и стук, падают незакрепленные предметы. Вскоре волна перестает бить по кораблю, вновь идем ровно. С опытом приходит знание — причина определена безошибочно: ночью корабль резко изменил курс, встав под неудачным углом к зыби.

Иллюминатор каюты выходит на застекленную галерею с постоянным дежурным светом. Уютно посвечивает ночами лампочка, и кажется, привычный свет отгораживает от океана. А он рядом. Везде. Слева и справа, под ногами, отделенный лишь хрупкими переборками. Расшалившись, подталкивает в корму или, пытаюсь остановить,

выдувает навстречу волны-горы. Иногда лучше не видеть того, что творится за бортом. Задернув шторку иллюминатора, погружаемся в сон и уже не слышим ночных звуков.

А их множество. Затаенных днем и оживающих ночами, ибо тишина не наступает никогда. Ритмично постукивают сердца машин, скрипят лебедки, позванивают провода. Как попавший в западню жук, напряженно гудит кондиционер, со свистом рассекают воздух лопасти вентилятора — без него задохнешься в каюте. «Трень-дзинь» — включаются в оркестровку, позвякивая в стаканах, чайные ложки. Ворочается и вздыхает за стенкой сосед. Что-то завибрировало, забилося, пошло постукивать чечеткой. Ухнуло тяжелым железным, и отозвалась, скрипнула в унисон створка, кто-то, мучаясь бессонницей, прошлепал по коридору. Молчит лишь спикер, немой до поры до времени, никогда не отключаемый на корабле. Все распоряжения, объявления, приказы, голоса днем и ночью несущих вахту людей, как опытный сплетник, донесет он до вашей каюты.

— Боцмана — на бак! — деловито сообщит голос-невидимка. — Палубной команде стоять по местам работ! Начало станции, рабочий борт — правый.

И заурчат, освобождая тросы, лебедки, и пойдет в глубины трал. Теперь снова можно провалиться в сон — до другого раза. Но и во сне прислушиваешься к голосу, управляющему твоей судьбой. Как только оживет, закричит спикер, включится с хрипотцой — в голове сама по себе назойливая мысль: «А если...» И сразу обжитой дом-корабль становится крохотной точкой в не имеющем границ море воды и только воды...

Подводная гора Фреда находится в центральной части Амирантской котловины. Как предполагают ученые, это вулканический конус. На полигоне «Фреда» уже объявлен номер очередной станции. Как привязка к определенной точке в океане поставлен буй; место, где корабль лег в дрейф, нанесено на карту. Буй, пенопластовый цилиндр полутораметровый длины, имеет собственный якорь и вынесенную вверх лампочку-мигалку. Ночами вспыхивает ее маленький маяк, капелька света в океане. Есть и радиоотражатель, легко пеленгуемый с корабля. Ходит галсами судно в районе поставленного буя, становясь на станции. День за днем, час за

часом накапливаются рабочие данные, что подлежат длительному изучению на земле, в лабораториях институтов.

Сегодня день пасмурный, тусклый, то и дело с перерывами льет дождь.

— Внимание! Сильный дождь с правого борта! Проверить иллюминаторы! — объявляет неусыпный страж порядка, спикер.

Наш завинчен прочно, на все положенные гайки. На стеклах галереи подрагивают капли, крупные, набухшие, покачиваются вместе с кораблем и вдруг, сорвавшись с места, мчатся косыми росчерками, сливаясь и догоняя друг друга. Потoki, ручьи ринулись на корабль. С верхних палуб низвергается водопад, хлещет вода из шлюпов, от бака к корме бежит, завихряясь водоворотами, река — теперь до мастерской можно добраться лишь в скафандре. Дверь каюты распаивается, на пороге — Плахова. Пока еще она находится в роли персонажа без слов, но это ненадолго. Молча, рывком сует мне в руки клеенку, не иначе как для спасательных работ.

— Сидишь, как Ной во время потопа. А что в мастерской творится, знаешь?

И я, задрапировавшись клеенкой, плетусь смотреть, что делается в мастерской. Дождевая пыль проносится над головой, хлещет в наглухо задраенные окна иллюминаторов. По палубам струятся теплые потоки, будто поливают корабль из брандспойта. Плывут с досок шахматы, дождь полирует столики для пинг-понга. А тучи все лезут из-за горизонта, громоздятся горами, взбираются все выше.

По щиколотку в воде добираюсь до мастерской, что выходит на открытую палубу, с трудом открываю дверь: преодолев высокий железный порожек, колышется от стенки к стенке вода, поплавокми кружатся кисти, готовится к отплытию картонная папка с рисунками. Но как только ликвидировал наводнение и вытер насухо пол, приспособил из брезентового плаща козырек над дверью — словом, как только завершил спасательные работы, ливень мгновенно кончился. Типичная закономерность!

Плахова

Сегодня наш морской словарный запас обогащается новой информацией: «ватергюйс» — огибающий корму желоб для стока воды.

— Что такое бейдевинд? — проверяю познания Алексеева.

— Ветер, дующий в носовую часть судна, — отвечает он без запинки.

— А пассат?

— Постоянные ветры между двадцатью пятью и тридцатью градусами широты каждого полушария и экватора.

— Топовые огни?

— Два белых огня один над другим на передней фок- и задней грот-мачтах.

Скучно спрашивать человека, который все знает. И все-таки:

— А что такое магнитное склонение?

— Угол между истинным и магнитным меридианом. А вот что было раньше — галеры или парусный флот?

На этот вопрос не считаю нужным давать ответ: плывем не на галере и не под парусом. Заседание клуба «хочу все знать» можно считать закрытым.

По волнам продолжают барабанить капли, работа отменяется, и это тоже неплохо, есть время задуматься. Уже второй месяц находимся в океане, пройдены тысячи миль. Порою кажется, время остановилось, потекло вспять и не «Курчатов» разрезает воды Индийского океана, а «Дмитрий Менделеев» продолжает путь по Океании, высаживая членов экспедиции на необитаемые плоские атоллы с подмытыми прибоем корневищами пальм, чьи растрепанные верхушки кивают в черте прилива. Улучив момент, прыгаешь в клубящуюся пену, предварительно выбросив на берег «багаж», и этюдники мягко шлепаются в песок...

Сегодня, пользуясь передышкой, просмотрели сделанное за месяц. Пейзажи, жанровые зарисовки, портреты членов экспедиции и людей, встреченных на островах.

...Загадочная вещь «наука видеть», пожалуй, острее всего проявляется в работе над портретом: ведь модель, становясь пленницей позы, часто перестает быть сама собой. Зачастую зарисовка оставляет лишь поверхностное представление о человеке, передает внешнее сходство, не показывая человеческой сущности. В творческом

процессе нет установленных закономерностей, многое зависит от душевного состояния художника и модели.

Отношение к процессу работы всегда индивидуально. «Модели для нас, художников, это только типографские литеры, которые помогают нам выразить себя. Произведение искусства для того, кто умеет видеть, — это зеркало, в котором отражается состояние души художника», — писал Гоген, великий, умевший опираться на натуру мастер. Кисть его предельно конкретна, принимаемое за стилизацию — лишь гениальное обобщение, его художественное кредо: «Всякий искренний художник — ученик своей модели» — остается непреложным.

Наука не дает нам точных сведений, когда именно люди стали изображать человеческие лица. На камнях, скалах и сланцах, этих «альбомах прошлого», запечатлен процесс охоты. Со временем преследуемые животные исчезают в изображениях, предметом, возбуждающим внимание, становится сам человек, его лицо и тело.

По мере развития человеческого общества происходит сосредоточение интереса скульптора или живописца на внешности своих собратьев — отражение сущности человека, его характера. Художник стремится «почувствовать свою модель», передать душу человека, чье лицо, изваянное, написанное или нарисованное, возникает под его руками.

Небезынтересны записи И. Эренбурга о Пабло Пикассо: «В 1948 году после Вроцлавского конгресса мы были в Варшаве. Пикассо сделал мой портрет карандашом: и ему позировал в номере старой гостиницы "Бристоль". Когда Пабло кончил рисовать, я его спросил: "Уже?.." Станс показался мне очень коротким. Пикассо рассмеялся: "Но ведь я знаю тебя сорок лет"».

Неожиданный телефонный звонок — Всеволод Михайлович Белькович, доктор биологических наук, ждет нас в своей лаборатории. Алексеев приступает к работе над портретом, а я...

— Всеволод Михайлович! Вы давно обещали рассказать о своей работе, сейчас, право, самый подходящий случай.

Белькович — человек слова, и мы не упускаем возможности побольше узнать о дельфинах, «людях моря», как их называли древние.

Рассказ Бельковича. Цель моя в рейсе — установить, как лучше на научном корабле организовать научение дельфинов. Какие нужны специальные приспособления? Как избежать досадных звуковых помех? Ведь в наш век благодаря совершенной технике наблюдению за китообразными очень усложнились. Только китобойные и парусные суда не создают шумов в океане, но теперь парусного флота мало, а жаль!

Что может быть красивее беззвучно скользящего над водой паруса? Старые капитаны я сейчас считают, что без паруса не может быть настоящей красоты на море. Давно пора было наградить за верную службу парус и колесо, сколько веков перемещают они с места на место беспокойное человечество. Не только красота, но и экологические преимущества паруса бесспорны. К тому же энергия ветра не загрязняет среду.

Недавно в Япония был спущен на воду первый в мире танкер, оснащенный наряду с дизельным двигателем двумя парусами из синтетической ткани. Паруса эти размером двенадцать на восемь метров управляются микрокомпьютером, автоматически выключающим дизель и подающим команду для развертывания парусов. Предполагают, что танкер грузоподъемностью тысяча шестьсот тонн будет экономить до пятидесяти процентов горючего.

Итак, парусники позволяли постигать океан широко и плодотворно: ведь пока не существовало сложной аппаратуры, у моряка балл лишь один способ изучать водную стихию — наблюдать то, что перед глазами.

Что касается «дельфиньего вопроса», к сожалению, работа в океанариях неполноценна. Ведь дельфин — животное коммуникабельное, в океанарии же дельфинье общество подменено искусственно навязанным ему обществом человека. Что же мы исследуем? Реакцию дельфина на условия, нами же созданные. Попросту говоря, сами загоняем дельфина и условия эксперимента.

В плуре действия дельфинов строго координированы. В естественных условиях они издают огромное число осмысленных звуков-сигналов, «пишут» свист, треск, чириканье. По сигналам

происходит перестройка стаи, перемена направления движения или начало охоты за рыбьим косяком. Сигналы дают информацию о структуре стада и даже о том, удачна ли была охота. Дельфины охотятся шумно — преследуют рыбу, окружают ее, совершая круги, поедают крайних в косяке рыб — до пяти-шести штук в минуту.

Ключом к пониманию дельфина остается прежде всего акустика как наиболее доступный для регистрации вариант.

— Значит, существует дельфиний язык?

— Сегодня в науке бытует мнение, что дельфиний язык — это лишь эмоциональные характеристики, не более сложные, чем, скажем: «Я — Петя». Однако набором сигналов, которыми пользуются дельфины, можно передать почти неограниченную информацию.

В пятидесятых годах группа американских исследователей опубликовала записи «дельфиньих разговоров». Когда ученые проанализировали звуки человеческого языка и отобразили их с помощью кривой, выяснилось, что система дельфиньих сигналов имеет сходную с ними линию. Это и дало повод говорить о «дельфиньем языке». Совместными исследованиями советских, французских и американских ученых было установлено: дельфин имеет весьма совершенное средство для ориентации — сонатор. Именно сонатор помогает ему различать в воде не только небольшой предмет, но и то, что находится «внутри» предмета, дельфины как бы видят ушами. Находясь под водой, он может следить за тем, что происходит на суше, например из толщи воды видеть своего дрессировщика.

Океан для дельфина — источник звуков. Плюс хорошо приспособленное к существованию в воде зрение. Вам известно, что серые киты у побережья США часто высовываются из воды, чтобы посмотреть, нет ли себе подобных. У кита зрение ничуть не хуже, чем у собаки. Кроме того, они видят в темноте.

— И каким образом?

— Как кошка. Глаза ее светятся, так как имеют особый зеркальный слой. Кстати, видению дельфина под водой соответствует щелевидная форма зрачка: круглый глаз как бы закрывается при необходимости «заслонкой» — таково приспособление к неодинаковой освещенности в разных слоях океана.

Еще древние знали, что у кита «жирные слезы» — специальные железы выделяют густой белковый секрет. Вы обращали внимание, как плохо и недалеко видит под водой человек?

Человек надевает маску, чтобы лучше видеть под водой, дельфин или кит как бы пользуются ею при всплытии! Обратный эффект. Дельфин — абсолютный рекордсмен нахождения под водой: до двух, трех часов. Человек при вдохе может пробыть под водой максимум пять минут. А какого цвета у дельфина мышцы, знаете? Черного. Когда он ныряет, происходит быстрое перераспределение тока крови — это чудесная сеть с ровным током, при котором все ткани берут нужное им количество кислорода. Таковы замечательные особенности этих животных.

Не случайно древние, весьма романтично настроенные греки были уверены, что свое происхождение дельфин ведет от человека. Существовал особый культ дельфина — вспомните: созвездие Дельфина, монеты с изображением дельфина, храм в Дельфах.

Дельфины сотрудничают с рыбаками, загоняя рыбу в сети, и рыбаки делятся с ними уловом. А игры с детьми? А спасение утопающих? Известно, что дельфины на своих спинах перевозили детей через заливы. А потом... потом человек превратил дельфина в пищу. Их даже стали именовать «королевской рыбой». Когда дельфин заплывал в Темзу, рыбак должен был доставить улов к королевскому столу, иначе он подвергался суровой каре.

В конце прошлого века стали появляться работы по изучению китообразных, но это «изучение» носило определенный характер.

— Где найти, как убить?

— Вот именно... А когда дельфины стали появляться в океанариях, все увидели: это умные, любознательные, охотно идущие на контакт с человеком существа. Один из американских ученых, известный специалист по физиологии мозга, в конце пятидесятых годов впервые увидев дельфиний мозг, был убежден, что он принадлежит человеку. Ученого поразил его огромный размер. Произошел как бы взрыв интереса к дельфину.

Сегодня мы считаем, что мозг дельфина способен к анализу. Возьмите скорость его адаптации в новых условиях. Расскажу такой случай.

Однажды в одном из дельфинариев недавно пойманная косатка пробыла в обществе дельфинов не более двадцати минут и увидела, как в час кормления служитель принес рыбу и его окружили, раскрыв рты, дельфины. Косатка немедленно подплыла к человеку (впервые увиденному!) и тоже открыла пасть. Поскольку в нее вмещалось более пятидесяти килограммов, пришлось служителю высыпать туда всю рыбу из ведра.

Или еще пример: в океанарий часто попадают случайные предметы — мячи, пластик. Так вот, «дикая», только что пойманная косатка, всего пару дней пробыв в бассейне, на третий день неожиданно подплыла к дрессировщику и широко открыла пасть: дрессировщик увидел застрявший в ней резиновый мячик. Не имея времени на размышления, он по плечо засунул руку в ее глотку и благополучно извлек предмет.

Так осмысленно вести себя другие дикие животные, например моржи, не могут.

Алексеев

Всеволод Михайлович увлечен рассказом, я работаю. Удастся самое ценное: человек не позирует, а остается самим собой — живой, увлеченный делом. Ум, чувство достоинства, теплота и юмор проступают в мягких, но определенных его чертах.

Постепенно вопросы Плаховой приобретают несколько специфический характер:

— Наверное, сложно им детенышей растить?

— Природа нашла максимально рациональный путь, — отвечает Белькович. — У китихи, например, только что рожденный детеныш составляет треть длины матери и начинает плавать сразу после появления на свет. В китовом молоке до сорока процентов жира, поэтому оно не растворяется в воде, а висит облачком, китенок его и втягивает. При опасности, если стае надо идти с недоступной детенышу скоростью, проблема тоже решается просто: как только мать наберет скорость, образовавшийся поток воды автоматически прижимает к ней детеныша, заставляет его двигаться рядом с матерью.

— Я читала, — не понимает Плахова, — что по своему строению дельфиний мозг сходен с первыми моделями вычислительных машин и что задача, непосильная для шестилетнего ребенка, без труда решается дельфином. Дельфин легко «соображает», что спрятанный мячик может находиться лишь в объемном ящике, а не в такой же по размеру и цвету плоской стенке. Это верно?

И неожиданно мрачно заключает:

— Убивать надо было меньше...

По лицу Всеволода Михайловича вижу: он с ней абсолютно согласен.

К концу дня Плахова уходит писать на бак, увлеченная живописным нагромождением ржаво-рыжих якорных цепей и ярких спасательных поясов, разложенных для просушки. «Курчатов» в очередном дрейфе, на станции выключены двигатели. Расположившись неподалеку, работают с записывающей аппаратурой сотрудники лаборатории Бельковича.

— Должна тебе сказать, — сообщает она, возвратившись, — и я приобщилась к работе группы биоакустики. Сижу, пишу этюд, они рядом записывают дельфиньи речи и шумы моря. Кисти из рук валятся — до того интересно подслушать дельфиний разговор. В аппарате действительно трещало, свистело и пощелкивало. Но только, знаешь, что я в конце записи услышала?

— Ну?

— И потрескивало, значит, и попискивало, а потом, да ясно так: «Боцмана — на бак!» Ты ведь не думаешь, что дельфинов интересует местонахождение боцмана?

Полигон «Фреда»

— Я надеюсь, ты не обсуждала это с Бельковичем?

— А как же! Из толщи вод видят: нет на баке боцмана! Хорошо, что без комментариев его приглашали, коими так богат русский язык.

Что пользы объяснять ей, что иногда лучше промолчать. Тем более впоследствии группа биоакустики, как в «магнитное решето», отсеивает ненужные звуки...

— Так не отсеяли же! И нечего меня воспитывать. А то как в восточной пословице получается: «Если ты задумал сказать правду хотя бы в шутку, держи у порога оседланную лошадь и ногу в стремях».

Быстро вечереет, уже можно смотреть на солнце без боли в глазах. Ветерок слабеет, чуть стелется над океаном, и волны морщатся от золотой ряби. Закат — всегда чудо, и ощущение это не притупляется с течением времени, а каждый раз одаряет благоговейной радостью. Взгляд невольно обшаривает поверхность океана — может быть, мелькнет и для нас округлый стремительный плавник дельфина.

Идем к островам Альдабра. «У вас впереди бурун!» Я — как все. Лунный этюд

28 марта закончили работы над подводной горой Фреда и следуем в район островов Альдабра. Подходим к Альдабре 30 марта

Из дневника экспедиции

Плахова

Однажды одинокая арабская доу, сбившись с курса во время шторма и долго проплутав по океану, бросила якорь возле восточной оконечности какого-то острова. Над ним неподвижно зависли облака, точно повторяя очертания берегов. Они отсвечивали странным зеленовато мерцающим светом, что и побудило моряков дать этому кусочку суши ее теперешнее имя — Альдабра: с арабского «Аль-Хадра» переводится как «зеленый» (на одной из португальских карт 1511 года атолл обозначен как Альдахара, что можно считать искажением арабского «Аль-Хадра» — «Зеленый остров»). Сторонники другой теории утверждают, что слово «Альдабра» должно быть переведено как «дверное кольцо», поскольку атолл напоминает его по форме. В лагуне этого самого отдаленного от Сейшельского архипелага атолла можно свободно разместить весь остров Маэ — на

целых пятьдесят километров вытянулось коралловое кольцо и опознается на экране радиолокатора уже с расстояния тридцати миль. Альдабра известна как самый большой остров планеты, созданный живыми существами — кораллами: вся его поверхность — кружева коралловых сооружений.

— Что за необычный остров!

— Это не остров, — возражают специалисты. — Это целый архипелаг!

В результате дискуссии выясняется, что со строго географической точки зрения Альдабра вправе считаться архипелагом, состоящим из четырех островов. Протоки, в нескольких местах прорезав сушу, соединяют ее с океаном. Из-за их узости во время приливов и отливов возникают опасные быстрые течения. Каждая из четырех частей Альдабры имеет собственное название: Полимни, Вест, Саут и Малабар.

— Птицы! Вы видели когда-нибудь розово-голубых птиц?

К кораблю тянется стая, и вскоре крупные птицы уже кружат над мачтами. Утренний розовый свет разлит над океаном, голубоватые рефлексии струятся от воды, еще не вобравшей жар солнечных лучей. «Курчатов» находится на десять градусов южнее экватора, в двухстах двадцати милях от Мадагаскара. Когда новая земля поднимается из океана, на палубах собираются участники экспедиции, мобилизуют свои познания...

— Если я не ошибаюсь, Альдабра была открыта примерно в шестнадцатом столетии?

— Говорят, во время отлива целые водопады обрушиваются в море со скоростью десять миль в час?

— Но ведь есть и судоходные протоки с глубиной до двенадцати метров...

— Если вы имеете в виду канал Мейн-Ченнел...

— Именно... Когда немцев преследовал английский флот, они в сентябре семнадцатого сумели-таки войти в лагуну.

— Да-да. Немецкий крейсер «Кёнигсберг» прятался в лагуне Альдабры целых два месяца...

«Король атоллов» (еще одно наименование Альдабры) хорошо виден с верхней палубы: отлогий песчаный берег, нежный пушок казуарин, тронутые лучами верхушки пальм. Остальная береговая линия

скалиста, изрыта трещинами и гротами и состоит из труднодоступных коралловых рифов, прозванных сейшельскими рыбаками «грибами». Остров всего на три-пять метров возвышается над уровнем океана и постепенно подвергается разрушению. Бугристая, неровная почва загромождена острыми глыбами, бесчисленны выступы и впадины, подземные пустоты. Колючий, непроходимый кустарник, лишь кое-где встречаются ровные песчаные участки с высыхающими лужицами пресной воды.

Для высадок Альдабра слывет местом неподходящим, более того, опасным — труднопроходимая местность как бы охраняет последнее пристанище слоновых черепах. Не так давно была сделана попытка произвести хотя бы ориентировочный подсчет обитающих там животных. Экспедиция Королевского общества Великобритании установила, что на островах Альдабра живет от шестидесяти до ста тысяч особей черепах и гнездится до тридцати видов птиц.

В этом самой природой изолированном заповеднике, где ведутся научные работы, категорически запрещены какие-либо действия, нарушающие экологический баланс. В нескольких домиках располагается научный центр: рядом с современным бунгало управляющего несколько каменных одноэтажных и двухэтажных построек для приезжающих на атолл ученых, небольшая библиотека, метеостанция и другие службы. В этот научный центр и предполагается визит советских ученых.

Проблема первой высадки, именуемой разведкой, всегда окружена тайной. В Океании нас предпочитали не брать на разведки: с художниками хлопот не оберешься. В подобном случае отбывающие всегда утешают остающихся на борту:

— Видите ли, условия высадки могут оказаться трудными...

— Причала нет, придется прыгать в воду...

И хотя нам не нужен причал и мы готовы разделить участь своих отважных товарищей, это не меняет дела. Менее деликатные, подсластив слова улыбкой, добавляют: «И вообще, все-таки возраст!»

— Тем более! — ловко научились отвечать мы. — Тем более, пока не поздно!

На этот раз та же ситуация. Правда, Алексеев, работая над портретом начальника экспедиции Неймана, между делом ухитряется испросить его согласие на участие в первой высадке на Альдабру. Без особого

энтузиазма Виктор Григорьевич разрешает «одному из нас». Предстоит внутрисемейное решение этой проблемы: полагаю, как джентльмен честь первооткрывателя художник Алексеев уступит даме.

Алексеев

Может быть, она сама откажется от этой чести? Вспоминаю видеоролик Джона Адама, познакомивший нас с уникальным миром Альдабры.

— Ты видеоролик помнишь? Труднопроходимый ландшафт, известковые пещеры и ямы. По атоллу ходить трудно, провалившись в щели, гибнут гигантские черепахи. Если выберешься...

Худшего я не мог придумать.

— Что значит «если»? — взрывается Плахова. — Мне кажется, я не черепаха.

Именно теперь она твердо решила на подвиг. В бинокль хорошо видны глыбы отмерших кораллов, уступами нависающие над лагуной. На острове, судя по рассказам, развелись дикие козы, крысы; заповедник знаменит обилием блох. Нет пресной воды, для питья употребляется дождевая, собранная во время ливней. В трещинах-ловушках тысячи выбеленных солнцем черепаших скелетов.

— В Каракумах тоже белели кости верблюдов. Воду я возьму в термосе. Что касается блох, их и у наших кошек предостаточно, и вообще не мешай мне собираться.

Ну что ж, в конце концов я сам уступил ей право на первую высадку. И пока на корабле затишье, принимаюсь за историю Альдабры.

Специалисты считают, что Альдабре повезло: судьба этого изолированного атолла долгое время висела на волоске, как и судьба населяющих его черепах и птиц-фрегатов.

В шестидесятые годы в прессу просочились данные о намерениях английской и американской военщины превратить уникальный остров в одну из военно-морских баз в Индийском океане. «Альдабра — это чудо природы — в смертельной опасности!» — под таким заголовком развернулась кампания по спасению атолла. Прогрессивные ученые утверждали, что уничтожение природы атолла, нарушение его экологических особенностей преступно, как преступна была бы идея снести Парфенон, чтобы построить на его месте военный порт. Военные стратеги, в свою очередь, комментировали мнение общественности как вопли любителей черепах и птичек.

На Альдабре начались изыскательские работы. Выдвигались проекты по удешевлению строительства военной базы. Для уничтожения коралловых рифов, препятствующих проходу военных судов, предлагался взрыв, не исключался и атомный. Планировалось строительство шоссе, радарных станций, четырехкилометровой посадочной полосы для приема военных самолетов. В первую очередь гибель грозила нескольким сотням тысяч обитающих на Альдабре фрегатов: взлетная полоса намечалась в районе их поселений. Из-за опасности столкновений с самолетами птиц должны были уничтожить. К счастью, период этот совпал с крупной девальвацией фунта стерлингов, и от создания дорогостоящей базы было решено воздержаться. Атолл передали ученым Королевского общества Великобритании для научных исследований. Небольшая станция работала до 1980 года — в природной лаборатории изучали мир коралловых островов, реликтовых черепах и фрегатов.

31 марта 1980 года с флагштока исследовательской станции был спущен флаг Королевского общества и поднят государственный флаг Республики Сейшельские Острова. Самая большая в Индийском океане колония фрегатов, десятки тысяч полутораметровых черепах, именуемых слоновыми, восемьдесят видов растений-эндемиков стали достоянием республики. Чтобы восстановить нанесенный природе урон (крупные скопления черепах в Индийском океане исчезли уже в XIX веке), правительство Сейшел приняло закон о полном запрещении охоты на черепах в прибрежной зоне и на пляжах — решается проблема искусственного расселения древних рептилий с Альдабры на другие острова архипелага.

Термометр в тени показывает тридцать градусов. Участники высадки на Альдабру собрались на палубе. Плахова покидает каюту.

— Ну, что ты решила?

— Если бы ты меня не отговаривал, я бы осталась.

Помогаю затянуть молнию на раздувшейся кожаной сумке, вместившей альбомы, акварель «Черную речку», блокноты и термос с водой: не пить же дождевую.

Плахова

— Группе разведки подготовиться к высадке на Альдабру! — извещает спикер.

В полной экипировке, включая спасательный жилет, выхожу к штурмтрапу. Под мышкой зажат пунцово-алый, в цветочек зонтик. Стоящие у лацпорта в недоумении: в качестве дамы оказываюсь в единственном числе. В бот садятся капитан Касаткин, начальник экспедиции, несколько ученых и плечистые бравые моряки из команды, они же «ныряльщики» и «пдавальщики». Можно бы дать задний ход, но надо держать марку.

С океана к Альдабре катит высокая зыбь. Под штурмтрапом, как неугомонный пес, рвущийся на охоту с хозяином, радостно подпрыгивает на волне бот, бьется со скрежетом о железный бок «Курчатова», оставляя на корпусе рыжие царапины.

Процедура посадки в шлюп всегда привлекает зрителей. Две мокрые веревки с подвязанными дощечками-ступеньками качаются над глянцево-синей поверхностью океана. Плавсредство либо подпрыгивает вверх, норовя улучшить момент и ударить под ноги, либо проваливается в очередную водяную яму... но все это давно освоенные пустяки.

Океан отбрасывает режущие глаз блики. Пахнет машинным маслом, стелется, не тая, черный дымок, быстро уменьшается за спиной громада корабля. Окрашенный голубыми пузырьками воздуха, долго держится на воде след, отмечая наш путь к Альдабре. Атолл все еще далеко, зато, обогнув мыс, приближаемся к двум стоящим на якорях яхтам. Как правило, владельцы подобных судов любят путешествовать с комфортом — яхты оснащены автоматическим рулевым управлением, имеют на борту газовые плиты, духовки, баню.

— Надо у них спросить, как пройти рифы! — раздается чей-то голос. Но спрашивать некого. На пустых палубах ни движения, ни звука. Моторист Евгений стопорит машину, колышемся возле безмолвных суденышек. Никто не откликается на призывы. Наконец под ярко-зеленым, натянутым над кормой тентом появляется флегматичный, бронзово-загорелый европеец с бутылкой кока-колы в руке.

— Скажите, пожалуйста, где и как лучше пройти рифы? — раздается вопрос на английском языке. Владелец бутылки смачно, с бульканьем допивает содержимое и внимательно рассматривает бутылку на свет, прежде чем взмахом руки отправить ее за борт.

— А нигде и никак! — переведен ответ. — К острову подойти можно лишь по высокой воде, в прилив. Не раньше двух часов дня. Сейчас нет и двенадцати. Берег Альдабры безлюден, видимая его часть изрыта ямами, возле них, завертываясь воронками, бурлит пена. Подход к атоллу Альдабра издавна считался опасным. Еще Жак-Ив Кусто, путешествуя на «Калипсо», установил, что при отливе скорость течений в протоках Альдабры в отдельных случаях может достигать пятнадцати узлов. Кольцо атолла охватывает мелководную лагуну, в часы приливов и отливов мощные массы воды устремляются в протоки, грозя неприятностями застигнутым пирогам и шхунам. Трудно найти лазейку в этом лабиринте, радуга от разбивающихся бурунов красноречиво висит над рифами.

Участники разведки расстроены, ибо бот разворачивается на обратный курс: не ждать же два часа до прилива. Капитан Касаткин начисто отменяет робкие предложения энтузиастов — несмотря ни на что ринуться на высадку. Однако голоса все настойчивее — все так и рвутся вступить в единоборство с океаном: А я?

Касаткин несколько растерян: в первый раз в жизни оказался он в боте с учеными. Наука — великая вещь, кто знает, какие глобальные проблемы собираются они решать там, на Альдабре.

— Может быть, зайдём с другой стороны?

— А если попробовать добраться вплавь?

— А может...

Робкие голоса все упорнее. Через буруны вплавь? Этого еще не доставало. С вполне объяснимой заинтересованностью слежу за развитием событий.

Но капитан есть капитан.

— Нет, — твердо произносит Касаткин, и бот окончательно становится кормой к Альдабре, носом к «Курчатову». Белый на голубом, с прямыми стройными мачтами, будто уменьшенный окулярами бинокля, корабль кажется нарядной игрушкой на шелковой глади океана. Хитрецы явно тянут время в ожидании прилива...

— Может, искупаемся?

— Для чего взяты ласты и маски?

— Вы не против? — вежливо обращается ко мне Нейман. А я что? Я

— как все.

«Все», кроме меня, моториста и Касаткина, поспешно избавляются от излишков одежды и, облачившись в маски и ласты, исчезают в пучине. Весело поблескивают жемчужные пузырьки, вода уже окрасила ныряльщиков в призрачный зеленоватый цвет.

— Прошу не заплывать далеко! Держаться парами, — следует запоздалое напутствие капитана, но куда там: кто, где уже не определить, люди-амфибии один за другим скрылись в Индийском океане. Даже солидные доктора наук Гительзон и Сорокин, пятая, исчезли в глубинах.

Полдневный жар бьет без сожаления, с раскаленного купола изливается слепящий свет — океан, шутя, отражает его обратно. Между океаном и небом — потерявший ход шлюп. Ни малейшего движения воздуха.

Течение медленно относит нас в сторону. Неузнаваемые в масках, изредка возникают головы ныряльщиков — уже на значительном отдалении. Моторист, сидя на корме, пытается приблизиться к ним, манипулируя рулем.

— Сбросить якорь! — приказывает Касаткин.

Но сбросить якорь не удастся по той простой причине, что его вообще не оказывается в наличии. Зато из-под лавки извлечен багор, призванный стать орудием спасения, если течению вздумается тащить бот на рифы. Облегченное плавсредство продолжает резвиться,

ложась с боку на бок и понемногу приближаясь к их черте. Пытаюсь взглянуть на ситуацию «со стороны»: Евгений с багром, Касаткин, встревоженно высматривающий ныряльщиков, и я — в спасательном жилете с зонтиком на изготовку.

С грустью вспоминаю каюту с журчащим кондиционером — что поделаешь, у каждого могут быть минуты слабости. В глазах огненно-красные точки, затылок налит свинцом, но из каждого положения можно найти выход. Знает ли кто-нибудь, как использовать обыкновенный зонтик, оказавшись в полдень в открытом шлюпе на груди океана? Зонт нужно раскрыть и, крепко вцепившись в ручку, опустить за борт, с силой втолкнув в воду. Постарайтесь не пролить добытую влагу, возвращая зонт в прежнее положение, — содержимое выльется само собой, несколько облегчив ваши страдания.

Вода напоминает прозрачный бледный изумруд. Дно кажется близким. В фиолетовых и розовых зарослях кораллов мельтешат рыбки — «мир безмолвия» вовсе не безмолвен.

Молчаливые рыбы не молчат, а ворчат, скрежещут зубами, трещат, кудахчут и лают, ослабляя свой плавательный пузырь, регулируют разнообразный ассортимент звуков. В мире этом свои чудеса.

Например, рыбы-мероу могут изменять пол на противоположный, из самок превращаться в самцов, и наоборот. И все же им, ловкачам, сто очков вперед дает рыба-прожектор, шарообразное ее тело усеяно разноцветными фонариками, и они светятся, как светофор, каждый своим светом. На левом и правом рыбьем боку по пять красных фонариков. В центре — большой желтый; ученые насчитали сто сорок источников света на одной лишь рыбине! Однако в поисках подобного чуда бесполезно всматриваться в песчаное дно подле Альдабры: эта рыба обнаружена пока лишь в Атлантике. Зато проскакивает рядом, сияя всеми цветами радуги, грациозная золотая макрель, враг летающих рыбок. На проплешине, чистой от коралловых зарослей, серый распластаный мешок ската-хвостостола с растопыренными треугольниками плавников, на спине и хвосте иглы его связаны желобками с железами, вырабатывающими яд. В Океании полинезийцы часто пользуются иглами скатов в качестве наконечников для копий: ведь попадаются экземпляры размером до двух метров и с жалом до сорока сантиметров длиной.

— Внимание на шлюпке! У вас впереди бурун!

Это заговорила рация, голос с «Курчатова».

— Бурун в пятидесяти! В сорока метрах! Внимание на шлюпке!
По неведению полагаю, что речь идет о бурунах подле рифов, куда течение постепенно стаскивает бот. Но что им вздумалось предупредить? Мы, увы, гораздо ближе к бурунам, нежели судно.
— В тридцати! В двадцати! Внимание!

Наблюдатель с «Курчатова» в мощный бинокль обнаружил приближение к шлюпу белого гребешка-буруна — такой след на воде оставляет плавник акулы.

Призыв Касаткина держаться ближе к боту так и не доходит до адресатов, изредка хлопают по воде ласты, блестят коричневые спины, над водой мелькают части тела, начисто лишённые органов слуха. Капитан отдает приказ немедленно завести двигатель и вплотную подойти к ныряльщикам. Моторист, оставив багор, бросается выполнять распоряжение, но... Вот они, негаданные, неожиданные морские приключения! Мотор послушно взрывает и, пару раз чихнув, глохнет. Подвинчивания, подкручивания и прочие действия не приносят результата. Тем временем по наитию пловцы дружно выныривают на поверхность, устремляясь к плавсредству. Обратный путь к кораблю проделываем влекомые на буксире: с «Курчатова» спускают спасательный бот.

Теперь остается под испытующими взглядами встречающих осилить штормтрап. Но что значит какие-то веревки в сравнении с акулами и рифами! И раньше, чем белый бок корабля снова взмывает вверх, влезаю по веревочной лестнице в дырку лацпорта.

Группа разведки вся в сборе, на борту «Курчатова». После сияния океана узкий внутренний коридор кажется темным, приходится идти на ощупь. Понемногу глаза начинают различать окружающее.

Алексеев берет у меня из рук тяжелую сумку. Голова кружится после нескольких часов пребывания на воде под солнцем, саднит разбитое о штормтрап колено.

— Ну, как ты? — вопрос заботливого мужа.

— А что «как»? Нормально...

В четырнадцать часов прилив, как по расписанию, устремляется к атоллу. За отсутствием впечатлений собственных, читаю описание посещения Альдабры одним из участников экспедиции на «Калипсо» Джемсом Дагеном: «Мы нашли проход в барьерном рифе —

коралловой ограде вокруг острова. Тут и там вздымались могучие серые колонны грибовидных кораллов... видимо, морское дно поднималось, отсюда — эти размытые башни, которые торчали из воды на шесть метров... Альдабра — своего рода заповедник среди океана, не поруганный человеком. Мы причалили к необитаемому острову и пошли по сосновым иглам и мелкому песку... Ветви кустарников гнулись от отдыхающих морских птиц — олушей и белых глупышей. Нам попало кладбище с посеребрившими деревянными крестами. На покосившихся дощечках были написаны азиатские, африканские, европейские имена. Кругом валялись побелевшие кости морских черепах.

Нас со всех сторон окружили черепахи высотой до полуметра и до метра в длину. Они щипали траву аккуратно, как газонокосилки...» — К» повторной высадке на Альдабру выйти к штурмтрапу! — вновь приглашает спикер.

Однако с меня вполне достаточно. Ограничусь отчетом экспедиции: «30 марта подошли вторично к группе островов Альдабра. Здесь планировалась высадка для работ в лагуне и за ее пределами. Имели контакт с администрацией островов и были уведомлены о строгом режиме заповедной зоны. По совету администрации решили высадку на Альдабру отменить, заменив ее высадкой на острова Космоledo, расположенные поблизости».

По рассказам очевидцев, события развивались следующим образом: дождавшись высокой воды, бот благополучно прошел через рифы к острову, где состоялась встреча с работающими в заповеднике иностранными учеными. Местный администратор, некто Пимм Рон, подданный Великобритании, работает на Альдабре меньше года по контракту с правительством Республики Сейшельские Острова.

Основная его задача — охрана заповедного района и прием периодически посещающих Альдабру иностранных исследователей. О приходе научно-исследовательского судна «Курчатов» он сведений не получал, и неожиданное появление на горизонте большого корабля несколько его обескуражило.

Мистер Пимм обстоятельно рассказал о режиме заповедника, где абсолютно вся дикая природа находится на учете и подлежит жесткой охране.

Итак, обсудив обстановку и предлагаемые условия пребывания на островах, руководство принимает решение отказаться от высадки на Альдабру, заменив ее высадкой на острова группы Космоledo.

Алексеев

Вечером, в двадцать часов, когда прилив вторично за сутки достигает наивысшей точки, к «Курчатову» подходит надувная резиновая лодка, оснащенная мотором. Приезжают биологи с атолла и гости с яхт. Среди них сотрудники Смитсоновского института из США, также прибывшие для работы в заповеднике. Некоторые из них при разных обстоятельствах общались ранее с коллегами из Института океанологии, некоторые даже бывали в СССР. Лодка подходит к штурмтрапу, и на палубе появляется очень молодая и очень декольтированная дама в вечернем туалете из бледно-фисташкового развевающегося шифона. Посетители в количестве девяти человек вместе с администратором острова, сопровождаемые дежурным по экспедиции, знакомятся с лабораториями и затем отправляются в конференц-зал.

Для нас же более значительным событием явился необычный закат. При абсолютном штиле океан стал светлее неба, штришками пошла по воде легкая рябь. Над Альдаброй долго висело огромное лилово-розовое облако, под ним — второе, зеркально отраженное океаном. Солнце отправилось на покой, расстелив полыхающую дорожку, — у ловцов закатов появилась надежда на Зеленый Луч. Пеленгаторная, как всегда в таких случаях, превратилась в арену ожидания, заняты «выгодные места» у борта, нацелены фотоаппараты. Но, коснувшись горизонта, светило багровеет, сжимается в пульсирующий зеленоватый сгусток, последняя вспышка света выплескивается на небо, а был ли, не был Зеленый Луч — никто толком сказать не может. Давно облюбовал место для ночного мотива. И вот он: «Ночь над Альдаброй». Поставил этюдник, укрепил холст, очертя голову окунаюсь в восхитительный пейзаж.

Призрачные поздние облачка со всех сторон выбегают на остывающий небосвод, замирают в неподвижности, добравшись до центра купола, едва не столкнувшись лбами. Сквозь вуаль облаков все ярче проступает напряженный блеск звезд. Будто и не было недавнего

пламени заката, крадущиеся тени обволакивают корабль, смягчая контуры мачт, размывая провода и тросы.

Перебирая кисти, сожалею, что не стал астрофизиком: кому, каким цивилизациям шлют вести бесчисленные светила? «Звезды охотнее всего светят влюбленным, поэтам и философам», — любили говорить древние, но и мне они сегодня светят с особенной силой, кажется, именно здесь, сейчас опустится к тебе птица удачи.

Контур острова подернуты нежной дымкой, пальмовые султаны обволакивает туман, горизонт оплывает голубым мерцающим свечением — над Альдаброй лениво скользит сплюснутый лунный диск.

Чего проще — луна на небосводе. Но какой емкий мир в этом, казалось бы, банальном сюжете. Какие тайные пружины должны вступить в действие, чтобы «магия видения» приоткрыла завесу над главным, превратив «мотив» в событие? В каждом пейзаже сосуществуют рядом второстепенное и главное, в этом ночном пейзаже суть заключена в тайне: ничья, кажется, нога не попирала смутно белеющую полоску песка, никто не раздвигал сплетенные ветви кустарников.

В основах медицинских доктрин позднего средневековья лежало убеждение о связи человека с Вселенной, о влиянии Зодиака, планет и Луны на человеческий организм. Специальные законы предписывали обращение врача к таблицам движения Луны и планет по Зодиаку. «Чтобы отныне ни один цирюльник не смел пускать кровь никакому человеку... иначе как при доброй луне», — писано в законе, изданном в 1400 году в Каракасоне.

Сегодня добрая луна. Каждый трепет лунного блика не случаен. Позванивают кристаллики звезд, просятся на чистую поверхность холста, все кажется исполненным символики и значения. Все, что живет, растет, дышит, находится в неразрывной взаимосвязи, и человек неотделим от этого единства. «Мир велик, потому что не отбрасывает ни единой песчинки». Для художника не может быть большего счастья, нежели показать красоту мира.

Работаю на большом, метр на метр, подрамнике. Работа моя удалась, говоря словами великого Шекспира,

В делах людей прилив есть и отлив.
С приливом достигаем мы успеха.

За спиной шаги, оживленный говорок: после дружеской встречи покидают корабль гости, шествуют из конференц-зала по палубе. И вдруг тишина — группа остановилась: наверное, этюдник на борту научного корабля и холст с украденной луной Альдабры — зрелище неожиданное. Слышу шепоток одобрения, удивленные восклицания, но я пишу себе и пишу, никак не реагируя на их появление, хотя к тому и обязывает вежливость. Как-никак, а они не пустили наших ученых на Альдабру!

Луна уже далеко переместилась по небосклону, изменилось освещение, да и корабль развернуло на якорю. И прежде чем собрать свое хозяйство, присаживаюсь отдохнуть на теплые, туго свернутые кольца канатов.

Ночь в океане и ночь в песках — зрелище, не имеющее себе равных. С той лишь разницей, что океан — зеркально чуткое отражение неба, всегда живое, расчерченное дорожками от каждой крупной звезды; в пустыне же, погрузив все остальное во тьму, безраздельно властвуют небеса.

На экваторе, возле сонного атолла, вспоминаю другую ночь — пережитую в Каракумах.

... Темнота застаёт нас далеко от Ашхабада, в северо-восточных Каракумах, откуда двумя машинами возвращаемся со станции Пустынь Туркменской Академии наук.

Дороги, как таковой, нет, лишь наезженная неширокая колея. Водитель спешит: молодой парень, сам первый раз в пустыне, боится отстать, потерять из виду головную машину, буксуем, ретиво взбираясь на барханы, сползаем, зарываясь в песок. На густо-синем небесном полотне, с левой его стороны, слабо брезжит зловецкий багровый свет. Барханы прижались к земле, слились в сплошную массу. Темнота все плотнее. Давящая. Осязаемая. Говорят, пустыня всегда манит и уходит от путника, ночью это ощущение еще сильнее. Тихо ползет машина, светом фар, как слепец, ощупывая дорогу. А она и вовсе исчезла, растворилась под колесами, узкие лучи фар бьют поверху, едва обозначая колею. Но какую? Колеи раздваиваются, перекрещиваются

и расходятся в стороны, чтобы больше не встретиться никогда. Вырванные щупальцами света, тянутся сухие, искривленные пальцы саксаула.

— Если техника подведет, недалеко до трагедии, — говорит наш спутник, сотрудник Института пустынь. — Пустыня, она не шутит. И вдруг что-то неуловимо, тревожно изменилось: пропали из виду рубиновые огоньки задних фонарей нашего «поводыря» — головной машины, единственного ориентира в хаосе песков. Водитель нервничает, увеличивает скорость, затем останавливается вовсе. Стоим с выключенным двигателем, прислушиваемся к тишине, может быть, услышим шум мотора? Но машины как не бывало.

Потрескивают, остывая, песчинки. Странное чувство потерянности охватывает в песках. Безмолвие и неподвижность таят угрозу, напоминая о засаде, когда охотник ждет удобного момента, чтобы прикончить зверя. Под ногами смутно белеет горка отполированных солнцем и ветром верблюжьих костей. С левой стороны небосвода творится непонятное: багровое сияние ширится, из-за горбатых гряд блестящим малиновым осколком выскальзывает краешек лунного диска. Анилиново-красная луна с заметными пятнами и вмятинами катится, набирая высоту, постепенно теряя огненный цвет.

Ласковая, кроткая красота тропической ночи Южных морей не таит угрозы, вызывая лишь восторг перед искусно поставленным природой спектаклем.

Дремлет облитый лунным светом корабль, неподвижен неусыпный страж-локатор. Океан вздыхает, нежится, лишь страдающие бессонницей облачка ощупывают светлыми краями небо.

Кистями, мастехином записан квадратный холст. Ночь над Альдаброй навсегда принадлежит мне.

Вскоре «Курчатов» снимется с якоря и уйдет к группе островов Космоledo. Остается надеяться, что они будут к нам более благосклонны. Складываю этюдник под светом пасущихся на пажитях небесных таинственных звезд.

Острова Космоledo. Ложь во спасение. На осыхающих рифах. Так и утонуть можно. Что случилось с Димой

К островам Космоledo подходим рано утром 31 марта.

Из дневника экспедиции

Плахова

Уже шестьдесят миль отделяют нас от Альдабры. Подходим к Визарду, одному из островов группы Космоledo, — четыре больших и более десятка мелких составляют ансамбль. Коралловые полипы создают столь плотные поселения, что, выполняя роль волнолома, живым барьером защищают побережье. Однако острова этой группы постепенно подвергаются разрушительному воздействию океана. Они имеют кольцеобразную форму с закрытой лагуной в центре и постепенно скрываются в пучине, только несколько маленьких островков отважно борются с морем. Визард — на востоке, Мэней — на западе и Саут — расположенный примерно посередине. На месте

исчезающего кораллового кольца тут и там поднимаются лишённые растительности скалы — Мостик, Пагода, Полит и Гоэллетт.

Некогда острова эти были обитаемы. Колонисты и поселенцы-креолы добывали здесь гуано, копру. В цистернах хранилась дождевая вода. Доходы, приносимые колонией, значительно уступали расходам на ее содержание, и временные поселенцы возвратились на Сейшельские острова, оставив на произвол судьбы приютившие их атоллы.

Предполагалось сдать Космоledo в аренду любому частному лицу при условии выплаты бывшему губернатору Сейшел суммы двадцать фунтов стерлингов ежегодно, но частные лица остались равнодушны к предложению.

Так острова группы Космоledo постепенно превратились в необитаемые. Лишь раз в полгода приходит сюда небольшое сторожевое суденышко, и на берегу появляются представители администрации, дабы произвести инспекционный досмотр.

Зато на покинутые острова часто совершают набеги авантюристы вольготных вод. Европейцы, арабы, индийцы безжалостно грузят в трюмы морских черепах, копру, гуано, ценные раковины — все, что в состоянии увезти.

Визард изобилует опасными мелями: «В довольно большом радиусе дно изучено слабо, несмотря на подробные промеры, полностью полагаться на карту не рекомендуется» — так комментирует плавание в этих районах лоция. Капитан Касаткин не собирается рисковать, и «Курчатов» становится на якорь далеко от островов. Но даже издали остров Визард не походит на классические атоллы Южных морей, не видно пальмовых рощ, лишь низко стелются густые заросли кустарников да рябит мелкая толчая волн за барьерным рифом, суша всего на несколько метров поднимается над водой.

Сейчас отлив. Буро-коричневые, бугристые коралловые наслоения источены, изъедены, клубится, свиваясь воронками, вода.

В силу особых обстоятельств не следовало бы посвящать читателя в историю нашей высадки на Визард, лучше бы умолчать о ней, да ведь, как говорится, из песни слово выкинуть — так песня вся нарушится... Управляющий островами на этот раз предупрежден о приходе советского корабля. Участникам экспедиции «предоставляется режим полного благоприятствования для высадки и работ в лагуне и на внешнем барьерном рифе острова», — гласит полученный от властей

ответ. В бот, вместительный, как трамвай, садятся участники высадки. Геологи, биологи, ихтиологи — всех не перечесать. И мы.

Молодой биолог Астахов грузит свои полиэтиленовые бачки, Белькович — акустическую аппаратуру.

— Для наблюдения за поведением дельфинов у берега, тактикой и стратегией их подводной охоты, — говорит Всеволод Михайлович. Члены экипажа уже на месте — широкоплечие молодцы с ножами в кожаных чехлах у бедер — с такой экипировкой можно выходить на разбой на темных тропах.

Небольшая заминка происходит со спасательными жилетами: у большинства они продолжают пребывать под крышками диванов, в каютах. Но Касаткин суровым голосом запрещает отход, пока все до единого не облачатся в жилеты, и вот уже одно за другим летят вниз с палуб ярко-оранжевые «спассредетва».

Низко осевший бот берет курс на Визард. С корабля невинно белая полоска прибоя у рифов казалась «так себе», видывали и похуже. Но по мере приближения валы угрожающе растут. Посвечивая желтизной у вершины, идут водяные горы, взмахивают прозрачными зелеными крыльями, бьют в корму бота, вскидывая его на гребень. Ломая ногти, впиваемся в скользкие доски скамеек, кругом же творится непонятное: только что плыло впереди отраженное океаном переливчатое облако и вдруг вспучилось, разломилось, разлетелось мириадами радужных брызг — это вал, как ужаленный, уткнулся в преграду, взорвался кипящей пеной. Соблюдая короткие интервалы, обрушиваются на рифы грохочущие массы воды. «Не следует путать океан с лыжной прогулкой», — приходят на память слова Дончо Папазова, чья пластмассовая «Джу» благополучно пересекла не один океан. Как далека полоска песка, как близко рифы, где вскидывается на дыбки белая грива и шипящая пена скрывает дно. Страх сменяется оцепенением. Интересно, каким образом мы попадем на берег? В грохоте и брызгах перестаешь видеть и слышать. Спустя какое-то время вновь начинаешь различать в шуме прибоя прерывистое фырканье мотора, доносится голос моториста.

— Прыгать пора, а то перевернет!

Но прибой глушит слова. Двое матросов уже в воде, живым балластом повисли по обеим сторонам скачущего бота. И люди прыгают. Кто куда. Астахов ухитряется покинуть шлюп вместе со своими бачками, и

они белыми поплавками исполняют бешеный танец в пене. С достойной циркового аттракциона сноровкой с рук на руки передают багаж. С завидной пунктуальностью вспыхивает зеленым сиянием очередной гребень и, шлепнувшись, мчится догонять счастливцев, уже бредущих по рифам.

Наступает наш черед. Но тут, превышая все предыдущие, агрессивный вал вскидывается прозрачным горбом, пронося бот над головами спрыгнувших со шлюпа.

Нет, нет и нет! С жилетом или без него, мы не ринемся в это беснующееся месиво. И хотя соленые брызги слепят глаза, успеваю увидеть — быстрым, воровским движением Алексеев стаскивает с руки часы, будто собирается вручить их мне на хранение. Но еще немного, и часы вообще останутся без владельца.

— А вы что же? — балансируя, оглядывается моторист.

— А нам фотоаппарат жалко! — стараюсь перекричать рев воды. — Мы его в полиэтилен не завернули...

А что еще сказать? Тем более необходимость в объяснениях отпала: задним ходом бот отходит на глубину. Крепко держу Алексеева за руку, вместе с часами. Видно, как на далеком берегу выбираются на остров Визард, держа поклажу над головами, наши товарищи. А мы, мокрые хоть выжми, бесславно возвращаемся на судно. Оставляя влажные следы на линолеуме, плетемся в каюту. Выливаю в раковину воду из кед, выжимаю блузу и брюки.

Алексеев стоит, вперив удивленный взгляд в перевернутую вверх дном кожаную сумку, из которой натекла изрядная лужа.

— А где же фотоаппарат?

Пожимаю плечами, будто сама удивлена его отсутствием.

— Ведь ты сказала, водой его залить боишься!

Бог мой, нельзя же быть таким непонятливым. И мне приходится ответить:

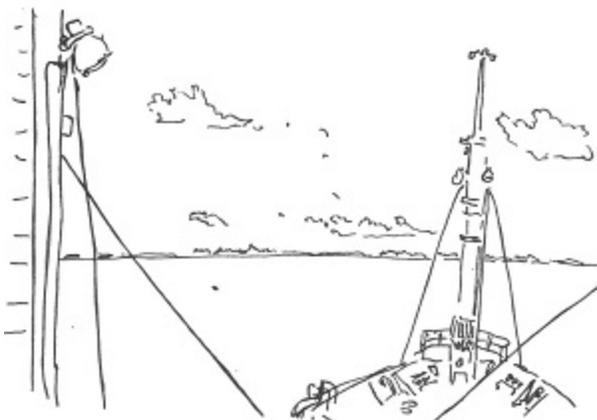
— По-твоему, я должна была сказать, что боюсь?

Алексеев

И все-таки мы попадаем на остров Визард. На этот раз приготовились к худшему, действительно завернув в полиэтилен все, что надлежит снасти от соленой купели. Будь что будет. Не происходит абсолютно

ничего. Там, где вчера озверевшие валы дробились о рифы, низкая зыбь спокойно катит к берегу. Причина проста: идем на высадку в иное время суток — не в полуденный прилив, а в восемь часов утра. Впрочем, Плахова утверждает, что этим мы обязаны первоапрельской шутке океана, ибо сегодня именно этот день.

Легко чиркнув днищем, бот минует опасную черту, кроткой волной аккуратно перенесенный над рифами. Совсем близко дно — лабиринты коралловых зарослей, над светлым песком колеблются ленты водорослей. Вежливо доставив бот к Визарду, волна выталкивает его на берег, рассыпаясь жемчужинками пены. С хрустом врезается он килем в песок, заваливается набок, обливая мокрыми песчинками. Солнечный свет рассыпается над коралловым песком, и миллиарды искр вспыхивают над полоской пляжа.

Теперь можно осмотреться. Расплющенные прессом солнечных лучей, пробудем здесь несколько часов. О тени не может быть и речи: островок безлесный, лишь стелется низкорослая турнефорция да видны полузанесенные чахлые казуарины с узкими перышками листьев. От каждой песчинки струится жар, по выпуклому боку шлюпа текут голубые рефлексы. Общими усилиями его сталкивают в воду. Взбаламутив ее, бот уходит к кораблю.

Коллеги наши, ученые, разобрав багаж, разбрелись кто куда: для них Визард не более чем рабочее место. Остается с нами лишь доктор

Луговской, невысокий, черноволосый и смуглый, с курчавой бородой от уха до уха. Принимая его «за своего», жители островов не раз обращались к нему на креольском и малагасийском. Доктор неторопливо вытряхивает из взлохмаченной бороды песок и приносит пару толстых бамбуковых стволов, за ненадобностью выброшенных океаном. Расстелив на них спасательные жилеты, устраиваем из пробковых сочленений подобие тента. Остается лишь подрить глубокую нору, и готово убежище, которое пигмей счел бы роскошным жилищем.

Купание в лагуне не приносит облегчения, горячая вода вот-вот закипит, едкая горечь океанской воды смешивается с заливающим глаза потом. Плахова отправляется исследовать берег в сопровождении некрупных цапель, серых, с белыми нарядными грудками. Цапли бредут по берегу, оставляя мелкие, похожие на рисунок трезубца следы. Поклевывают рачков, мелкую рыбешку, прочую живность. Непуганые птицы все же стараются держаться подальше от странного существа под зонтиком, в закатанных джинсах и в кедах — единственной обуви, прочные подошвы которой могут спасти от весьма неприятных последствий.

Коралловые рифы удивительны разнообразием опасных для человека жителей моря. Обитающие среди рифов рыбы ослепительной красотой могут поспорить с тропическими птицами. Увы, многие из них имеют ядовитые зубы и шипы, а также обжигающие стрекательные клетки. Чудесный подводный мир таит множество красот, но обитатели его всегда готовы причинить неприятности, вплоть до смертельного отравления.

В небольших лужицах часто скрывается «каменная рыбка» — самая уродливая и опасная в мире. Защитная, в пятнышках, окраска делает ее невидимой, она же, заметив чье-либо приближение, замирает, приготовив для защиты свою спинку с ядовитыми шипами. Не дай бог коснуться ее ногой! Помимо нестерпимой боли уколы шипов вызывают судороги и сердечные спазмы. Лишь в шестидесятых годах австралийскими учеными было найдено противоядие от укола «каменной рыбки».

В аптечке Луговского нет австралийского противоядия, так что приходится смотреть в оба.

Раскаленный воздух звенит и гудит от солнца. «Курчатов» — на якоре в восточной части лагуны, растворен в дрожащем мареве белый корпус. Визард притягивает как магнит, стремление исходить его вдоль и поперек подобно навязчивой идее... Но никто не разделяет моего энтузиазма. Доктор, изнывая от зноя, дежурит на своем «рабочем месте», подле аптечки, Плахова лишь пожимает плечами, смотрит удивленно. (Наталья наша в подобных случаях выразительно крутит пальцем у виска.) Жара не располагает к прогулкам, забивает поры, утяжеляет веки. И я отправляюсь на прогулку один. Проваливаясь и увязая в горячем песке, преодолеваю невысокий, но крутой вал. Приходится продирается сквозь жесткую, припорошенную белесым песком траву, перешагивать обнаженные корни. Верхушки низкорослого кустарника с блестящими листочками сливаются в сплошную густо-зеленую полосу, в воздухе аромат эфирных масел. У кривых, скрученных ветвей такой вид, будто растут они сверху вниз и листва не способна прикрыть путаницу ветвей. Спотыкаюсь, то и дело протираю запотевшие стекла очков, но не сбавляю взятого темпа, настраиваясь на долгий путь. И останавливаюсь как вкопанный: щедрым подарком, вознаграждением за стертые ноги, обожженные лицо и руки открывается с холма сказочной красоты внутренняя лагуна неправдоподобно чистого зеленого оттенка поль-веронез. Гигантское, зеленее самого зеленого блюдце с изумрудно-ярким свечением воды, восьмое чудо света. В наших странствиях по Атлантике и Тихому океану глаза и руки спешили запечатлеть, сохранить увиденное. В Папуа-Новой Гвинее стекающие цветущими алыми потоками бугенвиллеи, диковатые черно-лиловые гряды волн, атакующие рифы Истерн-Филда, сверкающее фонтанами побережье королевства Тонга... Вновь стою пораженный, но, увы, «безоружный». Без блокнота и без этюдника, стараясь удержать в памяти этот не похожий ни на что ранее виденное пейзаж. На сорок-пятьдесят метров уходит из-под ног сыпучий склон, упираясь в заболоченную трясину с пятнами сочной травы. За болотцем странная рощица — высокие, причудливо изогнутые стволы с редкими ответвлениями, толстые, мясистые стебли похожи на туркменскую ферулу.

Опаловое ядро лагуны очерчено певучей линией берега. Зеркальная гладь застыла в неподвижности, а рядом, всего за несколькими холмами, беспокойные, опасные воды океана. Пейзаж столь необычен и столь ошеломляюще цветочные сочетания, что кажется: из-за причудливых растений должны появиться эльфы, тролли или гномы. С трудом избавляешься от ощущения, что попал в небывалое место, колдовская лагуна кажется плодом галлюцинации. В гигантской, пятнадцатикилометровой чаще сосредоточены все существующие оттенки зеленого. Природа распорядилась выплеснуть в нее холодноватую гамму светлых кобальтов, мягкое свечение изумрудных, плотность марганцово-зеленых — сложные оттенки, не смешиваясь, составляют одну палитру.

И будто для того чтобы вдохнуть жизнь в удивительную картину, вдали появляются темные подвижные черточки — несколько коротких, согнутых пополам и длинная, горизонтально растянутая над ними: рыбаки, собрав дань в лагуне, на руках переносят лодку по мелководью.

И я возвращаюсь, унося в душе необычный ландшафт.

Под тентом прозрачная фиолетовая тень. Из ямы торчат голова и плечи Плаховой, скорчившись в три погибели царапает что-то в альбоме. Доктор Луговской у кромки океана смачивает полотняную фуражку. Ученые продолжают сбор экспонатов для лабораторных исследований и коллекций. Под нашей турнефорцией горка сданных ими на хранение заполненных рюкзаков.

Приближаюсь, чувствуя, как с лица моего не сходит торжествующая улыбка, будто это я сам создал изумительную лагуну и ее существование — моя заслуга. Скорее бы добраться до корабля, восстановить по памяти увиденное. Душу так и распирает желание поделиться чудом.

— Вот, никто не пошел со мной, а зря, — говорю подошедшему Луговскому. — Теперь вы никогда не узнаете, какая совсем недалеко есть совершенно зеленая лагуна с совершенно зеленым небом над ней. Впрочем, я готов проделать путь еще раз, чтобы показать им все это.

— Если хотите, можем пойти...

— Удивительно, как ты не сварился и не потерял очки.

Это Плахова.

— Послушайте, вы около двух часов бегали по жаре, дайте мне руку, не мешает проверить пульс.

Это Луговской.

И я залезаю под тент, в яму, храня в душе светло-зеленый блеск лагуны.

Плахова

Уже были прилив и отлив, и снова приближается время прилива: вновь закипает вдалеке полоска бурунов. Над рифами тонкий слой воды отражает синеву неба — по синеве бродят человеческие фигурки, будто присутствуешь при рождении мифа «Хождение по водам».

Кажется, люди идут по морю, не касаясь тверди.

Отступая, океан обнажил пористые глыбы. Влажные, словно покрытые блестящим лаком, обросшие скорлупками моллюсков.

Наступает время отправиться в обратный путь, но теперь бот из-за малой воды уже не может подойти к берегу, приходится по

царапающим рифам идти ему навстречу. Под ногами, в скважинах и ямках, теплится жизнь — поблескивают тугие медузки, ползают

рачки, кто-то за кем-то охотится, сам становясь добычей. Сквозь голубовато-зеленую воду изредка просвечивают золотистые островки песчаного дна, но по мере удаления от берега все плотнее, гуще коралловые заросли, переходящие в сплошной риф.

Медленно бредем, охваченные исследовательской страстью. Под ногами тончайшие узоры — ветвистые «оленьи рога», плоские коралловые «тарелочки», похожие на перевернутые сыроежки, с уложенными рядом тонкими известковыми пластинками. Округлые, острые, как сучки, уплощенные и изукрашенные богатым рельефом, сросшиеся колониями и отделенные друг от друга, мерцают под водой кораллы. Цветными огоньками мелькают в углублениях коралловые рыбки, но, стоит извлечь их из воды, они мгновенно теряют яркую окраску: высыхают создающие ее специальные клетки в чешуйках.

Под ногами водоросли, напоминающие маленькие стекловидные гроздья винограда, студенистые двустворчатые моллюски, на мелководье подстерегают свою добычу бежевые морские звезды.

Ежeminутно ждешь появления нового, таинственного, чего никогда не видел. Словом, не зевай, смотри, куда ставишь ногу!

Члены экспедиции постепенно стягиваются к границе рифов, месту сбора, куда должен подойти бот.

Тихо поплескивает теплая вода, все дальше остров.

Под зеленоватой толщей виднеется красавец коралл, сокровище, изваянное природой. Правильным овалом раскинулось каменное кружево.

— О-о! Такой коралл мечта для натюрморта! Попробуем его снять!

Сумку и зонтик кладу на слегка выступающую над водой неровную площадку. Отбить приросший коралл не так просто: крепкая ножка не желает покидать ложа.

Но что происходит? Покачиваясь, проплывает мимо зонтик. Под сумку подобралась вода. Коралл, до которого было рукой подать, еле виден, словно уходит от нас, скрывается в глубине. Под ногами тоже непорядок: маленькие водовороты шипят, кружатся, подбираются к коленям. Дно быстро уходит вниз — идет прилив!

Тем временем от корабля отрывается белое пятнышко шлюпки. Она не торопится: сидящим в ней незаметен подъем воды. На Визард возвращаться поздно, отсюда он кажется едва заметной, прочерченной в синеве светлой полоской. Определить расстояние на глаз трудно. В лоции берег от черты рифов обозначен в три кабельтовых.

— Чему равны три кабельтовых? — спрашиваю доктора.

— Каждая ста восьмидесяти пяти метрам, — отвечает Луговской, — а три... итого с полкилометра. Да и ближний ли здесь подход, может быть, мы находимся на дальнем? Ясно одно: до берега не дойти, вода уже покрыла, спрятала ловушки.

Все на свете относительно. Сейчас неустойчивый, скачущий по гребням бот кажется желанным избавлением. Обгоревшие, красные, собрались члены экспедиции. Стоим по грудь в воде у границы плюющего пеной прибоа. Будь он неладен, этот прибой, хотя, возможно, он не заслужил подобного нелестного отзыва.

Умница-бот, рассекая белой грудью буруны, спешит к рифам. Вновь живым грузом повисают на нем, пытаясь придать устойчивость, матросы, нам же океан на этот раз норовит нанести удар не в спину, а в лицо, старается сбить с ног.

И подумать только, когда-то, в иные времена, и посадка в метро в час пик казалась проблемой!

Кидаемся в прибой, исполненные восхитительного чувства близости цели. Подкинутый валом, показывая обшарпанное днище, взвивается перед лицом бот. Глаза заливают соленой водой. В подобные моменты не отдаешь себе отчета в происходящем. До сих пор затрудняюсь сказать, как очутились в боте!

Погружены рюкзаки и ящики, баллоны и геологические образцы и многое, неведомое нам, но нужное науке.

Наконец отдышавшись, можно подсчитать синяки и ссадины и даже бросить последний взгляд на Визард с его осыхающими рифами.

Укарауливаю миг, когда на водных качелях плавно возносимся к небу, и с высоты вижу: исчезла сверкающая полоска пляжа, к подножию турнефорций и казуарин подступил океан и лишь две спички, наши шесты, мирно покачиваясь, плывут по волнам...

Алексеев

— Так вот, прошу учесть, это было в последний раз, так и запомни, — сообщает моя жена, добравшись до каюты. — Разве на «Менделееве» такие высадки были? Прелесть, что были за высадки...

Так уж устроен человек: прощает прошлому обиды, и кажется, оно всегда лучше, чем было на самом деле. Я молчу и не напоминаю ей о том, как в Тихом океане при высадке на Берг Маклая, в Бонгу, океанский накат без долгих разговоров перевернул ее вверх ногами и покати к берегу. Правда, по атласному песку, без колющих рифов, но все же...

Управившись с мокрой одеждой, она старательно развязывает влажные тесемки, стягивающие матерчатые мешочки, предназначенные для геологических проб, подарок геологов. В них наша «добыча» — Крупные и мелкие ракушки и коралловый песок с острова Визард.

— Почему бы не иметь коллекцию песка каждого атолла? — говорит она. — Ведь собирают люди спичечные коробки.

И я опять молчу, не спрашивая о том, каким образом будет она коллекционировать песок атоллов, если, как утверждала только что, была на высадке «в последний раз». Молчу, ибо между человеком сухим и человеком мокрым большая разница.

Согласно судовому журналу, все участники высадки на борту. Все, кроме Гительзона. Лебедки уже водрузили на место шлюп, но Иосифа Исаевича нет на палубе, как нет в каюте и в лаборатории. Но прежде чем событие принимает характер «чепе», вахтенный указывает на черточку в океане — под рваным парусом резво бежит к кораблю длинная лодка. Вскоре, показав поочередно оба просмоленных бока, она разворачивается у еще не убранного штормтрапа.

В лодке двое — коричнево-бронзовый мускулистый креол в некогда бывших белыми кепи и шортах и наш Иосиф Исаевич. Впрочем, в лодке есть еще пассажир: на днище лежит перевернутая на спину черепаха. Здесь их называют «суповыми» или «зелеными». Местом для кладки яиц избраны ими острова Альдабра и Космоledo.

Черепаха, без усталости вертя головой и шлепая по воздуху ластами, благополучно переключивается на корабль.

— Тот, кто меня привез, — охотник, — рассказывает, поднявшись на судно, Гительзон. — Он как свои пять пальцев знает лазейки между рифами, отлив или прилив для него не имеет значения. Если надо, охотники выходят из лодок и на руках переносят их по мелководью. Не эту ли лодку видел я в зеленой лагуне?

Скрежещет якорная цепь, на «Курчатове» выбран якорь, лодчонка отходит в сторону. На корме темное изваяние — колоритная фигура охотника: могучий торс, крепкие руки, черная, торчащая вперед борода. Широко раздвинув пальцы на розовой ладони, шлет он прощальный привет Гительзону, а может быть, всем нам, навсегда покидающим остров Визард группы Космоledo.

В каюте, на клеенчатом нашем диване, можно расслабиться, передохнуть. На столике книжка. Вот как описывает шведский ученый и этнограф Бенгдт Шёгрэн свое пребывание на одном из принадлежащих Сейшелам островков: «Мы облюбовали себе место на безлюдном берегу. Мы не собирались рисковать. Но вряд ли было что-нибудь опасное в том, чтобы окунуться возле самого берега. Я вошел в воду и побрел навстречу большим волнам. Никто из нас не подумал, что начался прилив. Я зашел не очень далеко, думая, что у меня под ногами дно. Но море наступало, и дно уходило. Дело приобретало серьезный оборот. Как ни старались мы плыть к берегу, подводное течение относило нас в противоположном направлении, а волны накрывали с головой...

Скоро мне стало ясно, что я уже никогда не ступлю на твердую; землю... силы мои иссякали, я задыхался... мне чертовски не повезло: утонуть за несколько дней до того, как я должен был поехать на Маврикий. Перед глазами промелькнули строчки из некролога: "Писатель Бенгдт Шёгрэн утонул у берегов Сейшел..."»

Не менее красноречиво описана картина прилива доктором биологических наук Донатом Владимировичем Наумовым, с которым довелось нам участвовать в экспедиции в Океанию: «С наступлением прилива необходимо быстро уходить в сторону берега. Здесь уровень воды изменяется не постепенно, а очень быстро и сопровождается высокой и крутой приливной волной, которая стремительно несется по отмели, сметая все на своем пути. И горе тому, кто зазевался во время прилива, — ему угрожает серьезная опасность. Но не только новички забывают о коварстве приливов».

— Дима, а что случилось с вами на Визарде?

Биолог Дмитрий Алексеевич Астахов, молодой ученый из Института океанологии, — один из немногих, кто на вопрос: «А почему вы избрали именно эту специальность?» — уверенно отвечает: «Меня это интересовало всегда».

— Так что все-таки случилось?

— А, ерунда какая-то... — улыбается Астахов. — Вы лучше сюда посмотрите...

Посмотреть «сюда» — значит отдать должное стеклянным сооружениям со сложной системой фильтрации, установленным на корабле, в лаборатории океанологической ихтиофауны. Дима называет их «емкостями»

На корабле не бывает секретов. Вчера несколько членов экспедиции, в том числе Астахов, не вернулись на корабль, остались ночевать на острове, чтобы на рассвете, не теряя времени, приступить к работам. Ночь кончилась, но утро еще не наступило. Цепкие кустарники сливались сплошной темной массой, еле угадывалась светлая полоса песка. По островку шел со своим бачком Астахов вместе с начальником экспедиции «Рифта» Николаем Васильевичем Париным. Неожиданно впереди идущему Парину послышался глухой возглас. Оглянувшись, он увидел лишь смутно белеющее пятно бачка. Астахова не было.

Когда-то на Визарде располагалась деревня — полусгнившие остовы хижин изредка попадались на пути. Островитянами некогда был выкопан глубокий колодец, теперь он заброшен, высох, края осыпались, предательски заросли жесткой травой. В него-то и упал Дима. По случаю ночевки одет был он в толстую куртку и джинсы, натренированные мускулы спортсмена среагировали на падение: Дима повис в ловушке, упираясь плечами и ногами в стенки колодца.

Мудрое правило экспедиции не ходить на высадках по одному сработало и на этот раз. С помощью Парина Астахов, отделавшись несколькими ушибами и царапинами, выбрался из недр колодца.

— На Визарде мне удалось пополнить коллекцию многими видами рыб океанических островов, насобирал их сачком, — говорит Астахов. Тыкаясь носами в прозрачные стенки «емкостей», шныряют жители мелководья океанских островов. Лишь рыба-петушок лежит невидимкой на дне, присыпанном гравием, топорщит плавники-крылышки. Голубые, золотые, расписанные полосками, будто обрызганные краской, мельтешат рыбки. Астахов осторожно достает влажную черепашку, как определяют специалисты, всего четырех дней от роду. Тельце ее покрыто не панцирем, а кожей, на длинной шейке маленькая, черная, похожая на змеиную головка с яркими бисеринками глаз.

Игрушечное существо, свободно уместившись на ладони, продолжает быстро перебирать передними удлиненными лапами, будто все еще

плывет в голубых водах атолла Визард.

— Пока еще при изучении ранних, личиночных стадий рыб основным их источником является ловля, — рассказывает Астахов, выпускник Московского университета, сотрудник Института океанологии. — Но подобная ловля не может дать объективной картины развития личиночных стадий рыб. Надеюсь, вам ясно почему?

— М-м...

— Бог мой, да это же так просто! Ведь я могу поймать, допустим, первую, а затем лишь одну из последующих стадий, миновав при этом все промежуточные. Разве это даст объективную картину развития личиночных стадий рыб? Вы понимаете, как важно, отловив еще не поддающиеся классификации личинки, научиться выращивать их до той стадии, когда можно будет их правильно классифицировать? Теперь мы понимаем и согласно киваем головами.

— Чтобы выращивать их, — продолжает молодой ученый, любовно оглядывая аквариум, — надо уметь создавать искусственную морскую воду. Сейчас многие лаборатории в мире работают таким образом, я тоже сторонник этого метода. Кстати, уже в Калининграде были погружены на корабль полиэтиленовые бачки с искусственной морской водой, чтобы, не теряя времени, приступить к работе.

— А чем вы кормите личинок?

— Это тоже существенная проблема, ведь корм из моря удастся добывать не всегда, это невозможно, например, при сильном шторме. Поэтому очень важно иметь наготове пищу независимо от погодных условий. В этом сосуде развивается культура одноклеточной бактерии, личинки можно кормить зоопланктоном. Приходится выращивать и «бактериологические фильтры». Это специальные виды бактерий, они очищают воду от продуктов распада — ведь личинки, как всякие живые организмы, выделяют отходы, метаболиты.

— А как меняете воду?

— Я ее вообще не меняю, если решена проблема удаления метаболитов, достаточно в искусственном водоеме прокачать воздух. В пяти больших и нескольких вспомогательных «емкостях» булькают, извиваясь, ожерелья воздушных пузырьков. Серебряными блестками мелькают молодые кефальки, те самые, о которых справочник по рыбоводству сообщает: «Практически неуловимы, не живут в неволе...»

— А как их удалось поймать?

— Нужно было, и поймал. Тоже сачком. Они у меня до рейса в Москве полгода жили, подрастали понемногу. Вначале сантиметра полтора были, не больше. С такой рыбой легче работать. Если выросла в искусственном водоеме, значит, не такая пугливая.

Несколько позже по просьбе малагасийских ихтиологов эту молодь Астахов оставит в научном центре острова Нуси-Бе. Возможно, ей придется по вкусу воды Индийского океана. А пока, склонив голову к плечу, смотрит молодой биолог на свою черноморскую кефаль, что, не ведая предназначенной ей высокой миссии, резвится в искусственном водоеме.

Таков сероглазый Дима, начальник отряда ихтиологов на научно-исследовательском корабле «Академик Курчатов», ученый 1953 года рождения, чья задача в рейсе именуется: «Лов взрослой рыбы, молоди, икры и личинок над подводными возвышенностями до глубины тысяча пятьсот метров, а также поверхностные тралы и ловля сачком на свет во время дрейфовых станций».

В каюте обнаруживаем пассажира — темнокрылую ночную бабочку-бражника. На Мадагаскаре панически боятся этой невинной бабочки — из-за напоминающих череп пятнышек на крыльях, считая ее вестником смерти. Бражник пристроился возле иллюминатора, может быть, и суждено ему вместе с нами добраться до Великого острова.

Острова Фаркуар. Визит к мистеру Саймону. Тропический ливень

5 апреля провели кратковременную плановую высадку на остров Фаркуар, выполнены работы в лагуне атолла.

Из дневника экспедиции

Плахова

На судне ведутся работы к западу от острова Фаркуар. Руководство организует встречу с администратором островов, договорившись о режиме высадки и характере изысканий в лагуне. Предстоят комплексные работы на полигоне, над подводной возвышенностью между островами Фаркуар и северной оконечностью Мадагаскара. Наконец наступает день высадки.

В конференц-зале совещание — начальники отрядов прибыли на инструктаж. Брать с собой на остров разрешено лишь фотоаппараты, ласты и маски. В качестве тары — полиэтиленовые пакеты, непременно прозрачные, никаких рюкзаков и сумок. На Фаркуаре властвует мистер Саймон, администратор. Его согласие на высадку получено лишь на этом условии. Возможно, мистер Саймон боится, что члены экспедиции растащут его островок, как Колизей, на сувениры.

— А как же мы? Мы как же? — вопрошает Алексеев. — Имущество наше не поместится в целлофановый пакет. Не засуну же я в пакет этюдник!

— Вам в виде исключения разрешаю взять сумку, — милостиво соглашается Нейман.

Трудно объяснить, почему каждое утро, просыпаясь на корабле, вскакиваешь, будто неведомая сила сбрасывает тебя с койки. Блуждающий луч пробирается в иллюминатор, вобрав золотые пылинки, бродит возле лица, заставляя раздвинуть веки, и кажется, уже давно происходит нечто важное, значительное, чему свидетелем не пришлось быть из-за непрошеного сна. Чувство беспокойства, радостного ожидания выталкивает из тесной каюты в наполненный синевой мир. Вот и сегодня, не обманув, утро преподносит сюрприз: новые острова в океане. Бот скользит по зеленоватой лагуне, огибая острый мыс под султанами пальмовых рощ. Макушки кокосовых пальм, еле обозначенные сочными мазками, постепенно сливаются в густую полосу. Изгибаясь, как танцовщицы, палевые стволы уносят вверх пушистые кроны, кое-где зеленый шелк подернут рыжим пламенем сухих листьев.

Уже виднеются низкие домики. На острове живут привлеченные по найму рабочие и рыбаки. Над приземистым сараем с трубой черной лентой стелется дымок.

Сопровождает нашу группу прибывший с острова Фаркуар юноша по имени Даниэль. У Даниэля правильные черты лица, из-под обвисших полей широкополой шляпы поблескивают глаза и зубы. Но высадке не суждено состояться. Как только бот упирается носом в глыбу-причал, юноша отправляется к мистеру Саймону и вскоре возвращается. На смуглом лице растерянность.

Даниэль

— Совсем, совсем рядом есть еще один, очень красивый остров... Гораздо лучше этого, — приблизительно так звучат его слова.

Ничего не поделаешь, отходим от причала, разворачиваясь в океан. Минут двадцать разносится бодрое тарахтенье двигателя над неподвижной утренней гладью, и снова вырастают из океана пальмовые рощи. В отличие от предыдущего новый островок пуст и необитаем. Члены экспедиции беспрепятственно выпрыгивают на искрящийся песок, еще не испещренный ничьими следами. Действительно, райское место, коралловый, ослепительно чистый пляж.

Но увы, нам в этой библейской пустыне делать нечего, живописный поселок с населяющими его людьми интереснее «пейзажа с пальмами».

Добровольно отказавшись от радостей бытия, остаемся в боте. Сейчас он пойдет обратно к «Курчатову», и мы все же попытаемся осуществить высадку на первый остров. Даниэль пожимает плечами, снимая с себя ответственность за дальнейшее, очевидно, характер мистера Саймона не сахар.

Моторист Евгений поощрительно улыбается и охотно берет курс на покинутый только что причал.

На рассвете легкая, будто намеченная акварелью дымка висела на юго-западе, сейчас хмарь постепенно затянула небо, подбираясь к солнцу. Даниэль, подогнув босые ноги и обхватив колени руками, усаживается на корме, смотрит неотрывно в океан.

Мальчишке не повезло. Родился Даниэль на острове Маэ, жил в Виктории, учился в колледже. Увлекался биологией, играл в спортивной команде, получал на соревнованиях призы, но успел окончить всего восемь классов — тяжело заболел отец, остались мать, трое сестренки и два брата. Ему, старшему, пришлось взять на себя заботу о семье, оставить колледж. С четырнадцати лет зарабатывает Даниэль на жизнь, завербовавшись, уже более двух лет живет на Фаркуаре, отправляет домой каждый месяц восемьсот рупий.

— А в чем заключается его работа?

— Рыбу разную ловит, морских черепах, — отвечает за Даниэля Евгений, — обеспечивает рабочих питанием. На острове есть садки, где растет черепашня молодь, вот он и собирает на побережье черепаши яйца. Правда, в специальных загонах здесь держат крупных сухопутных черепах, выращивая их для употребления в пищу, но все равно ему приходится заниматься рыбной ловлей и

охотой — надо кормить рабочих, ведь на Фаркуаре есть небольшой завод... (По-видимому, речь идет о чадящем сарае.)

Завербованные для работы на островах обычно уезжают из дома, покидая семьи на несколько лет. Лишь считанное число раз подойдет к острову в океане какое-либо суденышко забрать готовую копру. За свой труд рабочие получают невысокую плату, но на «большой земле» перенаселенного острова Маэ нельзя рассчитывать и на эти гроши.

С выключенным мотором но инерции вторично подходим к отшлифованному морем коралловому монолиту с забетонированным спуском. Под днищем прозрачная, как в роднике, голубовато-зеленая вода с рассыпанными искринками солнечного света. Как сквозь толстое стекло, видны коралловые поселения — светло-коричневых, розовых, фиолетовых оттенков. Живые полипы, похожие на цветы, с лепестками-усиками, пребывающими в постоянном движении.

Рассыпались по дну морские огурцы — голотурии, зарылись в песок «морские ежи», в каменных зарослях проскакивают пестрые, черно-желтые рыбки-бабочки, рыбки-клоуны, полосатые «сержанты».

Причал оброс густой бородой водорослей, ракушками, из-под ног прыскают во все стороны мелкие рачки и крабики, убегают бочком, опираясь на одну клешню.

Солнце занавешено облаками, но бетон, нагревшись, жжет ступни даже через подошвы. Бросаю вопросительный взгляд на Даниэля: может быть, он проводит нас к Саймону? Но юноша отрицательно покачивает головой. Что ж, попытка не пытка! Не утопит же нас мистер Саймон в своей прекрасной лагуне.

Окруженный белым кольцом пены, уходит бот. Стоим одни на причале. Из вместительной непрозрачной сумки рыбьими хвостами торчат концы кисточек.

Неподалеку, под навесом пальмовой крыши, темнокожий старик смолит перевернутую вверх килем лодку. Влажно лоснится от пота спина, опущена вниз курчавая седая голова. Давно освоив искусство общения с помощью мимики и жестов, отправляюсь под навес:

— Саймон, мистер Саймон?

Старик отставляет котелок со смолой и неторопливо вытирает тряпкой руки. Сухая, будто изваянная из темного дерева угловатая фигура, жилистые, натруженные руки, запавшие щеки. Кивком приглашает он следовать за собой, и узкая тропинка уводит нас в глубь острова,

открывая большую поляну с разлапистым баньяном в центре. Серая бахрома воздушных корней образует подле дерева-патриарха беседку. — Ты имеешь представление, что такое баньян? — успевает спросить, ныряя под его сень, Алексеев.

— То есть?

— Баньян — это наш комнатный фикус! Еще Александр Македонский, дивясь на это растение, разбил под его ветвями лагерь на пять тысяч воинов! Главный ствол этого «деревца» может достигать в диаметре десяти метров, а вторичные стволы — от четырех до шести. Дикий баньян, не ухоженный человеком, редко превращается в большой лес, дело в том, что...

Мистер Саймон

Но он не успевает рассказать, в чем дело, ибо провожатый останавливается возле железного бруса, подвешенного к стволу вместо гонга, и, протянув руку, наставляет указательный палец на отдельно стоящий небольшой коттедж.

Темный проем вместо двери ведет в комнату, оттуда слышно ровное стрекотание пишущей машинки. Длинный коричнево-золотистый жук, расправив дрожащие крылья, гудит и бьется о белую стенку веранды. «Йик-Йиик», — тревожно попискивают перед дождем невидимые в кроне баньяна птицы.

— Я думаю, ты можешь побеседовать с ним сама... А я поделаю наброски, — полувопросительно, полуутвердительно говорит мой муж, — все-таки ты женщина!

Я благодарна за «все-таки», но не настолько, чтобы принять на себя миссию встречи с мистером Саймоном. Возможно, мне приходится чуть-чуть поднажать плечом, но мы вместе минуем веранду и рядком вступаем в кабинет.

Глаза с трудом привыкают к помещению. Единственное окно затянуто вьющейся зеленью. Письменный стол завален бумагами и папками. Внушительный холодильник, пишущая машинка — вот и все убранство, если не считать желтого клубка у порога, тощей, похожей на динго собачонки, и самого мистера Саймона, восседающего в кресле в рубашке и шортах цвета хаки.

Пес вяло потягивается и вновь сворачивается клубком, не удостоив нас даже ворчанья. Что касается мистера Саймона — плотный, массивный, широкогубый, с блестящими, чуть выпуклыми глазами и завитками волос над высоким покатым лбом, он медленно приподнимается, вырастая, из кресла.

Спешу начать монолог, в коем неоднократно фигурирует звонкое «рашен шип» (русский корабль), а также повторяемое на все лады «пейнтор» (художник). Хоть что-нибудь да должен он понять из моей выразительной речи!

Извлеченные открытки — репродукции с наших картин, а также книга об Океании и краски довершают дело. Во всяком случае, мистер Саймон неожиданно раздвигает слегка вывороченные губы в широкую улыбку, обнажив ровные, крепкие зубы, которыми при желании можно перекусить корабельный канат.

В воздухе стоит тягостная, липкая духота, предвестник тропического ливня. Саймон, отерев белоснежным платком капельки пота с шоколадно-коричневого лица, обращается к нам с пространной речью, что льется из его рта так же свободно, как вода из бутылочного горлышка; вероятно, он не может даже предположить, что первые, последние и все остальные, находящиеся посреди фразы слова остаются нами не понятыми. Ясно одно: распорядитель острова, как и другие его соотечественники, совсем не прочь получить в качестве «презента» свой портрет. Торопливо произносит «йес, йес» и, отодвигая на край стола пишущую машинку, принимает в кресле импозантную позу, выпрямив спину и одарив Алексеева ласковым, ждущим взглядом.

Муж мой уже увлечен характерной моделью, чьи черты лица не оставляют сомнений в африканском происхождении. Мелькают карандаши, фломастер. Последнее, что вижу: тяжело опираясь на подлокотники кресла, мистер Саймон приподнимается, пытаюсь увидеть рисунок, и, не снимая с лица оживленной улыбки, делает

царственный жест рукой, предоставляя в мое распоряжение остров Фаркуар, чем и спешу воспользоваться.

На островке есть собственный автотранспорт, небольшая электростанция, запасы пресной воды, продовольствия и дизельного топлива. Рабочие по найму занимаются обработкой кокосовых орехов, заготовкой и сушкой рыбы и черепашьего мяса. Дымящий среди пальм сарай-заводик выглядит оживленно благодаря беспрестанно снующим фигуркам — впрочем, возможно, это одни и те же люди входят и выходят из многочисленных отверстий в стене, заменяющих двери. Под залатанным парусиновым тентом гора светлых, коричневатожелтых кокосовых орехов.

Спелые идут для получения копры, их собирают прямо с земли. За молодыми, «питьевыми» лезут вверх, под кроны. «Дерево жизни» дает островитянам питательный орех и волокно, строительный материал и топливо, вино, масло, мыло...

Копра, получаемая из ядер ореха, — главный экспортный продукт архипелага, отдельные его островки целиком превращены в кокосовые плантации, один из атоллов так и носит имя Кокос.

Голый по пояс молодой мужчина в старых холщовых брюках, с цветной повязкой на голове автоматическим движением берет спелый орех и, не глядя, точным движением насаживает его на врытый в землю острый кол. Рывок — и, распавшись на две половинки, кокос высвобождает круглое темное ядро. Теперь метким ударом широкого ножа освобожденная от эластичного покрытия скорлупа разрублена на аккуратные половинки и брошена на мат из пальмовых листьев для просушки: подсыхая, копра сама освобождается от ядра.

Процесс отлажен веками. Печь в сарае топится волокнистой оболочкой, хотя она больше дымит, чем горит. После просушки копра готова к вывозу и поступает на мировой рынок.

Ценится копра на Сейшелах очень высоко. Труд этот неоднократно пытались механизировать. И что же? Не так давно была сконструирована машина для расколки и обработки ореха.

Изобретателей ожидал конфуз: электрический резак не выдержал соревнования с человеческими руками. Работы по очистке ореха обычно выполняют женщины. Испытания показали, что работницы с плантации намного опередили машину!

Пишу и рисую, мучаясь и торопясь, каждый раз терзаясь сознанием ограниченности времени. Новые ощущения, краски, запахи затягивают в водоворот, из которого не так просто выбраться. Глазу открывается необычный, чуждый нашему полушарию пейзаж. Могучая, подавляющая красота природы, где цветы огромны, как деревья, а деревья яркие и нарядны, как цветы. В наплыве новых впечатлений трудно «отобрать мотив», изъять второстепенное; то, что тебя окружает и что видит глаз, хочется запечатлеть с тщательностью и вниманием.

...На фоне темных проемов сарая четко выделяются освещенные солнцем фигурки людей. Временами налетает с океана кроткий ветерок, относя в сторону черный дым, да кивают над крышей, будто отвешивая поклоны, верхушки пальм. На темной зелени лужайки горят розовые и алые пятна цветущих кустарников, в разрывах между деревьями виднеется пастельная, цвета серо-зеленой яшмы лагуна. Но вскоре пейзаж из безмятежно-идиллического становится тревожным, темнеет, природа застыла в ожидании грозы. Все чаще пронзительные порывы ветра. В недрах ожившей, лопочущей листвы баньяна рождается серебристый, мятущийся цвет.

Испокон веку великие мастера пейзажа владели способностью приобщать к бессмертию преходящее мгновение. Пейзаж недаром именуют «естествознанием в искусстве», но лишь вложенная в изображение пейзажа частица души художника смогла породить вросшие в плоть и кровь бытующие выражения: «левитановская осень», «шишкинский лес», «лунный свет Куинджи», «тургеневская тишина»...

В пейзаже любой полосы не существует «будничных» ситуаций, но сколь отлична необузданная природа Южных морей от умиротворенной красоты средней полосы России. Из всех европейцев, отдавших дань тропикам, один лишь Поль Гоген нашел пылающую палитру для своих полуреальных, полуфантастических сцен, отобразив океанские острова и красоту гармонично вписанного, слившегося с природой человека.

«Все мои старые полотна кажутся мне пресными по цвету», — писал этот неутомимый человек, живописец и рисовальщик, скульптор и резчик, гравер, критик и писатель. «Сказочные краски, этот пламенеющий и в то же время мягкий, безмолвный воздух... Жизнь в

необъятном дворце, украшенном самой природой... Тропическое солнце, зажигающее все вокруг себя...»

Необычна судьба Поля Гогена. Живописью он стал заниматься лишь после двадцати двух лет, да и то урывками, в свободное время. Неожиданно для окружающих в тридцати пятилетием возрасте, бросив работу в банке и расставшись с привычным укладом, порывает с семьей, всецело посвящая себя искусству. Отныне, болезненно остро воспринимая прекрасную природу Океании, идеализирует он жизнь островитян. В холстах его сияет свет и цвет тропиков, витает настроение торжественного покоя патриархальной жизни населяющих острова людей. Глядя на сказочно прекрасные полотна Гогена, невольно вспоминаешь слова Александра Блока из его записной книжки: «Действие света и цвета освободительно. Оно смягчает душу, рождает прекрасную мысль. Так, сдержанный и воспитанный европеец, попавший в страну, где окрестность цветет и голые дикари пляшут на солнце, должен непременно оживиться и, хоть внутренне, заплясать...

Такая живопись учит детству. Она научает просто узнавать красное, зеленое, белое...»

Все сильнее шумит, раскачивается листва. Свет померк, сине-серая набухшая туча закрыла небо, на землю ложится тоскливый отпечаток, и вот уже барабанный бой тяжелых капель долбит землю. Пробив кроны, мчит по стволам мутный поток, будто разошлись створы небесной плотины.

Одно спасение — бегство. Роня краски, скрываюсь в строении без окон и дверей, но, к счастью, уже подведенном под крышу. Там, за высоким порожком, нахожу приют вместе с полчищами крупных рыжих муравьев, поток вновь рожденной реки, пригибая к земле цветы и травы, мчит к океану.

В завесе льющих с небес вод еле-еле различима резиденция мистера Саймона. Добраться туда теперь можно лишь стилем баттерфляй; шипя, булькая, прихватив ореховую скорлупу, кружит вода, несет жидкий песок, свивается кольцами, пенится рыжей накипью, встретив препятствие в виде выступающих корней. А сами корни! Покрылись толстым слоем грязи, оделись в серые лохмотья, вцепились в мокрую землю. За несколько минут приобретены сведения о тропическом

ливне над островами. И если это столпотворение лишь ливень, то что же такое тропический ураган с дождем!

Ударив в листья, струи выворачивают их наизнанку, ставят вертикально, ребром к земле, пробивая кроны. Из открытого кузова старого грузовичка хлещет переполнившая его вода, плывут, танцуя в воронках, вымытые с корнями мелкие кустики. Слабые покоряются, сильные вызывают на бой. Великан баньян по-прежнему высится серой горой, обвитый воздушными корнями.

Через час ливень внезапно прекращается. Утекают в океан последние ручейки, оставляя после себя рисунки-узоры. На промытом небе снова властвует солнце, стелется молочно-белый парок. Выпрямляются ростки и травы, стряхивают капельки-бриллианты. Будто находишься в гигантской оранжерее — аромат земли смешивается с запахами копры и цветущих растений. Невесть где переждав ливень, в листве снова мелькают птицы: «Йик, йик»...

На веранде коттеджа появляется совершенно сухой, недурно прошедший время Алексеев и, оглядевшись, безошибочно движется к моему укрытию, где я стараюсь привести в порядок слипшуюся акварель.

— Ты промокла?

Будто в этом можно сомневаться.

— А знаешь, я с таким увлечением работал! Такой характерный типаж! Мне кажется, он сам был потрясен сходством, когда я отдал ему рисунок.

— А зачем отдал?

— Ну, как тебе сказать... Я отдал и не отдал...

Такие загадки доступны лишь царю Соломону.

— Понимаешь, я, как увидел, что получается интересный портрет, сразу начал второй лист. Он и не заметил! Ему его и вручил, а первый — вот он!

С альбомного листа смотрит мистер Саймон черными блестящими глазами под прямой полоской густых бровей. Не такой уж простак Алексеев.

Теперь можно побродить по острову, отправляемся к пальмовой роще. Кроны двадцатипятиметровых красавиц, сомкнувшись, не дают развиваться подлеску. Испещренные узловатыми кольцами стволы прочно вцепились в коралловый песок множеством коротких прямых

корней, лишь кое-где золотые иглы солнца прошивают зелень. Увитые мохнатым одеялом отмершей листвы, стволы-колонны подпирают зеленую крышу храма; как сквозь витражи, льется сверху блекло-травянистый свет. Внизу, у подножий, разодрав тесную скорлупу, выбиваются из серой шелухи ростки, похожие на пучки перьев. Из ста отпущенных природой лет это удивительное, пьющее соленую воду дерево плодоносит почти непрерывно, щедро одаряя человека плодами. Начиная с седьмого года жизни, с интервалами в два-три месяца, под кроной созревают крупные, с голову ребенка, орехи — до сотни в год на одной пальме, почти без ухода.

На Сейшельском архипелаге пальм насчитывается около двух миллионов. Дрейфуя в море, орехи преодолевают огромные расстояния, завоеывая все новые острова. Плотная волокнистая сумка защищает сердцевину от морской воды, до ста дней путешествуют орехи в горько-соленых водах, не теряя всхожести. Бродим среди пальм, стараясь обходить круглые, с кулак дырки-норки особого вида крабов, именуемых пальмовыми ворами. Шевеля целым арсеналом ног, пальмовый вор легко взбирается на высоченное дерево и, выбрав спелый орех, одним махом перегрызает его черенок. Кокос летит на землю, вор же пятится по стволу вниз. Краб этот — единственное существо на земле, умеющее «открыть» плод без инструмента! Клешни его, как секаторы, прорезают кожуру, взламывая скорлупу, и он лакомится сочной мякотью. Любители деликатесов рассказывают, что в брюшине этого воришки находится иногда более литра пальмового масла — опытные кулинары, знатоки местной кухни, готовят из этих крабов изысканные блюда.

Среди пальм гуляют невзрачные коричневые коровенки: на островке содержится небольшое стадо мясных коров. Странно смотрятся буренки под пальмами; тянутся к кокосовой поросли, осторожно переступают копытами по обломкам кораллов.

Сквозь деревья уже виден океан. После ливня коралловый песок приобрел цвет спелой ржи. Похрустывают на берегу ракушки-окатыши. Невольно застывает на весу нога: во всю прыть удирают рачки, неся на спинке домики. Длинные, как сигара, витые штопором раковины разбегаются, оставляя извилистые следы.

Приняв ливневые потоки с примесью песка и почвы, лагуна изменила цвет — из бледно-изумрудной стала золотисто-зеленоватой. Лишь на горизонте густо-фиолетовая полоса граничит с чистым и звонким цветом поль-веронез. Не смешиваясь, будто разделенные невидимой чертой, расчерчивают поверхность океана сложные оттенки — мутно-охристые, голубые, неаполитанская желтая, будто живописец, пробуя кисть, разложил палитру на составные части.

Красочная картина — остров после грозы.

В счастливом и беспечном вдохновении некто исштриховал рябью лагуну, перечеркнул нежную мозаику облаков похожими на детский рисунок силуэтами пальм, умело уравновесил небесную промытую бирюзу зелено-рыжим, плотным цветом растительности...

Краски в природе действуют как живые персонажи: живут, дышат, отливают множеством оттенков. Рыже-коричневые опахала пальм пульсируют и вздрагивают под последними порывами ветра, вволю напившись влаги, распрямляются ярко-зеленые пучки молодой поросли...

Пищу, устроившись на упавшем пальмовом стволе, морщинистом и сером, как слоновий хобот. Акварель мягко растекается по влажной, отсыревшей бумаге.

...Что-то теплое, мокрое толкает меня под руку, это приплелась желтая собачонка Саймона. Глажу тощую спину, почесываю за лопушками-ушками, и она шумно вздыхает, тесно прижавшись к коленям. У каждого свои заботы: вскоре собака трусцой принимается бегать по берегу, выискивая крабьи норки, по самые глаза сует в отверстия узкую морду, долго чихает, обеими лапами счищая налипший песок... и неожиданно улепетывает. Причина спешного ее исчезновения понятна: из-за мыса с криками и воплями, футболя грохочущую жестяную банку, выскакивает компания полуголых коричневых чертенят.

...Дети. Темнокожие, исцарапанные, в синяках и ссадинах, с эмалевыми белками глаз, толстогубые, курчавые — такие похожие и

непохожие на разных островах и широтах. Худенькие и ловкие, в драных шортиках или в цветных лава-лава вокруг бедер, они с веселой готовностью ловко взбирались на пальмовые стволы, чтобы сбросить спелый кокос, гребли короткими веслами в лодках-однодеревках, бродили в поисках пищи в часы отлива по рифам. Исподтишка бросая лукавые взгляды, перемазанные сладкой слюной, уплетали истаявшие на жаре конфеты из корабельного ларька. Угощение надо было развернуть самим, многие не знали, как надо освободить конфету от обертки... Какой широкой улыбкой озарялись лица, когда грязные кулачки сжимали блестящие эмалевые значки, которые, увы, не к чему было приколоть.

Промчавшись в вихре поднятого босыми пятками песка, сорванцы устраивают дикую пляску возле распластанной на песке бесформенной массы. Обуреваемые любопытством, идем к ребятам. «Нечто» оказывается тушей двухметровой акулы. Трудно угадать, какую катастрофу претерпела она в море, но даже мертвую плоскую голову, оснащенную рядами треугольных зубов, хочется обойти подальше. Переняв от взрослых ненависть к извечному врагу островитян, подзадоривая друг друга, дети тычут палками в грозные челюсти.

Океан позаботился создать выброшенному на берег чудищу соответствующее обрамление, собрав на оголенном рифе фантастических уродцев. С похожими на ходули искривленными корнями кажутся они выходцами из сказок, народных преданий о блуждающих растениях-вампирах с чешуйчатыми, обросшими водорослями телами. Норовят ухватить, зацепить исковерканными паучьими лапами, тянут хищные щупальца, поблескивают отбеленными ветром и солнцем когтями. Свитые узлами коряги и корни оснащены изогнутыми на манер клыков и бивней искривленными отростками. Сколько дней и часов, изобретательно измышляя формы, шлифовали и перекатывали их по рифам волны. Эти выходцы из океана, право, достойны, чтобы поклониться им в пояс.

— Ну как, порядок? — вопрошает дочерна загоревший, ставший похожим на островитянина моторист, когда бот приходит забрать нас с острова.

Старик уже кончил смолить лодку, прикрыв от солнца жилистой рукой слезящиеся глаза, смотрит в океан. На мысу все еще пляшут вокруг акулы чертенята, и перестук двигателя глушит воинственные ребячьи крики. В последний раз бросаем взгляд на остров Фаркуар. Рабочий день еще не окончен, от сарая-заводика все так же тянется серая полоска дымка.

На пустом причале желтое пятнышко — пришла проводить нас собака Саймона, стоит, широко расставив лапы на скользком бетоне, провожает преданным, кротким взглядом, — наверное, за всю ее собачью жизнь с ней в первый раз поговорили по-человечески. Все громче тарахтит, набирая скорость, бот, все ниже в океан опускается земля, от рощи остались одни верхушки, над ними высится величественная крона старого баньяна.

— Итак, ты говорил, почему неухоженный баньян не может превратиться в лес...

— Ах, баньян, — оживляется Алексеев, — так на чем мы остановились...

Ему очень хочется рассказать мне еще раз про лагерь Александра Македонского...

— Это священное дерево индуистов и буддистов достигает полного могущества лишь возле храмов, где жрецы специально рыхлят землю. Я читал об этом феномене, все дело в том, что листва этого фикуса столь густа, что дожди не пробивают крону и не попадают на землю — она всегда тверда и суха, воздушные корни не могут ее пробить. Судя по сегодняшнему ливню, который довелось мне пережить в соседстве с баньяном, вода не только... «не могла пробить крону и размягчить сухую землю», но и едва не вымыла из почвы баньян вместе с воздушными корнями.

Но раз на раз не приходится.

Подождем до нового ливня.

Итак, судьбой подарен день работы на острове, и день этот прожит не зря. В мастерской при свете лампы приобщаем остров Фаркуар к уже живущим в папке рисункам и акварелям.

Завтра на рассвете «Курчатов» двинется к берегам Демократической Республики Мадагаскар. Заход определен в бухту Анцеранана, ранее носившую название Диего-Суарес.

Сегодня очередь Алексеева изыскивать нужную литературу.

— Отчего происходит это название?

— От имен двух португальских моряков — капитана Диего Диаша, открывшего эту бухту летом тысяча пятисотого года, и адмирала Фернана Соареша.

Диаш обошел на корабле берега Мадагаскара, подробно их описав. В июле 1507 года остров впервые был нанесен на географическую карту и именовался тогда Святым Лаврентием.

— А тебе известно, что значит Анцеранана?

— Ну, как тебе сказать, — не торопись ответить он. —

«Анцеранана» означает просто «порт»...

Порт так порт. Мадагаскар, Огненный остров, он же Великий Тани-Бе, вместе с Анцерананой и всеми своими тайнами лежит неподалеку, за синей дугой океана.

Будни как будни. Пашка, Сашка, Машка и Машуня

Алексеев

Жизнь на корабле давно вошла в привычную колею, но, как всегда бывает, неприятности подстерегают там, где их меньше всего ждешь: кондиционер, невзлюбив нас с первого дня, выдувает холодный воздух, если прохладно, и еле дышит в жару. Специалисты только пожимают плечами. Снимут крышку, покрутят в коварном механизме, не более суток длится нормальная жизнь, затем все начинается сначала. Упрямый металлический ящик, утверждая свое могущество, постепенно превращает каюту в морозильную камеру, спим в тропиках под шерстяными одеялами. Зато в каюте реммеханика Юры в меру прохладная благодать. Привожу его к нам; вновь отвинтив крышку и покрутив регуляторы, Юра сообщает, что дефект серьезный и подлежит устранению лишь на берегу, да где его взять, берег. К проблеме подключается старший механик: «Будем искать и пробовать». После поисков и проб упрямство кондиционера сломлено: простертая рука ощущает ровное и нежное дуновение ветерка, можно радоваться жизни.

Ворвавшись в каюту, экзальтированная Плахова застывает на пороге, как рыба, открывая рот, вдыхает воздух...

— Хорошо-то как! Совсем другое дело после ремонта!

На что получает от специалиста хмурый ответ:

— А я и не делал ничего, только пыль продул.

Торжество длится недолго. Вскоре по непонятной причине температура заметно повышается, оплывают, превращаясь в кашу, забытые на столике конфеты. Не смирившись, Плахова вовлекает в битву за прохладный воздух корабельного доктора; смуглый и черноволосый, как сикх, Луговской обещает заглянуть в наше жилище.

Написав по этюду на палубе, возвращаемся в каюту и ощущаем сладостную прохладу. Раздается стук: поблескивая темными очками, входит доктор.

— Ну как?

— Спрашиваете! Прекрасно, жить хочется! А как вы их заставили починить? (Имеются в виду реммеханики.)

Луговской наклоняется и доверительно сообщает:

— Я не «их заставил», я сам починил. А хотите знать, каким образом? Завернул потуже болты вашего иллюминатора: ведь вы отдаете себе отчет, какая снаружи температура?!

Вечером голосом Гительзона оживает телефон...

— У меня к вам просьба... Видите ли, мои рачки-отшельники загрустили... Может быть, им скучно? Вы не возьмете их на время в компанию к вашим?

В мастерской нашей с недавних пор открыт круглосуточный детский сад. История нехитрая: собранные на Визарде и в полиэтиленовом пакете доставленные на корабль ракушки ожили, резво забегали бочком, зашуршали, быстро перебирая членистыми лапками, засуетились живущие в них рачки-отшельники, обладателями коих мы стали по неведению. С их появлением жизнь резко осложнилась. Зато приобрела новые радости. Много ли надо человеку, чей мир ограничен ста сорока шагами от кормы до бака?

Маленький бежевый рачок из-под круглой, как шляпка, ракушки выставляет сначала на ниточках бусинки-глазки, затем клешни. Левая — покрупнее, правая — маленькая и хилая. Быстрым ходом Машка направляется в угол, держа курс на кусочек кожуры банана.

— Почему Машка? — недоумевает Плахова. Ей невдомек, что только дама могла подобрать себе такую изящную, светло-жемчужного оттенка квартирку, подходящую к цвету клешней и лапок.

Ракушки устремляются в разные стороны, оживая одна за другой. Машуня — копия Машки, только поменьше, в такой же раковине-

двойняшке. Сашка — в неприятной рогатой раковине бурсабуфонии с выщербленным краем. Может быть, рачок специально выбрал ее, с дефектом, малость обкатанную океаном: кто еще польстится на такую?

Но гордость наша и любимец, нареченный Пашкой, — оранжево-красный, с темными крапинками красавец: квартира явно мала ему, самому крупному из всех, теперь уж моя забота подобрать жилье попросторнее.

Для начала, ограничив себя в бытовых удобствах, предоставили всей компании эмалированный тазик, усыпав доньшко коралловым песком. Машка тут же подтверждает свою принадлежность к женскому полу: пока Пашка и Сашка, опираясь на одну клешню, другой безрезультатно стараются зацепиться за гладкий бортик, она, выждав момент, карабкается на Пашкину спину, вернее, на его раковину. Край тазика совсем близко, еще секунда — и шляпка-ракушка на свободе. С легкой ее руки и остальные изобретательно донимают нас побегами, весьма удачно скрываясь среди тюбиков красок, в папках и рулонах. Работаем, совмещая труд творческий с постоянными поисками исчезающих рачков.

Крики «Сашка убежал!», «Исчез Пашка!» и отданные мне команды «Поймать!» то и дело раздаются в мастерской. Маленькое помещение неожиданно оказывается изобилующим укромными уголками: флегматик Сашка регулярно путешествует в щель под кондиционером, откуда бывает извлечен вместе с огрызками карандашей и закатившимися кнопками. Машуня в странствиях своих оказалась в кране водопровода, Пашка — в рукаве висящего на стене ватника.

Плахова

Алексееву вменено в обязанность тщательно перетряхивать мусорную корзину, прежде чем избавиться от ее содержимого, я же регулярно выношу рачков в тазике на палубу погреться.

— А, рачки-отшельники! — Спортивной походкой спешит биолог Астахов. — Они неволю хорошо переносят, долго живут. Только что это вы им набросали? Бананы, крошки, капусту выбросьте сейчас же и таз вымойте. Они же хищники. Сырым мясом, рыбой или кальмарами их кормить надо.

Не было заботы — ловить кальмаров. Послушно выбрасываю бананы и капусту, мою таз и насыпаю свежий песок. Хищники грустно скребут клешнями по эмалированной стенке, от нее, как от зеркала, брызжут во все стороны солнечные зайчики. Алексеев отправлен на корму за кальмарами, там, на нижней, нависающей над волной палубе, сосредоточиваются свободные от вахт ловцы и удильщики. И пока детский сад принимает солнечные ванны, расширяю кругозор: «Раки-отшельники — семейство морских десятиногих. Нежное брюшко помещено в пустую раковину, в ней может прятаться вся передняя часть тела. Известно до четырехсот пятидесяти видов. Свободно передвигаются при помощи грудных ног, неся на себе раковину. Во время линьки покидают старую раковину, подыскивая другую, более крупную. Если живут в симбиозе с актинией, то, сменив раковину, пересаживают актинию на новую...»

— А чего это они у вас в пустом тазу сидят? — На палубу падает тень Федора Пастернака. — Вы бы им капустки бросили, банановых крошек!

Так и живем в ожидании высадки на острова, где можно будет вернуть свободу узникам. Обживаются и принятые в коллектив гиттельзоновские рачки, явно оплошавшие с выбором квартир: таскают на себе «прицепы», длинные, завитые кульком ракушки, оставляя на песке извилистый след. С таким жилищем скорость не разовьешь! Как-то прибывший на борт «Курчатова» один из коллег с «Рифта» попросил отдать ему нашу живность.

— Понимаете, ребята хамелеона принесли, так нам его кормить нечем. И Алексеев, клявший и меня и рачков на чем свет стоит, ответствовал убежденно и твердо:

— Машку, Пашку и Сашку на обед хамелеону? Ни-ког-да.

А как же иначе? Ведь «ты в ответе за тех, кого приручил...».

Мадагаскар. В Анцеранане. «Зовите меня Маней». У него развит хоминг

7—9 апреля заход в порт Анцеранана, Демократическая Республика Мадагаскар.

Из дневника экспедиции

Алексеев

К Анцеранане подходим перед рассветом. Еще чуть влажна от росы палуба. Неясный молочный свет растекается над океаном, мощным фронтом держатся облака. На западе робкими мазками обрисован гористый берег, над ним чистое небо, лишь над самой высокой точкой серо-розовой полоской растянулось облачко.

Земля кажется неприветливой, хмурой — может быть, оттого, что тревожно помаргивает глазок маяка, постанывают провода и тросы. Порывистый ветер рвет из рук листки, перелистывает страницы забытой кем-то на палубе книги. Просквозив корабль от кормы к носу, ветер рвется к берегу, выдавливая волны, над черно-синей водой бегут мутные, пенистые гребешки.

Очертания берега все резче, чем-то похожи на силуэт Крымских гор возле Судака. Сбавив ход, «Курчатов» осторожно обходит мель

справа и держит курс на маяк. Уже можно различить темно-зеленый цвет растительности. Берега обрывисты, в беспорядке громоздятся красно-рыжие скалы.

Тихо входим в пролив, за ним просматривается гладь бухты. Постепенно вырастая, поднимаются горы, на зеленовато-коричневых склонах выделяются светлые скальные сбросы. Проходим близко от плоского уступа, там, среди каменных обломков, прочно вросла в землю белая башня маяка.

Сжатые берегами, выше и круче стали волны. Вздываются и опадают растрепанные пенные гребни. Уже несколько минут идем коридором между коричнево-серыми и желто-рыжими нагромождениями с зияющими чернотой пещерами, почва проточена прибоем. Тугими шапками кустарники взбираются по уступам, искривленными корнями цепляясь за неровности почвы.

На палубах появляются участники рейса, подняв воротники, поеживаясь от прохлады, любуются бухтой. Постепенно характер берегов меняется, справа показались низкие, как оладьи, островки, слева (не зря говорят: «Первым художником по камню был ветер») — причудливые серо-черные головы, торсы, фигуры, изваянные в массивах древних коралловых известняков.

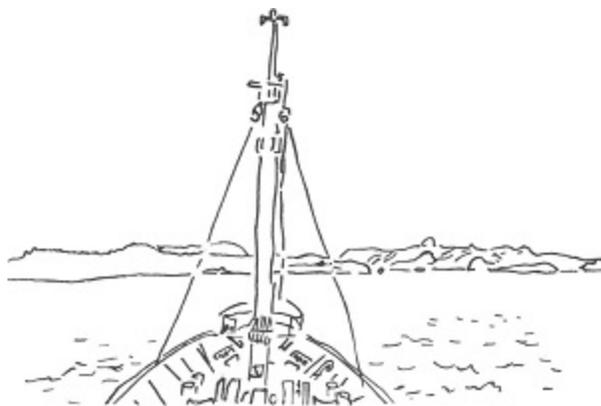
Бухту Диего-Суарес называют лучшей закрытой гаванью мира: сама природа создала огромный, надежно защищенный от превратностей открытого океана глубоководный порт протяженностью сто пятьдесят километров.

Первым российским кораблем, бросившим якорь у малагасийских берегов в апреле 1890 года, был клипер «Джигит», а в 1904 году возле Мадагаскара долго стояла эскадра вице-адмирала З. П. Рожественского. Удивительная, почти неизвестная страна, остров-загадка, привлекавший воображение Куприна и Чехова, Тургенева, Новикова-Прибоя...

На выступающем плоском мысе город-порт Анцеранана. В первых лучах розовыми крупинками ярко засияли домики, позолотились верхушки пальм, одинокая шхуна, пересекающая бухту, превратилась в цветок с горящими лепестками парусов.

С «Курчатова» уходит вниз якорь. Под напором ровного ветра судно беспрестанно меняет положение: начнешь писать панораму с кормы, а она уже поменялась местами с баком. Стоим час, стоим

другой. С корабля к властям Анцалананы отправляется делегация. Сообщение их неутешительно: сюда не поступали данные о заходе советского корабля. «6 апреля весь день простояли на внешнем рейде порта Анцаланана в ожидании проводки к причалу. Порт на вызовы не отвечал. Отправили шлюпку на берег для уточнения захода. Передано: швартовка будет утром».

А пока, проявляя выдержку и стойкость, пишем с палуб вращающегося корабля.

«Если человек, прибывающий в новую страну, станет заглядывать в книги, он погиб!» — записал, путешествуя по миру, известный писатель Редьярд Киплинг. Но они прочитаны. Судя по книгам, на земном шаре осталось не так много мест, где природа хранит столь много неизвестного, а известное окружено столь большим количеством легенд и небылиц, и место это — Мадагаскар.

Диковинный остров с давних времен был щедро наделен различными именами: греческие мореплаватели именовали его Медугисом, Аристотель называл Феболом, Плиний нарек Серне, Птолемей — Менутиасом...

И все же таинственная земля получила свое название благодаря Марко Поло. В свое время, приняв остров за полуостров, обозначил он его как «Мадейгаскар», каковым и остается он по сие время.

Несходство флоры и фауны Великого острова со всем, находящимся на планете. Живые рыбы-целаканты, что появились в морях девонского периода четыреста миллионов лет назад... Деревья-убийцы, чьи змееподобные ветки, оснащенные кривыми шипами, вонзаются во все живое; колдуны, знахари, ясновидцы,

многочисленные фады (запреты), удивительная церемония фамадихана (обряд переворачивания) — переодевания завернутых в истлевшие саваны трупов предков в новые одежды.

А язык! Попробуйте произнести имя лишь одного из королей Мадагаскара, заслужившего известность идеей необходимости объединения племен Центрального плато в единое государство, — имя этого короля Андрианампуйнимерина! Да что говорить о королях, могущих позволить себе все, в том числе имена, состоящие из двадцати и более букв. Даже маленькие деревеньки, не всегда нанесенные на карту, именуются Тратрамаринаниндрангаронто и Марумиандрахимахавелона — знатоки утверждают, что это еще не самые длинные названия.

Население — малагасийцы — говорят на языке малайско-полинезийской семьи, родственном языкам народов Индонезии.

Ученые считают, что малагасийский фольклор, характер могильных построек, тип жилища, способ обработки земли свидетельствуют о родстве со странами Юго-Восточной Азии и Индонезии, а внешний облик жителей Мадагаскара ближе к жителям Юго-Восточной Азии, нежели к африканцам.

Отягощенные сведениями, собираемся ступить на землю этого четвертого после Гренландии, Новой Гвинеи и Калимантана острова Земли.

Впрочем, почему «острова»? Сами малагасийцы имеют на этот счет несколько точек зрения.

— Мадагаскар не «крупнейший остров», Мадагаскар — маленький континент, — считают одни.

— Мадагаскар не континент и не остров, Мадагаскар — архипелаг! — утверждают другие.

Многие склонны считать, что для творца Вселенной Мадагаскар явился чем-то вроде «пробы пера», именно здесь тренировался всевышний, прежде чем рискнул приступить к созданию ныне существующих материков. Один из посетивших Мадагаскар советских журналистов рассказывает, что несколько лет назад в изголовья пассажирских сидений самолетов в информации о прививках, курсе франка, адресах отелей и прочем вкладывался особый листок следующего содержания: «Никто не может приблизиться к пониманию жизни на Мадагаскаре без приобретения определенных знаний о

верованиях его народа. На первый взгляд повседневная жизнь на Великом острове кажется обманчиво простой. Однако существует масса верований, унаследованных от предков (разана), традиционных обычаев и табу (фади), которые определяют любой аспект жизни малагасийца и корректируют любой его поступок...»

Нам остается воспользоваться лишь цитатой из дневника нашего соотечественника Н. Н. Миклухо-Маклая: «Единственный надежный путь — видеть все собственными глазами... Думать и понять окружающее — отныне моя цель».

Наступает вечер. Погасив желтизну скал, в ущельях залегли лиловые тени. Корабль продолжает крутиться на якоре. Но нет худа без добра — утешением становится поистине фантастический закат, симфония полыхающих огненных стрел: Мадагаскар не зря находится под влиянием символизирующего огонь Стрельца.

Сначала почти обычно скатывается за линию холмов солнце, ныряя в рощу баобабов. Темные искривленные их силуэты, словно «перевернутые вверх корнями», четко рисуются на фоне неба. Тем временем совсем низко над горизонтом висит плоское, четко очерченное облако, постепенно изукрашиваясь оранжево-слепящей каймой. И вдруг не снизу, куда опустилось светило, а откуда-то сверху, с боков проступают в небе, расходясь широким веером, малиново-жгучие лучи. Концы их слабо пульсируют, по мере приближения к зениту тускнеют, приобретая мягкие розовато-сиреневые, бледно-фиолетовые оттенки.

Стрелы постепенно укорачиваются, стягиваясь, все ярче наполняются жарким светом, и вот уже дрожащий пылающий сноп пронизывает, плавит облако. Огненный букет вырастает из обугленной, темно-коричневой земли. Сказочной красоты картина!

Плахова

Сегодня, 7 апреля, на корабль прибывают иммиграционные власти. Формальности длятся недолго, на борт «Курчатова» поднимается лоцман из Анцерананы, и мы медленно движемся к причалу, где в промежутке между двумя стоящими под погрузкой судами оставлено нам свободное место, не больше длины корабля.

Посмотреть на сложную швартовку собирается народ. Замерли краны, оставив автокары, бегут водители. В наступившей тишине особенно громко звучат слова команды. Для начала капитан Касаткин ставит «Курчатова» левым бортом точно против отведенного места. Не ударив лицом в грязь, наш белый корабль, двигаясь бочком, с помощью подруливающих устройств аккуратно втирается между судами, кормой и носом проходя от соседей в считанных метрах. И люди на пирсе криками и аплодисментами награждают экипаж за мастерство. Летит на берег чалка, втянуты канаты, белый трап ложится на землю Тани-Бе. В 9 часов 45 минут к правому борту «Курчатова» ошвартовывается следующий тем же маршрутом «Рифт», специально оборудованное и приспособленное к тралению небольшое судно, приписанное к Южному отделению. Суда начинают принимать пресную воду, а нам объявлено увольнение, уходим в Анцеранану.

— Здравствуйте! Вы, наверное, с русского корабля?

Воздух влажно-горячий, душный. Стоим на расплавленном пяточке в центре небольшой площади, задержавшись перед «картинной галереей». Глухую стену двухэтажного домика неведомый автор покрыл рисунками. Краски не устояли, выцвели в палящем воздухе, приобрели таинственную мягкость. Тащит рыбак за жабры чудо-рыбину, согнувшись в три погибели сажает крестьянин рис, длинноногий мальчишка ведет зебу, не уместившись, горб животного уходит за карниз... Таращат круглые глаза лемуры. Хамелеоны, лангусты, крабы, связки бананов вперемежку с невиданными цветами.

Не дом, а музей, сотворенный неискушенной рукой местного Пиросмананшили!

— Ведь вы с советского корабля?

От созерцания примитивных настенных красот отрывает нас молодой, неторопливый голос. Почти без акцента речь, непривычные интонации. Невысокий юноша, мускулистый, с широко развернутыми плечами, в пунцово-красной рубахе, будто все лучи сфокусировались на этой ткани. Не африканский, скорее индийский тип лица — смугловатый, похожий на загар оттенок кожи, зачесанные назад прямые блестящие волосы.

— Давайте знакомиться! — говорит он, протягивая руку. — Меня зовут Маней. Собственно говоря, мои родители дали мне имя Манкрюнья, но русские в Москве звали меня просто Маней.

Пожав друг другу руки, знакомимся с Маней-Манкрюньей: большей удачи, чем на русском языке беседовать с малагасийцем, трудно себе представить.

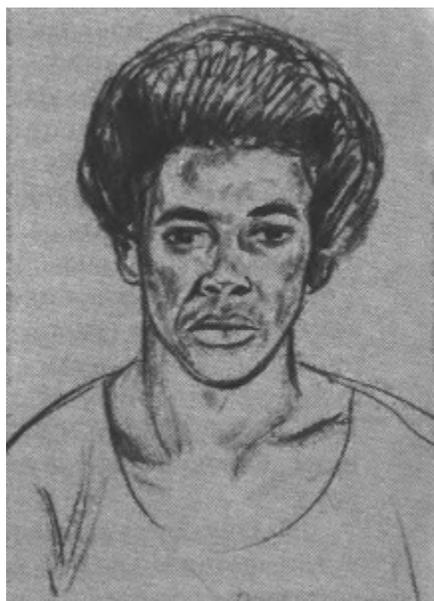
— Я в Москве учился, в университете, по сельскохозяйственному профилю. Из СССР на Мадагаскар вернулся всего три года назад.

Манкрюнья оказывается нашим «земляком» вдвойне: практику проходил на Кубани, в Краснодарском крае, где в городе Горячий Ключ находится наша мастерская — на пологом склоне горы, неподалеку от спокойной реки Псекупс, что значит «Голубая река».

— Вы не слышали о таком городе — Горячий Ключ? — интересуется Алексеев.

— Нет, не слышал.

Кубань знает, Краснодар знает, в Новороссийске бывал Манкрюнья-Маня на цементном заводе, ведь цемент очень нужен Мадагаскару: в Анцеранану часто приходят корабли-цементовозы, в том числе из Новороссийска...

Манкрюнья-Маня

Манкрюнья готов сопровождать нас, и мы вместе движемся по широкой улице, спланированной по современным градостроительным

канонам. Город Анцеранана пронизан тремя прямыми магистралями с пересекающей их улицей Ришелье.

Современные административные здания соседствуют со старыми, колониальных времен — отступив в переулки, теснятся одноэтажные домишки, кирпичные и деревянные, стоят, почти соприкасаясь дверями и ставенками, утопая в зелени. За тяжелыми воротами с низкими сводами — уютные внутренние дворики, обрамленные галерейками, как ажурные ларцы, украшенные резьбой.

Жарко. На асфальте распластались истомленные зноем собаки с плотно зажмуренными глазами. На перекрестке под пятнистой тенью дерева маются рикши возле ярко-красных и ядовито-зеленых расписных колясок с драконами на боках и вздетыми к небесам оглоблями.

— У нас рикшу «пус-пус» зовут. В переводе «толкай-толкай». Вы думаете, это их собственные коляски? Ничего подобного, они их напрокат берут, в аренду.

— И сколько приходится «за прокат» платить?

— Сто пятьдесят франков в день. А «набегать», если день сложится удачно, рикша может не более четырехсот.

Худые, с выпирающими лопатками, в стоптанных сандалиях на жилистых ногах, ожидают «пус-пус» клиентов.

В юго-западной части Анцерананы, на месте бывшей военно-морской базы, теперь находится судоремонтный завод с сухим доком. От старых времен французского гарнизона еще уцелели названия: «Кварта колониальной артиллерии», «Казармы колониальной пехоты...». Стараясь держаться теневой стороны, карабкаемся по мощенным булыжником мостовым, нависают над головой готовые обрушиться карнизы.

— У нас королевы запрещали подданным строить каменные дома. Это приводило к ужасным пожарам. Когда почти весь город выгорел, стены стали класть из сырцовых латеритных кирпичей... Из карьеров глину вынимали вручную и сушили на солнце: колонизаторы не удосужились научить народ обжигу кирпича.

Рядом с нами, сияя черными глазами под тяжелыми веками и добродушно улыбаясь, движется полная матрона, задрапированная в ткань цвета свежерезанной дыни. От бледно-желтого ее тона, кажется, веет прохладой. На малагасийском языке заводит беседу с

Маней-Манкрюньей, изредка бросая вопросительные взгляды в нашу сторону.

— Она спрашивает, нельзя ли ей для сына купить у вас фотоаппарат, — переводит наш попутчик. — На Мадагаскаре совсем нет металла. У вас в Москве телевизор «Юность» стоит двести сорок пять рублей, а здесь — сто тысяч малагасийских франков. Ну, как бы это вам объяснить, это стоимость одной тонны бананов!

Но мы, разочаровав матрону, шествуем дальше, неся на ремешке через плечо по тонне бананов, впрочем, возможно, фотоаппарат стоит дешевле.

— Мой отец — простой крестьянин. Крестьян на Мадагаскаре более восьмидесяти процентов, — рассказывает наш новый знакомый. — Вы можете представить, как ведутся у нас сельские работы? По астрономическому календарю: что и когда сажать или убирать, указывают астрологи! А как у нас траву косят? Палками ее сбивают, вот как... Большой вред хозяйству приносят циклоны, в прошлом году они погубили половину урожая. А знаете, — оживляется Манкрюнья, — знаете, какой был праздник, когда сюда пришли советские тракторы «Беларусь»? Колонна их по восточному побережью двигалась в столицу, растянувшись почти на два километра, и на всем пути следования стояли люди с цветами в руках!

Машины были покрашены в наш любимый праздничный цвет — красный, и каждой управлял малагасиец, с помощью вашей страны обученный на льготных условиях!

— А почему тракторы в столицу шли?

— Там их распределяли по провинциям. Советский Союз много делает для нашей республики, например будет помогать строить дорогу на местности со сложным рельефом.

— А как доставляют товар, где нет дорог?

— А как сотни лет назад — на зебу или несут носильщики. Послушайте, — оживляется Манкрюнья. — Я здесь недалеко живу, пошли ко мне в гости? С дочкой познакомлю, ее Нуру зовут. Нуру — по-вашему Светлана, «светоносная». Кухню малагасийскую попробуете — жена приготовит утку с рисом под пряным соусом. А хотите, утку в мякоти кокосового ореха?

Не хочется его обижать, но тени пальм уже перешагивают дорогу, пора возвращаться на корабль. Прощаемся, обменявшись адресами, в последний раз вспыхивает красным огнем рубаха Мани-Манкрюньи и растворяется в мерцании солнечных пятен.

Теперь наш путь лежит к гавани. Голубая дорога становится сиреневой; голубая потому, что устилают ее лепестки джакаранды, как хамелеон, меняющей окраску. При ярком свете кисти отливают голубым с чуть заметной примесью фиолетового оттенка, но, чем ниже опустится солнце и гуще станут краски, тем больше лилового вберут лепестки и крона станет сиреневой, сольется с сумерками.

Мимо церкви Адвентистов седьмого дня, мимо городского, с красным крестом на фасаде госпиталя, по асфальту, бульжнику и по земле возвращаемся в порт, до которого рукой подать. Широким полукругом спускается к гавани шоссе, завершаясь маршами белой лестницы. Но гораздо ближе, вильнув в сторону, срезая угол, вниз бежит узкая тропинка, упираясь в пакгаузы порта.

Презрев мудрое правило: «Длинная дорога самая короткая», сворачиваем на тропку в надежде сократить путь и тут же, с первых шагов будто ныряем на дно колодца. Высокие, в рост человека, травы, усеянные мелкими цветочками, оставляют для обзора лишь остывающее над головой небо. Стежка скрывается, виляет, сбивает с толку. Единственный ориентир — «вниз», но куда? Потрескивают сухие стебельки, жужжат насекомые, под ногами мусор, обрывки цветных тряпиц, консервные банки.

Самое время, проявив запоздалое благоразумие, вернуться, но... Раздвинув мясистым подгрудком траву, появляется серый зебу с упитанным высоким горбом и встает поперек тропинки. Второй, решив «взять нас в клещи», перегораживает путь с другой стороны. «Верхний» издает кашляющий звук и, натянув пыльную веревку, идет на сближение, величественно неся острые, похожие на велосипедный

руль рога. Но должны же эти острогорие коровы проявлять доброжелательность к людям. Недаром голова зебу удостоилась чести быть изображенной на малагасийских монетах, а магазинам и футбольным командам присваивается имя Умби, что на Мадагаскаре означает «бык», олицетворяющий вечную мощь жизни. Говорят, даже короли не гнушались сторожить стада. «Желаю вам много белых быков» — распространенное приветствие малагасийцев.

Скот для крестьянина своего рода «сберегательная касса», большую часть стада составляют быки — их продают, если возникает необходимость в деньгах, понадобится оплатить лечение, внести налоги или похоронить кого-либо из близких. Часто крестьяне, не имеющие наличных денег, расплачиваются крупным рогатым скотом, а также овцами или козами.

Но мы чужаки, «вазаха», на всякий случай надо поторопиться сложить пунцовый зонтик, может быть, зебу на Мадагаскаре в отличие от людей не любят красный цвет.

Неизвестно, с какими намерениями приближаются к нам с двух сторон серые умби. Самое время для Алексева проявить себя мужчиной, но от этой необходимости его избавляет неизвестно откуда вынырнувший худенький бесенок, в драных, отороченных бахромой шортах и с цветной косынкой на шее. Под его защитой проскальзываем мимо умби. Пережевывая травинки, смотрят зебу кротким, укоризненным взглядом обрамленных белыми ресницами глаз.

Алексеев уверенно спускается по виляющей тропке и безошибочно выходит к причалу. Приближаемся к кораблю, еще издали слыша визг и жужжание стальных щеток-вертушек: команда чистит судно, удаляя ржавчину с корпуса. На высокий борт уже нанесен красновато-коричневый грунт, затейливой арабской вязью украсивший белую поверхность. Мадагаскарское солнце лучше всякой сушилки — корабль сверкает свежей краской. Нарядный, светлый стоит у пирса Анцерананы, ожидая нас, «Курчатов» — пристанище, дом, родина.

— Послушай, — спрашиваю Алексеева, когда, обессиленные долгой пешей прогулкой, поднимаемся по крутому трапу. — Послушай, как ты дорогу нашел, ведь наугад шли?

— Это ты шла наугад, — отвечает он с достоинством, — а у меня очень сильно развит хоминг.

— Что, что?

— Хоминг. Инстинкт возвращения к дому. Добравшись до каюты, первым делом перекидываю подушку на другой конец койки.

— А это зачем?

— Подушка должна лежать головой на север. Головой на юг спят только колдуны, так сказал Манкрюня.

Встреча на корабле. О рынке и ламбах

Алексеев

Помаргивая фарами, бежит по пирсу малолитражка: на корабль приезжают наши соотечественники — преподаватели, работающие на Мадагаскаре по контракту. Вскоре в конференц-зале собираются на дружескую встречу члены экспедиции, и курчатовцы с интересом слушают рассказы гостей, преподающих на электромеханическом отделении в региональном университетском центре, созданном в Анцеранане в 1977 году.

— Хотелось бы услышать о ваших мадагаскарских впечатлениях, особенностях педагогической работы...

— Видите ли, для всех наших товарищей, приехавших из Советского Союза, еще со времен детства Мадагаскар был загадочной, за семью печатями землей.

До семьдесят второго года между СССР и Малагасийской Республикой не существовало никаких отношений. В октябре семьдесят второго на острове состоялся общенародный референдум, на котором малагасийцы одобрили антиимпериалистический курс нового правительства. Были эвакуированы военные французские базы, налажены связи с прогрессивными африканскими странами, в сентябре того же года установлены дипломатические отношения с Советским Союзом. Страна получила новое название — Демократическая Республика Мадагаскар.

Обратимся к истории. В колониальный период на острове существовало две системы школьного образования — «туземная» и «французская», последняя была подчинена задаче «офранцузить»

малагасийцев. Главным препятствием для получения знаний была чрезвычайно высокая плата за обучение — к дню провозглашения независимости насчитывалось шестьдесят процентов неграмотного населения...

Конституция тысяча девятьсот семьдесят пятого года гарантировала каждому гражданину право на образование, было введено обязательное начальное обучение. И хотя число учителей растет, нехватка их очень велика, поэтому выпускники средних школ должны отработать в сельских начальных школах срок от восемнадцати месяцев до двух лет.

Что касается высшего образования, то одобренная в семьдесят пятом году «Хартия малагасийской социалистической революции» позволяет всем окончившим лицей записаться в университет.

Нам, конечно, трудно себе представить особенности малагасийского образования. В стране приветствуют «массовое шествие в науку». Правительство считает, что каждый молодой гражданин имеет право попробовать свои силы. В настоящее время семьдесят процентов студентов получают полную стипендию, остальные — в зависимости от доходов семьи. Занятия длятся четыре часа с утра и еще четыре часа после трехчасового перерыва. В субботний день учебное время уменьшено вдвое. На первый курс часто приходят люди взрослые — двадцати, двадцати двух лет. Здесь педагог не может сказать нерадивому студенту: «Ты отчислен»; если студент не выдержал экзаменов, он все равно имеет право еще раз пройти весь курс, получая стипендию. Окончившим университет вручают диплом о высшем образовании, и, если посчастливится, с университетской скамьи они могут получить работу и будут иметь заработную плату в три раза большую, чем квалифицированный рабочий со стажем. Но молодому специалисту на Мадагаскаре получить работу по специальности — большое счастье. Многие из закончивших университет работают простыми клерками.

Некоторые заинтересованы растянуть процесс учебы, учатся с ленцой, уходят с уроков когда вздумается.

— А на каком языке ведется преподавание?

— Здесь два государственных языка — малагасийский и французский. Мы преподаем на французском. Много приходится изобретать. Например, если назвать курс лекций «химия», студенты ходят на

занятия не будут, поскольку в школе не имели понятия о химии.

Назовешь предмет «термохимия» — ходят!

Небезынтересно, что экзамены длятся по три-четыре часа и проводятся лишь в письменном виде. Экзаменатор обязан для всех поставить один и тот же вопрос, иначе последует болезненная реакция: каждый полагает, что его вопрос труднее.

— Вот, наверное, когда списывать блаженство!

— А вот тут вы попали впросак, крепко ошиблись.

Никто ничего списывать не даст.

Есть еще очень сложное обстоятельство — непростая обстановка в коллективе студентов, ведь на острове существует восемнадцать этнических групп (на обелиске в честь независимости Мадагаскара изображено восемнадцать звезд). Религиозные представления иногда очень осложняют обстановку, трудно приноровиться к удивительным обычаям, «войти» в мадагаскарский быт.

...Возьмите так называемый обычай «переворачивания мертвых».

Хоронят малагасийцев не в гробу, а завернув в кокон из плотной ткани.

Спустя определенный срок после похорон покойника выносят вместе с его истлевшим саваном и кладут на специальный помост в северо-восточном углу двора, заворачивают в новые одежды — ламбамены. Затем на ритуальной циновке вносят в дома родственников, чтобы предок мог повидаться с близкими людьми.

Если семья в течение трех-четырех лет не устроит подобной церемонии, ее сочтут не только жадной и бесчестной, но и попросту глупой, ибо «дух предка управляет судьбами живых».

Суеверия играют огромную роль в жизни малагасийцев. Так, люди, желая изменить свою судьбу, как отмечает писатель-географ С. Ф. Кулик, меняют имена; для малагасийцев существуют «хорошие», стимулирующие благополучие районы, а есть предрасполагающие если не к несчастьям, то уж к хандре и грусти обязательно (я полагаю, этот вопрос связан с вполне реальным воздействием на психику магнитных колебаний).

Есть и любопытные, уходящие в прошлое обычаи; например, воров и мошенников по несколько раз заставляют вытаскивать камни из котла с кипящей водой!

Малагасийцы темпераментны, добродушны, придерживаются прекрасных принципов: «Жизнь человека — замкнутый круг, любое

злоумышленное действие неизбежно обратится против совершившего его», «Относись к людям так, как ты хотел бы, чтобы они относились к тебе» и тому подобное.

Разумеется, мысли эти выражены более витиевато, но суть именно такова. На Мадагаскаре привыкли произносить и выслушивать длинные речи.

Молодежь любит упражняться в искусстве красноречия — своего рода соревнования в ораторском искусстве. В присутствии более или менее многочисленной аудитории устраиваются популярные «айнтени» — спектакли-экспромты, где любой зритель, сочтя момент подходящим, может включиться в представление, попробовав свои силы в исполнительском мастерстве.

В Хартии женщину называют одним из столпов социалистической революции; символ домашнего очага — изображение, похожее на женскую грудь.

Каждое начинание связано с предназначением определенного дня недели: есть счастливые и роковые дни и даже часы.

— Например?

— Например, среда — «аларубиа» — коричневого цвета, это злой день, но и день женщин. Мужчина в этот день не должен отправляться в дорогу, ибо может не вернуться назад. В четверг приятное сочетается с неприятным: справляют свадьбы, строят дома, но нельзя принимать подарки. Пятница — «зума» — сильный день, день красного цвета...

— А суббота?

— Суббота — «асбуци» — день голубой. Это день молодых и детей, в субботу все рождается и растет. Понедельник — «алацинаини» — черный день, траура и скорби, никто не затевает никаких дел. Если хочешь умиловить судьбу, в понедельник можно есть только зелень. Вторник — день счастья, но опасен для заключения союзов или закладки домов. Лучший день для каких-либо дел — воскресенье

— «алахади». Воскресное утро благоприятствует начинаниям, но вечер несет опасность. В алахади нельзя прикасаться к белым предметам, пить молоко, есть мясо животных и птиц, что были белыми...

— Товарищи! Вы помните, когда мы вышли из Калининграда?

— В воскресенье, в воскресенье мы вышли!

Голос оптимиста: Вот и хорошо! Благоприятствует начинаниям.

Голос скептика: Но ведь наш корабль белый?!

— Но корабль не предмет, а дом!

И дальнейшая беседа носит уже частный характер.

Плахова

«...Давным-давно, в незапамятные времена, старая женщина переходила вброд широкую реку. Живший там большой крокодил схватил и утащил ее в свою нору, что находилась на дне возле самого берега. Хитрая женщина притворилась мертвой, и крокодил отправился на охоту, оставив ее в норе: говорят, крокодилам нравится не совсем свежая пища, а может быть, он просто хотел пригласить на обед приятеля, кто знает... Так или иначе, крокодил уплыл, а женщина осталась в пещере. Тем временем крестьянин пригнал к берегу стадо зебу. Быки стали драться, и один, самый крупный, в пылу боя оступился и... провалился ногой прямо в пещеру. Тут уж старуха не стала зевать, крепко схватила его за ногу и жива-здоровая выбралась наверх, на землю. Тогда-то и повелела Рафуцибе (так звали старую женщину) всем своим детям и детям их детей никогда не есть мяса зебу. Вот почему и сейчас на Мадагаскаре очень многие не едят говядину...»

Такова мадагаскарская притча.

Плетемся следом за парой зебу, что влачат по раскаленной мостовой арбу на двух высоких, нещадно скрипящих колесах. Над улицей раскинуто гигантское опахало равеналы — «деревя путешественников», самого древнего представителя флоры острова: в основании веером расходящихся листьев, расположенных полукругом, как лезвия зеленых ножей, до пяти метров каждый, долго сохраняется сладковатая влага, коей может воспользоваться путник. Удивительное дерево из тропических лесов пришло на улицу Анцерананы.

Минуя квартал за кварталом, попадаем на базар.

— Если пойдете на рынок, помните: все, что спросят, разделите пополам, это и будет истинная цена, — говаривали опытные моряки. Экзотический рынок, кипящий людьми и красками, — сам по себе удивительное зрелище. Вся окружающая крытый рынок площадь превращена в базар. Среди зеленых островков кокосовых орехов под черными шляпками зонтов расположилось на плетеных циновках мужчины и женщины, тут же кувыркаются в пыли грязные, красивые, как картинки, ребятишки, сверкают жгучие глаза. На асфальте расстелены влажные клеенки с горками серо-сизых лангустов, креветок и крабов в наростах ила. Ударяет в нос запах свежей, только что пойманной рыбы. На высоких жаровнях тлеют угольки, шипит пальмовое масло, тушится рис с пряностями, кое-где вьется дымок из виланбари — горшков для варки риса, пекутся в горячей золе бананы. Геометрические и растительные орнаменты украшают плетения из бамбука, рафии, пальмовых волокон. Корзины всех форм и размеров, сумки — от крошечных до вместительных, как кофр, сети, сетки, канаты, штабеля вложенных одна в другую широкополых шляп из рисовой соломки, похожие на высокие стопки желтых блинов. Пунцовые, бирюзовые, алые, перемещаются цветные пятна одежд, яркие ламбы, сотканые из хлопка или шелка, свободными складками драпируют фигуры, остается лишь удивляться, как мудро и

гармонично приспособлена одежда к условиям жизни. Малагасийская ламба, лава-лава в Полинезии, парео, изящное индийское сари... Основной компонент малагасийской национальной одежды, именуемой ламба, — не что иное, как кусок ткани оригинальной расцветки, — может служить юбкой, подобием сарафана, просто шалью и даже... при необходимости скатертью в доме! Несколько метров материи, немного искусства, и без участия иголок и ниток рождается одежда.

Но увы, попытка зарисовать живописный типаж обречена на неудачу: женщины отворачиваются, завидя альбом, закрывая лицо, стараются прошмыгнуть мимо.

Вскоре грунтовая дорожка уводит нас от рыночной площади Анцерананы к окраине, где серые кубики хибар, бедные, почти нищие жилища из досок и ящичков с узкими, похожими на щели окошками, беспорядочно разбросаны по красной земле.

**Уходим из Анцерананы.
Роже Сансивалон и Ги Рабарисун.
Усоногие.
Как акула стакан съела**

Алексеев

Восьмое апреля, день ухода из Анцерананы. На берегу снова толпа, добрые улыбки, пожелания счастливого плавания. Блеснув на солнце, летят за борт монетки — невинная хитрость, старая примета.

Впереди второй этап работы на полигоне Фаркуар и несколько станций на шельфе у северо-западной оконечности Мадагаскара, в районе острова Нуси-Бе. Работаю в мастерской, закрепляю пастельные рисунки, сделанные в Анцеранане, и вдруг слышу за спиной одобрителное «О-ля-ля!»: в открытую дверь заглядывают две добродушные шоколадно-смуглые физиономии — это взятые на борт в Анцеранане наблюдатели, молодые сотрудники Национального центра океанографических исследований Роже и Ги. Худощавые юноши в синих джинсах и майках.

В курчавых волосах Ги с удивлением вижу седину. Лицо своеобразное, запоминающееся: от широкого выпуклого лба резко сужается к подбородку, над верхней губой усики, маленькая черная бородка. Ги Рабарисун родился в Анцеранане, по специальности ихтиолог, ему посчастливилось пройти стажировку во Франции, в

Центре океанологии. Сейчас занят проблемой исследования рыбных запасов страны с точки зрения экономического их использования.

— Лена, спросите его, пожалуйста, где он учился до стажировки?

Лена «отпущена» по настоятельной нашей просьбе руководителем ее лаборатории, доктором геолого-минералогических наук Евгением Александровичем Романкевичем.

Без Лены мы не то что без рук — без языка.

— Ги в семьдесят восьмом году окончил колледж и получил право преподавать в школах. Он говорит, что всегда имел склонность к естественным наукам, занимался в классе с биологическим уклоном. Окончив колледж, учился в университете, это редкий, счастливый случай, ведь, как правило, на Мадагаскаре получают возможность пройти курс обучения только дети состоятельных родителей, а отец Ги лишь простой рабочий на хлопковой фабрике.

Руки у Ги, как говорится, «умные», тонкие, красивые пальцы все время в движении. С удивлением узнаем, что у него уже две маленькие дочки. Старшую («старшей» всего два года!) зовут Наннина, Нанни, а малышку (ей шесть месяцев) — Ирина, есть и такое малагасийское имя.

Приятелю Ги, Сансивалону Роже, меньше повезло в жизни. Роже — химик, образование получил на Мадагаскаре, в университете города Антананариву, где учился четыре года. Профиль его — «индустриальный химик», но очень трудно найти работу по специальности. Пришлось Роже искать себе применение в океанологии. Есть у него и хобби, вернее, «не совсем хобби» — увлекается музыкой, играет на гитаре, очень любит национальный инструмент вроде барабана, само название его звучит как удар: «дромм».

— Это как же понимать «не совсем хобби»?

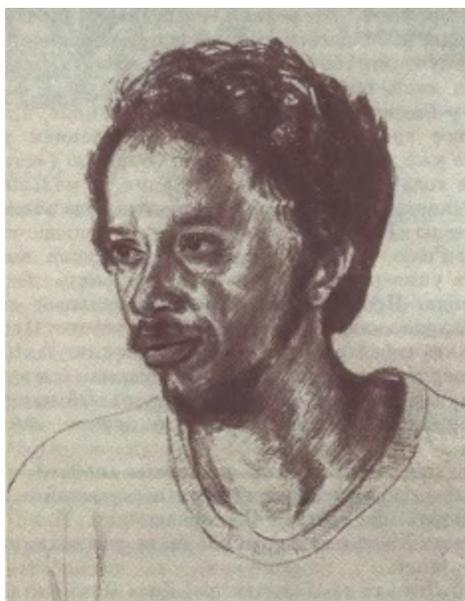
Оказывается, очень просто: занятие музыкой — средство заработать на жизнь. По праздникам Роже играет в оркестрах. Жене его Ханте двадцать два года, она еще учится в лицее.

Нашей Лене тоже двадцать два. Лена Лазарева недавно закончила химический факультет Московского университета и сейчас готовится защищать диссертацию по теме «Углеводы в различных океанских средах». Лена не ищет работу, работа в прямом и переносном смысле ищет ее в образе руководителя лаборатории. Романкевич, заглянув в

мастерскую, укоризненно качает головой, и наш переводчик отправляется к своим углеводам.

Время к полудню. На корме, под натянутой крышей-сеткой, несмотря на тягучую, унылую качку, продолжаются сражения «Смутьянов» и «Гаек», что пасуют и гасят мячи в свободное от вахт время.

А беднягу Роже совершенно укачало. Узкое лицо побледнело, над широкими, слегка вывернутыми губами капельки пота. Небольшие оспинки не портят умное, приветливое лицо. Роже постарше, но они кажутся ровесниками. Оба в одинаковых новых кедах и майках с суперкотами Сильвестрами на груди.

Ги Рабарисун

Роже и Ги быстро осваиваются с обстановкой на корабле, у нас же с ними устанавливаются добрые, приятельские отношения, чему немало способствует крепкий черный кофе, который Плахова наловчилась заваривать с помощью обыкновенного кипятильника. Так, используя кофе как средство против укачивания, проходим беспокойным Мозамбикским проливом. Не теряя времени, приступаю

к портретам. Ги держится молодцом, на качку не обращает внимания, — возможно, предки его были мореходами.

Странно, что мы, абсолютно сухопутные люди, «прикачались», перестали замечать обычную качку, а рожденный на берегу океана Роже совсем плох: страдальческие глаза, вымученная улыбка — придвигаю ему еще чашечку кофе, но он лишь вяло качает головой...

Истинное назначение искусства портрета — утверждение красоты человека. «Хороший живописец должен писать две главные вещи: человека и представления его души» — эти слова принадлежат Леонардо да Винчи. Порой не перестаешь удивляться, как остро и точно звучат сегодня высказывания знатоков души человеческой, представителей разных эпох и формаций. Вот что писал великий аналитик и психолог Ф. М. Достоевский: «Портретист усаживает субъекта... готовится, вглядывается... он знает на практике, что человек не всегда на себя похож. В умении приискать и захватить этот момент и состоит дар портретиста. В редких только мгновениях человеческое лицо выражает главную свою черту, свое самое характерное... Художник изучает лицо и угадывает эту главную мысль, хотя бы в тот момент ее и не было вовсе на лице. Фотография же застаёт человека как он есть».

Меняются вкусы в искусстве, меняются направления в живописи, свергаются авторитеты и утверждаются новые, но подлинное вопреки всему остается истиной для всех поколений.

Когда в руках карандаш или кисти, переводчик не нужен. В крупных, чуть навывкате глазах Ги вижу неподдельный интерес. Показываю ему портреты и рисунки, сделанные в Анцеранане. Ги узнает знакомые места и участников экспедиции. Одобрительно кивает головой и, показав в улыбке крупные белые зубы, поднимает вверх большой палец, что на международном языке выражает одобрение.

Роже Сансивалон

Портретом Ги я доволен. Удалось передать интеллигентность, открытость и своеобразие этого непростого лица, а вот с портретом Роже дело обстоит хуже, может быть, причиной тому его тяжелое физическое состояние. Стремился передать сходство, характер скуластого, удлиненного лица с небольшими глазами и массивным ртом, но вижу сам: упущено главное — за внешним сходством нет человека, мягкого и поэтичного, молодого ученого и музыканта. В таких случаях приходится брать чистый лист и начинать работу заново, взглянув на модель как бы под другим углом. Три дня продолжается изнурительная качка, бедняга Роже перестал показываться в кают-компании, но на четвертый день молодой, здоровый организм берет свое, приспособливается к необычным условиям. Оба, Роже и Ги, появляются в мастерской, сообщив через Лену, что они готовы позировать сколько понадобится, чтобы я сделал еще по портрету — им на память.

Плахова

Снова станция. Участники экспедиции столпились у борта, свесив головы, сосредоточенно разглядывают нечто в воде, где колышется небольшой сачок на тонком фале. Океан устал раскачивать судно, заснул под солнцем, лишь равномерно вздымается, будто дышит, ровная зыбь.

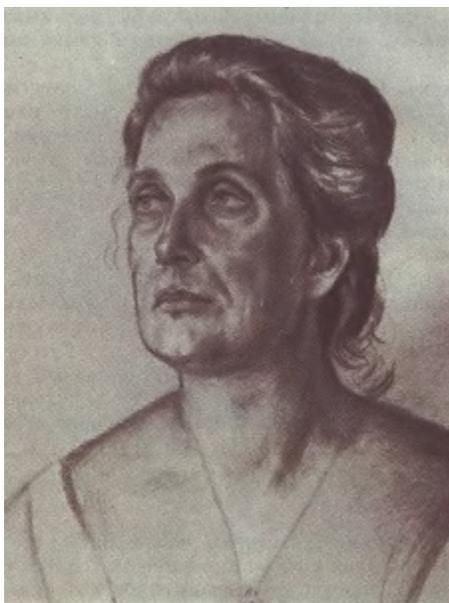
Руководит работами Ирина Александровна Кузнецова, кандидат биологических наук. Цель ее работ непростая. Днища кораблей, гидрофизические приборы, любые предметы в океане интенсивно подвергаются обрастанию усоногими. Узнать, как происходит этот процесс, изучить биологию поселенцев, определить их концентрацию — значит найти меры борьбы с ними, защитить корабли и приборы.

— И что ловите? Какова охота?

— Плейстун ловим, — как несмышленьшу отвечает мне Ирина Александровна. — Нас интересует все, что прикрепляется к плавающим предметам.

— То есть?

— Да очень просто. Десятисантиметровый слой поверхности моря очень богат всевозможными личинками, это как бы естественный инкубатор, в теплом верхнем слое протекает личиночная стадия многих видов рыб и беспозвоночных. Эти организмы и есть плейстун. Лично меня интересует процесс обрастания личинок морской уточки: как только появляется в воде что-либо плавающее и твердое, она немедленно прикрепляется к этому предмету. Вот вчера мы изъяли буй, пробывший в воде всего несколько суток, на нем оказалось очень много личинок. Вы знаете, как они красивы?

И. А. Кузнецова

Каждому свое: у Гительзона невероятной красоты светящиеся бактерии, у Кузнецовой — красавицы уточки.

— Как бы увидеть красивых уточек? Можно? — Полная благих намерений познать непознанное, повисаю над бортом, вглядываясь в густо-синюю, глянцевую воду.

— Да нет же, — ужасается моей неосведомленности Кузнецова. — Не здесь... Идите со мной.

Иду следом за ней в лабораторию. Ирина Александровна плотно прикрывает дверь, будто кто-то может покуситься на ее уточек, и с просветленным лицом процеживает содержимое колбочки сквозь сито. Затем подносит каплю на стекле к микроскопу и приглашает заглянуть в окуляр. Нечто невзрачное, невразумительно крохотное, коричневатопрозрачное и подвижное снабжено внутри черной точкой. Очевидно, во мне рождается исследователь, ибо обнаруживаю еще пару усиков, еле видимых в студенистой капле.

— Это же ножки! Скажите, вы видите ножки? — радуется Кузнецова. — Ими уточка прикрепляется к субстрату. Это уже седьмая стадия ее развития, стадия прикрепления. А хотите посмотреть на взрослую уточку?

— Как, они бывают и взрослые?

Теперь под микроскопом проявляется подобие прозрачной раковины, внутри которой свернуто улиткой некое существо с множеством ресничек, равномерно высовывающихся наружу и втягивающихся обратно.

— А если ей не повезет?

— В каком смысле?

— Например, не окажется плавающих предметов?

— Ну-у... Она прикрепится к чему угодно: к днищу корабля, плавникам китов, к лодкам...

Хочется спросить, что будет, если поблизости не окажется китов с плавниками, кораблей с днищами или лодок, но боюсь показаться профаном и киваю головой.

Четверть века работает Кузнецова в Институте океанологии, ходила в Средиземное море, Атлантику, Бермудский треугольник.

— А в Бермудском треугольнике вот эти, с ресничками, наверное, прекрасно себя чувствуют? Есть к чему прикрепиться — к тонущим кораблям и упавшим самолетам?

— Тебе же сказано было — в десятисантиметровом слое! — слышу голос появившегося Алексева, и он выпроваживает меня из лаборатории, дабы не шокировать ученых глупыми вопросами.

А в самом деле, не мешает спросить, что она видела там, в Бермудах... Не зря говорят — в наш век мало остается тайн, но тайна Бермудского треугольника жива по сей день.

— Ирина Алексеевна, расскажите, пожалуйста, о своем там пребывании...

— Да как сказать, настроение, правда, тревожное было. Краски в природе какие-то необычные, мрачные, что ли... Очень интенсивные закаты. Часто обрушивались шквальные ливни, шли почти черные грозовые тучи — неустойчивой была погода. А в остальном нормально работали по программе Полиmodo...

Там на фиксированных станциях нашим ученым удалось проследить все стадии развития усоногих в течение года — работа проводилась сразу на нескольких судах.

Но я больше не хочу про усоногих. Есть более интересная тема...

— Ирина Алексеевна, а правду говорят, у вас утром акула кусок трала съела? Да еще вместе с металлическим стаканом на конце?

— Действительно, съела... Акулы любят металлические предметы. Во время работ пара акул не разлучаясь ходила около трала. Одна — мне кажется, она была двухметровой длины — вдруг подплыла и откусила его конец. Разве можно было допустить потерю стакана? На это место быстро забросили крючок с наживкой, акула и эту приманку сглотнула — у нас появилась надежда: вытащив акулу, вернуть стакан, наш прибор.

Тут уж никто не выдержит.

— И что же?

— Неприятность вышла: когда матросы акулу тащили, неправильно на акулий хвост петлю накинули — она и сорвалась... Может быть наш трал каким-то образом пропитался запахами камбуза? — задумчиво продолжает Кузнецова и отвечает сама себе: — Да нет, я его своими руками тщательно промывала. Теперь, когда будем с тралом работать, придется пластиковый стакан ставить.

К вечеру возле корабля вновь появляется акула, может быть, та самая, со стаканом в брюхе.

Тунцовый праздник. «Толя, убери акулу!» Гроза возле Нуси-Бе

Алексеев

Пасмурный, без единой звезды, душный вечер. Изредка вскидываются грозовые всполохи, обозначая горизонт, после них становится еще темнее. Корабль в дрейфе, от иллюминаторов и забортных ламп ложится на воду зыбкое кольцо света. За пределами этого дрожащего кружка тьма-тьмущая вязкой густотой наползает со всех сторон; нет, такая ночь не напрасна, и ждешь с уверенностью и нетерпением: что-то должно произойти.

И происходит. Неожиданно в плотной слюдяной воде вскипают сотни бурлящих водоворотов. Попадая на свет, лоснятся мокрые тугие тела, как торпеды, вспарывают воду и, шлепнувшись, поднимая фонтаны брызг, уходят обратно в глубину. Люди сгрудились на палубах, наблюдая этот безумный хоровод, такую вакханалию не часто увидишь: будто тунцы со всего Индийского океана устроили представление возле правого борта «Курчатова».

Где-то внизу невидимый мечется косяк мелкой рыбешки, тунцы гоняются за ней с таким неистовством, словно подобное лакомство видят впервые. Любители тунцового филе, в свою очередь, спешно организуют охоту за охотниками — с верхних палуб, с мостиков, с бака и кормы уже свисают, подрагивая, лески с наживкой из бедных

летучек. Пластмассовые поплавки один за другим летят за борт, пошли в ход спиннинги.

Течение затягивает лески под корабль, ни один тунец пока не прельстился наживкой, рыбы тела продолжают мелькать, оставляя искрящийся след. И тут в пронизанной светом толще воды у самого борта не спеша проходит серо-зеленоватая большая акула. Растопырены грудные плавники, стайка полосатых юрких лоцманов вертится возле плоской, расплюснутой морды. Акула в неумной жадности делает едва уловимый рывок в сторону и, заглотив наживку, оказывается «на привязи». Она пытается скользнуть в спасительную темь под днище, делая судорожные рывки, но фал натягивается и не сдается...

Познания наши по акульему вопросу значительно возросли со времен рейса в Океанию: «Хрящевая рыба подкласса пластинчатожаберных, с чешуей, как наждак, и пастью, усеянной несколькими рядами острых режущих зубов». Появившись в океанах еще в девонский период, акулopodobные рыбы уже разбойничали в водах.

Специалисты считают, если хищница длиною более метра, она уже таит опасность для человека, хотя самая крупная, восемнадцатиметровая китовая акула до четырнадцати тонн весом питается лишь мелкой рыбешкой и ракообразными. По отношению к этому виду акул допущена явная несправедливость: тысячи зубов в ее пасти не рвут, не кусают, не дробят, а лишь удерживают попавшую вместе с водой пищу.

Как только человек вышел в море, акула была объявлена врагом номер один, а ведь из многочисленного акульего племени, насчитывающего до трехсот пятидесяти видов, лишь представители тридцати нападают на людей.

Первыми в этом мрачном списке стоят тигровая акула-людоед и акула-молот. Японская ковровая акула, мелкозубый пилорыл или зебровидная бычья акула не причислены к людоедам. «Расстояние, отделяющее человека от акулы с точки зрения эволюции, по-видимому, слишком велико. Она абсолютно непознаваема» — так характеризует это ночное животное Жак-Ив Кусто.

Многие считают, в природе нет более необъяснимого поведения, чем акулье: имели место случаи, когда эти убийцы равнодушно

скользили рядом с истекающим кровью пловцом, но накидывались на пропитанную мазутом тряпку. Научиться предсказывать их поведение — одна из целей, поставленных исследователями. Далеко не все так суровы в оценках. Многие полагают, что бытующее представление об акулах как о тупых, кровожадных тварях не соответствует действительности и они вовсе не так агрессивны, как принято считать. В мире за год регистрируют около пятидесяти нападений на человека, из которых не более десяти заканчиваются трагически.

Многие аквалангисты полагают, что вероятность смерти от зубов акулы примерно равна вероятности гибели от удара молнии. П. Фурмануар, один из ученых, работавший в Центре океанографических исследований на Мадагаскаре, описал пятьдесят четыре вида акул, встречающихся в зоне Индийского океана, столь доверчивых и наивных, что их ловят, используя в качестве поплавка лист кокосовой пальмы, а для наживки — черепах или маленьких скатов.

А бешеный тунцовый танец все продолжается. По-прежнему выпрыгивают и ввинчиваются обратно в воду рыбы тела, никак не покушаясь на предложенные в изобилии наживки. «Тунцеловы» негодуют на «акульщиков», полагая, что попавшая на крючок большая акула, что, как на привязи, ходит рядом с кораблем, распугивает тунцов. То и дело раздаются крики:

— Эй, акульщики! Акул уберите!

— Толя! Убери свою акулу, она мне тунцов пугает!

Но Толе не приходится убирать акулу, эту проблему она решает по собственному разумению: благополучно срывается с крючка и, вильнув хвостом, скрывается в глубине.

Избавившись от грозного соседа, рыбаки-тунцеловы с новыми надеждами закидывают удочки в самый центр рыбьего хоровода, но тунцы предпочитают летучек, предназначенных природой, по-прежнему резвятся и баламутят воду, а улова нет как нет. Вволю наглядевшись на ночные рыбы игры, покидаем палубу.

— Все-таки и от акул есть польза, — сообщает, укладываясь на койку, Плахова. — Полинезийцы относятся к ней с тем же почтением, с каким некоторые африканские племена относятся ко льву. В легендах акул часто возводят в ранг божества. В далекие времена на Гавайях имели место гладиаторские бои между людьми и акулами. Дамы извлекали особую пользу из убитых акул: согласно сведениям,

гавайские женщины имели особые рукавицы, украшенные острыми акульими зубами, для защиты от чересчур настойчивых поклонников!

— Чрезвычайно полезные сведения. И что еще ты можешь сообщить?

— Пожалуйста. По мере того как акула теряет передние зубы, задние спешат передвинуться на их место. Кстати, существует абсолютно надежное средство против акул! Это обычные безобидные светлячки. Они неприятны на вкус и ядовиты — ни птицы, ни ящерицы никогда не покушаются на них...

— А причем здесь акулы?

— Американский ученый Джозеф Бонавентур утверждает, что, когда экстракт из светлячков поместили в бассейн, где содержались акулы из Атлантики, пленницы стали биться о стенки, пытаясь выброситься наружу, но вскоре оказались парализованными и погибли...

— А сколько светлячков полагается на одну акулу?

На этот вопрос она ответить не может и потому делает вид, что спит.

Плахова

Работы на полигонах заканчиваются. Ранним утром «Курчатов» берет курс на Нуси-Бе. Сильный встречный ветер вырывает холст из рук, океан в алых рефлексах, корабль по контрасту приобретает зеленоватый цвет. Не написать это нельзя. Однако приходится изобретать технику: одной рукой — удерживать подрамник, другой — работать кистью или мастехином и даже пальцем! Последний, оригинальный способ, чрезвычайно популярный в древнем китайском искусстве, практически исчез еще семь веков назад, но это, право, ничего не значит. Известно, что американец Джонсон Ли, считая себя последним в мире мастером рисования пальцем, на всякий случай застраховал «орудие труда», свой средний палец, в британской компании «Ллойд» на двадцать тысяч долларов!

Вскоре на пути к Нуси-Бе происходит непредвиденное. На «Рифте», следующем туда же, полетел подшипник. Идут безрезультатные поиски запасной детали, переговоры. Теперь маленькое судно не имеет собственного хода и взято «Курчатовым» на буксир. Ветер крепчает, и мы, вместо того чтобы в полдень прийти к месту назначения, лишь, к пяти вечера приводим «Рифт» на мелководье, где возможна якорная стоянка, и следуем далее, надеясь, что рифтяне устранят поломку.

Тем временем клубящиеся грозовые тучи идут со стороны Мадагаскара, догоняя судно. Сверкают молнии. Все вокруг окрашивается фантастическим цветом, над кораблем разыгрывается рериховская «битва богов». Ежесекундно меняется форма лезущих друг на друга туч, меняется освещенность. Все существующие на палитре краски выплеснулись на небеса. Нижние ярусы лилово-черные, зловещие, ярко-розовые полосы дождя, короткое сверкание чистой бирюзы в просветах между тучами. Легкие кучевые облачка убрались в сторонку, на самый край небосвода, будто спасаясь от желтых жгутов, растянутых над горизонтом.

В наковальне небес плавится и цвет и форма — только кисти Эль-Греко подвластна такая картина... Вскоре показываются мрачные, залитые дождем берега Нуси-Бе. Вырвавшись неведь откуда, луч факелом поджигает землю, и она вспыхивает яростным, горячим цветом, еще более интенсивным в контрасте с окружающим мраком.

К вечеру гроза утихает. Слева и справа поднимаются скалистые островки. Относительно нашего местонахождения лоция сообщает следующее: «Фарватер изучен мало. В связи с большим количеством рифов кораблям заходить в этот район не рекомендуется».

Капитан Касаткин не уходит с мостика, сам на себя непохожий, но мы благополучно минуем опасный отрезок пути и прибываем в полной тьме, но в полном здравии в бухту Нуси-Бе, где сияет цепочка огоньков городка Эльвиль. Здесь, в Нуси-Бе, расположен океанографический центр, где работают и живут наши попутчики — малагасийские наблюдатели Ги и Роже. Налегке, с небольшими сумками в руках, спускаются они по штурмтрапу, уже ждет пришедший за ними с берега катерок.

Прежде чем покинуть «Курчатов», Ги и Роже берут с нас слово, что мы познакомимся с их семьями, приедем в гости. Долго стоим в бархатной тьме на опустевшей палубе, прислушиваясь к затухающему постукиванию мотора, и вскоре желтый мерцающий сигнальный огонек катера превращается в золотую точку, а затем и вовсе гаснет в черноте бухты.

«Таити Индийского океана». Нежные и страшные. Полфунта ракушек

Тринадцатого — пятнадцатого апреля заход в порт Эльвиль на острове Нуси-Бе. Высадили наблюдателей. Познакомились с работой Национального центра океанографических исследований.

Из дневника экспедиции

Алексеев

Ясным и тихим утром просыпаемся возле острова Нуси-Бе, расположенного в северо-восточной части Мозамбикского пролива.

Нуси-Бе называют «Таити Индийского океана».

Нуси-Бе называют «Островом благоуханий».

«Перламутровый остров» — это имя присваиваем ему мы.

«Курчатов» стоит на рейде в центре голубеющего блюдечка, где вместо краев поднимаются невысокие горы. Кудряво-воздушные, еле нарисованные нежной кистью. Пастельный пейзаж, над землей пухлые, отбеленные светом облака.

В слабой, еле заметной синеве лежат дали. Рощицы убегают вверх по травянистым склонам, открывая просторные лужайки. Солнце уже высоко, припекает ярусы низких крыш Эльвиля.

Скользят беззвучно розовые паруса, темными зернышками рассыпались пироги — от маленьких, одноместных до длинных, почти восьмиметровых, с людьми и грузом. Пассажиры в основном женщины — мальгашки в ярких одеждах под большими зонтами, черный зонт — неотъемлемая принадлежность каждой!

Каких только нет островов подле Мадагаскара: Острова мадам, Острова корсаров, Нуси-Кумба (Остров обезьян), Нуси-Фале (Запрещенный), Нуси-Ирандза (Остров черепах). Двести девяносто три квадратных километра суши, речушки и спящие вулканы с образовавшимися в кратерах, полными рыбы озерами, долины, густые леса, коралловые пляжи, местами сильно заболоченные, покрытые манграми берега.

Причал города Эльвиля — всего-навсего наклонно уходящая в океан бетонная плита. Карабкаемся по ней, скользя по влажным водорослям и колониям ракушек. На небольшой круглой площади с чахлым газоном грациозные пальмы изогнулись над одноэтажным зданием полицейского управления и таможни. В светлых кремовых рубашках, заправленных в модные узкие брюки, молодежато подпоясанные широкими ремнями, взирают служители закона на подошедший под красным флагом бот. Под выступающим козырьком здания, в тени (с утра термометр показывал плюс тридцать), пестрая группка женщин и ребятишек ожидает тупоносый, похожий на трамвай паром, что курсирует между Нуси-Бе и многочисленными островками.

Худенький длинноногий мальчишка демонстрирует искусство хождения по пальме. Упираясь босыми розовыми подошвами в узловатый ствол, цепко обхватив его руками, почти стоя, взбирается под крону. Гулко шлепаются с высоты плоды и, не расколовшись, катятся по земле круглыми мячами.

С площади как на ладони видны бухта и белый корпус «Курчатова». Отвалив от борта, одна за другой уходят шлюпки. Члены экспедиции, получив увольнение, отправляются к далекому мысу, на острова с коралловыми пляжами.

А мы — в город Эльвиль. Пропеченная солнцем дорога взбирается на холм. Как и в Анцеранане, сиреневые джакаранды покрывают землю лиловой пеной, над желтыми кактусами снуют жуки, мелькают бабочки. Странные деревья с кроваво-красной листвой издают дурманящий запах, капельками крови рдеют узкие листочки.

Вершину холма венчает полуразрушенная колоннада, за ней две пушки — короткие чугунные стволы покоятся на высоких лафетах; когда-то, нацеленные жерлами в океан, изрыгали они ядра, стреляя по

вражеским кораблям. Старые орудия — то немного, что осталось от короткой, но богатой событиями истории острова. Известно, что Людовик XIV приказал выбить на стволах своих пушек по-латыни: «Последний довод королей», хотя довод оказался неубедительным, завершившись штурмом Бастилии и гильотиной.

Неподалеку школа. Побросав на землю ранцы, сорванцы оседлали некогда грозные стволы. Сверкают зубами веселые круглоголовые мальчишки, грызут, сидя верхом на пушках, орехи, швыряют друг в друга скорлупой.

Запущенный бульвар ведет к школе. Выпирают из земли высокие корни, над головой смыкается, не пропуская солнца, зеленый свод. Вскоре тишину нарушает пронзительный звонок, из дверей выбегают дети, малорослые, миниатюрные, но пропорционального телосложения, с изящными руками и ступнями.

Рисующий человек всегда притягивает детишек как магнит. Вскоре стоим в окружении смуглых лукавых рожц. Старшие дети подталкивают младших, покачивая, как гномики, плетеными шляпами, подныривают под руку, стремясь заглянуть в альбом.

Изобразив на листках собак, котов и крокодилов, раздаем рисунки. Вырывая их друг у друга из рук, с криками малыши разбегаются по парку; те, что постарше, остаются возле нас, затевая игры, — перекатывают в розовых ладошках круглые шарики-семена, похожие на мячики пинг-понга.

Таковыми же шариками играли дети в деревне Бонгу, на Берегу Маклая, в Папуа-Новой Гвинее.

Поведение живых, подвижных, как ртуть, мальчишек и девчонок острова Нуси-Бе составляют разительный контраст с недетской, печальной сдержанностью бонгуанских сверстников. Вот и сейчас курчавый, крепенький малыш протиснулся вперед и, доверчиво улыбаясь беззубым ртом, показывает на себя пальцем, требуя сладостей.

Плахова угощает детей корабельными леденцами и тем самым лишает меня натурщиков. С визгом награждая друг друга тумачами и

выхватывая леденцы, ребята срываются с места, исчезают за толстыми стволами.

Прохожих мало. Не зря сами малагасийцы нарекли апрель «месяцем раскаленных сковородок»: триста десять солнечных дней в году подарила этим островам природа. Посещать Нуси-Бе туристы предпочитают с июля по октябрь, когда стоит ровная, сухая погода. В остальное время берег осаждают полчища комаров и москитов. Район подвержен эпидемиям тропической малярии, есть случаи желтой лихорадки.

К сожалению, мы прибываем на Нуси-Бе именно в апреле. Карантинная служба Калининграда перед уходом «Курчатова» в рейс сделала предупреждение о проявлениях на островах тропической малярии. На «Таити Индийского океана» климат нездоровый, широкой полосой окаймляют берега осыхающие коралловые рифы, дает о себе знать большая заболоченность.

Продвигаемся бросками — из тени в тень. Изредка прошелестит по раскаленному асфальту велосипедист, проскрипит влекомая сонным зебу двухколесная повозка.

Под навесами лавчонок, опустив на лица широкие поля шляп, подремывают в тени рослые, мускулистые мужчины. «Кто не в шляпе, тот не малагасиец!» — гласит здешняя поговорка. Без традиционного головного убора люди чувствуют себя раздетыми. Испокон веку шляпа защищает жителей Мадагаскара от палящего солнца.

— Взгляни-ка!

Волейбольной сеткой растянулась между домами гигантская паутина. В центре ее неподвижный, размером с ладонь черный паук. Раскинуты в стороны проволочки-ножки, такой паук имеет право называться паучищем. И птице, попавшей в эти тенета, не поздоровится!

Пауков здесь чтут и не обижают, приветствуют их поселение «на жительство» вблизи жилья. Ведь они истребляют многочисленных комаров — разносчиков эпидемий. Мудрые малагасийские предки издавна считали этих пауков своими союзниками в борьбе с комариным племенем.

Известен случай, когда в одном из районов Мадагаскара были выловлены почти все пауки определенного вида. Они плели паутину, из которой рождалась удивительная, эластичная ткань. Речь идет об окрестностях города Антананариву, где были пойманы тридцать тысяч пауков-неофилов, за что горожане расплатились тяжелой эпидемией, распространяемой комарами.

Нацеливаю фотоаппарат, чтобы увековечить чудо-паука, жаль только — в кадре не передашь масштаб. Вскоре вижу еще одного паука, круглый, упитанный, размером с теннисный мяч, от черепичной крыши к дереву тянет он нить, плотную, как капроновый шнур. Закрепил, поднялся повыше и отправился в обратный путь, аккуратно приладив вторую нить параллельно первой. Но вести наблюдение за созданием хитроумной сети, как и отснять любопытные кадры, мне не суждено.

— Подумаешь, паука увидел! — протестует Плахова — Поберег бы последнюю кассету, пауков нацелкаешь и завтра.

Возле острова Нуси-Бе корабль пробудет не менее трех дней. Поэтому уступаю, и, как всегда, напрасно. Не следует пренебрегать народной мудростью: «Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня». Или, точнее, «Выслушай женщину и сделай все наоборот».

Ни завтра, ни послезавтра мы уже не попадаем в городок Эльвиль, ибо работаем совсем в другом месте, на биологической станции, где живут Роже и Ги. Так в результате моего непротивления мадагаскарские великаны пауки остались не запечатленными на слайдах.

Плахова

Вволю побродив по теневой стороне улиц и тем не менее изнемогая от жары, заглядываем в невзрачную лавчонку с кружевной раковиной тридакны на пропыленной витрине.

После ослепительного света глаза медленно привыкают к полумраку помещения, привыкнув же... Нет, ни в чреве пестрых торговых рядов старого Сингапура, ни на островах Фиджи, ни в сувенирных магазинах королевства Тонга не видели мы подобной

россыпи сокровищ, и нет соперников у этой удивительной лавчонки городка Эльвиль, на Нуси-Бе.

Необъяснима тайна, влекущая человека к раковинам. Та самая, что заставляет нас подносить их к уху, с волнением вслушиваясь в таинственный рокот. Не случайно поэты сравнивают их с окаменевшей морской пеной, и не случайно чешский писатель Карел Чапек, житель страны, никогда не граничившей с морем, посвятил им такие слова: «Игривый дух божий, довольный собственным всемогуществом, сотворил их для своего развлечения. Розовые и пухлые, как девичьи губы, пурпурные, янтарные, перламутровые, черные, белые, пестрые, тяжелые, как поковки, или изящно филигранные, как пудреница королевы, гладко обточенные, покрытые бороздками, колючие, округлые, похожие на почки, глаза, на губы, стрелы шлема и ни на что не похожие, они просвечивают, переливаются красками, как опалы, нежные, страшные, не поддающиеся описанию. И все это создал нагой мягкотелый слизняк, трепещущий в творческом безумии...»

В глубине лавки прислонилась плечом к дверке, скрестила руки темноволосая маленькая женщина в строгом платье, невозмутимая владелица сокровищ.

На прилавках посвечивают нежной желтизной распахнутые створки тридакн, обрамленные кружевом каменных оборок. Раковина эта, самая большая в мире, достигает двухсот пятидесяти килограммов и более при возрасте, превышающем сотню лет. В древних описаниях фигурируют четырехметровые в диаметре тридакны. В Париже в соборе святого Сульпицея, створки огромной тридакны служат купелью.

Именно им молва приписывает злое свойство пленять и губить неосторожных пловцов и ныряльщиков, нередко называют тридакн «раковинами-убийцами», якобы способными... перерезать даже якорный канат. Существуют фантастические истории о пловцах, рискнувших схватить открытую раковину, — они лишаются руки или находят мучительную смерть в морских глубинах, будучи пойманными за ногу.

Однако не существует ни одного документального свидетельства подобных преступлений тридакны, страшные истории — не что иное, как вымыслы.

Итак, оклеветаны тридакны зря, они не губят пловцов и не лежат тяжелым капканом, ожидая жертву, подобные рассказы — плод фантазии сочинителей. В спокойном состоянии моллюск высовывает наружу волнистые складки мантии, и, если, всколыхнув воду, проплывает хотя бы рыбешка, разноцветная мантия тотчас прячется между створок, ибо питается тридакна не рыбаками и не рыбами, а фитопланктоном, который течение заносит в ее сифон.

Но вернемся в лавчонку Нуси-Бе. На полу, не уместившись на прилавке, в большой плетеной корзине, поблескивают, словно облитые глазурью, крапчатые каури, сверкают зеленоватым перламутром галиотисы, попросту «морское ухо».

Закручены спиралью бусиконы, свирепо топорщатся оранжевыми выростами муррекссы, розовеют массивные «королевские шлемы», или «слоновьи уши»... матово светится кассис тубероза — из раковины, носящей это звучное имя, вырезают драгоценные камеи. В центре прилавка, на почетном месте, удивительная ракушка, именуемая «крылья ангела», — симметрично развернутые ее створки напоминают пару белоснежных крыльев.

Рядом — похожие на изящные изделия из фарфора (мечта коллекционеров!) роковые «конусы-убийцы», виновники многих несчастий. Таких конусов-полосаток в тропических морях обитает до сотни различных видов. Самый крупный из них, стоимостью две тысячи долларов, хранится в одном из филладельфийских музеев. Улитки-хищники умерщвляют добычу своеобразным язычком, усеянным ядовитыми шипами. Есть данные, что из тридцати восьми человек, уколотых в разных уголках земного шара, одиннадцать жертв лишились жизни.

Перечислять лежащие на витрине дары — значит задержаться надолго. От созерцания россыпи красот нас отрывает скрип двери. Луч света падает на прилавок: двое европейцев, судя по всему «прибывших не в сезон» туристов, наклонив под низкой притолокой головы, переступают порог. Как видно, здесь они не новички, ибо молча, без объяснений протягивают хозяйке кожаный, раскрытый, как жадная пасть, кошель. Из-под прилавка извлечены весы, уравновешенные

гирьками, и... о, ужас, пригоршнями сыплются малютки-каури на чашу весов.

Какое кощунство продавать красоту на вес!

Алексеев

Плахова уже извлекла из недр витрины раковину бемампи, перламутровую, с нежным синеватым отливом, и тянется к удлинённому острому витку, обрызганному багровыми полосками и крапинками. Ракушка эта пока остается для нас безымянной. Спешу уплатить указанную в этикетке цену и вывести мою жену из магазина, пока не поздно.

— Интересно, — обрета дар речи, произносит она, когда из темного помещения вновь попадаем на свет божий, — интересно, если малагасийцев считают плохими ныряльщиками или вовсе не умеющими нырять, кто же достает им со дна ракушки?

От меня ей не дожидаться ответа, стрелки часов неумолимо отсчитывают минуты, превращая их в часы. Время наше истекло. Ускоряя шаги, почти бежим назад, к причалу, следуя за переместившейся от домов тенью. Панорама бухты открывается неожиданно. Крутой обрыв огражден каменной балюстрадой с искрошившимися балясинами. Пробиваются к свету широкие зонтики лопухов, карабкаются вьюнки, кружевной белой вышивкой принаряжая зелень. В обрамлении цветущей рамки зеркальная гладь залива без волн, без ряби светится отраженным сиянием облаков. На рейде лишь два больших судна — «Курчатов» и низкий желтый сухогруз под иностранным флагом.

За спиной — приземистое здание. На флагштоке полощется национальный флаг. Слышен нестройный хор детских голосов, после паузы повторяющий слова учителя: еще одна школа, на этот раз в переоборудованном помещении бывшей военной казармы. В ребячий говорок вплетены гудение шмелей, пощелкивание птиц. Терпкий медвяный дух стоит над землей, так и хочется ущипнуть себя — не снится ли этот просвеченный голубизной мир...

В соответствии с назначенным временем от «Курчатова» отделяется белый бот и, растягивая ниточку-след, бежит к причалу.

Заставлять себя ждать не принято. Бежим навстречу, хотя Плахова под любым предлогом пытается отстать и заглянуть в сумку, где аккуратно завернутые в носовой платок лежат бемампи и безымянная, в алую крапинку красавица, будто лишенная моллюска ракушка когда-либо убегала от законного владельца!

На биологической станции. «Спросите у начальства»

Плахова

Центр океанографических исследований — научная национальная организация Демократической Республики Мадагаскар финансируется правительством. До 1975 года Центр назывался биологической станцией и субсидировался Францией. Работы станции 50—60-х годов были широко известны, ей заслуженно принадлежит репутация научного учреждения высокого уровня. После обретения Мадагаскаром независимости французские ученые покинули Нуси-Бе, не забыв вывезти почти все оборудование и экспонаты, что повлекло за собой пятилетнее бездействие станции.

Ожидаем прибытия на корабль Роже и Ги — молодые ученые пригласили нас посетить Центр.

И вот от малагасийского берега бежит к «Курчатову» катерок под зеленым тентом. Стройная фигурка Роже в белом нарядном костюме четко рисуется на фоне синей воды. Желание отправиться вместе с нами на биологическую станцию выражают также Гительзон, Пастернак и доктор биологических наук Шилейко. Передаем на ошвартовавшийся у лацпорта катер свое имущество — этюдники и альбомы, предвкушая долгий день спокойной работы на Нуси-Бе. Но не тут-то было. В действие вступают неведомые силы. По коридору бежит Дима Астахов.

— Не грузиться! — передает он распоряжение начальника экспедиции. — Возможно, катер пойдет по другому назначению.

Однако приезд наш согласован с исполняющей обязанности директора Центра мадам Раулисон. Роже отправляется за разъяснением к руководству. Кто знает, как обернется дело, говорят, иногда интуиция заменяет ум. Презрев повеление «ожидать», спрыгиваю в катер, за мной, подумав, Пастернак, Шилейко и Гительзон. Суть дипломатических переговоров остается неизвестной, но, возвратившись, Роже дает команду отчаливать. Резво идем к причалу Эльвиля, где нас должно «предъявить» полиции, получив разрешение высадить русских на берег. Двое полицейских дружно вышагивают к причалу. Официальная процедура оказывается на удивление короткой и лишенной формальностей; Роже ограничивается улыбкой и приветственным жестом, полицейские — согласными кивками. Так и не причалив к бетонной плите Эльвиля, катерок, взбурлив, устремляется по широкой прибрежной дуге.

Подобные шеям гигантских животных, торчат из воды изогнутые, сухие стволы, корни и сучья, принесенные приливом. Мыс укрыт густой зеленью, в листовенной пене неразличимы отдельные кроны. За выступом открывается небольшая закрытая бухта с полузатопленной мангровой рощей.

Центр имеет собственный пирс и два бота, разъездной и специально оборудованный, с прозрачным днищем — для наблюдений.

Переступая через поплавки и разложенные для просушки сети, направляемся к вершине холма, где белеют здания станции.

«Биологическая океанографическая станция. Соблюдать тишину», — возвещает надпись над входом. Территория обнесена невысоким проволочным забором, лаборатории и одноэтажные коттеджи сотрудников разбросаны по всей длине прибрежной полосы.

Трудно, медленно происходит процесс восстановления станции силами небольшой группы ученых. Еще закрыт ценнейший музей, в зале на полу пылятся уникальные коллекции кораллов, чучела рыб и черепах, свалены стопками листы гербариев. Особенно пострадала обширная библиотека с ценными изданиями, где работает библиотекарем супруга Ги — Лалау.

— Это была прекрасная, тщательно подобранная библиотека. Сейчас мы всячески пытаемся ее восстановить, — говорит Лалау, невысокая молодая женщина с ярко выраженным полинезийским типом лица. Карие, слегка раскосые глаза, высокие скулы, прямые иссиня-черные волосы. Лалау окончила колледж в Антананариву, но на Мадагаскаре молодым трудно найти работу.

— Я так рада, что имею возможность работать здесь, — говорит эта двадцатитрехлетняя женщина. — Ведь у нас уже двое ребятишек.

Благодаря Лалау сотрудники библиотеки любезно соглашаются при помощи множительного аппарата скопировать для советских ученых ряд трудов по фауне Мадагаскара и Маскаренских островов.

— В семьдесят девятом году правительство республики, несмотря на экономические трудности, приняло решение открыть станцию и помогает восстановить ее научный статус. Выделяет средства для приобретения приборов, ремонта лабораторий, — рассказывает Роже.

Сидим работаем на широкой веранде музея с видом на панораму бухты.

Так вот какова она, воспетая не раз красота Южных морей, таинственный мир Сомерсета Моэма и Роберта Стивенсона. Бездонно высок купол неба с легкими, не дающими теней облачками. Щедрыми пригоршнями разбросаны островки, отделенные друг от друга синеватой тончайшей кисеей воздуха. Природа соединила в гармоничное целое землю, воду и небеса. Плавная линия берега вносит в композицию равновесие и покой. Над полузатопленными рифами, лениво подрагивая крыльями, кружат в теплых воздушных

потоках крупные птицы... Краски сливаются в одну мелодию, сплетаются, образуя узоры, созерцать их — праздник для глаз.

Не так часто выпадает в рейсе счастье работать на твердой земле. Сегодня увольнение на берег объявлено до пятнадцати часов, сейчас раннее утро, впереди вечность. Пишу пейзаж, Алексеев работает над портретом Лалау.

Вскоре на веранде появляется элегантная дама, невысокая, с европейской короткой стрижкой, — мадам Раули-сон. В настоящее время она возглавляет работу станции, директор ее Жан Питтон выехал по делам в Европу.

Убедившись, что карандашный набросок с Лалау близится к концу, мадам Раулисон торопливо отправляется в свой кабинет привести в порядок костюм и прическу — словом, совершить то, что совершает женщина, прежде чем предстать перед портретистом. Остальные сотрудники тоже проявляют живой интерес к нашей работе. И вот уже новая модель занимает место в кресле на веранде. Мадам Раулисон ищет изящную позу, поворачивая голову то вправо, то влево, показывая профиль и фас. Алексеев накалывает на планшет новый лист бумаги.

И в самом уединенном месте существуют звуки — шелест шагов, крики птиц, чей-то далекий голос. Но тут, на залитом солнечными пятнами холме, царит полная тишина, даже рокот прибоя на рифах

погашен тяжелой листвой деревьев и кустарников. Только ветерок стекает с предгорий, беззвучно касаясь земли, да теплые волны воздуха несут благоухание трав.

Неожиданно в успокоенный, полусонный мир настойчиво врывается посторонний звук — тарахтит бот, и это наш бот, с «Курчатова». Перестук мотора затихает у пирса, и через несколько минут на веранде музея как злой гений возникает Дима Астахов.

— Я только передаю, — застенчиво сообщает он. — Всем вам срочно возвращаться на корабль...

— Это еще зачем?

— Ведь не истек срок увольнения, что случилось?

— Не знаю, не знаю... Я лишь передаю распоряжение...

Дисциплина есть дисциплина. Складываю в папку еще влажные листы ватмана. Алексеев шипит, как рассерженная мангуста, собирая свои карандаши. Идем к причалу, сопровождаемые разочарованным взглядом мадам Раулисон. Гительзон и Пастернак уже в катере. Спешит из лаборатории Шилейко. Вздрагивает покрытая липким илом листва мангров, взбудораженная заболоченная вода плещет у корней, плавсредство послушно берет курс обратно, на корабль.

— Дима, а все-таки что произошло?

Астахов устремляет взгляд серых честных глаз к горизонту:

— Я же сказал — не знаю... Спросите у начальства...

Но спрашивать не у кого. «Курчатов» похож на покинутое людьми судно в районе Бермудского треугольника. Лишь вахтенный дежурный в рубке, наставив окуляры морского бинокля на далекий туманный островок, наблюдает, как бродят счастливицы по коралловым пляжам. А мы остаемся на корабле убивать время с неразгаданной своей загадкой. Забежав несколько вперед, скажу: нам все же удастся поработать на Нуси-Бе.

Позже, когда «Курчатов» покинет эти воды, Иосиф Исаевич Гительзон напишет в отчете: «Хотя биологическая станция по своему местонахождению и вместимости бытовых и рабочих помещений располагает прекрасными возможностями для изучения биологии тропических вод, возможности эти пока[^] используются мало. Однако станция весьма заинтересована в научных контактах и старается их развивать. Финансирование программы ее работ на двусторонней

основе может быть эффективным в научном и, вероятно, в политическом отношении.

Художниками экспедиции сделан ряд зарисовок по работе и жизни станции. Следует заметить, что выполненные ими портреты, часть которых была передана в дар работникам станции, весьма способствовали установлению непринужденной и дружественной атмосферы общения».

Из библиотеки приношу томик Сомерсета Моэма: «Трудясь в поте лица, они (художники. — М. П.) каждый по-своему отдают дань эмоциям... Одни затрачивают бездну усилий, чтобы запечатлеть на полотне каждое окошко, каждую черепицу, какие только схватывает их пытливый взгляд, и, без сомнения, получают удовлетворение, служащее наградой прилежанию и трудолюбию. «Во всяком случае, это от души», — скромно говорят они, демонстрируя свои работы.

Другие, порывистые и стремительные, с бешеным неистовством набрасываются на полотна, щедрыми мазками нанося на них краску. Эти говорят: «Видите ли, я пытался здесь выразить свое "я". Они стоят с полузакрытыми глазами и как бы в раздумье бормочут: "Кажется, я все же сумел передать самого себя. Как по-вашему?"... А есть и такие, что представляют вам на обозрение в высшей степени занимательное нагромождение кубов, эллипсов и при этом угрюмо цедят сквозь зубы: "Я это вижу так"..."»

Удивительно точный анализ! Сколько разноречивых мнений и оценок, сколько проблем вызывают творчество и сама личность художника. Одни входят в искусство дерзко и ярко, быстро замеченные, вызывают споры, других, как Шардена, забывают на десятилетия. Вермеера Дельфтского — на полтора с лишним века.

Говорят, барометр художественных вкусов и увлечений обладает неустойчивостью, а рубежи его зыбки и условны. Однако неизблемым остается одно: зритель, как правило, равнодушен к блестяще выполненным, но излучающим холод и пустоту полотнам...

Да и что, как говорится, попусту копыя ломать? Абсурдное утверждение, что искусство может быть... «хорошим» и притом непонятным большому числу людей, так же несообразно, как утверждение, что... пицца очень хороша, но люди не могут ее есть! И это сказал Лев Толстой.

Семь шагов до океана. Ханта и Лалау. Веселый малагасиец

Алексеев

Наступает новый день, и мы вновь оказываемся на станции, в гостях у Ги и Роже. В привычной обстановке они кажутся взрослее, строже. На «Курчатове» — застенчивые юноши, здесь — гостеприимные хозяева, знающие себе цену молодые ученые. Возле знакомой мангровой рощи ждет малолитражка. Ги везет нас вдоль побережья в свой коттедж на берегу океана.

Сейчас время прилива. Вода подошла совсем близко к одноэтажному, крытому красной черепицей белому домику. Узкая, вымощенная цветной плиткой дорожка ведет от веранды к берегу, всего несколько шагов — и за невысоким каменным парапетом плещется голубовато-желтая вода, просвечивает коралловый песок. Океан строго придерживается установленной границы, с завидной точностью соблюдая невидимую черту.

— А если непогода? Циклон?

Ведь ежегодно один-два циклона с наводнениями и ветрами свирепствуют на островах. В одном лишь 1959 году пять ураганов подряд обрушились на Мадагаскар, вышли из берегов реки.

— Нет, нет, — улыбается Лалау, разливая в высокие стаканы прохладный сок кокосового ореха, — от волн нас защищает бухта.

Мутноватый сок кажется кислым и безвкусным, наверное, к каждому напитку надо привыкнуть, как привыкли мы в пустыне к незаменимому туркменскому чалу — закисшему, смешанному с водой молоку верблюдицы.

Под высоким потолком однообразно жужжит вентилятор. Убранство более чем скромное. Единственная ценная вещь — стереофоническая аппаратура. Книжный шкаф, по углам, в стыках стен, светильники в форме раковин. За квадратной аркой — детская. На столике видна высокая стопка отглаженного ребячьего белья, очень низкая тахта — малагасийцы, особенно живущие вдалеке от городов, спят на рамах с матрасами, набитыми особыми травами. Обычай связан с учетом целебных свойств растений.

— Это большое счастье, что мы оба здесь работаем — я и Лалау, — говорит Ги. — Ведь жилье предоставляется лишь на период работы на станции...

— А если не будет работы?

Лалау смотрит на маленькую Нанни и пожимает плечами: она не знает, что будет. Таннине-Нанни два года. Выход с веранды Ги загородил самодельной калиткой, и Нанни еще не научилась устранять препятствие. Сейчас по недосмотру калитка открыта, и «старшая», пользуясь случаем, уже слезает со ступенек. Привычно проследив взглядом за ребенком, Лалау птицей срывается с места, водворяя беглянку обратно.

— Чуть что, обязательно удерет к океану, пришлось сделать решетку, — улыбаясь, говорит отец. — Хорошо хоть вторая наша малышка пока не причиняет хлопот!

На коленях Ги вертится восьмимесячная Ирина.

— Работа в библиотеке, — рассказывает Лалау, — занимает у меня лишь первую половину дня, в это время за детьми присматривает знакомая девушка. Ей не удалось поступить в высшее учебное заведение. Туда вообще попадает мало женщин, да и то предпочтительно на медицинский или литературный факультет. Штат станции сегодня невелик, состоит из шестидесяти человек, но лишь четверо имеют университетское образование и являются научными работниками. Остальные заняты работой по восстановлению зданий и уходом за обширной территорией парка.

— Когда мы поженились, ели рисовый суп, — смеется Ги и поясняет: — Есть у нас такой обычай: новобрачным на свадьбе подают в простых глиняных мисках мелкую рыбу с рисом как намек на то, что супружескую жизнь надо начинать с малого.

На Мадагаскаре всеми делами в семье вершат женщины, семейные деньги хранятся у хозяйки. Законодательство предусматривает право супруги покинуть мужа на любой срок, если в семье вспыхнет ссора. В назидание мужу жена уносит с собой свою корзину из рисовой соломки — субику (в ней малагасийки хранят одежду и украшения), ту самую, что является приданым, приносимым в дом мужа. Любопытен и другой обычай: если солдат отправлялся воевать на чужбину, он разводился с женой до возвращения.

Лалау

Вскоре приезжает Роже и знакомит нас с Хантой, они женаты всего два месяца. Ханта еще учится в лицее, сейчас у нее каникулы. Тоненькая, в открытой простой майке и коротких шортиках, она кажется совсем юной. Лицо ее не может не привлечь внимание: нежно-смуглое, задорный маленький носик, в уголках изогнутых по-восточному губ застыла лукавая улыбка — типаж гогеновской

«Девушки с веером», писанный на Таити, только модель Гогена рыжекудрая, а у Ханты локоны темные, свиваясь кольцами, падают на узкие плечики.

Ханта кокетливо улыбается и, поправив прическу, без долгих разговоров усаживается на стул, нетерпеливо ожидая, когда я начну работать над ее портретом. Однако у Лалау лицо более характерное, в прошлый раз за недостатком времени удалось сделать лишь набросок. И я продолжаю сеанс с Лалау.

Иногда поза может рассказать о человеке не меньше, чем лицо. В манере сидеть, в положении рук и тела, в спокойной сосредоточенности и отключенности от суеты сует внутренний мир скрытых радостей и печалей. Слегка скуластая, полуприкрыв веками поднятые к вискам глаза, скрестив на коленях привыкшие к работе руки, сидит удивительная, ни на кого не похожая модель.

Работаю. Ханта примирилась с моим выбором, хотя капризно надула губки, ждет своей очереди. Стоит за спиной, заглядывая на лист из-за плеча, над самым ухом слышу ее мелодичный говорок, нет сомнения — это комментарии к рисунку. Но Лалау невозмутима.

Я буквально захвачен необычностью этого характера. Как на пленке, проявляется на листе бумаги лицо: неэффектная на первый взгляд — куда ей до красавицы Ханты, но какой острый, запоминающийся типаж.

Еще на корабле я обещал Ги сделать портрет его жены. Сегодня у модели чуть иным был поворот, чуть иным ракурс — черты лица мягче. Предлагаю Лалау выбрать себе один из двух рисунков, безошибочно зная, что выберет она второй, где «красивее», хотя ценность для меня представляет именно первый. Так и происходит. В качестве арбитра привлечен мой соавтор, и Плахова, явно кривя душой, подтверждает выбор Лалау.

Теперь наступает очередь Ханты, как говорится: «Не было ни гроша, да вдруг алтын»: ведь ни одного, даже скоропалительного рисунка, ни одного женского портрета не удалось сделать в Анцеранане. Женщины недовольно отворачивались, закрыв лицо покрывалами, но жены наших друзей позируют с охотой.

Итак, Ханта, перекинув через плечо волнистые локоны, скорчив довольную гримаску, уже заняла место. Красивый, идеальный овал лица слегка заострен к подбородку, на матово-золотистой коже, будто

акварелью, намечены полукружия бровей, тронуты розовым губы. Солнечный луч, пробившись сквозь листву, упал на веранду, и крохотное ушко вдруг загорелось прозрачной раковиной... такой портрет требует не карандаша, а кисти или пастели. Слегка подкрашиваю рисунок масляными мелками — пандой, не переставая удивляться обаятельному в своей детской открытости лицу молодой женщины. Незаметно течет время. Но вот сеанс окончен, Ханта вскакивает, заглядывает мне под руку и весело хлопает в ладоши, как ребенок. Увы, судьба моей работы предрешена: не успеваю глазом моргнуть, отколоть от планшета кнопки, как Ханта с легким, радостным смехом исчезает, унося рисунок.

— Она хочет показать портрет своим подругам, — смущенно комментирует Роже.

Но какие «подруги», вокруг лишь пальмы да океан. Даже Плахова не выражает неудовольствия по поводу пропажи работы.

— Вот умница, сразу догадалась, что не отдашь! — говорит она. — Ведь доставить человеку радость тоже хорошее дело.

И тут будто порыв ветра проносится по веранде.

— О-ля-ля! — раздается звонкий мужской голос. С бесчисленными интонациями повторяя этот возглас, появившись неведь откуда, молодой человек в пестром, обернутом вокруг бедер парео начинает метеором носиться по веранде. Щекочет подбородок Нанни, и она звонко смеется, откидывая назад черную, будто отлакированную головенку, молниеносно наливает в стакан шипящий сок, хлопает по плечу Ги, подталкивает плечом Роже, что-то говорит, хохочет, показывая белые прекрасные зубы, многозначительно делает круговые движения рукой вокруг своего лица, затем оборачивается в сторону, куда скрылась Ханта, и вновь крутит ладонью вокруг лица, подняв вверх большой палец.

Стою, оглушенный и растерянный вихрем улыбок, звуков и жестов. Умудренная опытом общения с островитянами, Плахова безошибочно расшифровывает ситуацию:

— Он хвалит портреты Роже и Ги, хвалит портрет Ханты, которую встретил по дороге, а главное — он желает, чтобы ты нарисовал его!

Времени остается не так уж много, но есть что-то завораживающее, цыгански бесшабашное в распахнутых глазах, твердом очерке скул, крепком мальчишеском подбородке. Лицо

несколько грубоватое, но юное и прекрасное своей труднодостижимой сменой настроений.

Мой новый, необычный, богом данный добровольный натурщик весь открыт, радость жизни и энергия рвутся наружу. И я работаю, не видя ничего, кроме этого лица: дрожит на губах улыбка, глаза подолгу не могут задержаться на одном предмете. Парус, скользнувший в океане, тень птицы, даже пробравшийся на веранду нахальный цыпленок, что норовит клюнуть раскрытую сумку, — все, как зеркало, отражает этот взгляд.

Будто заглядываешь в душу человека, каждый раз волнуясь, как новичок: удастся ли? Не внешнее сходство — к этому обязывает простой профессионализм, а «разгадывание» модели, сущности ее, выражение моего лично к ней отношения.

Есть лица, легко поддающиеся прочтению, они, как визитная карточка, рассказывают о себе, остается лишь закрепить этот рассказ на бумаге. А иногда бьешься, словно стучишься в наглухо закрытую дверь; видишь рисунок губ, но они молчат, взгляд, но он ускользает, позу, но она искусственна. Однако самое сложное для художника, когда приходится вступать в «единоборство» с моделью. Вроде бы человек позирует охотно, старательно, но хочет казаться глубже, придавая лицу значительность или надевая маску отрешенности. Подобное происходит неумышленно — ведь каждый из нас инстинктивно стремится выглядеть лучше, чем есть на самом деле.

Наконец наступает момент, когда работа окончена или прервана и модель видит свое изображение. Это одно из самых острых мгновений, ибо своей реакцией человек невольно подсказывает художнику, есть ли «попадание». Даже самые сдержанные не могут удержаться если не от слов, то от соответствующего жеста или мимики.

В альбоме уже возникло выразительное лицо под копной темных мягких волос, с короткой полоской усиков над приподнятой верхней губой. И я не ошибаюсь, уловив артистизм в моем натурщике. Он, оказывается, не только сотрудник станции, но и популярный местный поэт и артист.

Вечером на «Курчатове» прощальная дружеская встреча — приглашены работники станции с женами. Предстоит еще одна, последняя встреча с этими гостеприимными людьми.

Под реплики «О-ля-ля!», сопровождаемые лучезарными улыбками, Алексеев работает над портретом молодого красивого мальгаша. Лалау ушла в дом — кормит Ирину и Нанни. Ханта скрылась с рисунком. Моя работа тоже близится к концу — пейзаж, увенчанный сказочным деревом, густо осыпанным золотисто-желтыми, похожими на маленькие подсолнухи цветами. Плавные изогнутые его ветви крышей укрывают самый прозаический курятник, сооруженный из бамбуковых стволов и раскрепленный по углам вместо грузил тридакнами. Блестки соцветий фонариками вспыхивают в тени, стойкий парфюмерный аромат обволакивает все вокруг.

Ги ловко взбирается на дерево и приносит мне ветку с нежными цветами, они покрывают ее так густо, что почти не видно листьев. От растертых в пальцах лепестков исходит волна дурмана, маленькое солнце лежит на ладони с шестью лепестками-лучиками.

— Это иланг-иланг. Единственное на земле дерево, которому человек поставил памятник! Именно ему обязаны своей славой французские духи. Ствол его на высоте двухтрех с половиной метров безжалостно обрубают, а ветки пригибают к земле. Через месяц их освободят от держащих пут, но дереву уже никогда не подняться до предназначенной ему природой высоты.

— А какую высоту предназначила ему природа?

— Около десяти-одиннадцати метров. Вы знаете, каков годовой урожай? С одного дерева иланг-иланг собирают до двадцати килограммов цветов. Очень важно определить время его цветения, сборщики должны работать обязательно на рассвете, когда лепестки доверчиво раскроются навстречу восходящему солнцу. Эти удивительные цветы можно собирать, лишь когда они приобретут сочный желтый цвет с ярко-красным пятнышком внутри бутона.

— А почему надо искривлять ветки?

— Тогда сок приливает к цветоносным побегам. Это редкое эфиромасличное дерево, во всем мире его плантации есть лишь на Коморских островах и здесь, у нас, на островах Нуси-Бе и Нуси-Бураха. Это самое изысканное сырье, придающее стойкость и аромат французским духам.

Дикорастущих иланг-иланг почти не осталось в природе.

— Но у этого дерева крона не срезана?

— Нет, но это исключение. Вы обратили внимание на множество искусственных насаждений в парке? Помимо декоративного назначения они являются предметом исследования как возможный источник новых фармакологических средств.

Считают, что современная парфюмерия располагает более чем пятью тысячами душимых веществ, из которых природные не составляют и четырехсот, остальные созданы человеком в результате синтеза. Когда-то римляне и греки придумали легендарный остров Панхайю, поместив в Аравийское море источник самых тонких благовоний на Земле. Индия славилась корицей, Китай — камфарой, Малабарский берег — сандалом, Ливан — кедрами.

В конце XIX века химия «догнала» парфюмерию, получив искусственные вещества с запахами, подобными природным. Ароматы стали популярными — история сохранила сведения о целой категории различий запахов «по рангам»: существовали специальные духи для простолюдинов и королей, швей и модисток, дам полусвета, которым, кстати сказать, предназначался запах мускуса. История утверждает, что и Наполеона не миновало общее пристрастие: сосуды с благовониями сопровождали его в походах, особой благосклонностью императора пользовались флаконы пахучей «кельнской воды».

Стою под душистой тенью иланг-иланга, с веранды раздается тихий говорок Лалау, смех детей, скрип карандаша по бумаге. Какой разительный контраст характеров и темпераментов: сдержанность и немногословность Ги и Роже рядом с буйно рвущимися наружу эмоциями позирующего красавца юноши.

Время есть, и я отправляюсь побродить по острову, покинув территорию станции. За сеткой-оградой начинается иной, отличный от ухоженного парка мир.

По щиколотку проваливаюсь в мягкий мох, сырые, сгнившие травы. В зелени — развалины каменных строений, заколдованное царство лиан, крупных, похожих на орхидеи бледных цветов. Будто и не ступала здесь никогда нога человека, из глубоких канав выпирают серые могучие корни, сплетаются и снова скрываются в почве. Почти темно, лишь солнечные блики светлой чешуей рассыпались по земле.

Заросшая, еле заметная тропинка, вволю попетляв в чаще, вскоре выводит к небольшому поселку. Похрустывают скорлупки ахатин, владелицы которых давно составили обед или ужин африканской семьи. Деревенька окружена ветхими мостиками на сваях: в часы прилива по многочисленным протокам сюда проникает вода.

Пристраиваюсь возле крайней хибарки, занимаюсь своим нехитрым делом — рисую. Две немолодые женщины толкут зерно в похожем на барабан высоком деревянном сосуде, ритмично поднимая длинные пестики-палки. От тлеющего очага течет в сторону розовый горьковатый дымок, в закопченном горшке варятся моллюски. Африканцы считают их питательными и вкусными, и океан аккуратно, два раза в сутки, открывает кладовую, обнажив рифы. Моллюсков сушат и вялят впрок, до тысячи трехсот их видов насчитывают прибрежные воды Мадагаскара.

Срок увольнение истекает. Роже вручает нам свежие кокосовые орехи. Они не желают вмещаться в сумку, предназначенную для менее габаритной поклажи, и Лалау приносит большую сетку, сплетенную из волокон рафии.

Но прежде чем навсегда покинуть этот дом, Алексеев, аккуратно прикрыв за собой калитку, выходит на дорожку и старательно, как цапля, вышагивает к океану и обратно...

— Сколько? — спрашиваю его, ибо не составляет труда разгадать этот маневр.

— Семь! — слышу удовлетворенный ответ. — Ровно семь шагов до океана.

Общепринятое представление о малолитражке как о небольшой машине ошибочно: едем к причалу, вмещаясь в нее... восьмером. Миниатюрная Лалау и хрупкая Ханта прижались друг к другу на переднем сиденье. Нанни на материнских руках, нас двое и Роже позади, а Ирина... такого еще не приходилось видеть: маленькая смуглянка привычно сворачивается калачиком на коленях у Ги в кольце темных отцовских рук, твердо лежащих на руле. Малость осев, юркая машинка бодро устремляется в обратный путь, кружа по дороге, что, как пес в известной поговорке, «так и стремится поймать собственный хвост». Мелькают дома деревеньки, пальмовые рощи, под колесами клавишами поднимаются и опадают танцующие мостки из положенных поперек бамбуковых стволов.

Над заболоченной землей высятся мангры. Распластались ветки с глянцевыми, облепленными илом листочками, из-под них тянется зеленая поросль молодых мангрят.

Столпившись в черте прилива, мангры ухитряются сбрасывать своих «детей» с уже готовыми, проросшими на материнской ветке корнями. Какой отлаженный механизм своевременно сообщает растениям о часах прилива и отлива? Перехитрив океан, малыши-мангрята успевают укорениться в почве до возвращения воды. Воздушные корни-подпорки стоят преградой на пути прилива, укрепляя грунт.

Впервые увиденное на берегах тропических морей греками-мореходами адмирала Неарха растение приобрело впоследствии известность: древесина мангров не гниет в воде. Сотни лет из Красного моря и с берегов Персидского залива устремлялись сюда доу купцов и судовладельцев, скупавших мангровую древесину. Так и прозванных «мангровыми пиратами».

— Осторожно! — предупреждает Ги, когда, вновь переступая через сети с алыми, круглыми, как мяч, буйками, шествуем по причалу. — Осторожно, сейчас низкая вода.

Действительно, что это? Утром катерок покачивался вровень с пирсом, сейчас же, обнажив дно, вода ушла из лагуны. Видны водоросли, позеленевшие створки тридакн, покрытые серым налетом обломки кораллов. Бухта потеряла прежний опрятный вид. Попасть в

катер можно, лишь спустившись на пять-шесть метров по вертикальной железной лесенке, припаянной к ржавым сваям. Наверху четко рисуется на фоне неба живописная группа: Ханта острыми зубками покусывает травинку, лукаво улыбаясь, помахивает рукой; Роже и Ги серьезны: маленькая Панни старается вытащить серьгу из уха матери; юноша малагасиец машет рукой...

— До вечера! И не забудьте — для вас есть сюрприз! — слышим последние слова, и катерок под зеленым тентом навсегда увозит нас с острова Нуси-Бе.

За безмятежно проведенный день следует расплата: покинув причал, попадаем на короткую высокую волну. Небо темнеет, со всех сторон, обгоняя друг друга, мчатся из-за островков тучи. Вскоре сетка дождя затягивает холмы. Уже постреливают по тенту, впиваются в воду тяжелые, как пули, капли. И хотя обыкновенно дождь гасит волны, сбивая с них гребешки, сегодня все происходит наоборот: чем сильнее барабанит сверху, тем ожесточеннее скачут барашки.

Форма нашей одежды «летняя», ведь отправлялись мы в путь ясным и жарким утром.

Истинное светопреобразование начинается, когда катерок минует дугообразную бухту, выходя из залива. Над самой головой тучи сводят счеты, клубятся зловещим водоворотом, громоздятся башнями воздушных замков. Фиолетово-черные чудища с растрепанными хвостами и шлейфами, сшибаясь, мечутся над океаном. Глаз уже приучен видеть волны с высоты многоэтажных палуб «Курчатова», сейчас смятенная вода и небо предстают в необычном ракурсе, странно смотреть на волны снизу вверх, рваные, пенистые их края перекрывают горизонт.

На единственном, оставшемся чистым лимонном клочке неба застыло одинокое храброе облачко, будто прилипло, прижалось к свету в ожидании удара летящих туч. Далекая земля из зеленой стала иссиня-черной. Из-за горизонта лезет царь-туча, стремясь как можно скорее перекрыть небо. Молнии, что посверкивали в отдалении, бьют ближе и ближе.

Катерок подпрыгивает и вновь зарывается в волны. Ветер, смешанный с дождем, пронизывает насквозь. По дощатому дну с хлопанием перекачивается вода. Одежда прилипла к телу, как кожа.

Вдалеке маячит корпус «Курчатова». От него отваливает бот. Встреча происходит в центре залива. Но только моторист сбрасывает ход, последняя устойчивость пропадает в мире — из стороны в сторону начинает мотаться небо, то с одного, то с другого борта тяжело шлепают волны. Друг против друга качаются бот и катерок с выключенными двигателями. Изловчившись, матрос-курчатовец длинным багром подтягивает бот к боту. Что дальше!?

Выбора нет, не ночевать же в заливе — хочешь жить, умей вертеться! Ах, какая была пересадка среди плюющихся пеной водяных бугров!

Первым, как и подобает мужчине, сложившись дугой и растопырив руки, уловив момент, совершает прыжок художник Алексеев. Наступает мой черед. С трудом отдираю побелевшие в суставах пальцы от скользкой, мокрой лавки и перемахиваю следом. Авоська из рафии рвется пополам, и стихии достаются прекрасные кокосовые орехи. Предоставляя последнюю возможность полюбоваться ими, волны подкидывают похожие на головы пловцов шары и уносят их в крошечный ад. Но это уже, право, не имеет значения.

Еще несколько секунд видим темное лицо моториста с Нуси-Бе, белую полоску зубов, лихо сдвинутую на затылок фуражку. Крепкие руки с трудом удерживают штурвал, и вот уже катерок под зеленой крышей, улегшись набок, исчезает в серых гребнях.

Курчатовский бот, лишенный даже тента, неуютен, открыт для всех невзгод. Какие там тропики! Заледенели руки, не попадает зуб на зуб, мокрую одежду продувает ветер. Взгляд невольно старается уловить в беснующемся месиве волн знакомые очертания корабля, и вот он, уже близко. Сверкают сигнальные огоньки, светлые глазки иллюминаторов и бортовых ламп пробивают водяную завесу, «Курчатов» кажется таким надежным, изливающим теплое сияние. И хотя свирепо скачущие волны заглатывают светлые блики, они текутчи текут, праздничным ореолом окружая судно...

Закладывая вираж, подходим к «Курчатову» с подветренной стороны. Алексеев утверждает, что надо говорить «с наветренной», но это мы обсудим в другой раз. Теперь высокий корпус судна прикрывает от ветра, из дырки лацпорта свисает мокрый, неудобный,

но родной, долгожданный трап. Чьи-то протянутые навстречу руки уже втаскивают меня внутрь. Мы дома.

Не зря считают, что капризы мадагаскарской погоды в любой момент могут превратить в испытание приятную морскую прогулку. Даже на плоских самоходных паромах, что регулярно утюжат залив, курсируя между островами, находиться в море в подобную погоду — небезопасное занятие.

В каюте извлекаем из сумки пакет с ничуть не пострадавшей веткой иланг-иланг. Тонкий, пряный аромат наполняет наше небольшое жилище.

Уж и не помню, где и когда довелось прочитать о североамериканских индейцах, что с помощью запахов... «фотографируют воспоминания», привязывая к поясам герметически закупоренные коробочки с сильно пахнущими веществами. Если спустя годы владелец запахов вдыхает какой-либо аромат из своих «запасов», запах восстанавливает в памяти пережитое.

«Иланг-иланг» — название звонкое, как две капельки воды, дурманяще близкое дыхание Мадагаскара.

Сюрприз по-малагасийски. Уходим с Нуси-Бе

Алексеев

Через пару часов на корабль прибывают гости. Гроза, отбушевав, ушла за горизонт, крупные промытые звезды висят на бархате неба, мерцают лучистым светом ярче огоньков Эльвиля.

На борт поднимаются сотрудники станции, нарядные, торжественные, шорты сменены на европейский костюм. Знакомятся с лабораториями, беседуют с учеными, а затем отправляются в кают-компанию, где их с почетом усаживают за капитанский стол.

Бархатным голосом спикер приглашает всех членов экспедиции прибыть на вечер-встречу с малагасийцами. Предстоит небольшой концерт, который экспромтом обещают устроить гости. В программе песни и танцы.

— Я знаю, кто будет петь, — сообщает Плахова, приводя себя в парадный вид, — твой натурщик, веселый паренек.

Не знаю, как это удастся, но предсказания ее всегда сбываются. В числе последних прибываем к месту сбора, зал полон. Уже поет, сопровождая песню оживленной мимикой, наш мальгаш своим приятным, чуть глуховатым голосом. Привычно аккомпанирует себе на гитаре, подсвистывает в такт мелодии. «Если африканцы все рождаются танцорами, то малагасийцы — певцами и поэтами».

Переводчиков предостаточно, одна за другой льются сочиненные самим автором песни... О немом юноше, юноше, который был

несчастен оттого, что не мог произнести имени своей любимой... О птице, поющей на рассвете... О человеке, оплакивающим любимую женщину... Песню о разлуке...

Напряженно лицо юноши. Упрямо нахмурены широкие брови, сосредоточен взгляд. Небрежно взлохмаченные смоляные кудри падают на лоб.

Зачем плакать.
Зачем обманывать,
Твоя песня, моя песня
Просто спой песню
И все будет хорошо...

Одна мелодия сменяет другую, каждая — импровизация.

Я успел переодеться в светлый, даже отглаженный костюм, жена моя высохла, из всклокоченных ветром волос соорудила прическу, сменила затертые брюки на нормальное платье — словом, выглядим вполне прилично. Именно этим обстоятельством можно объяснить, что гости, с которыми мы расстались на причале всего несколько часов назад, не узнают нас среди собравшихся.

Певец умолкает, делает долгую паузу и вопросительным взглядом обводит присутствующих, будто кого-то ищет. Оказывается, сейчас он будет петь песню, которую посвящает... Марии, это и есть заготовленный нам сюрприз.

Имя «Мария» усваивается всеми без перевода, взгляды обращаются к польщенной Плаховой. Мальгаш наконец-то узнает ее среди публики и радостно кивает, сияя лицом и глазами.

И в кают-компани «Курчатова» звучит протяжная, с повторами песня о том, как Мария и Борис были на прекрасном берегу Нуси-Бе. Предположение, что услышанные песни — плод импровизации, превращается в уверенность. Итак, они были на прекрасном берегу, но потом Мария скрылась (наверное, наблюдательный мой натурщик имеет в виду ее таинственное исчезновение, когда, стараясь не привлекать внимания, отправилась она окунуться в воды Индийского океана). И Борис стал искать Марию (или наоборот), а потом

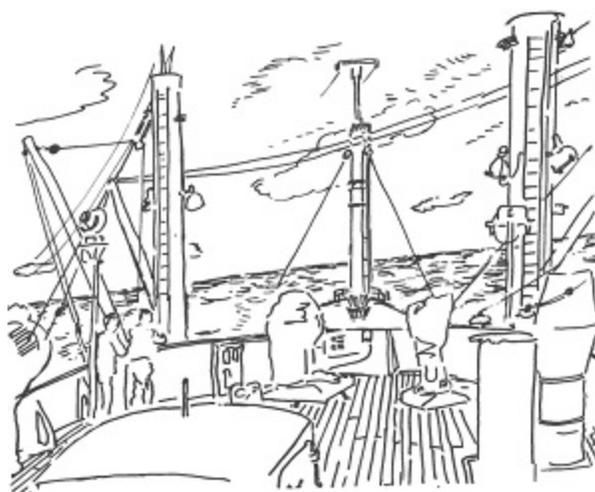
благополучно нашел ее (или она его)... Теперь Мария вернулась на свой белый корабль (а куда же ей еще деться!..).

Этот трогательный несложный сюжет встречает горячее одобрение публики, щедро награждающей исполнителя рукоплесканиями. Очевидно считая меня обойденным музой, певец пытается восстановить справедливость и втолковать аудитории, как хорошо Борис сделал его портрет. Крепкая коричневая рука очерчивает круги вокруг оживленного лица, завершая их жестом — поднятым большим пальцем как оценкой творческих возможностей художника.

Неутомимый юноша поет более часа, переходя от меланхолических песенок к задорным ритмам с гортанными выкриками. Очень выразительна песенка «О маленьком хулигане», которого все награждали тумачами и подзатыльниками, а «он просто был веселый мальчишка и очень любил людей».

Когда энергия и запал певца идут на убыль, организуется общий хор. Гости поют протяжную малагасийскую песню, курчатовцы невпопад и не очень дружно тянут припев. Лалау и Ханта танцуют, выйдя на небольшое свободное пространство между столиками, к ним присоединяется нарядная мадам Раулисон в модном вечернем туалете, в котором ей неизвестно как удалось добраться на катере.

Но вот беда: на ногах у женщин европейские босоножки, именуемые «платформами». Толстая, неудобная подошва сковывает движения маленьких ног, отнимая у танца природное изящество, лишь руки пластично вспархивают над головами.

Долго длятся танцы между привинченными к палубе столами и диванами.

Затихло стрекотание катерка, увозящего гостей. Аромат ветки иланг-иланг по-прежнему властвует в каюте. Держу в руках еще один прощальный подарок — плод дынного дерева — папайи. Ее считают целебной, а сок завязи — обладающим сильным бактерицидным действием. Сижу перекаत्याваю на ладони семечко папайи, похожее на икринку в чехле.

В открытый иллюминатор вливается свежее солоноватое дыхание океана. Сыплется в воду лунный блеск, по-малагасийски «луна» — «вахини» — «добрый гость».

И тут спохватываемся: мы так и не знаем имени моего натурщика, мальгаша-певца. Особенно сокрушается Плахова: как-никак он посвятил ей песню. Но поздно. Уже пошла вверх якорная цепь.

«Не ходить, опасно для жизни». Подшипник — не блоха

Плахова

«Курчатов» возвращается к «Рифту», оставленному на подходе к Нуси-Бе. Снова качает. Пытаюсь писать, но ветер рвет холст, капельки ложатся на палитру, не смешиваясь с красками. Корабль сопротивляется, напрягает силы, стремясь под правильным углом стать к волне. Задыхаясь от усердия, натужно стучат двигатели. Тусклый свет странного, желтовато-лимонного оттенка вырывает острые верхушки волн, не в силах проникнуть в глубокие ложбины. В такую погоду хочется лечь и лежать. Никто лучше Бальзака не сказал о качке: «Всем известно действие морской болезни: необъяснимое расстройство расслабляет все жизненные силы, душа как бы мертвоет, больной становится равнодушен ко всему на свете, мать забывает о ребенке, любовник перестает думать о возлюбленной, самый энергичный человек лежит безжизненным телом». Нет сил даже прихлопнуть громкоголового нахального комара, что несколько дней сосуществует с нами в каюте. Комары появились и у соседей. Как изловчилось хитрое племя кровососущих проникнуть через задранный иллюминатор, остается тайной. Алексеев утверждает, что комаров специально запускает доктор Луговской... в качестве предостережения, чтобы все исправно глотали делагил... И это последние слова, которые мне сегодня дано от него услышать: качка — дело серьезное.

Проходят сутки. С трудом бреду по шаткому коридору и с удивлением слышу: из каюты доносится частый, как удары дятла, стук. Плахова, не удосужившись выйти наружу, судит о погоде по увиденному в иллюминатор пейзажу: судно сползает в глубокие котловины, но нет белых гребней. Жена моя, не обнаружив пенных бурунов, считает, что все «в норме», и резво стучит на пишущей машинке. Вот те на!

— Пошла бы на воздух, проветрилась, подышала. А заодно загляни на бак и корму!

Не проходит и пяти минут, как она возвращается, явно удрученная обстановкой, и молча укладывается на койку. Что значит настроиться!

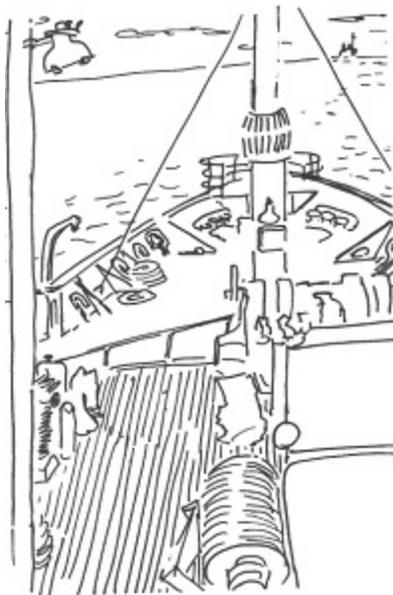
«Не ходить! Буксировка. Опасно для жизни», — предупреждает объявление. Корму перегородила растрепанная веревка. Влекомый двумя канатами, рыскает позади «Рифт». Еще 13 апреля, в ноль часов сорок пять минут, капитан «Рифта» обратился с просьбой отбуксировать судно на мелководье, где на глубине двадцати пяти метров в относительной безопасности машинная команда должна устранить аварию: в результате заводского дефекта разрушился опорный подшипник гребного вала, и «Рифт» потерял самостоятельный ход. Обычно подобный ремонт производится в условиях дока. Положение серьезное: из Мозамбикского пролива корабли должны выйти в открытый океан; к тому же район, где находимся, изобилует ловушками рифов и славится ураганами.

Отбуксировав «Рифт» в укрытие, с согласия его капитана «Курчатов» продолжил путь к Нуси-Бе, куда предстояло высадить Ги и Роже. Теперь, возвратившись к «Рифту», находим судно в том же состоянии: за прошедшие четверо суток команда не смогла устранить повреждение. «Рифт» взят на буксир — скорость «Курчатова» падает с шестнадцати до восьми узлов. И это чревато последствиями: уже назначено время захода на Маврикий, в Порт-Луи.

Капитан Касаткин — оптимист, он полагает, что общими усилиями будет найден выход. Механики наши во главе с главным садятся в бот и отбывают на «Рифт» для оказания помощи.

Все сильнее задувает юго-восточный пассат, заставляет нырять в укрытие. Плахова едва успевает поймать любимую шаль, что резво

метнулась с ее плеч в Индийский океан. Уже все небо покрыто торопливыми облаками, каждые восемь-десять минут прибывает высокая волна, норовя вытряхнуть душу из всего живого. Буксирные канаты уходят «в никуда», в тумане «Рифт» почти не виден. И снова на том же месте настигает нас гроза.

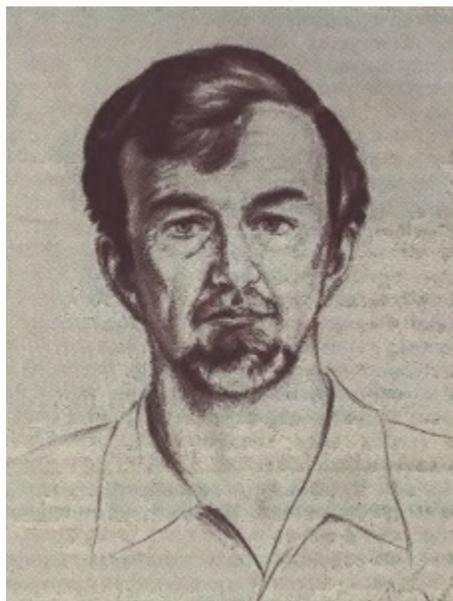
Редкое зрелище — гроза в океане. Железный корпус корабля кажется прицельной точкой для жаждущих излить грозную силу молний: ведь на тысячи миль вокруг целиться более не во что. Сначала оказывается стертым горизонт, черное и белое смешано в одну дымящуюся массу. Задраены иллюминаторы, зачехлены лебедки, все прячется, скрывается от стихии, лишь мачты храбро упираются в брюхо тучам, будто грозят небу белыми длинными пальцами. Пока еще молнии бьют в сторону, гроза играет с кораблем, бежит бок о бок, накрывая своей тенью. Слепящие ручьи текут с неба, подпаливают гребни волн холодным, пронзительным блеском.

А грома нет. Все ближе перемещаются белые зигзаги, центр грозы приближается. Не зря принято пить третий тост «за тех, кто в море».

И как стены огненного вала, сшибаясь, теряют силу, так и в небесной битве устремляются навстречу друг Другу две чудовищные тучи. Одна, чернильная, пухлая, набрякшая по краям, клубясь, лепит все новые объемы, другая попрозрачнее, поплотнее, но с грозными щупальцами лохмотьев. Пухлой приходится туго, плоская и жуткая

теснит, давит, гонит на край неба. Покряхтывая, постанывая, карабкается судно по краю бурлящего котлована, пробивая носом щель и разбрасывая фонтаны во все стороны.

Бедные рачки с Визарда перекачиваются в тазике, втянули клешни и ножки в домики-ракушки, а Машка и вовсе зарылась в песок.

Н. В. Парин

На корабле, вдалеке от привычной жизни, постигаешь прежде недоступное, смотришь на мир и людей другими глазами. В непогоду, в бесноватый шторм идет своим чередом работа, все трудятся, и поневоле не имеешь права чувствовать себя больным или несчастным. В такие минуты стоит призадуматься, откуда берутся у товарищей наших, людей часто немолодых, обремененных степенями и званиями, силы и стойкость, чтобы, покрывшись водяной пылью с головы до ног, стоять на вынесенном над океаном мостике, следя за уходящим тралом или страхуя от ударов о борт идущие в глубины приборы.

И не дай бог попасть впросак и произнести что-либо вроде: «Как трудно работать в такую погоду!» Посрамленный, получишь ответ: «А что особенного? Море есть море!»

Что же все-таки с «Рифтом»? В нетерпении ждем результатов: «скорая помощь» оказана, но как поведет себя «пациент»? Определить эффективность ремонта можно лишь на ходу. Маленький кораблик уже освобожден от «пуповины», связывающей его с «Курчатовым». Члены экспедиции высыпали на палубу. Сначала, обретя свободу, суденышко покорно клюет носом по высокой волне, затем... Дружное «ур-ра!» раздаётся с обеих кораблей, «Рифт» оживает, трогается с места и, набирая скорость, идет собственным ходом.

Подстраховывая своего товарища, еще часа три «Курчатов» пасет подопечного, малым ходом следуя позади, наблюдает, как ведет себя отремонтированный в необычных условиях двигатель.

Но недаром русский умелец изловчился подковать блоху — подшипник не блоха, более тонны весом, можно рассмотреть и без лупы. Убедившись, что все в порядке, «Курчатов» оглашает океан низким гудком и, нагоняя потерянное время, уходит вперед, держа курс на остров Маврикий.

Тот самый, о котором Марк Твен сказал: «Бог создал сначала Маврикий, а потом по образу и подобию его создал рай!»

Курс на Маврикий. «Заходи-ка, Коля, вечерком в мастерскую...» Веселый Роджерс

Плахова

От Мадагаскара до Маврикия прямого пути по океану тысяча сто километров. Погода не улучшается. И хотя Анри Матисс сказал: «Больше всего я делаю, когда ничего не делаю», я заставляю себя работать, выбирая дело «по обстановке».

В конференц-зале знакомимся с материалом о Маврикии. Буквы мельтешат, вызывая головную боль, а книги норовят уползти со стола.

Маврикий — остров вулканического происхождения, сложенный базальтами, доломитами и туфами, с естественной гаванью, хорошо защищенной от ветров. Расположен в южной части Индийского океана в группе Маскаренских островов; в центре его находится плато высотой до шестисот метров, на востоке — неширокая полоса равнин. С января по март включительно дуют ураганные ветры.

Основой экономики является сахарная промышленность; есть парламент, хотя формально главой государства считается английская королева.

Из девятист девяноста тысяч жителей этого острова можно встретить людей, не понимающих ни английского, ни французского, а говорящих на креольском языке, а дома, в семье — также на хинди,

урду, маратхи, тамильском или других индийских языках либо на китайских диалектах. Более четверти населения страны составляют потомки африканцев и малагасийцев, на Маврикии их называют креолами.

Чарлз Дарвин, посетивший Маврикий в 1836 году, был крайне удивлен, встретив здесь индийских каторжников, на всем острове их насчитывалось до восьмисот человек. «До того как я увидел этих людей, — писал он, — я и представить себе не мог, что у жителей Индии столь благородная внешность. У них очень темный цвет кожи, а у многих пожилых людей — длинные белоснежные бороды, которые в сочетании с горящим взором придавали их облику чрезвычайное достоинство. Многих из них сослали сюда за убийство и прочие тяжкие преступления... Некоторые, например, были сосланы за то, что вследствие побудительных мотивов своего суеверия они совершали действия, противоречащие английским законам. Это люди в большинстве своем тихие и ведут себя примерно».

— Я не могу читать в такую качку, — сообщает Алексеев.

Но мы не зря находимся в среде ученых. Качка — понятие обывательское. Выразиться на этом корабле следует научно: не «качка», а «колебательные движения плавающего судна, происходящие под воздействием внешних сил. При систематически происходящих воздействиях колебания повторяются непрерывно».

— Вот именно! Сейчас как раз такой случай!

— Ничего подобного, вполне терпимо. Колебательные движения различаются и классифицируются как боковые, бортовые, килевые, вертикальные...

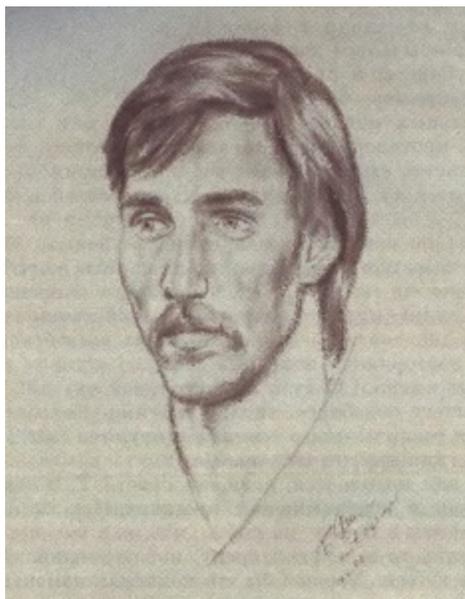
— А как называется, если все сразу? Там написано?

И вояж в конференц-зал заканчивается бесславным возвращением в каюту, на койки, что, как качели, влекут то в правую, то в левую сторону, нет сомнений: океан — колыбель жизни. Хорошо бы эта колыбель поменьше раскачивалась...

На другой день погода улучшается, океан тих и приветлив, нежными, изумрудными оттенками светится вода возле борта, плотной синевой наливаются дали. Даже белые, находящиеся в тени предметы кажутся голубыми. Работаем на палубах.

— А мой портрет нарисовать сможете?

Обычный вопрос. Задает его Алексееву матрос Антоненко, самый молодой член экипажа, 1961 года рождения. Это его первый океанский рейс. У Николая светло-серые прозрачные глаза, русые волосы с рыжинкой, не иначе как для солидности отпущены усы. Родился в Клинцах, под городом Брянском, ни морей вблизи, ни океанов.

Матрос Н. Антоненко

— Николай, как вы в океан попали?

— Был у меня друг, подался он в Ленинград, в школу-мореходку, ну и я за ним. Ходил на судах по Волго-Балту, на сухогрузах по Ладоге, был на Балтфлоте в морской пехоте рулевым сигнальщиком. Хотелось, конечно, в большой океан выйти. На «Курчатове» люди интересные, что ни спросишь — расскажут.

Вот я и вас спросить хочу: в Нуси-Бе вы женщину на причале рисовали. А зачем? Чтобы просто похожа была?

Вопрос адресован Алексееву — именно он рисовал малагасийку. Стройное тело задрапировано искусными складками, несет на голове поклажу, не сгибая торса, не меняя осанки.

— Э-э, нет, — вдохновляется Алексей. (Приятно сеять разумное, доброе, вечное...). — Нет, «похожа» — это не главное. Вот Матисс

(Матисс — его любимый художник)... Матисс подчеркивал, что картина — это предмет, созданный художником. «Я создаю не женщину, а картину», — говорил этот великий мастер. К картине нельзя подходить как к двойнику модели, нужно постигать внутреннюю сущность явлений. При этом картина должна быть целостной, быть выстроена таким образом, чтобы к ней ничего нельзя было прибавить или отнять от нее без ущерба для ее красоты. Понимаешь, если...

Николай честно старается понять творческую концепцию Матисса. Художнику Алексееву приходится перейти на более ясный язык:

— Ну, как бы это объяснить. Давай загибай пальцы. Женщина несет на голове поклажу, несет, как пушинку, — молодая, цветущая, как все вокруг... А теперь посмотрим иначе — увидим землю, по которой идти и идти, подвижную тень, что следует по пятам, почувствуем тяжесть ноши... Это ведь уже другой рассказ, верно? А может, тяжела ли поклажа и далек ли путь, и не важно совсем? Важно, какой узор на шали, какова прическа, что за браслеты на руках — это просто зарисовка будет, этнографическая информация, и только.

Художник должен решить цвет картины — в данном случае я имею в виду изображение на холсте: не зря бытует выражение «краски — это мысль». Известно, что Немирович-Данченко в процессе работы над спектаклем обычно задавал сценографу вопрос: «А какого цвета эта картина?» Делакруа утверждал, что «цвет ничто сам по себе, если он не соответствует сюжету и не усиливает воздействие картины на воображение». Кстати, та женщина, малагасийка, несла корзину с фруктами, ты заметил? Так вот, можно и на них главное внимание сосредоточить, передать сочность плодов. И будет не о человеке рассказ — о фруктах, «натюрморт», дары тропической земли.

Если я, художник, любясь женщиной, передам красоту лица, притененного ношей, цветное гармоничное пятно шали, лиловые тени на смуглой шее и сгибе руки, как идет легко, на фоне синего неба... Возьму сияющие краски...

— А если нет сияющих красок? — интересуется Николай. — Если только черный карандаш?

— Тогда присмотрюсь, постараюсь запомнить, сделаю набросок карандашом, чтобы не забыть. Или просто запишу себе: «Мал. шаль

лил. зем. св. сл.», а потом вспомню: малиновая шаль, лиловая земля, свет слева... И буду работать по памяти, без модели.

— А-а! — вежливо кивает Николай. — Но вы на мой вопрос ответьте: трудно рисовать научиться? Вы знаете, я освоил подводную съемку, очень красиво под водой, рыбы тебя с расстояния в полметра как своего рассматривают, не боятся. Думаю, нет ничего красивее коралловых рифов. Вот бы нарисовать! Научиться рисовать можно?

Как ответить на этот вопрос? Анри Матисс, прирожденный живописец, в юности и не помышлял об искусстве. Когда, занимаясь правом, впервые посетил Париж и прожил там год, так и не удосужился заглянуть в Лувр. Лишь в двадцать лет задумался о живописи.

А признанный лучшим английским стилистом писатель Джозеф Конрад? Родился в России, в городке Бердичеве, был юристом. Изучать английский язык начал после двадцати лет.

— Ты какого года рождения, Николай?

— Да я вам уже говорил, шестьдесят первого...

Удивителен механизм человеческих реакций. Говорят, жесткое «нет» лучше неопределенного «да», но кто знает, кто знает...

— Заходи-ка, Коля, вечером в мастерскую...

Как маленькая планета, излучая свет, движется по своей орбите корабль, чудо-дом, сам выбирающий дорогу. Пятиэтажный институт плывет под синим шелком небес. Щелкают тумблеры вычислительных машин, шелестят книги, скользит между этажами грузовой лифт, работает телефонная станция. Валя Пелевина жарит к ужину котлеты или выпекает душистый хлеб, а в лабораториях довертывают линзы микроскопов, вычерчивают карты, считают, паяют, думают, забывая, что под ногами непознанная бездна.

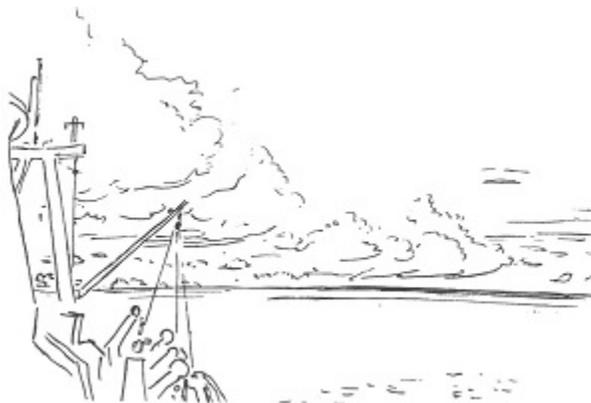
И решительно никто, кроме тех, чьи руки делают большое дело, не знает порой, каких титанических усилий это стоит.

Алексеев

После захода в Нуси-Бе на корабле появляется еще один пассажир, не предусмотренный судовой ролью.

У Бельковича странная ноша в руках: что-то упругое слабо ворочается в целлофановом пакете.

— Он плохо переносит быстрое движение, приходится носить его «в упаковке», чтобы ничего не мелькало, — делится новыми заботами Всеволод Михайлович, освобождая затворника.

Тана, так зовут на Мадагаскаре хамелеонов, уже наречен Веселым Роджерсом. Роджерс скручивает спиралью длинный тонкий хвост, пристраивается поудобнее, складывая лапки так, будто они не имеют костяка, затем взбирается на плечо Бельковича; два сросшихся пальца хамелеона, приспособленные для хватания, противопоставлены трем другим. Отдельные виды хамелеонов могут достигать метровой длины. Роджерс сравнительно невелик — сантиметров пятнадцать.

Сжатое с боков тельце, короткая шея и удивительная головка с глазами, что беспрепятственно поворачиваются во все стороны. Природа обделила его зубами, наградив чудесным языком. Чтобы поймать насекомое, хамелеон может часами неподвижно ожидать добычу, а затем с быстротой молнии выбросить клейкий язык, равный длине тела с хвостом в придачу.

— На Мадагаскаре до тридцати видов этих животных, испокон веку относятся к ним люди как к исключению из правил. На Великом острове есть даже поговорка: «Будьте как хамелеоны, смотрите одним глазом вперед, а другим — назад», — говорит Белькович.

Но Веселому Роджерсу не к чему прицеливаться и выбрасывать язык. Вокруг простирается океан, лишенный мошек и мушек. Поневоле приходится питаться кусочками сырого мяса, которые кладут ему прямо в рот. Удобно устроившись на плече человека, маленькое

существо сосредоточенно вращает выпуклыми глазками, каждым в свою сторону, под плотными веками крохотное отверстие зрачка. Надеемся, что Роджерс проявит способность, сделавшую его героем многочисленных легенд, — изменит окраску.

— Они меняют цвет лишь в состоянии сильного возбуждения или испуга, — сообщает Белькович, который знает все не только о дельфинах.

Возможно, хамелеону надоедает пристальное к нему внимание, а может быть, из врожденной вежливости, но он из серовато-коричневого становится ярко-желтым и грустно вращает левым глазом, вспоминая Мадагаскар.

«К хамелеонам я питаю особую слабость, самые нежные чувства», — писала о своем трехрогом Джексоне известная исследовательница Африки Джой Адамсон. Теперь и Всеволоду Михайловичу будет кого любить на корабле — не тащить же на судно живого дельфина.

Издавна животные и птицы были добрыми попутчиками людей в их океанских странствиях. Ветеран папирусного флота — обезьянка Сафи участвовала в плаваниях в компании с голубем Юби. Зеленый попугай плыл на бальсовом плоту «Кон-Тики». Увы, судьба не была к нему благосклонна: волна смыла птицу за борт. В щели на корме жил ручной краб Юханнес и покинул плот лишь во время крушения на рифе Рароиа. Подобных примеров множество.

Так, моряк Эрик де Бишоп и его четыре спутника, отправляясь в путь на бамбуковом плоту от Таити к берегам Южной Америки, имели в качестве пассажиров трех котят и поросенка. Спасая котят, что попеременно ухитрялись падать в воду, члены экипажа отважно бросались в океан, невзирая на мелькавшие вблизи акульки плавники. Поросенок, названный Панчитой, за долгое плавание превратился в крупную свинью, любимица получала не объедки с общего стола, а была поставлена на довольствие наравне с остальными членами экипажа.

В тяжелые времена у голодающих моряков не поднялась рука на Панчиту. Известно, что она, как и прочие пассажиры бамбукового плота, была погружена на спасший экспедицию фрегат.

Сколько имен у Маврикия. Первый день в Порт-Луи. Илуа

19 апреля, в 16.25, ошвартовались левым бортом к причалу № 1 порта Порт-Луи, Маврикий.

Из дневника экспедиции.

Плахова

Много или мало — двухмесячный путь в океане? Посветлела, выгорела пришипленная к стенке каюты карта. Не в первый раз измеряем просторы Вселенной с помощью линейки, вычисляя путь сантиметрами. Теперь изломанная линия маршрута вплотную приблизилась к южной точке, конечному пункту экспедиции — острову Маврикий, крохотному пятнышку на карте в юго-западной части Индийского океана, в группе Маскаренских островов.

По традиции на корабле транслируется передача о предстоящем заходе: «На острове живет почти миллион человек — это один из самых густонаселенных сельскохозяйственных районов земного шара. До сих пор остается неизвестным, кто именно открыл Маврикий и другие острова Маскаренского архипелага, однако существует мнение, что они были хорошо известны средневековым арабским мореплавателям. 12 марта 1968 года Маврикий стал независимым, страна получила в наследство от колонизаторов пятьдесят тысяч

безработных, а это почти каждый четвертый трудоспособный житель...»

Судьба не обделила Маврикий обилием названий. На первых португальских картах он значится как Дина-Ароби, затем — Иль-де-Серне (Лебединый остров). В 1598 году первые голландские поселенцы под командованием адмирала Варвика в честь принца Нидерландов Мориса Оранского поименовали остров Мавриkiem.

— Так сколько имен у Маврикия?

— Гибралтар Востока, Мальта Индийского океана, Осколок Франции, Звезда и ключ Индийского океана...

Запасая пресную воду и продовольствие, морские разбойники беспрепятственно заходили на Маврикий, но богатейшие леса с произрастающим в них черным деревом, непуганые птицы и гигантские черепахи привлекали не только пиратов: у берегов все чаще стали бросать якоря европейские корабли, направляясь в Восточную Индию. Маврикий лежал на пути английских, французских и датских судов, плывших к своим колониям. Когда же пираты стали серьезной угрозой для торговли между Ост-Индией и Европой, французы решили аннексировать Маврикий.

В сентябре 1715 года французское военное судно вошло в естественную гавань острова, названную еще голландцами Мелукесенрееде, что означало «Черепаший рейд». Был поднят французский флаг, и Маврикий получил название Иль-де-Франс.

Шло время. Уже был построен порт и город Норд-Вестер-Хавен, переименованный впоследствии в честь французского короля в Порт-Луи. Остров Иль-де-Франс становился важной опорной базой; именно здесь впервые в истории Франция победила Англию.

Однако торжество французов было преждевременным: в ответ на поражение англичане собрали силы возле острова Родригес (что лежит в шестистах километрах к востоку от Маврикия), и в ноябре 1810 года французам пришлось капитулировать.

Иль-де-Франсу было возвращено старое, голландское название: Маврикий опять стал Маврикием.

С океана райский остров — лишь нагромождение гор, скал, глыб, увенчанных остриями высоких, «как шеломаи воинов», пиков. На острых гранях повисли, зацепившись, легкие облачка. В хаосе видятся глазу очертания птиц, зверей — созданные буйной фантазией вулкана чудища и химеры.

Пока, с расстояния, его еще можно охватить взглядом. Общий силуэт похож на двурогий, брошенный в океан на спинку полумесяц.

Медленно приближается «Курчатов» к Порт-Луи. Все выше встает из вод земля. Грозный хребет выгибается, упираясь основанием в пологие равнины, укрытые темно-зеленой смушкой лесов и зеленым одеялом плантаций. Обрамленная изумрудной дугой океана, с искорками прибоя у черты рифов, лежит полоса коралловых пляжей.

На мачте поднят национальный флаг Маврикия: красно-синие и желто-зеленые полосы. Синий цвет символизирует океан, зеленый — обилие растительности (и прежде всего сахарного тростника), желтый — цвет солнца, красный — кровь, пролитую за свободу. После ста пятидесяти восьми лет английского правления, в марте 1968 года, Маврикий был провозглашен независимым государством.

Лоцман уже провел корабль среди рифов. Входим в большую бухту. Безликий берег превращается в город, видны белые коробочки зданий, пакгаузы, величественная колоннада королевских пальм на бульваре набережной.

«Курчатов» швартуется к причалу неподалеку от нефтяных резервуаров и складских помещений, в воздухе разлит острый, аммиачный запах сахара.

Короткая процедура досмотра — и вот уже поскрипывает парадный трап, под ногами сухой и теплый бетон пирса.

За узорчатой решеткой, ограждающей порт и таможду, бурлит незнакомый город. Еще несколько шагов — и створки кованых ворот распахиваются, выпуская нас на пеструю и шумную площадь города Порт-Луи.

«...Меня дразнит земля... Океаны ее огромны, острова бесчисленны и масса таинственных, смертельно любопытных уголков», — писал удивительный фантазер Александр Грин, человек, никогда не покидавший Россию. Зурбаган, Лисе или Гель-Гью — какая разница, придуманный неистовым мечтателем из Вятки, экзотический город перед нами. «...Интернациональный, разноязычный, он определенно напоминал бродягу, решившего наконец погрузиться в дебри оседлости... Все завалено густой тропической зеленью, в веерообразной тени которой блестят детские пламенные глаза...»

Придуманные им земли существуют наяву: все кажется знакомым — острый запах моря, танцующие верхушки мачт, грохот матросских ботинок по мостовой, даже свора портовых отоцалых псов.

Удивительное чувство испытываешь, ступая на никогда не виданные земли. Не выбирая маршрута, движемся, затянутые пестрым водоворотом толпы. Текут мимо белые тюрбаны, яркие повязки, нежными мазками вспыхивают сари, майки, парео, джинсы (шорты на Маврикии не в почете).

Касаются друг друга руки и плечи, шелестят покрывала, людские ручейки обтекают гигантское дерево с резными крупными листьями. Под его шатром сбились передвижные лотки, к багажникам велосипедов прикручены «прилавки», босые продавцы торгуют восточными сладостями — на подносах засахаренное, запеченное, тягучее, как патока, сдобренное ароматическими специями... Источают прохладу свернутые фунтиком льдинки мороженого, высятся груды плодов, самый экзотичный фрукт — яблоко.

Приобретаем связку бананов, курчавый маврикиец сам выбирает янтарные, с душистой кожицей гроздь, именуемые здесь «королевскими бананами», с тающей во рту мякотью. На Маврикии бананы употребляют в любом виде — свежие и сушеные, жареные, вареные, консервированные. Тупоносые и ароматные — если хочешь отведать сладкого, вяжущие — для утоления жажды.

Черная брусчатка до блеска отполирована ногами, опавшие лепестки, конфетные бумажки, золотая кожура плодов превращают ее в пестрый ковер. Неподалеку городской рынок, что более пятнадцати лет существует рядом с гаванью. Муниципалитет города Порт-Луи неоднократно принимал решение упорядочить торговлю, снести тесные ряды, построив крытое современное здание. Однако предложение это встречает отпор со стороны торговцев и

туристических компаний: в программу экскурсионных маршрутов входит посещение экзотического рынка.

В торговых рядах жмутся друг к другу ларьки, теснота выталкивает продавцов с товарами на проезжую часть.

В мешках, ящиках и плетеных корзинках зеленеет, желтеет, розовеет все съедобное, возвращенное на тропической земле. Торгуют акульими плавниками, ладаном, «ласточкиными гнездами», кораллами и раковинами. Рядом — цветные репродукции, сувениры — плетеные, пиленые, инкрустированные, припорошенные блестками. Кольшутся на вешалках рубахи, блузы и платья. Над открытыми мясными рядами, зависнув тучей, гудят насекомые, позвякивают на весах гири.

Рябит в глазах от чередования светлых и темных пятен, базар похож на театральное действо...

За полным преуспевающим китайцем, утонувшим в синем широкополом халате, семенит, с трудом толкая тележку с товаром, худенький мальчишка, почти скрытый за грудой циновок. Прижался спиной к стене изможденный старик, протянул в руке одну-единственную крупную раковину, а рядом прекрасный, как молодой бог, юный маврикиец торгует изображениями индуистских божеств.

Перебираешь альбом, десятки беглых набросков, зарисовок и встанут за ними выхваченные из глубины толпы лица. Их уже не спутаешь ни с кем, то, что упустил сегодня, не встретишь никогда больше...

— Видишь ковшик?

Над высокой корзиной, заполненной рисом, снует продолговатый полированный ковшик, дымящейся белой струйкой стекает зерно в сумку покупательницы. Черпачок-ковшик — не что иное, как половинка сейшельского «коко де мер». Теперь, когда загадка умерла вместе с верой в его чудодейственные свойства, твердая оболочка ореха охотно используется для поделок.

Посетившие Маврикий неоднократно подчеркивали его сохранившийся со времен первых колонистов французский облик. Сегодня Порт-Луи являет удивительное смешение экзотики с типично европейской архитектурой, характерной для времен Людовика XIV. Минареты, купола буддийских храмов, многоярусные китайские пагоды, мини-дворцы, католические соборы. Прекрасно распланированные, изобилующие памятниками парки и беспорядочное нагромождение тесных, убегающих к окраинам улочек. Что касается памятников, только краткий перечень мраморных и бронзовых статуй, барельефов и горельефов в маврикийском проспекте занимает более четырех страниц.

В один из соборов с перешагнувшей океаны традиционной каменной «розой» над входом попадаем во время службы. Под прохладными готическими сводами мягко резонируют звуки органа. Пронизанные экваториальным солнцем, пылают витражи. Стулья с высокими резными спинками пустуют: прихожан маловато — несколько молодых, судя по всему, супружеских пар, старики и старухи.

Юная креолка в пышном платье, с цветком в темных волосах тихо поднимается с места и, сделав книксен в сторону алтаря, спешит к

выходу, постукивая острыми каблучками. В обрамлении массивных рам смотрят со стен святые. Картины рассчитаны на углубленное созерцание, святые изображены фронтально, в состоянии аскетического покоя, в торжественном сочетании золотого и алого... Темные лики с плотно замкнутыми ртами и затемненными глазницами кажутся исполненными укоризны, а голос пастыря, усиленный динамиком, проникает во все поры каменного здания — увещевает, укоряет, требует...

Рядом с собором над крышами Порт-Луи вознесена золотая луковка минарета. С высоты опоясавшего ее балкона тоже слышится голос служителя, но напрасно ищет его взгляд: слугу Аллаха заменяет вынесенная на балкон радиоаппаратура...

На перенаселенном острове коренным жителям трудно найти работу, но особенно тяжело живется пришельцам с других островов, в частности с острова Диего-Гарсия. Еще до выхода в рейс калининградец, доктор географических наук Владимир Литвин поведал нам о своем участии несколько лет назад в экспедиции в южную часть Индийского океана с заходом на Диего-Гарсия.

— Это был прекрасный, удивительно созданный природой остров. Ширина его не превышает пятнадцати миль, а наивысшая точка над океаном — двадцати футов. Казалось, пальмовые рощи встают из океанской воды. Помню, мы высадились тогда на чистейший коралловый песок. У берегов атолла было вдоволь всякой рыбы, кокосовые пальмы поили и кормили островитян.

В начале шестидесятых годов Пентагон принял решение создать на Диего-Гарсия военную базу, превратив остров в «непотопляемый авианосец». Англии было обещано уплатить за остров ракетами «Поларис». И хотя Декларация ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 года запрещает расчленение какой-либо территории до того, как она станет суверенным государством, Англия отторгла у Маврикия архипелаг Чагос, в который входит атолл Диего-Гарсия.

С пятнадцатимильного атолла насильственно вывезли островитян, сотни семей были погружены на суда и отправлены на Маврикий. Здесь, на Маврикий, бывших жителей атолла Диего-Гарсия называют «илуа», от французского слово «иль» — «остров».

Стоим на окраине Порт-Луи, где ютятся изгнанники. Ветерок с океана гонит мусор, обрывки газет, пустыми отверстиями вместо окон смотрят лачуги, сколоченные из ящичков и даже картонной тары: на Маврикии трудно с жильем, надежды перейти из лачуг в дома пока никакой.

Нет работы, нет свободных земель, нет лодок, чтобы ловить рыбу. Не было и пособия по безработице, оно введено лишь недавно. Люди готовят пищу под открытым небом. На двух закопченных камнях пристроен котелок, кружатся в вареве мелко нарезанные листья. Толпой сгрудились дети, жадно следят, как тонкой струйкой льется содержимое консервной банки в кипящую воду. И долго ходит опустевшая жестянка по рукам ребятишек.

Суждено ли всем им возвратиться на родной остров? Едва ли: атолл Диего-Гарсия превращен в базу «сил быстрого развертывания».

Не чайки — железные птицы кричат над лазурной лагуной,
Не видно игривых дельфинов,
Стальные чудовища плещутся там,
И черепахи слезы роняют на серый бетон, выйдя из моря.
Нет здесь песка, чтобы строить им гнезда...
Изгнаны мы на далекий Маврикий,
И сердце тоска разрывает по родине милой...

Так писал маврикийский поэт.

Памятный день. Под горными пиками. Нескромный торговец и священное озеро

Алексеев

Сегодня 22 апреля. Памятный день застает нас на краю света. Работники посольства Советского Союза на Маврикии приглашают курчатовцев принять участие в торжественной церемонии возложения венков к памятнику Владимиру Ильичу Ленину. В городском парке Порт-Луи, на берегу океана, под величественными опахалами пальм, установлен бюст Владимира Ильича. Длинная вереница людей, смуглых, белокожих и темнокожих, несет к подножию постамента нежные и яркие тропические цветы. Вскоре на черном «кадиллаке» в сопровождении эскорта мотоциклистов приезжает Анируд Джагнот, премьер-министр Государства Маврикий. Произнесены речи, возложены венки, на ковре газона начинается импровизированный концерт.

Дети, маленькие полиглоты, декламируют и поют на русском, французском и английском языках. Иногда, волнуясь, «артисты» умолкают, и тогда в паузах слышно, как дышит рядом океан. Девчушка с беленьким хвостиком-косичкой, горячими глазами и восточной смуглотой кожи (на острове есть несколько русско-маврикийских

семей) запнулась на полуслове, метнула к матери вопросительный взгляд. Молодая, тоже взволнованная мама спешит на помощь, и концерт входит в прежнее русло. Дети поют и декламируют о том, что хотят вырасти такими, как Ленин.

После окончания торжественной церемонии к нам подходит Николай Александрович Панков, посол СССР на Маврикии, благодарит за подаренную ему при встрече нашу книгу об Океании.

— Вы знаете, я ее почти за ночь прочитал. О Маврикии писать не собираетесь? Рисовать здесь будете?

Плахова ориентируется мгновенно. Она устремляет на Николая Александровича невинный взгляд, и голос ее звучит обреченно и грустно:

— О-о! Мы бы очень хотели сделать зарисовки, но ведь корабль стоит так недолго, успеем ли мы увидеть Маврикий?

— Ну, это не проблема, попробуем вам помочь, — говорит посол, знакомя нас с одним из сотрудников посольства, высоким, представительным мужчиной, который любезно соглашается показать нам Маврикий.

По непривычной, левой стороне многорядного шоссе отправляемся в путь. Широкая разделительная полоса в нарядном кружеве цветущей бугенвиллеи — лимонно-желтые и пунцовые кусты сливаются сплошной гирляндой. Вскоре завязывается непринужденный разговор о преимуществах и минусах левостороннего движения. Плахова интересуется, трудно ли привыкшим к правой стороне перейти к движению «наоборот».

— Конечно, порой ловишь себя на желании переместиться на привычную, правую сторону, особенно при сложной ситуации на трассе. Но через несколько дней реакция становится стабильной.

Автомобилисты быстро находят общий язык. А я молчу.

— На Маврикии, прежде чем выйти на трассу, даже опытный, но приученный к другой системе движения водитель обязан пройти предварительную практику. Сейчас я покажу вам панораму Порт-Луи с высоты, — говорит наш спутник.

Машина уже свернула с основного шоссе, урча, устремляется вверх, к похожей на рог вершине, где маячит метеостанция, та самая, что с корабля казалась крохотной черточкой в поднебесье.

— Сейчас начнется узкая, очень крутая дорога, — вежливо предупреждает водитель. — Женщины не любят сюда ездить, плохо переносят подъем. А вы как себя чувствуете?

Право, худший вопрос нельзя задать Плаховой, она «заводится с полуоборота», если дело касается ее взаимоотношений с машинами и дорогами...

— Я? Нормально чувствую! И не по таким дорогам ездим. Как-никак мастерская наша находится на Кавказе. Вам знакомы кавказские дороги?

Никто не пытается оспаривать крутизну кавказских дорог, но темп уже набран.

— Нас таким подъемом не удивить, — продолжает она, попеременно заваливаясь на виражах справа налево и наоборот. Меня так просто бросает на заднем сиденье от стенки к стенке, в то время как машина, не теряя скорости, плавно выворачивается в петлях. Острые, как иглы, вершушки скал совсем близко. Последний разворот, и мы оказываемся на небольшой площадке, рядом с ретрансляционной вышкой и метеостанцией. Дальше дороги нет, разве что в небеса. Стоим будто на сгибе огромной карты, видим одновременно северную и южную части острова. Крутые, с выжженной травой склоны, в землю вплавлены вулканические глыбы. Сбегают по обрыву блеклые жирные агавы, выбрасывают голубые лезвия листьев.

Открывается величественная панорама. Порт-Луи лежит внизу, как на ладони, аккуратным, хорошо спланированным макетом. Неяркие синевато-зеленые дали подчеркивают звучание розово-золотистых, рассыпанных кубиками домов. Насыщенный светом воздух смягчает контуры, теплыми рефlekсами подкрашивая рисунок улиц. Прямая лента шоссе Нейшн-роуд соединяет северную часть города с центром, где шпили готических соборов соседствуют со стрелой минарета.

— А что за развалины в северной части?

— Это старая крепость, вернее, ее остатки. Говорят, существует и подземный потайной ход, соединяющий ее с городом.

Маврикий не так велик — всего две тысячи квадратных километров в обрамлении серебристой массы океана. Прибой бросает белоснежную гриву на рифы — кольцо их разорвано лишь у входа в гавань. Синим языком тянется она к городу, испещренная точками суденышек, пятнышками кораблей. Белой полоской кажется отсюда «Курчатов».

— Раньше здесь находился пост, контролировавший подход к острову со стороны океана, — рассказывает наш спутник. — Отсюда велись постоянные наблюдения. С этой точки океан просматривается на огромные расстояния, и дозорные подавали сигнал опасности. Даже если острову угрожало цунами, жители успевали уйти в горы.

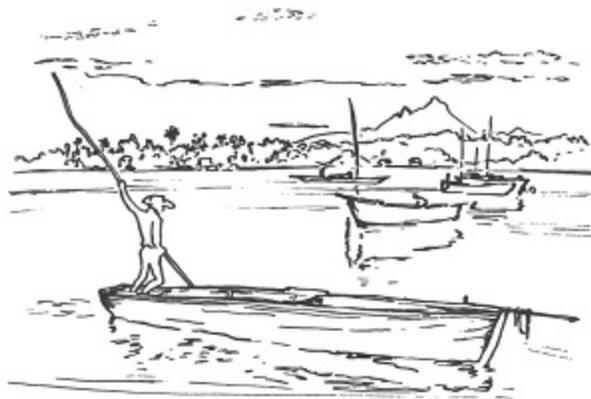
Обратите внимание на достопримечательность Маврикия — горные пики. Когда англичане завладели островом, они любили повторять, что уйдут с Маврикия не раньше, чем упадет вон та каменная шапка...

Действительно, удивительная форма стрелчатых пиков являет сейчас фантастическую картину, будто остроконечные башни замков ввинчиваются в небо. Зацепившись за скалы, легкой паутинкой висят облачка, по ущельям бродят прозрачные фиолетовые тени. Дремлющие равнины, устрашающие острия горных пиков, сиреневые тени облаков, еще не пойманных западнями ущелий, — таков Маврикий. «Остров достаточно красивый, чтобы умереть на нем», — сказал многое повидавший на своем веку Марк Твен.

Опять свист воздуха, шелест крышек, стрелка спидометра устойчиво подрагивает на отметке «140». Все шире разворачивается зеленая долина. Бесплотными силуэтами рисуются за спиной горы, и странно, что совсем недавно находились мы на этой утонувшей в облаках высоте.

Шоссе не загружено, изредка на противоположной полосе проплывают длинные фургоны да на бешеной скорости проносятся мотоциклы дорожной полиции. Серомышиная форма, массивные ботинки с черными обмотками до колен, широкие светлые нарукавники. Белые, круглые, как яйцо, каски с черными буквами «полиция» низко надвинуты на лоб.

— Я знаю, почему выбрана такая форма, — подключается Плахова. — Ведь серый наряд — нечто чужеродное в буйстве красок и потому сразу бросается в глаза!

Пять тысяч полицейских Маврикия именуются «мобильными силами для поддержания внутреннего порядка» и вместе с дорожной полицией заменяют армию, ибо на острове ее, как таковой, нет.

Рассказывают, что самая крупная кража века — ограбление банка — забыта за давностью. Однако, по иронии судьбы, после долгих лет благоденствия в Порт-Луи снова происходит ограбление банка как раз в день прихода «Курчатова» и «Рифта»!

Шоссе уже вырвалось к океану, подобно искусственному сооружению, аккуратной дугой обрамляют берег рифы. Три яруса наступают на остров прибой. Сначала, ударившись грудью о колонию кораллов, взметается пенными фонтанами и, переплеснув через преграду, не теряя энергии, катит дальше, чтобы удариться о новый заслон. Преодолев и этот, обессилевший вал кружевом растекается по пляжу. Какая кисть способна передать ускользающий от взгляда бег, даже штриху не уловить стремительное движение!

Огибаем мыс, увенчанный высоким валуном, очертаниями похожим на человеческую голову.

Если верить легендам, происхождение этой неизвестно откуда взявшейся глыбы весьма любопытно. Говорят, что прекрасные девушки облюбовали укромный уголок пляжа и часто приходили сюда купаться. Однажды нескромный торговец решил подсмотреть за ними и заранее спрятался за лежащий на песке валун. Лишь только стыдливые купальщицы вошли в воду, он, не вытерпев, высунулся из-за укрытия... и был превращен в камень.

Вскоре пляж вместе с наказанным торговцем остаются позади, машина круто сворачивает к холмам...

— Я очень люблю приезжать в эту часть острова, пейзаж здесь напоминает далекое Подмосковье, — погрустнев, говорит водитель.

Дорога преподносит сюрприз за сюрпризом, с каждым километром меняя обличье. К асфальту вплотную подступил сыроватый, с лужицами лесок. Тянутся к дороге похожие на орешник кусты, подрагивают закругленные листья, роняя капельки влаги. За бледными зарослями папоротника — островки хвойной растительности. Как в кинокадрах, проплывают стволики молодых эвкалиптов, все, как один, склоненные в одну сторону, — будто светится осиновая рощица. Взгляд невольно скользит по траве: не мелькнет ли бурая шляпка подосиновика. Иллюзию серого подмосковного денюшка усиливает одинокая тучка. Теперь шоссе бежит по уступам, заросшим бамбуком и казуаринами. Едем к лежащему в котловине озеру. Живущие на Маврикии потомки индийцев считают его священным, полагая, что оно таинственным образом сообщается с водами Ганга и поэтому сохраняет его чудодейственные свойства.

...В далекие времена из Индии на Маврикий попали предки теперешних его жителей — индийцев. Согласно обычаю, человек один раз в год должен совершить омовение от грехов, сотворенных вольно или невольно, ибо нет безгрешных людей на свете. Но на Маврикии нет Ганга. Тогда собрался на этих холмах народ, пал ниц и стал молить о чуде. Великий Ганг поделился своими водами, послав их из Индии на остров Маврикий: чудодейственный поток прошел под океаном, не смешавшись с ним. Забили родники, образовав священное озеро. Таково предание.

Оно открывается неожиданно. Прозрачный светло-зеленый водоем в большой, необычной формы котловине, похожей на разрезанную вдоль фасолину. Повторяя очертания берега, спускаются

под воду широкие каменные ступени. В центре водоема — островок. На нем бамбуковые шесты, украшенные цветными лоскутками и пестрыми лентами.

Дышится легко, как будто существует у озера собственный микроклимат. Чувствуешь, что перешагнул некую черту, отделившую тебя от суетной жизни шумного города. Одинокие фигурки в сари, неподвижная поверхность воды, высокое легкое небо — все призывает к созерцанию, размышлению. И кажется, почитаемое священным озеро врачует целительной тишиной.

Женщины в нежно-бирюзовых, розовых и сиреневых сари спускаются к воде. Согласно верованию, священные воды не только исцеляют от болезней, но и помогают женщинам, лишенным счастья материнства.

По традиции омовение совершают в одеждах. Неподалеку стоит по колено в воде мужчина, склонив увенчанную белым тюрбаном голову. Медленно набирает воду в сложенные ладони, бережно подносит их к лицу.

В феврале сюда собираются потомки индийцев, живущих на Маврикии. Просторные лужайки заполняют толпы. Сотни тысяч людей остаются ночевать возле озера, над холмами витают бесчисленные огоньки. Индийцы не только совершают омовения, но и увозят, уносят с собой в сосудах священную воду. На острове существует множество удивительных ритуальных церемоний, например хождение по ножам.

Ножи крепят лезвиями вверх в виде усеченной пирамиды, и человек идет по ним босиком. Фанатичная вера делает чудеса: тело прокалывают крючками, и на продетых в них веревках тащат праздничные колесницы...

Для совершения ритуальных церемоний пешие процессии отправляются за пятнадцать-двадцать километров. Праздникам всегда сопутствуют красочные шествия — в честь бога Шивы или в память о победе Рамы над злыми силами.

— Вы, конечно, слышали о знаменитой своими огнеходцами деревне Питтон? Хождение по огню происходит ежегодно первого мая. Для участвующих за сорок дней начинается пост. Из питания исключаются мясо, рыба, алкоголь, меню составляют лишь фрукты. Огнеходцы дают обет воздержания, ведут аскетическую жизнь. Перед началом церемонии вместо питья им дается специально приготовленная жидкость.

— С какой целью?

— Если организм жидкости не принял, человек к хождению по огню не допускается.

По тлеющим углям — босыми ногами. Феномен этот можно объяснить лишь фанатичной верой в возможность чуда.

Стоим на высоком холме над священным озером, именуемым здесь *Grand Bassin*. Целая коллекция пагод, небольших храмов, белых ажурных башенок и арок разбросана по склонам. Открытая беседка покоится на углах-оiorах с белоснежным кубом алтаря в центре. Статуя бога Ханумана, получеловека-полуобезьяны, венчает постамент. Вход в храм платный. Служители, задрапированные в ниспадающие светлые одежды, сами похожие на изваяния, принимают пожертвования.

Тучка давно уплыла за горизонт, земля вновь окутана солнцем, пейзаж похож на искусную декорацию.

Водопад и марганцевые пески. «Сахарница Европы»

Плахова

Пересекаем остров на пути к сахарным плантациям. «Сахарницей Европы» именуется Маврикий, ведь сорок пять процентов общей площади острова занимают плантации сахарного тростника, основного продукта маврикийского экспорта. Позади Кюрпип, городок на центральном плато, пригород его носит поэтичное имя Флориал — «цветочный». Аромат растений надолго поселяется в машине.

Мелькают посольские резиденции, фешенебельные виллы, прячутся в глубине парков коттеджи, солидные решетки с бронзовыми досками на въездных воротах ограждают территории.

Вождение машин на Маврикии требует особого искусства: аккуратно подстриженные заросли молодого бамбука окаймляют шоссе сплошными стенками двухметровой высоты. Лишенные возможности бокового обзора, водители вслепую выскакивают на перекрестки, полагаясь лишь на везение.

— А скажите...

Любознательность Алексеева остается неудовлетворенной, ибо в следующую секунду два серых зверька, волоча хвосты, пересекают дорогу, метнувшись из-под колес.

— Это мангусты, — как ни в чем не бывало совершая вираж, сообщает водитель. — Когда-то их завезли на Маврикий для борьбы с

крысами, но теперь они предпочитают цыплят и селятся возле жилищ...

Вскоре дорога сужается, переходя в грунтовую, в облаке красной пыли приближаемся к скалам. Живописные глыбы покрыты ржавым налетом мхов и лишайников, дымясь водяной пылью, низвергаются с них светлые ленты водопада.

Перекипев в каменном ложе, вода уходит по невидимому руслу. Резко пахнет сырой землей, гниющими растениями, нагромождены павшие стволы, над водопадом колышется маленькая радуга, будто нарядная арка перекинута над скалами. Короткая, на несколько минут, остановка.

— Я хочу показать вам достопримечательности Маврикия, — говорит наш добровольный гид. — Поэтому пора двигаться дальше. Сейчас вы увидите выход на поверхность марганцевых песков. Выход этот одиночный, не имеющий промышленного значения, но все же...

Вскоре машина ныряет под полосатый шлагбаум. За ним открывается бугристая площадка, вытертая до плечи, с «выщипанной» или «выбритой» — иначе не скажешь — до основания растительностью. Окруженные сочными зелеными зарослями, вспучились, тесня друг друга, фиолетово-розовые, малиновые, с примесью рыжего холмы, будто прошла по ним гигантская терка. Лишь несколько чахлах ростков пытаются отстоять место под солнцем, пустив корни в мертвую почву.

Аккуратная табличка над этими похожими на морщинистые слоновьи спины возвышениями извещает о строгом запрете копать, добывать или уносить что-либо. Кроме нас любуются марганцевыми песками еще двое туристов. Молодой тучный бизнесмен из ФРГ успевает сообщить, что он директор банка. Сияя ярко-голубыми глазками на кирпично-красном, обгоревшем на маврикийских пляжах лице, представляет он в качестве секретаря миловидную молодую даму, явно выполняющую не одни эти функции.

Турист настроен скептически: на этом малоинтересном Маврикии нет даже охоты! Вот африканское сафари — «дас ист гут!» — «это хорошо».

Алексеев незамедлительно излагает свою точку зрения, что лишь фотосафари имеет право на существование, убивать же зверей

нехорошо. Что касается Африки, она, как он полагает, не за горами и находится гораздо ближе к Европе, нежели Маврикий...

— О, я, я... — соглашается собеседник, мечтательно возводя глаза к небу, — эс ист ниht зо вейт — это не так далеко, — и бросает задумчивый взор на комфортабельную, взятую напрокат вместе с водителем машину, будто прикидывает, нельзя ли с ее помощью добраться по океану в Африку.

Алексеев

Плانتации сахарного тростника не окинуть взглядом — как по зеленой реке, плывем под сводом растений. Узкие листья шлепают по капоту. На шестиметровую высоту поднимаются толстые стебли, до пяти сантиметров в обхвате. В землю вросли угольно-черные пирамиды извлеченных из почвы вулканических бомб, похожих на пушечные ядра.

Испокон веку тростник приходится сажать и убирать вручную, ни одна машина не может работать на этой нафаршированной камнями земле. Не имея техники, несколько поколений маврикийцев, в основном индийских рабочих, трудились в поте лица, очищая плантации. Раздробив глыбы, люди перетаскивали их на руках. Уборка сахарного тростника, как и сотни лет назад, не поддается механизации, главные орудия — мачете и руки. В страдную пору рубки рабочим приходится ночевать в шалашах, таскать на своих плечах срезанные стебли. В тростниковых хижинах и ветхих домиках живет маврикийская беднота, в том числе рабочие сахарных плантаций. Предки их, индийцы, в качестве рабочей силы были вывезены на остров в середине прошлого века. Законтрактовавшись на пять лет, надеялись они, скопив денег, вернуться на родину. Однако заработка всегда не хватало даже на обратную дорогу, и приходилось вновь наниматься на плантации, осваиваясь на Маврикии.

Тростник не отличается твердостью, но срубить его надо одним точным ударом, иначе до времени истечет стебель сладким соком.

— А если срубленный тростник полежит на солнце?

— Тогда его можно и не везти на фабрику — сок загустеет. Поэтому, как только рубщики сделают свое дело, тростник тут же вывозят с плантации на грузовичках или арбах.

Временами набегают ветерок, мечется среди упругих стеблей, ворошит листья, переворачивая «наизнанку», светлой подкладкой, и тогда мир меняет цвет, становясь бледно-золотисто-зеленым, зеленые рефлекссы текут по лицам.

— Тростник — культура многолетняя?

— Да, это многолетний тропический злак, известно тридцать его видов. Предполагают два центра его происхождения: Индия или Океания, точнее, Новая Гвинея. Почти весь остров занимает так называемый благородный тростник с мясистым, богатым соком стеблем. Это сырье для производства рома, спирта, патоки, а отжатые стебли и листья идут на корм скоту. Здесь есть все необходимое для процветания плантаций: плодородные, богатые влагой почвы, ровная высокая температура, большая солнечная радиация.

— А как его сажают?

— Проще простого. В начале цветения срезанный стебель режут на черенки. От посадки до созревания проходит не более десяти месяцев.

Кренится, поглаживает листьями машину, зеленое воинство, кивают зеленовато-желтые плюмажи на вымахавших в три

человеческих роста старых побегах.

Навстречу в облаке красной пыли движется высокая двухколесная арба с копной свежесрубленных стеблей. Машине приходится потесниться, прижаться к шелестящей стенке. На обочине, опустив на колени натруженные руки, отдыхают женщины. На руках резиновые перчатки, капельки пота на смуглых лицах.

Откуда-то вылезают на дорогу ребяташки, улыбчивые, худенькие, большеглазые. Впереди мальчонка, похожий на мексиканца, в широкополой плетеной шляпе, под темной челкой широко расставленные, оттененные черными полосками ресниц глаза.

Награждаем детей пригоршнями блестящих значков с тульскими самоварами, шайбами, мячами и прочими понятными на всем земном шаре изображениями. Цепкие детские пальцы мгновенно разбирают дары — круглые, квадратные, сверкающие цветной эмалью значки загораются на выцветших детских рубашонках.

Вездесущая фирма «Шелл» в изобилии снабжает дорогу рекламой — вознесенной над асфальтом расплюснутой раковинной.

Останавливаемся возле заправочной, у открытой дорожной таверны. Под сенью покатою крыши — круглые столики, шаткие трехногие табуреты. Двое парней в одинаковых линялых джинсах и расстегнутых на груди рубашках с ракушками каури вместо медальонов потягивают лимонад. Один из них вежливо приподнимает шляпу.

Другому шляпа не нужна вовсе: нигде и никогда, даже в стране «курчавоволосых», Папуа-Новой Гвинее, не доводилось видеть подобной шапки мелко вьющихся, спутанных волос, защищающих от солнца лучше всякого головного убора.

На стойке фруктовые напитки, лимонад, ром (довольно дешевый и низкий по качеству), без него на Маврикии не обходится ни одно торжество: механические прессы отжимают сок из тростника, из сваренной затем патоки производятся медицинский спирт и ром.

Узнав, что мы русские, парни оживляются и просят разрешения пересесть за наш столик.

— Обратите внимание, любой встречный на дороге, даже ребенок, как правило, владеет тремя, четырьмя языками... Здесь, на острове, даже милостыню просят на четырех языках, — шутит наш спутник.

Как выясняется, курчавоволосый приехал из западной части острова искать работу, на руках у него больная мать, сестра, двое детей. Пока семью кормит жена, ее зовут Ума, по образованию она медсестра и работает в местной больнице.

На прощание владелец шевелюры протягивает крепкую руку с закатанными по локоть рукавами.

— Рашен, френдшип! — говорит он, и широкие губы раздвигаются в улыбке.

— Френдшип, — отвечаем мы, от души желая ему удачи.

Ведь слово «дружба» понятно на всех языках.

Вернувшись на судно, первым делом отправляемся в мастерскую. Несмотря на суматошный день, альбомы заполнены рисунками. Плахова с дорожной сумкой на коленях без сил распласталась на стуле и с таинственным видом скрежещет проржавевшей молнией.

— Вот!

Крупно завитая, светло-коричневая ахатина лежит на ее ладони. Насидевшись в заточении, улитка как ни в чем не бывало безбоязненно выплывает из витой скорлупы, распуская испещренную коричневыми прожилками влажную мантию, и вытягивает плотное коричневое тельце. Головка увенчана двумя ярусами подвижных рожек с утолщениями-бугорками на концах.

— Я ее у водопада нашла. Можешь называть ее Маврушей — ведь она с Маврикия!

И у меня есть кое-что! Вынимаю из кармана спичечный коробок, заполненный марганцевым песком — не так просто было отскрести его от спрессованной шершавой поверхности. Думаю, маврикийцы не будут в обиде: спичечный коробок — не тачка.

...Охваченный ровным зеленым огнем, колышется перед глазами океан сахарного тростника, того самого, что дает Маврикию семьсот тысяч тонн сахара ежегодно. Когда-то мне довелось читать о барбадосских неграх, в песнях которых были такие слова:

Дай мне кофе, жена,
Ибо я измучен и опустошен работой...
Но не вздумай положить туда сахару,
Ибо я хочу отдохнуть.

А Плахова отправляется на поиски Пелевиной — выпросить капустный лист для Мавруши.

К вечеру в Порт-Луи приходит штормовое предупреждение: в океане образовался циклон «Монти» и движется к Маврикию. Тем не менее через два часа «Курчатов» должен выйти из гавани. По просьбе маврикийского правительства в порядке дружеской помощи советские ученые собираются обследовать подводные возвышенности в экономической зоне прибрежных вод и дать заключение о промысловой их эффективности. Просьбу правительства поддерживает наше посольство — ведь маврикийцы, живя рядом с океаном, вынуждены ежегодно покупать четырнадцать — пятнадцать тысяч тонн рыбы для населения. План экономического развития Маврикия предусматривает создание отрасли рыболовства, использование природных ресурсов островов Родригес, Агалега, Сент-Брандон. Определить промышленное значение своих вод — насущная проблема островитян, и советский научный корабль, оснащенный специальными приборами, поможет получить ответ на ряд вопросов.

Выполнив работы в районе острова Каргадос-Карахос, «Курчатов» вновь возвратится в Порт-Луи, чтобы высадить идущих с нами наблюдателей. Согласно установленному порядку двое молодых ученых, представители Государства Маврикий, выходят с нами в океан с теми же функциями, что Роже и Ги.

Капитан организует прощальную чашку чаю для гостей и сотрудников советского посольства. Приглашены и мы. Касаткин просит захватить с собой работы, приносим папки с акварелями и рисунками.

— Это когда вы успели? — удивляется наш спутник, благодаря любезной помощи которого мы смогли путешествовать по острову. На этот вопрос не бывает ответа — у каждой профессии свои хитрости.

А на корабле готовятся к шторму. Одна за другой спешат укрыться в бухте яхты, суда возвращаются в закрытую гавань. Останется под ее защитой и «Рифт».

«Курчатов», лавируя среди кораблей, медленно выходит из бухты навстречу циклону «Монти». Вязкая темнота обволокла игольчатые пики, укрыла, спрятала город, погасила далекие ожерелья фонарей на набережной. Постепенно блекнут раздробленные зыбью огоньки судов на рейде.

Лишь под самыми небесами вспыхивает рубиново-красный глазок метеостанции.

«Все крепить!»

Будхан и Дивакур.

Украинский борщ и флейта

Плахова

— Все крепить!

Сильное покачивание корпуса. Выходим из бухты. Заурчали, ожили машины, отрывисты команды спикера. Оторвавшись от корабля, летят над гаванью протяжные гудки: «Курчатов» прощается с Порт-Луи. Покинув гавань Порт-Луи, идет к островам Агалега. Находимся на шестидесятом меридиане, на восьмидесятом же зарождается циклон, пока еще не развившийся в ураган.

Снова повторен приказ: «Все крепить!» Качается все, что может качаться, падает все, что может падать, а ведь мы еще совсем недалеко от земли. В кают-компани не слышно шуток, поуменьпилось число едоков: пицца кажется изменившей вкус и запах. Всякий раз при болтанке будто впервые тяжелеет затылок, к горлу подкатывает противный ком, чужими становятся руки и ноги.

Держась за поручни, коими светлая инженерная мысль снабдила коридоры, душевые и туалеты, возвращаемся в каюту. Тусклым светом лампочки освещена прищипленная к стенке карта — длинная, изломанная черта обозначила путь из Калининграда на Маврикий, ниже только полюс.

Над картой, на гвоздике, повешены карманные часы. Маятником раскачиваются из стороны в сторону, пересекая острова и материки, — корабль укладывается с боку на бок, успевая попутно клевать носом.

С клеенчатого дивана уже сполз матрас, сбилась подушка, Алексеев готовится перебраться на верхнюю полку с высоким бортиком: шторм есть шторм. Срочно перестилаю свою койку-ящик. С полочки-сетки падает давно ожидавшая своего часа тетрадка с цитатами из разных источников. Моряки утверждают, что качку испытывают все суда, но не все ведут себя одинаково. Говорят, судно подобно человеку и многое зависит от его характера. «У одних судов болтанка резкая и злобная. Такие вредные и вспыльчивые суда пользуются репутацией скандалистов. Другие — раскачиваются с размеренностью метронома. Миротлюбивые и устойчивые, они безропотно переносят выпавшие на их долю испытания. Они раскачиваются только по необходимости, в силу законов физики и своей конструкции.

Но существуют суда, поведение которых трудно предугадать: как неумелые танцоры, они внезапно выбывают из ритма качки. Есть и коварные суда — долгими часами могут они медленно и ритмично покачиваться, усыпляя бдительность... и вдруг без всякого предупреждения резким толчком сшибают человека с ног и швыряют его на переборки или ударяют по носу дверью.

Есть суда, обожающие качку, словно созданные для нее. Иногда они выказывают чисто женскую грациозность, словно озорная девчонка, обнажая корпус ниже ватерлинии, позволяя созерцать свой мокрый киль...»

О, какими специалистами становимся мы в вопросах качки! «Качка может иметь вредные и даже опасные последствия для всего судна в целом, его устройств, механизмов и грузов. Опасность представляют опрокидывание судна при сильной бортовой качке, разрушение корпуса, потеря хода или управления вследствие выхода из строя механизмов, а также разрушение перекатывающейся волной люковых закрытий и попадание вследствие этого больших масс забортной воды внутрь судна. Качка оказывает также болезненное физиологическое влияние на людей...»

Так будем считать, что «Курчатов», лишенный «коварства и злобности», раскачивается лишь по необходимости, с

«размеренностью метронома». Это утешает. Прежде чем впасть в небытие, нахожу еще одну соответствующую обстановке запись.

— Как ты там, на верхней койке, еще живой? Тогда послушай «Советы морского волка». Некто, бывший моряк Рональд Сельдестрем, поместил в шведских газетах рекламу единственного абсолютно безотказного средства против морской болезни, высылаемого всего за три кроны. Тысячи читателей прислали эту сумму и получили лаконичное: «Оставайтесь на суше!»

Но сверху нет ответа, и каюта погружается в безрадостную тишину.

Проходит несколько минут.

— Кстати, я с синоптиками беседовал: сейчас мы проходим зону конвергенции, как пройдем — волнение утихнет, — слышу слабый голос.

Знаю — врет напропалую. Циклон «Монти» пока вращается где-то восточнее нашего маршрута, гонит высокую зыбь и неизвестно куда ринется.

«Резко ухудшились погодные условия, юго-восточный пассатный ветер достигает в среднем шестнадцать метров в секунду, соответственно усиливается волнение и дрейф судна» — такова запись в журнале.

Алексеев

Упираюсь головой и ногами в переборки, но, валясь с борта на борт, судно вот-вот поставит на голову или на ноги. Промаявшись до рассвета, покидаю койку и пристраиваюсь возле иллюминатора — все равно не уснуть.

Временами фонтаны воды и пены заливают стекла галереи второго этажа, где мы находимся, и тогда становится совсем темно. В промежутках виден океан, сизо-серый, в холмах и впадинах, высокие водяные горы подминают те, что поменьше, и сами оказываются поглощенными натиском более мощных. Пена, выброшенная ураганной силой воды, белыми рваными полосами перетекает по их склонам. Ветер стрижет белые гребни, свистит и воет в тросах.

«Курчатов» упорно движется к месту работ, острову Каргадос-Карахос, вершине выходящего на поверхность подводного хребта, в восточной части которого намечены исследования. Но как будут работать ученые при такой погоде? Какие данные о количестве рыбы на подводных возвышенностях могут быть показательными, если вся нормальная рыба, наверное, давным-давно ушла из этого проклятого места?

Дурнота гонит на койку; слишком избаловала нас длительная хорошая погода. Но нужно пересилить себя, добраться до мастерской, взглянуть, все ли в порядке.

Пытаюсь открыть дверь на шлюпочную палубу, но ветер прижимает ее, тяжелую, стальную, к корпусу, старается затолкать меня обратно. Выбираюсь с трудом — вой, грохот, водяная пыль несутся вдоль корабля, гулко и тревожно хлопает брезент, зачехливший шлюпки. Приходится снять и спрятать очки, втянуть голову в плечи. Корма, осев в котлован, ставит судно на попу, открывая чудовищный пейзаж. Уже потеряно представление о воде как о единой, однородной массе. Из месива вспухают и дыбятся подвижные, меняющие на глазах форму утесы, со свинцовых гор снежными лавинами скатывается пена.

В мастерской все благополучно, лишь ухитрились упасть коробки с акварелью, но нет сил собрать рассыпанные по полу кубики красок. В тазике рачков не видно, судя по вмятинкам, зарылись в песок, зато

Мавруша, лоснясь эластичным тельцем, как ни в чем не бывало приклеилась к капустному листу, уплетая завтрак.

И тут, будто он только и ждал моего появления, в мастерской начинает потрескивать спикер:

— Плаховой зайти за радиограммой в рубку!

Но нет такой силы на земле, чтобы вынуть ее сейчас из койки. Еще раз проверив крепление холстов, запираю дверь и отправляюсь в радиорубку «ближним путем», по наружной лестнице, что идет возле самого борта по открытой палубе. И в этом моя ошибка.

Руки скользят по мокрым железным перилам, ноги то наливаются тяжестью, то становятся невесомо легкими. Порывы ветра разрывают щеки и легкие. Тучи несутся над самой головой. Прижавшись к наружной лесенке, с высоты четвертого этажа вижу опустевшие палубы, залитый пеной бак. Еще целых пять шагов предстоит преодолеть до двери в радиорубку. Сглотнув, не отпуская поручни, пытаюсь продержаться еще несколько минут, тщетно стараюсь устоять на ногах, избежав встречи с метнувшейся к лицу мокрой палубой.

Теперь надо открыть наружную дверь рубки, но — увы и еще раз увы — она задраена по случаю шторма, даже закрыт заслонкой мутный от осевших капель глазок.

Приходится добираться до двери, ведущей внутрь корабля, и она, стальная, сжалившись надо мной, открывается неожиданно легко; за ней дверка вторая, деревянная со стеклянной филенкой.

По коридору бреду в радиорубку. Под прерывистый жалобный звук морзянки радист Иван Иванович протягивает бланк с принятой из Москвы радиограммой. Текст ее подписан пятимесячной Алисой: как мы себя чувствуем, почему молчим? Кроме того, Алиса сообщает, что без посторонней помощи переворачивается на живот и внятно произносит два слова: «Дай бабу!»

Изящная родительская шутка не производит должного эффекта. Адресат распростерся на койке, уронив на серый пластик пола соленые сухари. Жена моя приподнимает голову и, выдавив жалкую улыбку, вновь утыкается носом в переборку. До лучших времен, если они наступят.

Последнее усилие, на какое я способен, — набрать номер телефона метеолаборатории.

Ответ неутешителен:

— На улучшение погоды в этом районе надеяться не приходится, не было бы хуже...

Выяснил также: шестнадцать метров в секунду — это среднее значение скорости ветра, отдельные порывы значительно сильнее. Дует давно, раскачал океан до восьми баллов, а восточнее ветер доходит до двадцати двух метров в секунду.

Экипаж и ученые работают самоотверженно. К утру на очередном полигоне, несмотря на штормовую погоду, ценой больших усилий сделано десять станций. Поставив для ориентировки буй, корабль ходит галсами, работы ведутся то с правого, то с левого борта, в зависимости от направления ветра и волн. Однако идущие за борт аппараты все чаще бьют по корпусу корабля, планктологи не могут управиться с капризами сети при столь свежем ветре, волнение не позволяет использовать буксируемый подводный аппарат «Звук-Гео».

Тем временем на «Курчатове» получено сообщение с «Рифта»: рифтяне попытались выйти из закрытой бухты Порт-Луи на банку Саяде-Малья, но шторм заставил их вернуться. Кроме известий с «Рифта» принят и новый прогноз: дальнейшее ухудшение погоды в обширном регионе между пятью и двадцатью градусами южной широты.

Руководство экспедицией принимает решение свернуть работы в районе Маскарен, вернуть взятых на Маврикии наблюдателей обратно. Надежды на изыскания над северной частью Маскаренского хребта не оправдались, но все же сделанные работы дают основание для ответа на поставленный правительством Маврикия вопрос: указанный район не может считаться перспективным для рыбного промысла. Мнение советских ученых совпадает с прогнозом ученых-маврикийцев Будхана Рамчаррана и Дива кура Гангаперсада.

Они в отличие от Роже и Ги не подвержены морской болезни, легко переносят сильный шторм и даже охотно мне позируют. Делаю два карандашных портрета. Ухитряюсь также написать этюд, исполнив акробатический танец на качающейся палубе. Смазанный, сбитый холст несущу в каюту как драгоценность — столько вложено в него труда и сердца. И пусть в московской мастерской, на прочном устойчивом полу, скажет кто-нибудь, что ты, дружок, неказист, смазана фактура, груба манера письма — пусть. Для меня высшая радость, что ты правдив и в хаосе шторма я так это видел.

Еще одна ночь не поддается описанию. Никогда прежде мы не попадали в подобную переделку. Корабль постанывает, как больной ребенок, кажется игрушкой в руках взбесившейся воды, словно сделан не из стали, а из парусины.

Чтобы не свалиться с верхней койки, перехожу вниз, к супруге: лежим рядом, как щенки в деревянном ящике — потопят или дадут пожить? В голову лезет разное вроде: «Подальше от моря — поменьше горя» или слова Редьярда Киплинга: «Моряк спит, отгородившись от смерти полудюймовой доской...»

Но ночь проходит. Идем обратно к Маврикию... Постепенно проясняется небо. Над океаном золотисто-белые размытые облака, мягко вписанные в сиренево-светлое небо. Бегут низко, окрашивая охристыми бликами верхушки волн. Океан опять густо-синий, но пляшущие гребни все еще закрывают горизонт. Вскипает цвета густого ультрамарина водяной горб, лезет под судно, подбрасывает семи тысяч тонн махину, как щепку, и уходит за корму, выплюнув фонтаны пены. Будто стая невиданных зверей, тесня и расталкивая друг друга, мчится куда-то, выгибая блестящие чернильно-синие спины...

Понемногу все оживают, показываются на палубах. Встречаю расстроенную Валю Пелевину.

— У меня до сих пор котлы по плите ползают, и хлеб уже три дня кривым, на одну сторону сбитым выпекается...

Будто в эти сумасшедшие дни кто-нибудь интересовался формой хлеба!

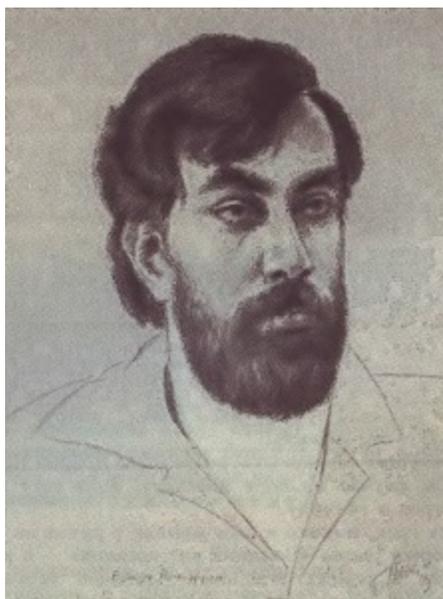
Хотя качает по-прежнему, жена моя, дотоле мирно читавшая книжку, вскочила, как встрепанная, подтвердив тем самым поговорку «клин клином вышибают». Из каюты ее выгнало известие, поступившее от «камбузного радио». Прошел слух, что на корабле обсуждается изменение маршрута нашего возвращения в Европу. Именно в целях экономии топлива и валюты (за проход Суэцким каналом взимается большая сумма) идем назад... вокруг Западной Африки. Вот это новость!

На «ревущих сороковых», возле мыса Доброй Надежды, где в этом случае пройдет маршрут, идет снег и ветер сорок метров в секунду.

Как на грех, именно в этот момент в руках ее перевод книги Жоржа Блона «Великий час океанов» — о кораблекрушениях и рейсах

отважных одиночек через океан, конкистадорах и пиратах, экспедициях норманнов и первых перелетах самолетов через Атлантику. Увлекательное изложение, где события отдаленного прошлого чередуются с новейшими, а факты большой исторической значимости соседствуют с происшествиями и совсем незначительными.

Она листает книгу до тех пор, пока не обнаруживает нужные ей по аналогии страницы: «Мало кто видел мыс Горн своими глазами. Почти круглый год дожди и туманы, ледяная крупа и непроглядные метели скрывают его от глаз человеческих, и даже в летнее время Южного полушария приближаться к нему очень опасно. Только по навигационным расчетам моряки узнают, что мыс остался позади. И все же некоторые... сумели его сфотографировать. Над бурлящей, пенной поверхностью моря... черный, совершенно безжизненный конус в трещинах, забитых снегом... Волны разбиваются у подножия мыса с громовыми раскатами».

Будхан Рамчарран

Все на свете относительно. Невзирая на качку, Плахова срывается с койки и мчится на разведку.

Капитан Касаткин не отрицает, что подобный вариант имел место для обсуждения и штурманам поручено разработать маршрут. Жена моя собирается, нарисовав на казенной простыне пиратский флаг, поднять бунт на корабле. Доктор Луговской тоже пожимает плечами: в это время года в районе подводного Китового хребта, где в таком случае пройдет маршрут, противоборствующие течения и ветры развивают гигантские, не чета нашим волны.

Плахова

Приближаемся к Маврикию. Собираются домой маврикийцы, научные работники центра «Альбион», где ведутся рыбохозяйственные исследования. Будхана Рамчаррана и Дивакура Гангаперсада приглашаем на чашку чаю, как всегда обеспокоенные проблемой общения, но на этот раз нас ожидает приятный сюрприз.

— Мы оба учились в вашей стране и говорим по-русски, — сообщает Дивакур.

— Да-да... — кивает Будхан.

Будхану тридцать два года, родился на Маврикии, в Порт-Луи. Единственный желанный сын в семье.

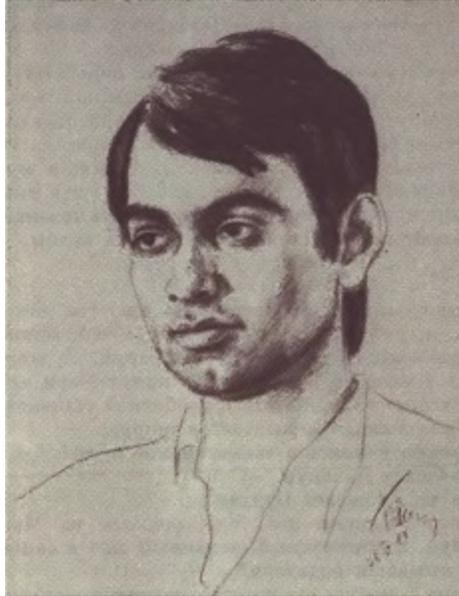
— А кто ваши родители?

— Отец — инспектор по страхованию тростника, мать ведет дом (есть и на Маврикии такая должность!). А вот жена моя, Вале́й зовут, русская — Валя Медкова из Советского Союза.

Удивительные страницы в книге человеческих судеб. Из Индийского океана приехал Будхан в город Астрахань, на Волгу. А Медкова Валя и не в Астрахани жила, а в Новгороде.

— Мы с Вале́й, — рассказывает Будхан, — в студенческом строительном отряде встретились, летом это было...

И он извлекает из кармана джинсовой куртки цветную фотографию миловидной девушки со светлыми кудряшками возле щек. Есть и другая карточка в том же кармане — смешная девчушка от роду пяти лет, дочка Вали из Новгорода и Будхана из города Порт-Луи, Аннушка Рамчарран.

Дивакур Гангаперсад

Аннушка стоит возле большого аквариума, где плавают маврикийские «рыбки-цветы». У ребенка русское курносое личико, каштановая челка, оттопыренные ушки, глаза же... Глаза нерусские, с темными, глубокими зрачками на ярко-голубых белках — глаза маврикийки. Склонив голову, ребенок смотрит на рыбок, не задумываясь над своим происхождением.

В свои неполные пять лет девочка ходит в школу — таков закон на Маврикии. Сама того не ведая, Аннушка — полиглот: в школе изучает французский и английский, с отцом и матерью говорит по-русски, с дедушкой и бабушкой — на местном индийском наречии. Еще говорят в семье на креольском языке.

— А на Маврикии есть работа для русской?

— Нет, к сожалению. По образованию Валя — медсестра, но для иностранцев здесь нет работы. Работаю я. Инженер-технолог, специалист по обработке рыбной продукции — шесть лет учился в Институте рыбного хозяйства в Астрахани.

— А вы не мерзли в России? Астраханский снег не удивил?

— Нет, нет, что вы... Совсем не мерз. Без шапки ходил, вот хоть его спросите!

«Он», Дивакур Гангаперсад, — полная противоположность живому, подвижному Будхану. Они одногодки. Дивакур застенчив, худощав, гладко выбрит, из-под очков с узкими металлическими дужками поблескивают миндалевидные темные глаза, типично индийские черты лица. У Будхана же знойная «цыганская» борода, густые черные брови сходятся к переносице.

В семье Дивакур — младший, работают отец и обе его сестры. Тоже учился в СССР, получил специальность ихтиолога.

— Лично меня интересует вопрос разведения морских рыб, их биология с точки зрения промысла, — говорит он. — Плохо у нас обстоит дело с рыбой, надо развивать науку по ее разведению, как это делают у себя японцы. Ведь в наших закрытых лагунах легко осуществлять контроль. У нас прекрасные лагуны — закрытые, но с активным обменом воды во время приливов и отливов. Разводить надо рыб семейства летренид, морских окуней или кефалей.

Значит, Астахов Дима в корень смотрел, решая проблему разведения кефали.

— А у вас, Дивакур, есть семья?

Он отрицательно качает головой, протирая очки чистым носовым платком.

— Что ж не женились?

— Не успел, — улыбается Дивакур. — Никому не понравился. Вы знаете, я очень хочу еще раз попасть в СССР. Верите ли, когда сплю, сны вижу, как снег идет... Или когда фильмы советские смотрим, где метель, сразу вспоминаю вашу страну и как белые хлопья падают... Меня у вас товарищи так и прозвали: «северный человек с юга». Я всю зиму в демисезонном пальто проходил — нехолодно было!

А ведь в Астрахани и минус тридцать бывает.

Дивакур хуже товарища владеет русским, иногда смущенно кивает на Будхана: «Вот он пусть скажет». Спрашиваю, каковы отношения его матери с Вале́й, ведь совместная жизнь осложнена различными обычаями, привычками.

— Почему сложно? — отвечает он вопросом на вопрос и, наклонив голову, смотрит в глаза, стараясь подавить улыбку. — Почему сложно, совсем несложно. У нас, например, в семье принято молиться, место специальное в доме есть. Когда моя мать молится, разве Валя ей мешает? И матери приятно, что Валя ее веру уважает.

Действительно, почему сложно? Все просто, если связывает людей близость, неподвластная расовым категориям и расстояниям.

Однако не всегда столь счастливо складывается жизнь, много человеческих трагедий сопутствует смешанным бракам. Многие молодые иностранцы, получив образование в Советском Союзе и создав в этот период семьи, очень часто изъявляют желание задержаться с выездом на родину. Но ведь образование дается им на льготных условиях, чтобы они как специалисты могли оказать помощь своему государству... Вопрос этот очень и очень сложен.

Но вернемся к семье Будхана.

— А как друзья отнеслись к вашей женитьбе?

— А как отнеслись? Хорошо отнеслись, нормально. Маврикийцы привыкли уважать все нации, так легче жить, правда? Ведь общий язык искать легче, чем то, что разъединяет? — Широко раскрытые черные глаза смотрят требовательно и прямо.

— Скажите, Будхан, а как в отношении религиозных запретов. Индийцы не употребляют говядины, свинины...

— Запреты — дело относительное! — весело отвечает наш собеседник. — Ведь мы жили не только в Астрахани. Однажды пригласили нас друзья в Баку. Так получилось, что ресторан на вокзале был закрыт, пришлось голодными садиться в поезд. Попутчики в купе пожалели нас, стали угощать колбасой. Ну, мы сделали вид, что колбаса баранья, и съели.

Дивакур, услышав из уст друга эту историю, кивает аккуратно причесанной головой, встряхивает блестящими черными прямыми прядями, смеется. Молодой отец все еще держит в руках фотографию Аннушки.

— Дочка у нас просто замечательная! — заметив мой взгляд, с гордостью повторяет Будхан. — Стихи читает, рисует. Отвели ее в музыкальную школу, показали флейту, она ее и так и эдак повертела и стала наигрывать мелодию, хотя раньше никогда в руках не держала.

— А как бабушка, ваша мама, относится к воспитанию внучки? Она не против разных кружков, занятий?

— Зачем тут мама? — отвечает Будхан. — Это мы с Валею сами решаем.

И вдруг, без перехода:

— А знаете, как мы с Вале́й поженились? Когда в студенческом строительном отряде встретились и познакомились, она согласие дала не раздумывая. А вот родители ее были против. Дед так и сказал: «Не будет никогда этого, не допущу». А брат ее, мой товарищ, меня хорошо знал, ведь не один год мы с ним вместе учились, подумал и ответил: «Я согласен, бери ее в жены». Вот вернемся в Порт-Луи, приходите в гости! Мы дома часто готовим русские блюда, Валя Аннушку борщ готовить научила... Дочка моя в свои пять лет букварь на четырех языках читает, умеет борщ варить и на флейте играет!

— А сказки знает?

— Сказки? А как же! Про гусей знает русскую сказку, как это там: «Гуси га-га-га...» Еще про царевну-лягушку. Ну и там «Баба Яга. — костяная нога...».

На этом перечень русских сказок иссякает — до той поры, пока Аннушка не научит отца новым сказкам.

Козни дьявола. Восемь тысяч часов в океане. Сари носить не обязательно

Алексеев

Жил да был на свете капитан. Однажды среди прочих своих коммерческих мероприятий изловчился он продать душу дьяволу, в обмен же вручил ему враг рода человеческого весь ассортимент ветров, живущих в океанах. Не долго думая, запер их капитан в трюме и с тех пор стал безбоязненно плавать в самых опасных и гиблых местах. Но то ли дьявол схитрил ненароком, то ли не предусмотрел чего, но вскоре капитанская шхуна вдребезги разбилась на рифах, причем, к чести дьявола, надо заметить, произошло это в тихую и безветренную погоду, что дает повод считать обязательство нечистого ненарушенным. К тому же злые языки утверждали, что, уверившись в своей безопасности, капитан и его команда были вдрызг пьяны.

Так или иначе, но, наскочив на рифы, шхуна разбилась, и ветры, заключенные дотопе в трюме, вырвались на свободу. С тех пор и гуляют вовсю, вознаграждая себя за долгое бездействие... Такова легенда, и нет сомнения: событие это имело место близ Маврикия.

Остров лежит на пути тропических циклонов необычайной силы, что ежегодно в январе зарождаются над Индийским океаном. Скорость шквальных ветров достигает двухсот двадцати километров в час, они

сопровожаются ливневыми дождями и катастрофическими наводнениями.

И хотя специальные службы своевременно предупреждают о капризах погоды, а искусственные спутники передают на Землю данные о перемещении эпицентров циклонов и бдительно следят за ними до момента их разрушения, циклоны упорно не считаются с прогрессом, по-прежнему свирепы и беспощадны, несмотря на то что лишились одного из самых страшных своих качеств — внезапности. И современным стальным лайнерам страшны ураганы: ученым удалось измерить силу ударов волн в некоторых местах бельгийского побережья — она достигала... шестидесяти тонн на квадратный метр!

Благоустраиваем рачков-отшельников, удивительно смешно меняются они во время линьки домиками-ракушками. Каждому кажется, что чужой лучше.

Сегодня Пашкина очередь. И так и эдак подсовываю ему новую, подходящих габаритов раковину. Подбежав бочком, опираясь на одну, большую клешню, долго оглядывает он ее, наклонив тоненькие ниточки с бусинками-глазками: нет ли обмана, подойдет ли? Долго примеривается, приглядывается — как бы не оказаться ни в той, ни в другой, ведь и остальные претенденты не дремлют. Решившись, молниеносно вываливается из своего домика, выставив голое нежное брюшко, и, пятясь, перебирается в другую раковину. Так за нехитрыми радостями и заботами «час по часу день проходит».

— Между прочим, ты знаешь, сколько мы часов провели в океане, если сложить вместе все рейсы? Восемь тысяч! А как придем в Калининград — все девять будет!

Жена моя ошарашена. Такое не приходило ей в голову. Сначала она открывает рот, чтобы спросить, откуда мне это известно, но умолкает, вовремя осененная мыслью, что достаточно помножить цифру двадцать четыре на количество суток в рейсах.

Во второй половине дня пробовал писать, но кисти выводят на холсте нечто, от меня не зависящее. Однако корабль продолжает жить напряженной жизнью: мигают счетно-решающие устройства, составляются таблицы, консервируются биологические пробы и донные осадки.

Чтобы взять пробы вблизи дна, идут вниз на тросах батометры — полые цилиндры с герметически закрывающимися крышками. Как

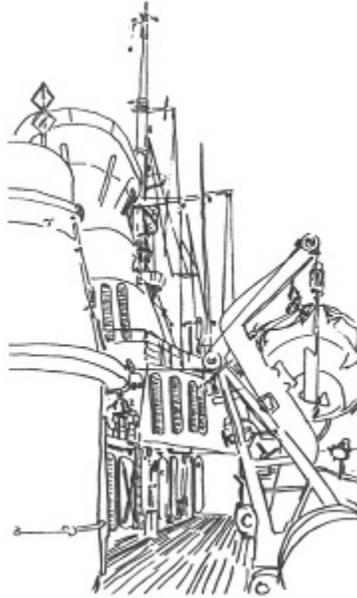
только груз коснется дна, крышки автоматически закроются, прибор заберет воду...

Пережидая непогоду, изучаем личную коллекцию нумизматических редкостей: рыба-меч и морские коньки на монетках Сингапура, греческий дельфин и трезубец Нептуна, итальянская достоинством пять лир — с дельфином и рулем рыбацкой лодки (в Италии уже прекращена ее чеканка: из-за роста цен этот денежный знак утратил покупательную способность).

Морская тематика прочно вошла в геральдику — ведь еще на обороте червонца 1711 года был изображен двуглавый орел с четырьмя флагами в когтях — флота Черного, Балтийского, Белого и Каспийского морей.

Итак, погода не располагает к серьезным занятиям, каждый ищет доступные радости. Из фирменного пакета с гербом Маврикия Плахова извлекает приобретенные сари.

Ни один европейский костюм не способен с таким изяществом подчеркнуть женственность и грацию, как сари. Одежда проста, изысканна, удобна. А как горят в тропическом свете краски! Под сари надевается кофточка с коротким рукавом, конец ткани набрасывается на голову. Сари — традиционная одежда женщин-индуисток. История нашего приобретения не так проста, как кажется. Плахова не индуистка, не мусульманка и всячески противится приобретению шестиметрового куска ткани, именуемой сари. В маленький индийский магазинчик заглядываем из чисто познавательного интереса. Переливаясь радугой, матовые, блестящие, гладкие и с витиеватым рисунком, скромные и броские, капроновые, хлопчатобумажные, легкие, как паутинки, и плотные, как дамасский шелк, лежат на прилавках сари.

Молодой индеец, владелец лавки, с готовностью раскинул струящуюся ткань. Предлагаю жене приобрести эту редкость, не менее уникальную, нежели сейшельский орех.

— И что, мне завернуться в сари и отправиться на вернисаж? — вопрошает она, не отводя зачарованного взора от прилавка. — Между прочим, надевание сари — непревзойденное искусство... Непосвященные им не владеют!

Каждый продавец — психолог. Широкая полоса золотисто-коричневой материи уже мелькает в ловких руках; похоже, владелец задался целью обучить Плахову искусству надевания сари — чего не сделаешь ради коммерции. Для соблюдения нравственности из маленькой угловой комнатки вызвана «ассистентка» — тоненькая, как тростинка, волоокая красавица с серебряной блесткой на точеном носике. Медленно, дабы дать возможность постичь таинство, обертывает она сари вокруг покупательницы, укрепляя верхнюю кромку на тугом пояске.

Мелькают узкие руки с позвякивающими на запястьях браслетами, последние метры переброшены через плечо — и вот уже безымянный кусок превращен в одежду. Неподвижная в шелковом своем коконе, Плахова покорно вздыхает и в вознаграждение за потраченный на обслуживание клиента труд приобретает не одно, а два сари.

— А зачем два? — спрашиваю, когда, сопровождаемые радушными улыбками и поклонами, переступаем ковровый порожек, на этот раз в обратную сторону.

— Наталье. Мне и ей поровну.

— И что, вы с Натальей завернетесь в сари и отправитесь на вернисаж? — задаю ее же вопрос, но она не удостоивает меня ответа, что я воспринимаю как нормальные издержки семейной жизни.

Вечером корабельные дамы в нашей каюте соревнуются в умении драпироваться в сари. Каюта значительно короче, нежели узорчатая красота, поэтому желающие постичь это искусство вынуждены, растянув ткань, выходить в коридор. Никто, кроме нас, не совершил подобной покупки! Надеюсь, что, став обладательницей индийского сари, моя жена несколько приблизится к индийским традициям, взяв за эталон Ситу, героиню славного эпоса «Рамаяна». — Изречение «будь как Сита» включает безоговорочное повиновение женщины мужу и всему его роду.

По случаю предстоящего первомайского праздника Плахова соглашается выдать желающим сари напрокат, но никто не рискует облачиться в столь экзотическую одежду.

— Что ж, носить сари необязательно, достаточно любоваться им, — изрекает моя жена, и многоцветная красота вновь оказывается убранной в плотный пакет до подходящего случая, если он, конечно, наступит.

Снова на Маврикии. Кросс вокруг вулкана. О глупом Додо и бедном гусе. Шехар говорит «Амнти»

27 апреля высаживаем представителей в Порт-Луи. Из-за резкого ухудшения погоды вынуждены отменить запланированные работы в районе мелководья над Москаре неким подводным хребтом.

Из дневника экспедиции

Алексеев

— Художникам подняться в каюту капитана! — извещает спикер.

Снова Порт-Луи. Еще никогда в странствиях по океану не возвращались мы дважды в одно место. Сотворенный капризом вулкана, нежится в солнечном свете причудливый остров. Вулканическая деятельность и теперь еще продолжается в этом районе. Как сообщила пресса, не так давно стекающая лава угрожала населенным пунктам — на острове Реюньон, что находится недалеко от Маврикия, началось извержение вулкана Фурнез. На земном шаре более девятисот действующих и потухших вулканов, примерно каждую пару лет образуется три новых, из которых один — подводный.

Используя последнее увольнение, собираемся в путь, на этот раз к кратеру потухшего вулкана. Голубой его конус с ровно стесанной верхушкой поднимается над гладкой, как стол, равниной. К путешествию присоединяется помощник капитана Георгий Иванович Лисняк и биолог Анатолий Алексеевич Шилейко. Ученый надеется пополнить коллекцию сухопутных моллюсков, Лисняк одержим идеей создать на борту «Курчатова» ботанический сад: на застекленной галерее уже расположилась целая оранжерея. Тропическим растениям явно по вкусу микроклимат этого корабельного уголка, называемого в обиходе «парвой», все цветет, тянется, выбрасывает побеги. Впрочем, может быть, нужна просто легкая рука!

Вулкан, к которому едем, спит давно и крепко. Шоссе доверчиво взбегаёт к самой кромке некогда грозного жерла. Этот мирный, покрытый зеленым ковром холм в свое время извергал огонь и пепел, постреливая вулканическими бомбами. Деятельность его прекратилась около ста тысяч лет назад. Желто-оранжевые нарядные канны рдеют на склонах, изгородь молодого бамбука обрамляет кратер, воронка густо заросла лесом. Деревья опутаны лианами, сплелись вершинами. Пихты, олеандры, мимозы, восковые чашечки магнолий — глянцева, матовая, в бесчисленных оттенках зеленого листва. На дне жерла виднеется круглое озерцо с темной, почти черной водой.

Место для работы выбирать не надо: куда ни кинешь взгляд, открывается удивительная панорама. Обвалакивающая мягкость сиренево-голубых теней, дальние планы снівелированы голубизной, в бледно-зеленые долины вкраплены белые кристаллики строений, паутинки дорог, шпильи колоколен... Ближний план оживлен густо-красными штрихами — таков цвет маврикийской земли, холодные и теплые тона. Невольно вспоминаются полотна Поля Сезанна: отказавшись от обычной светотеневой моделировки, художник мудро использовал оптический закон, по которому холодные тона воспринимаются человеческим глазом как более отдаленные, теплые же кажутся находящимися вблизи.

Плахова работает, Шилейко и Лисняк давно скрылись в кратере. На солнце жарковато, в тени прохладно, располагаюсь между светом и тенью, подле беседки с башенкой под ярко-красной шатровой крышей, не переставая удивляться, как ухитрилась природа соединить дикую фантасмагорию скал с идиллическими равнинами. Впечатление грандиозности горных массивов усиливает их необычная форма, самой высокой точкой Маврикия является вершина Питон-де-ла-Ривьер-Нуар, восемьсот двадцать шесть метров над уровнем моря.

Отсюда, с высоты, океан с ожерельем прибоя кажется застывшим. Спокойны зеркальные воды, будто не они трое суток терзали корабль, грозя раздавить, расплющить все живое...

Из-за беседки вижу: за спиной моего соавтора появился зритель — немолодой индеец с белоснежной шелковой повязкой на голове. Тюрбан этот давно мелькал возле кратера — воистину идеи владеют миром, теория целебного бега не миновала Маврикий!

Спортсмен долго смотрит на мелькающие в ее руках кисти, одобрительно покачивая головой. Как редкостный светлый цветок, колышется тюрбан над смуглым лицом.

Неподалеку, на газоне, двое худеньких юношей, почти мальчишек, разложили самодельные сувениры, раковины, кораллы, в стеклянных пробирках розовеет марганцевый песок. Туристы предпочитают иной сезон, и юные коммерсанты поглядывают в мою сторону, надеясь подзаработать.

Молодежи трудно найти работу на перенаселенном острове, приходится соглашаться на любые условия, даже если до места работы надо ежедневно ездить за пятнадцать-двадцать километров. Гораздо легче найти работу женщине — ей можно меньше платить, и это выгодно нанимателю.

Пристраиваюсь с альбомом и рисую юношей — сначала одного, потом другого. Особенно хорош младший — глаза юного маврикийца

затенены ресницами столь густо, что кажутся обведенными черной каймой. Мягкие смоляные кудряшки надо лбом, детски открытое лицо. Позирует охотно, следит за моей рукой живым, внимательным взглядом.

Рисунок идет легко, как бывает всегда, когда нравится модель. Окончив, не прошу натурщика подписать свой портрет. Зачем? Просто бесхитростный юноша с острова Маврикий, вынужденный поделкой сувениров зарабатывать на жизнь.

Поделки эти не лишены фантазии и вкуса. Из разноцветных плоских ракушек собраны «букеты» — нежно-розовые, кремовые. Снизаны на проволочные стебельки «цветы», удлиненные темные створки заменяют листья. Тщательно инкрустированы мелкими каури коробки, чернильные приборы, но доминирует в этом ассортименте выпиленный из фанеры крючконосый Додо.

Существо это обладает, пожалуй, наибольшей известностью из всех вымерших птиц. Считают, что размером она была побольше лебедя, имела могучий изогнутый клюв и весила до двадцати пяти килограммов. Если верить молве, голландский адмирал Варвик, впервые ступив на остров в 1598 году, поименовал эту птицу «тошнотворной» по причине безвкусы и жесткости ее мяса.

Последнее упоминание о сером дронте (так называли ее ученые) относится к 1681 году и принадлежит англичанину Бенджамину Хэрри — в манускрипте, хранящемся в Британском музее, упоминается «Додо, у которой очень жесткое мясо...».

Перед Национальным музеем Порт-Луи, за ажурной оградой, сам подобный экспонату, висит могучий баобаб с серо-голубым, похожим на бочку стволом. Подтверждая существование чудес на земле, в залах вращаются под потолком на тросах чучела гигантских мерлинов, рыб-мечей и акул, каменными глыбами висят слоновьи черепахи.

В центре экспозиции, в прозрачном стеклянном кубе, расположилась крупная птица с толстым, загнутым вниз клювом и остатками крепко прижатых к бокам крылышек. Имя Додо одни считают переводом с голландского, означающим «черный огузок», другие связывают название с португальским («Додо» созвучно со словом «глупый»). Рассказывают, что птица эта по доброй воле шла в руки к людям, не боясь выстрелов. Убивали ее и камнями и палками. В считанный срок колонисты уничтожили всех Додо.

«Эти птицы не умели летать, потому что у них не было врагов», — гласит этикетка под экспонатом. Добрые и неуклюжие, они исчезли с лица Земли. Говорят, лишь один Додо как большая редкость был отправлен в 1628 году в Англию. Другого видели в клетке Лондонского зоопарка, третий оказался при королевском дворе в Вене.

История появления чучела Додо в Национальном музее Порт-Луи тоже небезынтересна: при раскопках в разных районах острова были найдены отдельные кости, из них с превеликим трудом был собран скелет. Серенькие, одевшие чучело перья были просто-напросто... позаимствованы у обыкновенного гуся, поскольку история сохранила сведения о серо-белой окраске исчезнувшей птицы.

Как расточительно человечество — сведения сохранились, а перья нет! И мне искренне жаль безымянного гуся, отдавшего свои перья Додо...

Дописав этюд, приближается с альбомом под мышкой Плахова. И мы, дабы поддержать коммерцию и заодно выразить сочувствие бедняге Додо, приобретаем его фанерное изображение, выклеенное серенькими ракушками, с длинным висящим носом и «короткими, как рукава, крылышками».

Плахова

Безжалостное время тянется, как резина, если не знаешь, куда его деть, и сжимается в комок, когда считаешь минуты. Светлый «БМВ» уже показался на дороге, наш добровольный гид обещает показать северную часть острова. Однако непредвиденное обстоятельство задерживает отъезд: исчезли, растворились в зеленом безмолвии кратера Лисняк и Шилейко. Вокруг ни души, даже юноши скрылись, собрав свой товар. Признаться, мы растеряны, не кричать же «Ау!».

— А где ваши товарищи?

Алексеев смущенно пожимает плечами.

Судя по всему, наш спутник привык решать и более сложные задачи. Одарив нас ободряющей улыбкой, уверенным шагом направляется он к самой кромке обрыва и, заложив пальцы в рот, исторгает пронзительно чистый свист, не услышать его можно, лишь находясь в преисподней! И тотчас из лиственных глубин взрывается ответный, приглушенный расстоянием посвист, автор которого — один из двух пропавших наших товарищей. Через четверть часа, отягощенные добытыми для гербариев образцами, возникают Лисняк и Шилейко.

Как жаль, что я не умею свистеть: какой прекрасный, экономящий силы эффективный способ!

По дороге ненадолго останавливаемся в Порт-Луи: сотруднику посольства необходимо посетить главу организованной в 1981 году фирмы, снабжающей продовольствием советские суда, швартующиеся в гавани.

Предоставленные самим себе, бродим по узкой улочке с тесно сомкнутыми рядами небольших магазинов, заглядываем в витрины книжных лавок с преимущественно французской литературой. За изрядно пропыленным стеклом среди пестрых обложек и гляцевых ярких открыток неожиданно останавливает внимание прекрасная репродукция «Голова мальчика» Пьера Сюблейра, последователя французской школы конца XVII — начала XVIII века. Автор маленького шедевра еще в молодости уехал в Италию, где прожил до самой смерти.

Прелестная головка в монохромной гамме, выдержанная в коричнево-серебристых тонах, закомпонована в темный овал и принадлежит к той линии реалистического портрета, которая на всем протяжении XVIII века противостояла пышному, шаблонно-холодному искусству придворных портретистов. И это на Маврикии, в Порт-Луи, изобилующем парадными памятниками французским правителям; их обилие поражает с первых шагов: на одном лишь бульваре д'Арме под каждой королевской пальмой по скульптурному изваянию наместников французских и английских королей на Маврикии!

Крутая, облицованная деревянными панелями лесенка ведет в небольшой магазинчик. Молодой человек в голубом модном костюме, с паркерской авторучкой в кармане поднимается навстречу. Матовая кожа, небольшие черные усики, правильные черты красивого лица. Приобретаем две прекрасно иллюстрированные книги о Маврикии.

— Интересно, почему все-таки он выставил в витрине работу Пьера Сюблейра?

Услышав русскую речь, молодой человек оживляется.

— Присаживайтесь, пожалуйста! — говорит он. — Не удивляйтесь, что я говорю по-русски. Я жил в СССР, учился в университете на факультете русского языка, был даже лучшим учеником в группе...

Не удивляясь и вспоминая Манкрюню-Маню, усаживаемся за низкий журнальный столик. Шехар, так зовут гостеприимного молодого человека, хорошо разбирается в искусстве, в Москве бывал в Третьяковской галерее, в Большом театре, особенно любит балет.

— В Порт-Луи есть прекрасное здание театра, но нет постоянной труппы, — сожалеет он.

Его родители — люди состоятельные. Все обеспеченные индийцы на Маврикии дают своим детям образование, поэтому среди учителей, адвокатов, врачей много индийцев.

— Магазин принадлежит брату отца. Я очень люблю книги, работаю тут временно.

Уже не поражаемся свободному обращению маврикийцев с языками: с нами Шехар беседует по-русски, с вошедшим посетителем — на хинди, с мальчиком, что приносит поднос с традиционным угощением — подсоленными, мелкими, как фисташки, орешками, — на французском.

— Это мой сын, его зовут Амид, — гордо сообщает Шехар. — Очень хочу иметь еще дочку...

Познакомившись таким образом с планами главы семейства, прощаемся, подарив ему несколько наборов открыток с видами Москвы.

— А-ми-ти, дружба, — говорит молодой индиец, провожая нас к выходу. И фигура его в светлой одежде с поднятой в прощальном приветствии рукой кажется картиной, вставленной в темную широкую раму двери.

Алексеев

Северная окрестность острова защищена от ветров горными массивами, именно здесь находятся излюбленные маврикийцами пляжи. Ровный полукруг чистейшего кораллового песка обрамляет берег. Приближаемся к побережью по грунтовой дороге, петляющей среди казуарин, похожих на плакучие ивы или цветущий саксаул.

Светится насквозь рощица, колеблется прозрачная бледно-зеленая занавесь. Под ногами похрустывают орешки, плоды казуарин. Из

существующих тридцати видов, распространенных в Австралии, на островах Фиджи и Маскаренских островах, этот вид самый красивый.

Одревесневшая капсула, крылатый орешек, лежит на моей ладони. С его помощью растение завоевывает жизненное пространство. Под светлой корой необычная, почти красная древесина, она очень ценится при изготовлении мебели. Кору употребляют как дубильное вещество, эластичные побеги используют в качестве упаковочного материала. Неприхотливое дерево довольствуется песчаными, каменистыми и даже засоленными почвами, растет в степях и саваннах, вплотную подступает к океану.

Еле слышно касаются друг друга ветки. Наливается желтизной небо, близок вечер. Океан затих, ни волн, ни прибоя, ни кромки пены у берега...

— Ну как, художники?

— Красиво...

Мысленно прикидываю оставшееся для работы время, увы, его почти нет. А на небо откуда-то скатывается заблудшая, круглая, как монета, тучка. Не скрывая солнца, сеет и сеет мелкий дождик, расшивая бисером воды лагуны: такой у нас называется «грибным». Теплые капли-бусины быстро впитывает песок.

Прошлепал по берегу стоптанными сандалиями старик с белой бородой пророка и железным ведром в руке — к вечеру хорошо ловится креветка. Пискнула невидимая птица. Глухо зацокали копыта: гарцуя на блестящих, как шелк, лошадках, движется кавалькада. За живой изгородью трехметровых кактусов частные владения.

И снова никого. Лишь воробьи-космополиты, серенькие, невзрачные, как две капли воды похожие на наших, устремляются со всего пляжа в надежде чем-нибудь поживиться. Трепещут в воздухе

крылышки, птицы бесстрашно подлетают к самым рукам, устраивая драки из-за кожуры банана.

Последние часы последнего вечера на Маврикии. Ушла, истаяла одинокая тучка. При редкостном безветрии пошла по океану длинная, выпуклая зыбь, переливаясь солнечными красками, будто огромный плот покачивается в лагуне. Но это последний горячий блеск.

Быстро остывает песок, сквозь графически изящные нити казуарин расплывчато мерцают звезды. Океан посветлел, зато потемнела земля, подковой охватив залив.

Пора возвращаться. Через несколько часов «Курчатов» покидает остров. На головокружительной скорости возвращаемся в Порт-Луи, в свете фар мелькают на обочинах прохожие с плоскими, как шляпки грибов, узлами на головах. Шоссе пересекает поселок, носящий благозвучное название Триоле. Тротуаров не предусмотрено, повинувшись движению руля, машина плавно огибает, казалось бы, вплотную бредущие фигурки.

— На Маврикии в населенных пунктах всегда такая скорость?

— А какая скорость, нормальная... Народ тут организованный, строго придерживается правил.

Правил придерживается не только народ — петухи, куры и собаки ни разу не перебежали дорогу.

Последний свет дотлевет над океаном. Улица никак не освещена, редкий огонек вспыхивает в окнах жилищ. Зато оживают кабачки и таверны, слышны звуки музыкальных инструментов. В пролетах освещенных дверей, будто теневые картины, двигаются силуэты. Временами, как на полотнах Рембрандта, свет вырывает отдельные группы, погружая в мрак второстепенное.

В разрывах между домами угадывается гладь океана. Совсем низко сверкнула брошью литого серебра, пролетая, ночная птица. В бархатной темноте слабо фосфоресцирует вода, окружая черные обкатанные валуны — пристанище влюбленных пар. Темные волосы и кожа тают в вечернем воздухе, лишь смутными пятнами угадываются светлые одежды, слышен говорок, лукавый смех...

Водитель сбрасывает скорость, и в открытую машину врываются звуки перебираемых струн, голоса инструментов похожи на укулеле. Все вокруг кажется заполненным мелодиями, то плавными, то

порывистыми, действующими как колдовское наваждение. Вскоре дорога делает поворот, и деревенька Триоле растворяется, сливаясь с волнистой линией холмов. Розово-сиреневым светом наливаются впереди небо — приближаемся к Порт-Луи. На шоссе вспыхивают сверкающие огоньки, будто сотни глаз следят за машиной, направляя путь: в асфальт впессованы шарики-отражатели.

Мелькают строения пригорода, освещенные улицы, бульвар д'Арме. Приближаемся к набережной, лохматыми верхушками упираются в небо королевские пальмы, закрывая звезды. Причал пустынен, тихо покачиваются катера. Хрупкая фигура молодой женщины выделяется на фоне воды — круглолицая, с правильными чертами лица, подобная прекрасной статуэтке из терракоты. Еще одна дама провожает нас в путь: на стене портового здания скульптура — расписной горельеф. Полная матрона, покровительница моряков, с лихорадочными пятнами румянца на одутловатых щеках позолоченным жезлом указывает на океан, желая нам счастливого плавания.

Повиливая кормой, катер, отделанный красным деревом (может быть, той самой багровой древесиной казуарин!), увозит нас с пирса. На бронзовой дощечке выгравировано «Корсар». «Корсар» сидит низко, в плотной маслянистой воде извиваются золотые блики, отраженные огоньки можно зачерпнуть рукой.

Уже скрылись, будто вросли в землю, портовые постройки, здание таможни. Постепенно опускается в океан аллея королевских пальм, которую мы так и не успели зарисовать...

Члены экспедиции уже на борту «Курчатова».

— И все-таки сделано не так мало, — печально говорит Плахова, перебирая папку с рисунками, и со вздохом добавляет: — Если бы судьба подарила нам те три дня, что мы болтались в шторме. Только три дня... Сколько можно было бы сделать, находясь на земле.

— Ну и что? — отвечаю с участливым видом человека, ублажающего больного. — Тебе мало, что нами пересечен Маврикий с юга на север и с севера на юг? У нас была возможность смотреть...

— Смотреть? — переспрашивает она уныло.

— Именно смотреть, художник необязательно должен работать руками! — извещаю с пафосом пророка, одаряющего мир плодами своих размышлений. — Художник смотрит и запоминает...

А сам думаю: «Если бы те три дня...»

Последние минуты на Маврикии. Еще немного, и двигатели, ворча, выведут судно с рейда в ночь, в шторм, в неизвестность. «Все крепить!» — опять предупреждает спикер. «Корсар» нетерпеливо постукивает деревянным бортиком о трап. Прощаться всегда грустно. Гости готовятся покинуть корабль. Мы пожимаем им руки и прощаемся с Маврикием навсегда.

Впрочем, кто знает...

Первое мая. Батискаф и живопись

Плахова

На качающихся палубах встречаем весенний праздник Первое мая. Чтобы не портить торжества, капитан Касаткин отдает распоряжение включить успокоители, но они мало что меняют — по-прежнему и иллюминаторах показываются попеременно то небо, то море.

Но праздник есть праздник. На торжественном собрании прочитаны поздравительные радиogramмы от Ивана Дмитриевича Папанина и Андрея Сергеевича Мони́на, в дружеской обстановке проходит праздничный ужин. Отставлены майки, шорты и штормовки, кавалеры в костюмах при галстуках, дамы в модных платьях, непривычно постукивают по палубе высокие каблочки.

Далеко за полночь длится праздник, общество покидают лишь те, чья вахта начинается до рассвета.

И второго и третьего мая погода не улучшается, корабль похож на живое, отданное на растерзание волн существо — его бьют, толкают, скидывают и бросают вниз. Ученые и экипаж, молодежь и пожилые работают, преодолевая непогоду.

— Ну что это за шторм... Так себе, штормишко.

— А помните, на «Витязе» пошло в салоне гулять пианино?

— А тогда в Атлантике? Такая волна шла — железный трап жгутом свернула...

«Тогда в Атлантике» в кают-компании страшным ударом волна вышибла из иллюминаторов стекла... Вода стала проникать внутрь, пришлось команде работать в трюме, устраняя течь.

Именно в том рейсе, где волна жгутом скручивала трап и вышибала стекла, в качестве начальника экспедиции принимал участие Андрей Сергеевич Монин.

— Когда волна по кораблю ударила, — в одной из бесед в Москве говорил Андрей Сергеевич, — мне понравилось, как повел себя капитан — деловито, спокойно.

А. С. Монин

Рассказывал Монин, будто не произошло ничего особенного. Помнится, были мы тогда удивлены: ученый широкого диапазона, чьи труды сыграли важную роль в становлении новых направлений в науке, автор печатных трудов, ставших настольными книгами специалистов по геофизической гидродинамике и получивших всемирное признание, наравне с сотрудниками несет тяготы рейса.

Андрей Сергеевич любит во все вникать сам.

В Южном отделении Института океанологии мы слышали, что Монин участвует в подводных погружениях батискафа. Как-то в

Москве при случае не преминула я задать вопрос:

— Андрей Сергеевич! Расскажите, пожалуйста, о вашем участии в погружениях... Ведь под воду уходят лишь люди со специальной подготовкой, пилоты и экипаж аппаратов?

— Пришлось участвовать. Восемь погружений на «Пайсисе» и одно — на «Аргусе». «Аргус» — аппарат отечественный, работал на глубинах не более четырехсот метров, хотя ему доступны гораздо большие. Чувствую — нет у гидронавтов доверия к аппарату. Пошел сам с ними на погружение, увеличив задание по глубине. А какую удивительную картину видишь при погружении!

Весь склон Черного моря похож на гигантскую, уходящую вниз лестницу; в иллюминаторы батискафа хорошо видно, как набегают на берег и откатывается обратно волна, — это изумительное по красоте зрелище! А каков цвет! Измененные лучом прожектора, краски мерцают, переливаются, будто нагретый над землей воздух.

Рассказывает Монин как художник. Видишь глубинно-таинственный оттенок вод, подсвеченных беспощадным лучом прожектора, И неудивительно: в приемной Института океанологии, возле директорского кабинета, висят картины Андрея Сергеевича: серия пейзажей — Египет, Франция, Подмосковье.

...Париж. Застывшие в неподвижности серо-зеленые химеры устремили с высот Нотр-Дам пристальный взгляд на уходящее к горизонту море крыш.

Заполняя все пространство холста, спят египетские сфинксы, окруженные серебряным ореолом раскаленного воздуха.

Вертикали ельников и берез пересекают равнинный пейзаж Подмосковья. Работы ясны, логичны, как в греческой ранней классике с ее торжественным покоем, присутствует в них беспристрастность, внутренняя просветленность. Картины проникнуты спокойным, созерцательным духом, как говорится, от себя не уйдешь — рукой художника руководит аналитический ум ученого.

История искусства знает тому примеры. Среди живописцев раннего Возрождения Пьеро делла Франческа занимался живописью и параллельно наукой, Брунеллески и Альберти подводили научную основу под искусство, разрабатывая учение о перспективе и «музыкальных пропорциях». Романтический мечтатель Паоло Учелло

ломал себе голову над применением новых законов перспективы к живописи.

— Итак, прошли мы благополучно на «Аргусе» максимальную глубину, чувствую, поняли гидронавты, что аппарат надежен.

— А как вы себя при этом чувствовали?

— Ну, как себя чувствовал? Тесновато, неудобно. Ни встать, ни сесть, чтобы в иллюминатор выглянуть, приходится залезать в щель, какие-то железки в бок упираются...

— А на «Пайсисе», в Красном море? — спрашивает Алексеев.

Известно, что во время погружения «Пайсиса» на дно Красного моря в декабре 1979 года наблюдателем А. Мониним, а также А. Сагалевичем и Е. Черняевым была открыта величественная вертикальная стена высотой с полкилометра — нижний уступ внутреннего рифта. Исследования глубоководными аппаратами позволили составить детальную картину строения красноморского рифта; на севере Красного моря были проведены уникальные работы в зоне удивительных впадин, наполненных горячим рассолом.

Тогда «Пайсис» ушел почти на предельную расчетную глубину с целью исследовать перемычки, определить, сообщаются ли между собой впадины Чейн и Дискавери.

— Около дна цвет воды резко изменился, — продолжал Андрей Сергеевич. — Из прозрачно-голубого стал мутновато-желтым. Вода помутнела, — значит, аппарат подошел к зоне рассола. За счет возросшей плотности воды скорость погружения замедлилась, на глубине немногим более двух тысяч метров мы увидели под собой дно и сели. Грунт был темный, почти черный, местами, образуя желтые полосы, выступал ил, а выходы соли — в виде светлых пятен. Пошли дальше, попытались сесть на грунт, покрытый мелкой рябью, но аппарат попал в плотную среду, она, как глицерин, обтекала «Пайсис», образуя вокруг струящееся марево.

«Зависать» аппарат может на любой глубине: балластная система позволяет регулировать скорость погружения и всплытия — обычно «Пайсис» опускается со скоростью тридцать метров в минуту. На борту имеется видеоманитофон с телевизионной установкой, фотоаппарат для подводной съемки, манипулятор. Последний не только способен самостоятельно взять со дна пробу грунта, поместив

ее в специальный контейнер, но и при необходимости может поймать рыбу!

Словом, когда все увидели, что мы погружаемся и всплываем благополучно, у людей появилась уверенность. Стали совершать до двадцати пяти спусков за рейс, образовалась даже очередь желающих погрузиться: это у нас «свозить на дно» называлось.

Слушаем и думаем: как много стоит за простым словом «погрузиться», об этом рассказывали гидронавты. «Погрузиться» — это оказаться под наглухо задренной крышкой люка в тесной, заставленной приборами двухметровой кабине. Постоянно следить за приборами, что регулируют поступление кислорода и поглощение углекислоты. Лишь лежа в неудобной позе, скорчившись на скамье значительно более короткой, чем тело человека, наблюдатель может заглянуть в глазок иллюминатора.

Вода в Красном море прогревается до самого дна — плюс двадцать один градус, жарко, люди покрываются потом. Стоит привыкнуть к жаре, как сверху обдает холодным душем — это стекают струйки влаги, сконденсированные на оболочке сферы. На влажной бумаге отказывается писать карандаш. Кстати, американский подводный аппарат «Алвин» чуть не погиб, затянутый придонным течением в узкую, непроходимую щель.

Но мне ужасно хочется задать вопрос, не имеющий отношения к батискафам и науке.

— Андрей Сергеевич! Я слышала, у вас три собаки живут, и все подобранные, спасенные. Это правда?

— Собаки? — переспрашивает несколько удивленный Монин. — Собаки действительно живут...

Таков человек, чью поздравительную телеграмму зачитывают сегодня на корабле. Под его руководством осуществлено пять крупных экспедиций в Тихий, Атлантический и Индийский океаны, из которых особо отмечена экспедиция в Красное море — с разработкой новой методики геолого-геофизических работ при использовании обитаемых подводных аппаратов.

Крупный организатор науки, двадцать лет, с сентября 1965 года, руководит Институтом океанологии имени П. П. Ширшова Академии наук СССР. Институт превратился в крупнейшее в мире океанологическое учреждение, разрабатывающее все аспекты науки об

океане. Пополнен современными кораблями научный флот, созданы новые лаборатории. Член-корреспондент Академии наук, лауреат Государственной премии, за заслуги в развитии науки награжденный орденами Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции, автор более трехсот пятидесяти печатных работ.

Идем в Кению.
Как рисовать волну, или О небесных конях.
Общесудовая тревога

Алексеев

7 мая от агентства получено наконец сообщение: «Курчатову» разрешен заход в Кению, в порт Момбасу. Научные работы завершены, корабль берет курс на Африку.

Труднопостижима природа цвета океана. Насыщенно-синий, плотный, переходящий в густо-лиловый, когда нет дымки.

Небо диктует краски, но и водный массив подсвечивает небеса, тому подтверждением — облака над океаном, окутанные отраженным водою светом. На суше не бывает подобной освещенности «снизу»: сиренево-золотистые, нежно-розовые кромки воздушных ярусов — не что иное, как зеркально отброшенный, возвращенный океаном свет.

Иногда трудно понять, что именно заставляет водную поверхность принимать самые невероятные оттенки — от открытого светло-фиолетового кобальта до багрово-малиновых переливов — при отсутствии видимых глазу подобных красок в небе. Контраст или гармония, битва цветов или их сплав.

Работая, становишься «эхом», ничего не усложняя; чем проще, искреннее подход к увиденному, тем сильнее эффект. «Цвет действует

тем сильнее, чем он проще», — писал Матисс.

А форма? Маринисты любят повторять, что трудно писать и рисовать волны. Это действительно так: не фиксируясь даже на мгновение, возникают они из хаоса и в хаосе исчезают вновь.

Находясь на корабле, перемещаешься сам, наблюдая их каждый раз из другой точки, под иным углом, при иной освещенности, в разных комбинациях с другими. Океан не любит позировать, особенно штормовой, кипящий. Фотография? Кинопленка?

«Кто с конем, тот с крылом», — гласит туркменская пословица. Новички на ипподроме, мы были единственными профанами среди заполнивших трибуны зрителей, не зная даже, что нет «скачек для лошадей», а есть скачки «для кобыл» и скачки «для жеребцов» и что туркмены участвуют в скачках на жеребцах, арабы же — на кобылах.

— Ахалтекинец — это такой конь, — просвещали нас болельщики. — Он с места может скорость восемьдесят километров развить. Как машина! — говорили молодые.

Пожилой же туркмен, с темными морщинами, в мохнатом головном уборе, тельпеке, осуждающе добавил:

— Не слушай его, что говорит... Ерунду говорит. Конь человеку никогда автомашиной не был, конь другом был человеку.

Распластавшись, не касаясь земли, неслись, «оседлав ветер», небесные кони... Но что значили сами скачки по сравнению с их завершением! С трибун через ограждения устремились на трек дети — все, что были на ипподроме. Поднимаясь на цыпочки, обнимали потные конские шеи, целовали точеные, прекрасные головы. Обвешанные гроздьями ребятишек, скакуны осторожно переступали тонкими ногами.

Малость поотстав, наперегонки с мальчишками, путаясь в длинных халатах, бежали почтенные яшули: высокий белобородый старик уже набросил на конский круп ковер — дар победителю.

Несколько дней спустя в кабинете директора конезавода просматривали мы альбом и фотографии. Вместо грациозных, не ведающих закона земного притяжения участников скачек, сказочных, сошедших с настенных фресок красавцев мчалось нечто, с огромной, в кадр, головой и узловатыми бабками. Размером побольше конской морды нависало сверху лицо жокея: в случайном ракурсе, в смещении щелкнул безразличный объектив.

Именно так отлична живая волна от фотографии, сделанной с нее во время шторма.

Непривычно отсутствие монотонных «бесед» спикера и рабочих станций, не слышно привычных предупреждений: «Внимание, судно в дрейфе», «Рабочий борт правый» (или левый).

До Момбасы переход двухдневный; очевидно, дабы заполнить паузу, на корабле объявляют общесудовую тревогу. Капитан Касаткин обожает судовые тревоги, это называется «держать экипаж в готовности». И «общесудовая» и «шлюпочная» уже имели место и прошли на должном уровне, впрочем, одной больше или меньше — какая разница?

У Плаховой свои взаимоотношения с тревогами. Как-то в Москве перед рейсом была вручена ей неблестящая электрокардиограмма, и я имел неосторожность спросить, не тяжело ли будет вновь переносить тяготы качки.

— Подумаешь, качка, — последовал ответ. — Если бы не тревоги эти судовые...

И это понятно. На корабле организм быстро привыкает к размеренному режиму. Как привычный фон, как тиканье метронома принимаешь ставшие неотъемлемой частью жизни постукивание двигателей, дребезжание, вибрацию. Неожиданно назойливые, проникающие во все поры корабля тревожные звонки заставляют сердце биться частыми ударами.

Сейчас, когда я, несмотря на рвущие слух и душу вопли звонков, домываю кисти, жена тащит меня из мастерской, ругая на чем свет стоит. В каюте извлекаем из-под крышки дивана спасательные жилеты, и она поедом ест меня, что я долго шнурую кеды.

— Может быть, бантики завяжешь? Хочешь, чтобы двери закрыли?

И верно, едва успеваем выскочить из опустевшего коридора, как вслед несется усиленный динамиком суровый голос Касаткина:

— Будьте осторожны! На корабле закрыть клингентонные двери!

Соавтор одаряет меня испепеляющим взглядом, и створки с шипением смыкаются за спинами. В столовой команды проверка экипировки присутствующих. У кого-то вместо одного оказываются целых два спасательных жилета — следствие суматошных высадок на острова. Доктор геолого-минералогических наук Евгений

Александрович Романкевич с грустью сообщает, что его жилет пропал при неизвестных обстоятельствах.

Шокированный подобной откровенностью, помощник капитана с укоризненным видом вручает Романкевичу его, не по адресу затесавшаяся жилет. Повторный призыв капитана быть осторожными в связи с закрытием клингтонных дверей звучит уже в полностью укомплектованной, благополучно проскочившей между ними аудитории.

— У всех есть шапочки? Проверьте, в порядке ли обувь?

Обувь моя в порядке, включая аккуратно завязанные шнурки. Используя в качестве манекена самую молодую участницу рейса — лаборантку-микробиолога Олю Сорокину, помощник капитана еще раз объясняет присутствующим сложный процесс надевания спасательного жилета. Плахову больше всего впечатляет часть речи, из которой следует, что, прыгая за борт, надо крепко прижимать собственные кулаки к подбородку, чтобы ударом о воду не сломать челюсть.

«Модель», все еще облаченная в жилет, покорно стоит в оранжевом одеянии, предоставляя себя для обозрения. Уже продемонстрирована система завязок, местонахождение сигнальной лампочки, свисток.

— А пусть свистнет! — раздается чей-то требовательный голос.

Оля послушно берет висящий на шнурке свисток, и в столовой команды раздается тихий, мелодичный писк, значительно болте робкий и безгласный, нежели вопли тонущего.

На этом мероприятия по спасанию участников экспедиции заканчиваются. На прощание прослушиваем увлекательную информацию о главной опасности при пожаре — быстро распространяющихся удушливых газах. Старпом делится воспоминаниями о своем вынужденном пребывании в океане на шлюпке в течение нескольких дней с нормой жидкости шестьсот граммов в сутки, рекомендуя ни в коем случае не пить соленой морской воды.

— Да, кстати, — раздается голос начальника отряда микропланктона, доктора биологических наук Сорокина. — Когда я был во Франции (голос его несколько глуховат, ибо пробковый жилет

упорно наползает с шеи на подбородок), я встречался там с Аленом Бомбаром, и он просил меня передать всем вам привет...

Присутствующие вяло аплодируют, благодарные Бомбару за вклад в дело спасения потерпевших кораблекрушение: ведь именно он на собственном опыте доказал, как долго человек может скитаться по волнам, питаясь лишь тем, что дает океан, — планктоном и сырой рыбой.

Юрий Иванович Сорокин — интересный человек. Большая его семья — пятеро сыновей и две дочки, наверное, мало видели главу семейства. С 1957 года стал плавать на судах Института океанологии. Он участник многих рейсов.

Однажды в перерыве между станциями мы разговорились о Франции. Юрий Иванович недавно был в командировке в Марселе. Я поделился с ним своим неприятием здания Музея Помпиду, напоминающего недостроенную котельную, с переплетением труб и опор, с нелепо торчащей из парижской мостовой трубой.

— Да-да, это ужасно... сил нет как ужасно, — поддержал Юрий Иванович, — подобное рядом с изумительной архитектурой Нотр-Дам! С «Помпиду» беседа перешла на микропланктон. Постепенно, слово за словом слышали мы об этой необычной судьбе.

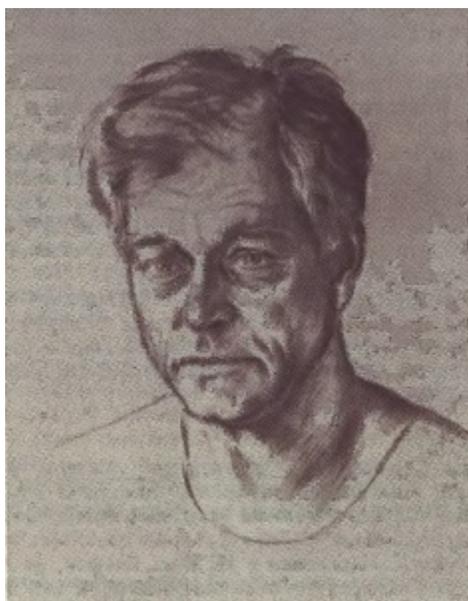
Рассказ Сорокина. Я деревенский житель, родился в Донбассе, жил около Воронежа. Поступил учиться в бауманский институт, а потом заинтересовался биологией, букашками, травками — может, это мне досталось от родителей, крестьян. Перевелся в МГУ на биофак, на первый курс. Когда университет окончил, никак не мог сделать выбор между биохимией и физиологией животных. «Приземлился» я в микробиологии, в пятьдесят третьем году защитил диссертацию по физиологии бактерий.

В душе я оставался деревенским жителем. Но так случилось, что направили меня в Москву, в Институт микробиологии.

Мне почему-то ужасно хотелось посмотреть на Ивана Дмитриевича Папанина, тогда он был директором биологической станции, потом она стала институтом. Ну, вошел я к нему в кабинет и... уже не вышел!

Побеседовали мы, затем он, ничего не говоря, посадил меня в машину, и мы поехали. Привез на завод экспериментального оборудования и представляет: «Это кандидат наук такой-то». Я, между

прочим, тогда еще не защитил диссертацию, а сказать постеснялся. Разложили передо мной чертежи, проекты, он сидит рядом, шутит. «Заказывай!» — говорит. Оттуда без долгих разговоров повез меня в Академнаб. Вводит меня Иван Дмитриевич в кабинет начальника Академнаба и опять говорит: «Это кандидат наук, он у меня работает!» Помню, я тогда красный как рак был, так смущался.

Ю. И. Сорокин

На столе начальника стоял аппарат с кнопками, он какую-то нажал. «У Ивана Дмитриевича новый сотрудник, он сам скажет, что ему нужно». Тут уж я о чем, как говорится, мечтал, то и перечислил.

Папанин мне говорит: «Ну вот, теперь как только защитишься, так приезжай!» — тогда биологическая станция Академии наук находилась в Ярославской области. Я защитился, и мы с семьей туда переехали. Так я стал исследователем водной среды, двадцать лет занимаюсь изучением кораллов, продуктивностью коралловых рифов тропического шельфа.

Но вернемся к происходящему на корабле. По спикеру вновь разносится голос капитана:

— Внимание! На корабле пробоина (следует точное указание места)! — А в помещении (следует наименование помещения) — дым! Аварийным командам срочно обследовать и доложить о принимаемых мерах!

Право, я начинаю понимать Плахову. На этот раз нам предстоит по шлюпочной тревоге пробежаться на палубу, к спасательной шлюпке. Мероприятие завершается сообщением, что первыми при пожаре в шлюпки спускаются женщины. Моя жена практикуется в прижимании собственных кулаков к подбородку. Оля Сорокина пытается развязать тесемки жилета. Белькович поглядывает за борт, будто ждет случая убедиться воочию, как дельфины спасают тонущих. Мне кажется, он согласен проверить это на собственной практике.

Тем временем объявлен отбой, и наш родной, надежный «Курчатов» продолжает свое шествие в Момбасу. Прежде чем удалиться с палубы, бросаю взгляд в океан.

А он, впитав в себя все мыслимые и немыслимые оттенки синего, чуть сморщенный вечным движением крошек-волн, благостно и спокойно раскачивается вокруг. Воздух прозрачен, до горизонта рукой подать, косенькие розовеющие облачка, наклонившись в одну сторону, бегут куда-то друг за другом над границей воды и неба.

Как прекрасен океан, если не остаешься наедине с ним при норме шестьсот граммов воды в сутки!

— На этом корабле поневоле станешь мистиком! — возвратившись в каюту и вылезая из пробкового жилета, говорит Плахова. — Я сидела работала и только подумала: «Слава богу, нет этих тревог», как в ту же секунду раздались звонки. Накаркала...

— Так ведь учебная.

— Естественно, для тебя все человеческие тревоги ничто в сравнении с плохо заточенным карандашом, — получаю ответ.

Впрочем, возможно, она права, не помню, кто именно сказал: «Ничего не боится только дурак или человек, лишенный воображения».

Подходим к Момбасе. «Джамбо карибуни!»

Плахова

Утро после сильного дождя, еще не просохли палубы. Кучевые облака сбились в одном месте над горизонтом — там должна быть земля. Оживилась «водная дорога», все чаще навстречу и параллельным курсом идут суда. Через пару часов становится видимой Кения, страна плоскогорий, приподнятых на 1500–2500 метров над уровнем моря. Зеленые, будто стесанные площадки, обращенная к океану часть обрывиста, иссечена глубокими трещинами. Неподалеку от фарватера ржавые останки затонувшего судна, уставились в небо голые мачты, покорежена палуба, истлели надстройки. Какая неосторожность или ошибка при наличии карт и радара занесла его на рифы?

— Момбаса — второй по величине город Кении, главный порт страны со ста девяноста тысячами жителей. Расположен на одноименном острове площадью четырнадцать квадратных километров. Кения — свободное государство, в прошлом английский протекторат, военно-морская база Великобритании на восточном побережье Африки, — по традиции сообщает спикер.

Полным ходом, высоко взрезая волну, идет к «Курчатову» лоцманский катерок. Берег все ближе, безжалостно изъязвленный, источенный напором прилива. Момбаса считается лучшей бухтой на всем восточном берегу, но, хотя глубоководная гавань надежно

защищена от океана, заход в нее сложен и опасен, поскольку сильное течение буквально «притирает» суда к гибельным, невидимым во время прилива рифам. Планировка бухты похожа на знак игрек: громоздким кораблям приходится входить в нее на полном ходу, только так можно преодолеть силу течения, и почти под углом девяносто градусов делать поворот, в считанных метрах пройдя перед ловушками.

Не сбрасывая скорости, «Курчатов» делает поворот.

Теперь идем параллельно берегу. Ступенями спускается с уступов старый Форт-Иисус — напоминание о жестоких битвах арабов с португальцами в конце XVI — начале XVII века. На крутых обрывах — грозные развалины стен с бойницами, когда-то они окружали военный городок, где был расквартирован португальский гарнизон и находился дворец португальского губернатора. В казематах содержали рабов, по многочисленным подземным переходам невольников загоняли в трюмы галер. Вцепились в землю когти якорей, видны темные горки ядер, нацелены в направлении пролива португальские и английские пушки. Сквозь пустые глазницы амбразур светится синее небо.

...В 1960 году Форт-Иисус был объявлен заповедником. В музее форта собраны коллекции из археологических находок, древние арабские книги, мебель из эбенового дерева и слоновой кости. Экспозиция постоянно пополняется за счет новых находок на территории древних городов побережья Кении.

— Обратите внимание, какое неприступное сооружение! Видите внутреннюю, высеченную в скале лестницу? Вы не знаете, кто проектировал этот форт?

— Итальянец Жоа Батиста Кайрата...

— Это он был главным архитектором в Индии?

— Именно... Сооружение этого опорного пункта португальцев в Африке началось в тысяча пятьсот девяносто третьем году...

И «Курчатов» входит в изогнутую рогом буйвола, именуемую звонко, как треньканье колокольчика, бухту Килиндини, что означает «глубокое место». Она считается самым крупным портом Африки на всем восточноафриканском берегу, может принять и обслужить одновременно до пятидесяти судов.

Идем к причалу, где ошвартовываемся левым бортом вторым корпусом к советскому кораблю «Анатолий Луначарский», что стоит под стрелами погрузочных кранов.

От раскаленных пакгаузов, как от печек, дышит жаром, в воздухе висит мелкая красная пыль, набивается в глаза, рот и уши. Кажется, солнце светит сразу со всех сторон. Остроклювые краны перетаскивают в трюмы судов и барж мешки с чаем и кофе, цемент, тюки сизаля.

В снопах света кружатся насекомые, покачиваются серо-зеленые султаны пальм. Запахи промышленного порта — разогретого металла, машинного масла и гари — слабеют, как только набирает силу напоенный ароматами ветерок с берега.

— А каковы истоки названия «Кения»?

— Применительно к стране слово «Кения» появилось в конце девятнадцатого века и произошло от «кее-нийя», что означало «белая гора» — так племена самбуру и масаи называли белую снежную шапку горы Кения, племена считали ее священным местом.

Не зря говорил матрос Антоненко — на этом корабле на все вопросы получишь ответ!

В Момбасе зима. Похожее на платан дерево с багрово-рыжими листьями устилает асфальт горящим ковром. На одной и той же ветке трепещет опадающая листва и проклевываются светлые трубочки новой. Топорщат колючие пальцы гиганты кактусы, от дома к дому

растянуты зеленые ширмы вьющихся растений, пылают лимонно-желтым бугенвиллеи: кому зима, кому лето.

И хотя принято считать, что жаркий климат Кении умеряют ласковые бризы, порывами налетает раскаленный ветер. Зонтик мой, верой и правдой прослужив в рейсе, надувается парусом и, выгнув в обратную сторону растопыренные спицы, заканчивает свое существование.

Апрель — май в Кении — сезон проливных дождей, однако в небе ни облачка. Нелегко дается нам путь вверх по склону. Но вот уже позади залитая асфальтом гавань, бредем к проходным воротам, сжимая в руках пропуска на выход. За низкой каменной будкой — пост. Черные суровые лица, автоматы поперек груди. На потной ладони протягиваю пропуска. Перетянутый кожаными ремнями молодой охранник делает шаг навстречу и, не взглянув на квадратики бумаги, громко произносит:

— Джамбо карибуни!

Еще один страж порядка сурово кивает головой:

— Джамбо карибуни!

Что означает это дважды повторенное на африканской земле заклинание? Размышлять некогда, пользуясь паузой, проскакиваем за ворота. Там, на круглом пятачке утоптанной площади, разворачивается пропыленный автобус. Неплохо бы сократить путь, но трудно избрать маршрут, не зная остановок. Идем пешком пыльной грунтовой дорожкой с тусклой травой по обочинам, мимо уличной закускойной под кроной баобаба с раскаленной жаровней, длинными столами и ящиками вместо лавок, с аккуратным жестяным рукомошкой на виду.

Откуда-то бьет ключик темной воды, ручейком пробегает под ногами, возле массивных корней уходит в землю, больше не показываясь нигде. Почти пустой автобус не отбывает по назначению, а со скрежетом и лязгом отскакивает от баобаба, стремясь скорее покинуть стоянку под этим ни на что не похожим растением: даже сами африканцы считают, что оно обязано своим происхождением козням дьявола. Некогда, решив подшутить над людьми, выдернул он из земли дерево и воткнул его обратно «вверх ногами», так что бывшие корни стали ветвями!

Истерзанные солнцем, приближаемся к городу. Декоративные слоновьи бивни венчают начало центральной улицы.

— Э-эй! Иди сюда, папа-мама!

Приглашение это, повторяемое на разные лады, с различными интонациями, сопровождает нас во время шествия по улицам Момбасы. Тянут за руки, улыбаясь, заглядывают в лицо, щелкают зажигалками, замками кожаных кофров, ударяют розовыми ладонями по барабанам, и натянутые шкуры издают низкий, долго висящий в воздухе звук.

— Папа-мама!

В руку мне ложится тяжелая фигурка носорога. Энергичный поворот корпуса, отставлена перед броском нога, нацелен острый рог. Статуэтка жива, полна экспрессии, не повернется язык назвать ее «ширпотреб», хотя стаи, полчища, стада всех размеров носорогов теснятся на прилавках... Не одно поколение резчиков наблюдало за животными, пока родились эти фигурки с пленительной искусственностью форм.

— Э-э! Береш? — На лице продавца улыбка, не лишенная дружелюбия и расположения, но и отражающая размышление, сколько с нас взять.

Как непохожа бурная торговля на улицах Момбасы на неторопливое действие на базарах Анцерананы и Нуси-Бе, с подремывающими под черными шляпками зонтов продавцами или неспешный обмен сейшельскими новостями на рыбном рынке Виктории.

Вся Момбаса — базар. Черная лава голов и тел в сверкающей мозаике разноцветных драпировок.

Кенийские статуэтки отличны от традиционной резьбы остальных стран Африки, где доминирует деревянная маска. Основной сюжет у кенийцев — фигурки людей и животных.

Значительное число резчиков живет в самой Момбасе, многие объединились в кооперативы, оптом продающие товар крупным магазинам или уличным торговцам: за один день квалифицированный резчик может создать десяток фигурок. Большинство специализируется на небольшом количестве сюжетов, работает в реалистической манере. На материал для поделок идет дерево местной породы, носящее имя «мухого» и «мпинго», выдаваемое за эбеновое.

Искусство подобной резьбы считается сравнительно новым, массовым, возникшим в основном как коммерческое, в расчете на туристов. В кенийской печати неоднократно высказывались опасения, что мастера-резчики могут превратиться в обыкновенных ремесленников.

И все-таки искусство или ремесло? Издавна в разных уголках планеты переносил человек на деревянные изделия свои представления о мире, удивляя поэтическим видением, способностью вдохнуть в этот материал душу. Обратимся к Руси: как умело, используя естественную форму дерева — развилины, кривизну, народные мастера прочитывали в них очертания живых существ, как искусно завершали скаты кровель головами диковинных птиц (отчего и сами крюки назывались «курицами!»), как, выгнув дугою шеи, смотрели с крыш «кони», один непохожий на другого...

В деревянных предметах, служивших в повседневном быту, жили мифические растения, невиданные звери и птицы. Обострение интереса к реальной действительности причудливо сочеталось с пристрастием к декоративности, мастера-умельцы соединяли сказку и правду, действительность и фантазию: диковинные прялки, ковшики-птицы, резные доски со львами и русалками, сирены в прихотливом обрамлении орнамента украшали быт.

Как и наши предки на Руси, за далью океанов островитяне населяли мир странными существами, богами и духами вкупе с обожествленными силами природы — водой и землей, дождем и ветром, звездами, солнцем, луной... В шитье и литье, резьбе по дереву,

кости и камню, в гончарных изделиях жил необыкновенный, созданный людьми мир. Руки создателей этих творений не были руками художников-профессионалов, но сотворенное ими прошло через века. Удивительно и по сей день, как деревенский неграмотный ваятель мог обладать тонким чувством цвета, формы и рисунка, не всегда доступным и художнику-профессионалу.

...Львы, бегемоты, жирафы и носороги вырезаны уверенной, не знающей колебания рукой. Придавая статуэткам реальное сходство с натурой, резчик не копирует природу: ведь стремиться к похожести, подражанию или уловить суть, находясь в поле притяжения искусства, — вещи неоднозначные. В поделках, предлагаемых на улицах Момбасы, на первый взгляд кажутся донельзя стилизованными резные головки с вытянутыми вперед губами, выпяченными скулами, удлинёнными затылками. Но стоит оглянуться вокруг — вот они, эти характерные черты, рядом, в толпе, в живых людских типах.

Африканцы видят и понимают пластику по-своему, и в этом притягательная сила их вещей. Невольно вспоминается любопытный случай, описанный путешественником-европейцем.

Долгий путь экспедиции пролегал в глуши, через небольшое затерянное в саванне африканское селение. Там, у старика-резчика, куплены были искусно вырезанные из черного дерева фигурки, изображающие гневно трубящих, бунтующих слонов. Европейцы с удовольствием рассматривали приобретение, но один из них обратился к старому мастеру:

— Слоны твои очень хороши. Однако зачем ты поднял у них бивни? Ведь бивни не могут двигаться!

Спустя некоторое время путнику вновь довелось посетить эти места и вновь встретить старика. Резчик внял совету: фигурки слонов полностью соответствовали правдоподобию. «Теперь бивни были на месте, но искусство исчезло», — пишет путешественник.

Поздний вечер оказывается мягким, окрашенным нежными, размытыми красками. Ускользают контуры, пушистые розовые облачка светятся в небе, темными пятнышками рассыпаны в бухте Килиндини корабли, снующие катера расчерчивают спокойную воду полосками пены. Но недолго мерцают вода и небо, цвета густеют, становятся напряженными, в единую темную массу сливаются берега, и каскады живых огоньков вспыхивают на холмах Африки.

Успеваю написать с верхней палубы несколько вечерних этюдов, несу плоды трудов своих в каюту.

— Вниманию членов экспедиции! Напоминаю: мы пришвартованы левым бортом к «Луначарскому» с открытыми люками. Будьте осторожны! — заботливо предупреждает спикер.

С левого борта — «Луначарский» с открытыми люками, за правым — колышется мутно-зеленая вода, как на реке Лимпопо, где, как известно, гулял любопытный слоненок Киплинга, получив в подарок от крокодила длинный-предлинный нос. Пришлось проделать многомесячный путь до Африки, чтобы узнать: нет реки Лимпопо с ударением на последнем слоге, а есть Лимпопо — с ударением на «о» — первом!

В каюте, уютно устроившись за столиком между приобретенными в Момбасе носорогом и бегемотом, Алексеев сосредоточенно перелистывает словарь.

— Между прочим, — говорит он, оторвавшись от своего занятия, — между прочим, ты знаешь, что значит «джамбо карибуни»?

Я не знаю, что это значит, и лишь пожимаю плечами.

— Джамбо карибуни означает «добро пожаловать»!

Так вот что дважды повторили нам суровые охранники: добро пожаловать!

Что нельзя, то тоже можно. Едем на сафари

Алексеев

«Сафари» — суахильское слово, в Восточной Африке так называют любую поездку. Сафари — заманчивое дело, но как его совершить? Миновав шаткий трап, соединяющий корабли, инициативная группа курчатовцев отправляется на разведку. Воображение тревожат великаны слоны, трубящие на красных дорогах, красавцы гепарды на фюзеляжах спортивных самолетов, львицы на капотах «лендроверов» — ничего не пожалеешь ради встречи с братьями меньшими, хотя неясно, насколько это выражение применимо к слону.

Накануне на корабле проведена запись желающих посетить Национальный парк, список разбухает до угрожающих размеров. Именно благодаря паркам, сохраняющим удивительный животный мир Африки (уничтоженный на большей части континента), Кения обязана притоку туристов. Число посетителей кенийских парков растет, становясь устойчивым источником валюты: цены высоки — туристические агентства справедливо полагают, что иностранцу, добравшемуся до Африки, сафари не миновать.

Однако причал, куда на двое суток пришвартован «Курчатов», не лучшая отправная точка для совершения поездки: чтобы выехать за пределы Момбасы, покинув остров, необходимо получить разрешение властей, предварительно уведомив их за две недели. Таков закон.

Но попытка не пытка. Вежливый кениец в небесно-голубой форме, отороченной выпуклым золотым кантом, с готовностью растворяет стеклянные двери. Молодой и очень деловой чиновник охотно разъясняет взявшему на себя миссию переговоров Иосифу Исаевичу: сафари предусматривает выезд, обед и ночевку в отеле. Проспекты рекламируют экзотические бунгало, поднятые на сваях над водоемом, куда в гарантированный фирмой час явятся на водопой львы, слоны и носороги. Наблюдать животных можно, не покидая собственного балкона. Прислушав «ночные голоса Африки», с наступлением рассвета, после завтрака...

Но дальнейшее не может интересовать курчатовцев. Завтра наш корабль покидает Кению. Не снимая с коричневого лица вежливой улыбки, чиновник скрывается за перегородкой, укоризненно покачивая круглой курчавой головой. Что ж, придется попытаться счастья в другом месте — неподалеку находится еще одно агентство. За живой оградой — просторный тенистый дворик. Пышущий жаром асфальт расчерчен квадратами. Автомашины с откидывающимися люками и кузовами, расписанными черно-белыми полосами — «под зебру», изнывают от безделья, томятся каждая в своем квадрате.

В вестибюле ожидаем решения проблемы. Острыми лучиками пробивается сквозь жалюзи исступленный тропический свет, в глазах рябит от расписных черно-белых панелей. Темными мотыльками бесшумно порхают служащие — изящные африканки в пронзительно-лимонных халатиках. Для ведения переговоров несколько человек удаляются в кабинет. Вскоре сияющие их лица извещают о благополучном завершении дела.

— До чего договорились?

— Как бы это сказать, разговор шел по принципу: что можно, то можно, а что нельзя, то тоже можно!

Итак, договоренность достигнута на следующих началах: поездка состоится в минимальном удалении от города, в парк, носящий звучное имя «Симба». Поскольку на суахили это означает «лев», все немедленно связывают название парка с наличием в нем львов.

Симба! Великий охотник саванны! Когда-то красавцы хищники еще водились в Северной Африке, на Ближнем Востоке и в Аравии. Ныне они истреблены. В Иране и Месопотамии насчитывают всего несколько экземпляров, в Индии — до трехсот особей. Сегодня

родиной львов принято считать Африку к югу от Сахары, за границей тропических лесов.

Наша поездка на сафари начинает принимать конкретные очертания. Нас не будут увозить в островерхие отели, путешествие будет недолгим и, следовательно, недорогим. Вопрос невыезда иностранцев с острова решен просто: согласно запрету ступить на земли Кении вне пределов Момбасы до истечения положенного срока мы на них и не ступим, ибо курчатовцы от начала и до конца путешествия будут находиться в автобусе. Правда, в данной ситуации фирма не гарантирует встреч с животными — «что увидите, то увидите». Последнее несколько охлаждает общий пыл, но вновь таинственное звучание слова «симба» исключает колебания, тень сомнения испаряется, как капля воды на расплавленном асфальте. Услужливое воображение рисует львиные прайды, величаво шествующие по саванне, отягощенных царственными гривами самцов, играющих возле дремлющих самок львят.

— Товарищи! Отправляемся немедленно!

— Но я не взял фотоаппарат!

— А как насчет обеда, если мы не вернемся сегодня на корабль?

Какая мелочь — обед. По Брэгу, так голодать просто полезно. Фотоаппараты? Что может быть благодарней зрительной памяти? Робкие сомнения тонут в однозначном энтузиазме. Едем

безотлагательно! Сейчас! Во дворе, на капоте «зебры», в кружевной тени старой мимозы, казначеи собирают деньги. В дорогу! На сафари!

И вот уже нас ведут к воротам. Вместо удобных маленьких машин медленно подруливает машина автобус, поблескивая свежевывмытыми, также расписанными «под зебру» боками. Оснащенный звонками, автоматическими дверями и кондиционером, с наглухо закрытыми, затемненными стеклами, автобус прочен и надежен, как сейф. Вместе с нами погружаются в его недра флегматичный круглолицый африканец — гид и стайка девушек. Широко улыбаясь, оглядывает гид столь неожиданно свалившихся (выражение «как снег на голову» несколько неуместно в Африке) «блицтуристов».

Задержка за водителем, но, прежде чем отправить курчатовцев в путь, судьба заготавливает нам действительно экзотическое зрелище.

На площадке перед агентством появляется группа туристов под предводительством широкоплечего парня. Голубоглазый тяжеловес давно небрит. Над спутанной белокурой бородой дымит трубка, в ухе болтается кольцо серьги. Голову венчает помятая, с обвисшими полями и встрепанным пером егерская шляпа, распахнут на груди неизвестной эпохи замшевый камзол, рваной бахромой отделаны кожаные брюки. К африканской сумке из шкуры леопарда приторочен новейшей марки фотоаппарат, из ножен торчит рукоять ножа, пригодного для схватки с целым прайдом.

На месте туристического агентства я бы запретил ему выходить из машины и даже выглядывать наружу. И у хищников есть нервы, зверь есть национальное достояние, и его нужно беречь.

Плахова

Современная кенийская архитектура не имеет специфических национальных черт, новые здания Момбасы возводятся по проектам английских и итальянских архитекторов. Раздвигая тупым носом встречный транспорт, ползет автобус по левой стороне улицы, зеркальные стекла отражают сразу обе ее стороны. В старой части города ворота и стены изукрашены арабскими резными орнаментами, низкие строения оживляет стрела мечети и сияющий белизной индийский храм наподобие храма Гора Абу в Раджастхане с цветными

венчающими вход панелями: Кришна с двумя белыми коровами, колесница, влекомая оленем, бог Луны, восседающий на цветке лотоса...

Справа проплывает древняя фаллическая башня. Фаллические минареты мусульманских мечетей не встречаются больше нигде в мире (кроме Индонезии). Есть предположения, что подобная форма навеяна традиционными культами кенийских народов.

— Пожалуйста, расскажите историю памятника, — просьба обращена к гиду.

— Историю памятника? Она неизвестна. Собственно говоря, есть много теорий его происхождения, — переведен ответ.

Деликатные курчатовцы не рискуют просить об уточнении хотя бы одной из многих теорий, и мы катим дальше. Вскоре автобус упирается в полноводный синий залив, где готовится к отправке огромный паром, регулярно совершающий рейсы с людьми и транспортом.

Сплошным потоком течет к парому толпа. Счастливые, не знающие портных женщины задрапированы в яркие ткани, складками ниспадающие к ногам. В красочную толпу диссонансом врываются мрачные пятна — отдельные группы похожи на стаи темных птиц, закутаны головы и лица, лишь сверкают белки глаз, за спинами крыльями развеваются черные покрывала.

Кажется, переправе нет конца. Медленно течет иссиня-голубая вода, и, хотя ширится расстояние от берега, противоположная сторона все так же далека, так же высока серая исполинская башня цементного завода с надписью «Баобаб» по вертикали. Украдкой делаем наброски, стараясь сохранить в памяти облик попутчиков. Худышка девочка с выпирающими из выреза блузы остренькими лопатками склонилась над железными поручнями, расширенными зрачками всматривается в воду. На тонкой шейке будто выточенная головка с множеством мелких, туго притянутых к коже косичек.

Лица широкогубые, с выпирающими скулами и характерным глубоким вырезом ноздрей, жесткие шевелюры — головы курчавые и гладкие, как бильярдный шар, лица смешливые, сосредоточенные, непроницаемые, открытые...

Какое неисчерпаемое содержание ухитряется вложить природа в человеческое лицо с его бесконечной сменой выражений... Прическа или украшения, расцветка одежд или расположение складок — для посвященных рассказ о человеке, принадлежности его к определенному племени, положении в обществе. Увы, для нас это книга за семью печатями, и время не позволит научиться ее читать.

Тяжело съехав с парома, автобус устремляется по хорошо утрамбованной красной дороге с асфальтовым покрытием лишь на подъемах. В облаках пыли проносятся навстречу грузовики, с помощью тента переоборудованные для перевозки пассажиров.

Подавляющее большинство жителей Кении проживает в поселках, где располагаются административные центры, полиция, школы, небольшие магазины и лавки, базары. В группе хижин обычно размещается одна семья — пятнадцать, двадцать человек. Они вместе ведут хозяйство, обрабатывают прилегающее поле.

Домики-хижины растут как грибы. Подступают к дороге круглые, как корзины, плетеные каркасы, вместо гвоздей и веревок скрепленные лианами. Сквозь глиняную обмазку проглядывает плетение, и побеленные стенки кажутся прошитыми выпуклыми стежками. Верхний слой земли аккуратно снят для мазки, гладкие площадки возле строений придают деревеньке опрятный вид.

Как следует из справочника, современная архитектура деревенских жилищ разнообразна. Кикуйю, меру и эмбу строят круглые каркасные хижины, покрытые конусообразной крышей. В

одной части дома содержится скот, другая, с очагом в центре, служит жильем. На побережье Момбасы, у племен суахили, преобладают прямоугольные строения, также обмазанные глиной, но с двускатной, крытой пальмовым листом крышей, фасады часто расписывают геометрическими рисунками. У кочевников — легко разбирающиеся шатры из шкур или верблюжьей шерсти либо конусы травяных шалашей, обмазанные кизяком, с узкой, похожей на лаз дверью.

— Смотрите, ведь это школа!

За окном автобуса под открытым небом мелькает красно-синий цветник. Алые блузки и синие юбки девочек, красные шортики и синие рубашки мальчишек. К стволу могучего дерева пристроена классная доска, вбиты в землю столы и лавки.

— Это школа для глухонемых детей! — переведены слова гида. — С малышами работают специалисты-преподаватели.

Ребят в эту школу привозят не только из Момбасы, но из всех районов. Дети живут в интернате постоянно, и только на каникулы родители забирают их домой...

Короткая остановка возле деревенской площадки. Полдень, закрыты ставни лавок, на ступенях дремлет шоколадно-коричневая коза. Недалеко источник, на иссушенной красной земле — характерный натюрморт: традиционные сосуды для воды, калebasы, соседствуют с анилиново-яркими полиэтиленовыми канистрами. Неожиданно мелодичные, похожие на голоса флейт звуки и глухие удары барабана нарушают тишину, заглушая ленивое жужжание насекомых. Возле ручейка, в густой тени, репетирует деревенский оркестр. Среди членов экспедиции находятся знатоки экзотических инструментов, и они охотно удовлетворяют наше любопытство. Таинственно именуемая «литунгу» — полутораметровая лира — всего-навсего деревянная рама со струнами из сухожилий животных, «адеудеу» — с резонатором из дубленой кожи жирафа, нередко используется как барабан. Самый же удивительный инструмент,

именуемый «абу», — из выращенной особым образом поллой тыквы, укрепленной на конце двухметрового рога. Играют на нем лишь в особо торжественных случаях.

— В каждой деревне есть собственный оркестр и свой барабанщик! — комментирует гид. — Жители Кении очень любят пение и танцы под ритмы барабанов. Наши музыка и танцы всегда связаны с традиционными праздниками. И хотя в отличие от большинства стран Африки тамтам у кенийцев не пользуется популярностью, все же барабанщик обязательно есть в каждом оркестре!

Чернокожий наш водитель кивком курчавой головы подтверждает сказанное, он сам барабанщик в оркестре, хотя живет не в деревне, а в Момбасе. И мы едем дальше по оранжево-красной дороге Африки.

В Национальном парке. Снова океан

Алексеев

Еще в Москве, просматривая журналы, наткнулся я на очерк о браконьерстве в Африке. Статье сопутствовала фотография: горы слоновьих бивней, штабеля шкур, рядами составленные серые тумбы-корзины из слоновьих ног...

Несмотря на наличие национальных парков, правительство Кении обеспокоено массовым истреблением диких животных. Не так давно газеты, выходящие в Найроби, сообщили, что власти вынуждены прибегнуть к строгим мерам: за отстрел львицы — годовое тюремное заключение, оружие и автомобиль браконьера конфискуются. Республика пытается защитить животных, для которых на планете остается все меньше места. Но в силах ли человек исправить уже нанесенный природе урон?

Тема эта обсуждается членами экспедиции. Не оставлен без внимания и удивительный эксперимент Джой Адамсон — возможность создания в неволе «резерва» диких животных.

— Эксперимент не праздный. Оставляет надежду на сохранение исчезающих видов...

— Отважная женщина, серьезный исследователь.

— А знаете, в муниципалитете Момбасы я видел чудесные акварели, есть они и в Национальном музее Найроби...

Более шести лет проведено ею среди африканских племен, в самых отдаленных уголках страны.

Биография человека всегда отражает возможности его ума и сердца. В семнадцать лет Адамсон получает государственный диплом пианистки. Работает в графике, изучает специфику чеканки по металлу, оканчивает курсы кройки и шитья, получив за этот подвиг диплом имени Грениум, берет уроки пения, состязается в стрельбе, занимается стенографией, работает с археологической экспедицией, посещает лекции по истории искусства, рисует с натуры. «Моим стремлением было как можно правдивее отразить объект, но мне не хотелось, чтобы зарисовка напоминала цветную фотографию... Я считаю, что произведение искусства должно отражать точку зрения художника на предмет» — таково творческое кредо художницы.

И все же известность ее во всем мире связана с именем Эльсы — львицы двух миров... Под мерное урчание мотора накаляются страсти.

— И о чем говорит это перечисление? Лишь о разбросанности интеллекта!

— Ну нет, это эмоциональность талантливой природы, увлекающейся самыми несхожими вопросами.

— Что вы, товарищи! Речь идет не о «занятиях» в жизни, а о горении!

— Никто, как она, не смог так понять душу животных. Здесь сущность эксперимента...

Но тут выяснение точек зрения прекращается само собой, ибо автобус грузно разворачивается на площадке перед воротами Национального парка. Дальнейший путь прегражден шлагбаумом. За ним низкие железные ворота с вычеканенной парой носорогов, по штучке на каждой створке. Нос к носу, вернее, рог к рогу состыковавшись мордами, преграждают они въезд. Знай мы тогда, что они окажутся единственными увиденными в Африке носорогами, мы, пожалуй, отнеслись бы к ним с большим вниманием.

Большинство кенийских парков — неогороженные, но охраняемые законом территории, где флора и фауна сохраняются в первозданном виде. В них запрещены поселения, любая хозяйственная деятельность и охота. Парк «Симба» (или «Шимба») с разветвленной сетью грунтовых дорог, по которым в сопровождении проводников

возят посетителей, создан в 1970 году и находится всего в шестидесяти километрах от Момбасы.

Вскоре створки ворот размыкаются, и носороги пропускают автобус на территорию парка.

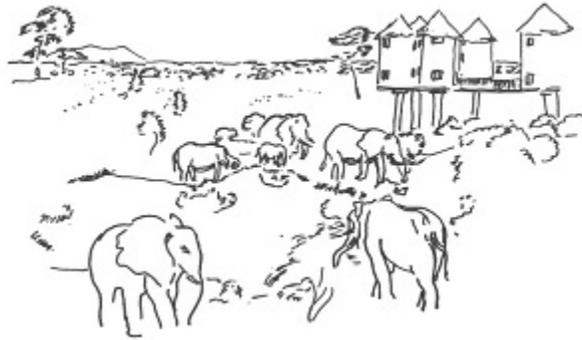
Узкая грунтовая дорожка с аккуратными сточными канавками по обочинам едва вмещает громоздкий наш транспорт. Недавние ливни размыли почву, в глубоких промоинах вдавлены многочисленные следы копыт. Справа и слева простираются великолепные лужайки. Подобно ковылю, колышутся сочные травы, кустятся группками, оставляя островки земли, поэтому дали кажутся подкрашенными рыже-багровым цветом. Перепархивают птицы, трепещут крупные золотисто-коричневые бабочки, опускаясь на белые чашечки похожих на эдельвейсы цветов. Среди лужаек — островки роц, наверное, так выглядели куци Эдема. Лабиринт полян испещрен указателями: «Слоны», «Обезьяны», «Буйволы» — будто животными дано обязательство придерживаться именно этих удобных для лицезрения мест.

Стадо бабуинов успело оставить на стрелках вещественные знаки протеста. Островки густой растительности рассыпаны по полянам, сплетены с подлеском старые деревья, стволы опутаны лианами, в сумеречную зеленую тень, как в пещеру, ведут протоптанные животными лазы.

Однако со зверями туговато — безрезультатно обшариваем взглядом окрестности — никого и ничего, кроме жирных и бледных кузнечиков, с которых Белькович не спускает глаз: чудесный завтрак для Роджерса.

Общее настроение несколько поднимается при виде рассыпанных на дорожке серых шаров слоновьего помета, — значит, слоны все-таки есть...

— Я думаю, ни одно животное, обладающее хоть каплей разума, не будет ждать пахнущее бензином чудище, даже раскрашенное под зебру. От рева мотора скроется и глухонемой слон, — шепчет Плахова.

И она права. Даже бабуины, эти мохнатые клоуны, завидев автобус, попадали, как спелые яблоки, с дерева и умчались к дальним кустам. Задерживается лишь самая любопытная самка с восседающим на ее спине малышом, полускрытые высокой травой, похожи они на странного двухголового зверя. Опершись на длинные передние лапы, склонив набок подобную собачьей голову, обезьяна спокойно рассматривает автобус. Вот это кадр!

Щелкают немногочисленные фотоаппараты, жужжит чья-то кинокамера, но плотно заперты двери, наглухо закрыты окна.

— Кого от кого охраняют? — раздается робкий протест, — Нас от животных или наоборот? Может быть, приоткроете двери и разрешите выйти сфотографировать бабуинов?

Притоптывая, раскачиваясь, вновь приближаются крупные обезьяны с лохматым вожаком во главе...

— Ни в коем случае, это опасно, — следует ответ.

— Бабуин — крупная обезьяна, за желтоватую окраску ее именуют «желтый павиан», — раздается голос гида. — Еще Аристотель называл их «собакоголовыми». Держатся возле деревьев, спят на них ночью.

— А что едят?

— Плоды, ягоды, побеги, луковицы, личинок, жуков. Но могут целым стадом напасть и на антилопу.

Теперь дело пошло веселей, вдалеке мелькают темные пятнышки. И пока тщетно стараемся поймать их в окуляры бинокля, совсем рядом выскакивают и мчатся галопом, подняв хвосты, бородавочники, что таились в тени кустов. Неблагозвучное название получено ими благодаря кожным выростам на голове. Бородавочники улепетывают со всех ног, как, впрочем, и все остальные животные. Фотокадры туристов имеют одну особенность: все движущееся увековечено лишь в одном ракурсе — с хвоста. Остророгие антилопы-бейзы, рыжие красавцы с белыми мордами и элегантными черными полосками у ног, удирают особенно удачно, секунда — и лужайка, где только что мирно пощипывало травку стадо, пуста.

Единственные животные (вот на кого может полагаться фирма) — африканские, или кафрские, буйволы не убегают и не прячутся от автобуса. Серые, массивные, с крутыми загривками и узловатыми ногами, под мощными рогами — колпаки-нашлепки. Дикие и свирепые, они не поддаются одомашниванию, однако друг с другом хитрят жить в мире, не пуская в ход смертоносные рога; по неписаному закону противник отступает перед сильнейшим задолго до того, как прольется кровь.

Дикий африканский бык считается более агрессивным и свирепым, нежели лев, слон или носорог; решительный и упрямый, он способен атаковать автобус.

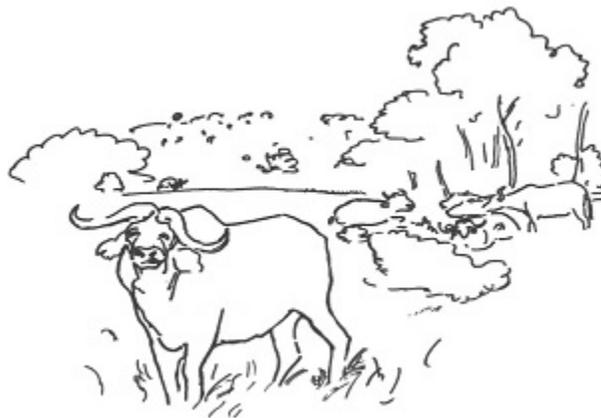
Останавливаемся напротив стада, нас разделяет не более шести-семи метров. Самые агрессивные животные Африки, подобно стаду домашних коров, равнодушно пережевывают жвачку.

Но нет! Старая, облысевшая и облезлая самка — у буйволов матриархат — выставляет вперед ногу, как скакун перед стартом, и

делает несколько шагов вперед. В стаде начинается перестроение. Еще один буйвол с чепчиком-нашлепкой под рогами приближается к автобусу.

— Пожалуйста, на минутку приоткройте дверь, хоть один кадр не с хвоста, а с морды!

— Нет и нет. Это опасно. Открывать двери категорически воспрещается!

Теперь к нам направляется трио. Третий, как видно, испытанный боец, с единственным нацеленным на нас рогом. Маленький буйволенок, очаровательное длинноногое создание, как пробка, вылетает из стада и трусит к буйволице, похлопывая ушками, которые по ассоциации с лопухами так и хочется назвать «ухами». Но дисциплина в буйволином стаде на голову выше, нежели у сидящих в автобусе: нельзя есть нельзя. Мотнула головой старая буйволица, и теленка как не бывало, пятась, исчез в стаде.

А он был очень даже мил — светло-серенький, с двумя шишечками на лбу и длинными мягкими ушками.

Не желая рисковать полосатыми боками, автобус покидает место возле буйволиной лужайки. Продолжаем объезжать парк в шахматном порядке, водитель обещает «отвезти к слонам»: обглоданные ветки и следы помета — вот все, что поддерживает надежды. Местность пустынна, и вдруг...

— Слон! — отдаю должное Плаховой: первый вопль исторгает она.

Высокие заросли подступают совсем близко к дороге. Вплотную к стене зелени приставлена серая морщинистая гора. По горе из стороны

в сторону помахивает серенькая растрепанная метелка: для обозрения представлена лишь часть могучего слоновьего тела.

Высокие и низкие, радостные и возбужденные, звонкие и глухие от волнения голоса на все лады повторяют: «Слон, слон...», резонируя от металлических стен нашей тюрьмы. Водитель притормаживает, но, еще разок махнув метелкой, гора исчезает, будто растворившись в воздухе, не издав звука, не всколыхнув ветки.

В Кении, на национальных парках на первый взгляд лежит печать благополучия. Однако в прессе сообщалось, что, когда слоны затоптали поле крестьянина, уничтожив урожай, местный депутат потребовал от правительства возмещения ущерба или их уничтожения. Такие случаи не редкость. Возникает вопрос: сохранятся ли парки, выполняющие роль «витрин», в том виде, в каком существуют сейчас?

Пока лишь Зимбабве — единственная страна в Африке, где популяция слонов растет, в то время как в целом на континенте численность их убывает. Ежегодно в стране забивают несколько тысяч слонов. Только по официальным данным, в 1983 году Япония вывезла из Африки четыреста семьдесят пять тонн слоновой кости — на сорок процентов больше, чем десять лет назад. Ведь японские резчики производят в год более двух миллионов изделий из слоновой кости.

Плахова

Вопреки запрету стоим на горячей земле Кении. Вершина холма, куда, урча, взобрался автобус, увенчана открытой каменной беседкой и сопутствующим отдыху туристов интимным сооружением, последнее обстоятельство играет немаловажную роль в нашей судьбе: автоматические двери бесшумно расходятся, и крепость на колесах выпускает узников на свободу.

С площадки открыт круговой обзор. В нежной воздушной дымке, покачивая землю, утекают к горизонту зеленые волны холмов и предгорий. Край земли слит с голубизной Индийского океана. Окрашенный чистыми красками, гармоничный мир простирается вокруг.

Назвать панораму «зеленой» было бы не меньшим кощунством, нежели словом «синий» обозначить вечно изменчивый океан. На

тысячи оттенков разложен цвет, зеленые краски текучи и прозрачны, гаснут по мере удаления затянутые легкой кисеей воздуха. Светло-зеленые, темно-зеленые, глухие и звонкие цвета сплетаются в сложные узоры.

Стесанные по верхушкам плато окаймлены сочной полосой дождевых лесов. Сиренево-синие тени лежат по впадинам, золотом отливают выгоревшие травы. Над бахромой чащ, вырываясь к свету, поднимаются зонтичные акации, вбирая бледными распластанными кронами солнечный свет. Глаз еще не привык к масштабу, и кажутся кустиками леса, те самые, где стволы начинают ветвиться лишь с высоты тридцати-сорока метров. Под их непроницаемой крышей «мертвая тень с освещенностью в одну сто двадцатую дневного света», определяют ученые.

Воздух прозрачен. Четко выделяется пепельно-серебряный рисунок стволов. Кажется, деревья заполнили мир, хотя три четверти Кении заняты саванной, лесов же всего три процента.

Выпущенные на волю участники сафари разбредаются по склону. Кто-то успел найти и вручить Шилейко огромного сухопутного моллюска, родственника Мавруши, кенийскую ахатину.

— Африканская! — торжествует биолог. — В коллекции есть маврикийская, сейшельская, есть мадагаскарский экспонат, а эта, вы понимаете, африканская! На мой взгляд, африканская абсолютно ничем не отличается от своих сородичей.

Присаживаемся на прогретом склоне. Физически ощутима тишина, лишь слабый шелест трав, потрескивание кузнечиков, пряный, убаюкивающий запах земли. Поймав теплую струю, парят в воздухе птицы, косым парусом отчеркнув половину небес, бегут из-за океана мал мала меньше облачка, кудрявятся, сбиваются стайками, расползаются паутинкой. Здесь, над Кенией, встречаются пассаты обоих полушарий — мощная облачность становится резервуаром осадков, выпадающих тропическими ливнями в дождливые сезоны. Чтобы живущее на земле могло приспособиться к льющим с неба потокам, природа установила регламент: дожди идут лишь после полудня, очищая небо к ночи.

Только-только успеваю залить акварелью листы, как модернизированный наш транспорт издает пронзительный звонок, автоматически включаемый при отправлении. Невольно вздрагиваю,

звук и впрямь похож на сигнал общесудовой тревоги на корабле. И мы возвращаемся в автобус, чьи полосатые бока плотно покрыла рыжая пыль.

— А все-таки почему на «Львиных холмах» нет и следа пребывания львов? — отваживается кто-то на вопрос, когда железные носороги вновь смыкаются, отгородив нас от парка. — Кусок слона видели, а львов нет, — не унимается голос.

— И не могли видеть! — таков ответ. — В этом парке львов нет и никогда не было. Название «Симба» чисто символическое.

Ну что ж! Все увидевшим незачем больше жить. Все-таки мы побывали в Кении — как сегодня считает наука, прародине человека, его колыбели. Через несколько часов снова отправляемся в океан, который, как известно, тоже является колыбелью жизни; две колыбели рядом — это уже кое-что.

Хорошо бы совершить еще сафари — на восточный берег озера Рудольф, где директор Института палеонтологии Кении, доктор Кембриджского университета профессор Луис Лики обнаружил следы оружия, предметов труда и останков предка современного человека, названного им «человек умелый». Сенсация на озере Рудольф состарила человечество на целых восемьсот тысяч лет!

Увольнение на берег закончилось. «Курчатов» ждет прибытия кенийского лоцмана, чтобы выйти из удобной, но опасной бухты Килиндини.

Участники сафари разошлись по каютам, пьют чай, обмениваясь впечатлениями, и, что небезынтересно... сдают в лабораторию снятых с себя крохотных белесых клещей — результат прогулки по холмам Кении. Мы не составляем исключения и тоже получаем возможность послужить науке — это наше последнее впечатление от сафари.

Двадцать три часа. Поздний вечер. Лоцмана все еще нет. Начинается мелкий косой дождик, искрятся в свете бортовых ламп подхваченные ветром капли.

Сосед наш — «Анатолий Луначарский» следует на Мадагаскар, часть груза оставив в Момбасе. Облегченное судно, обнажив ватерлинию, высоко поднялось над причалом, почти вертикально поставив наш трап. Поэтому долгожданный лоцман, темнокожий и стройный, в блестящей фуражке и белом, несмотря на непогоду, кителе, спускается по трапу, будто нисходит с небес. Одновременно

пересекая бухту Килиндини, спешит к «Курчатову» буксир с загадочным названием «Ел ламу». Экипаж буксира — в единственном числе африканец в странной экипировке: босой, коробом стоит блестящий дождевик, с обвисших полей сизалевой шляпы стекают струйки воды.

Обменявшись прощальными гудками с «Луначарским», наш корабль медленно, будто нехотя, отходит от причала.

Темнота укрывает бухту. Размыты морозящим дождем, окружены ореолом ограничительные огоньки судов и портовых кранов. Набирая скорость, борясь с течением, «Курчатов» приближается к опасному месту. Из мутной воды, покрытой оспинками пляшущих капель, высоко торчит оскаленная гряда рифов.

Включив мощный прожектор, между рифами и кораблем скользит лоцманский катер. И вот уже совершен сложный поворот, сброшена скорость, катерок со скрежетом стыкуется с судном, принимая своего лоцмана.

Описав белую дугу, уходит он обратно в бухту Килиндини, порт Момбасу.

Ни огоньков, ни берега, влажно, напористо дышит океан. «Курчатов» покидает Кению, уходит в ночь. Теплый, живой свет иллюминаторов дробит огибающую борта пену, мы возвращаемся в Европу.

Глава последняя. От авторов

— Виктор Григорьевич, вы можете сказать, сколько всего было сделано рабочих станций?

...3 июня 1983 года, в 15 часов 45 минут, «Академик Курчатов» пересекает меридиан Гринвича в восточном направлении и выходит из Атлантики. В воскресенье 12 июня при прохождении Калининградского морского канала время переведено на московское, летнее. В 7 часов 20 минут того же дня, оформив на рейде порта Балтийска возвращение в СССР, корабль швартуется у причала номер девять, порт Калининград.

Тридцать шестой научно-исследовательский рейс «Курчатова» в северо-западную часть Индийского океана закончен. «Программа рейса выполнена» — таково заключение научно-технического совета экспедиции, крохотного звена в сложной цепи исследований, проводимых Советским Союзом в океанах. Изучением Мирового океана занимаются десятки институтов Академии наук СССР, учреждений и организаций.

Однако понять и заставить служить человечеству богатства и природу океана можно лишь совместными усилиями ученых разных стран. Советская наука полна решимости укреплять мирные связи между населяющими океанские бассейны народами, ибо океан должен объединять, а не разъединять народы.

— Так сколько же было станций?

— Девяносто девять, одной не дотянули до ста, — отвечает начальник экспедиции Нейман. — Анализ полученных данных —

новый шаг к решению проблемы биологической продуктивности подводных гор Индийского океана. Что показал наш рейс? Гипотеза о повышенной их продуктивности не подтвердилась, ибо на большинстве обследованных участков подобное явление не обнаружено. Значит ли это, что данный факт стабилен?

На вопрос будет дан ответ, когда, продолжив исследования с учетом уже полученных результатов, из Индийского океана вернутся новые экспедиции.

Итак с учеными все ясно. А мы?

Еще в первом рейсе, много лет назад, на качающихся палубах было взято нами за правило: первую выставку работ показывать на корабле, товарищам по экспедиции. Ведь будущим зрителям, не видевшим океан, придется «верить нам на слово». Тех же, кто был рядом, не обманешь. Как самое дорогое хранится книга отзывов из ставшего далеким рейса в Океанию.

«Если смотришь глазами художника, все будничное, привычное в экспедиции становится чем-то романтическим и очень важным...»

Почему художнику удается та или иная работа или она оставляет безучастным и себя и зрителя; может быть, когда-нибудь и будет разгадан этот секрет, так же как секрет великой скрипки Страдивари или смычка парижского мастера Франсуа Ксавье Турта.

Меняет ли человека общение с океаном? Делает ли его чище, лучше, освобождая и раскрывая человеческий дух среди необъятных просторов? — такие вопросы задает известный болгарский путешественник Дончо Папазов.

Как ответить на эти вопросы? Океан вызывает мысли и чувства, перед которыми бессильны компьютеры и анализирующие приборы, все, кроме глаз и сердца.

Сложенные вместе, пройдены нами семьдесят тысяч океанских миль, семь тысяч шестьсот часов — прекрасных, трудных и счастливых, продутых пассатами, бризами и другими ветрами с не менее романтическими названиями. «Счастье не может быть полным, если владеешь им один», — говорят на Мадагаскаре. Наверное, поэтому взяли мы за перо — поделиться с читателем ни с чем не сравнимым счастьем узнавания.

Что греха таить, в тягостные минуты, когда из сизого месива идут водяные горы, как игрушку пошвыривая судно, — в такие минуты

зарекаешься в душе покидать землю надолго, как манны небесной
ожидавая возврата в порт отправления.

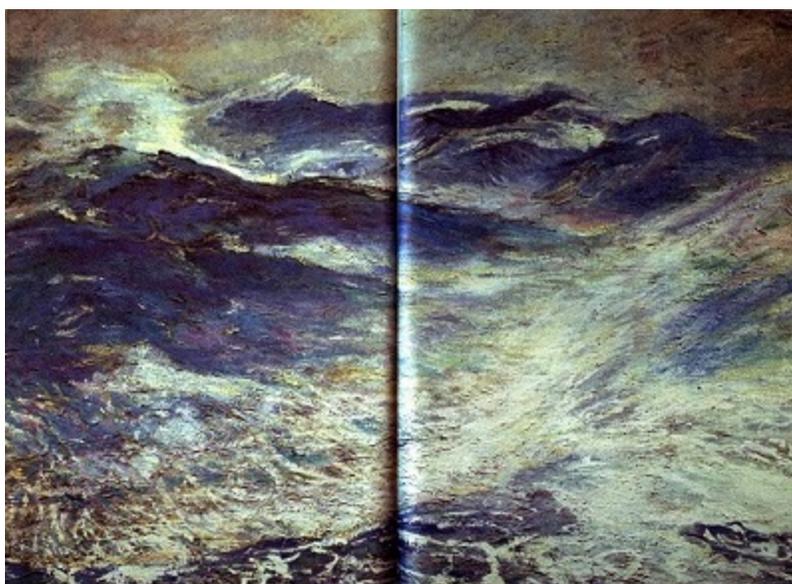
Но ведь недаром говорят: где конец, там всему и начало...

— А кстати, вы ничего не слышали о рейсе на Амазонку?

Иллюстрации

В открытом океане

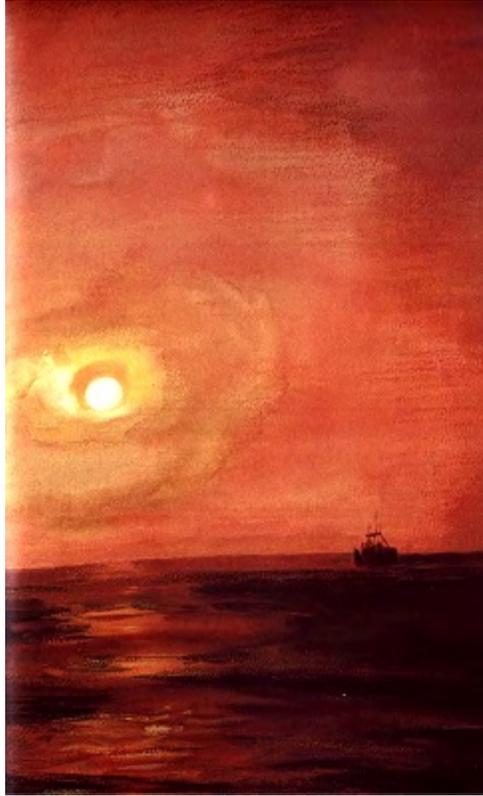
Тайфун

У берегов Аравии

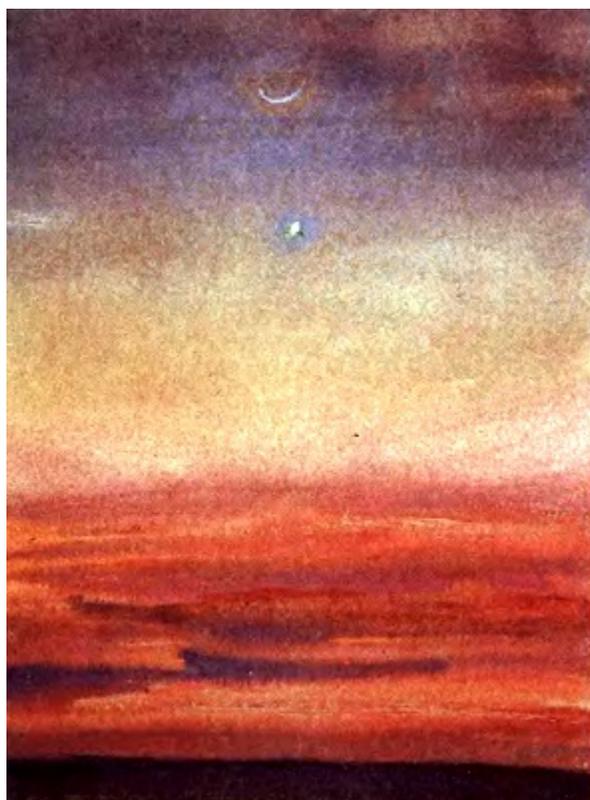
Песчаная буря над Суэцким каналом

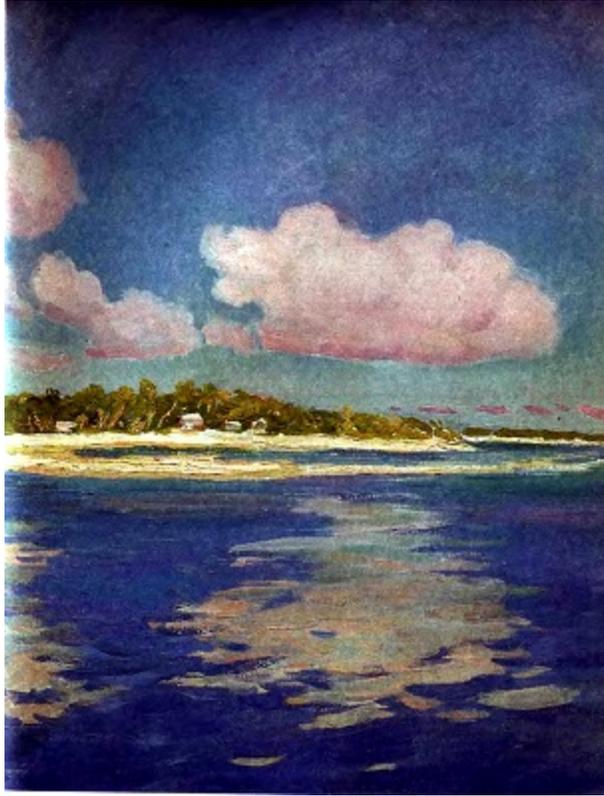
Багровая зыбь

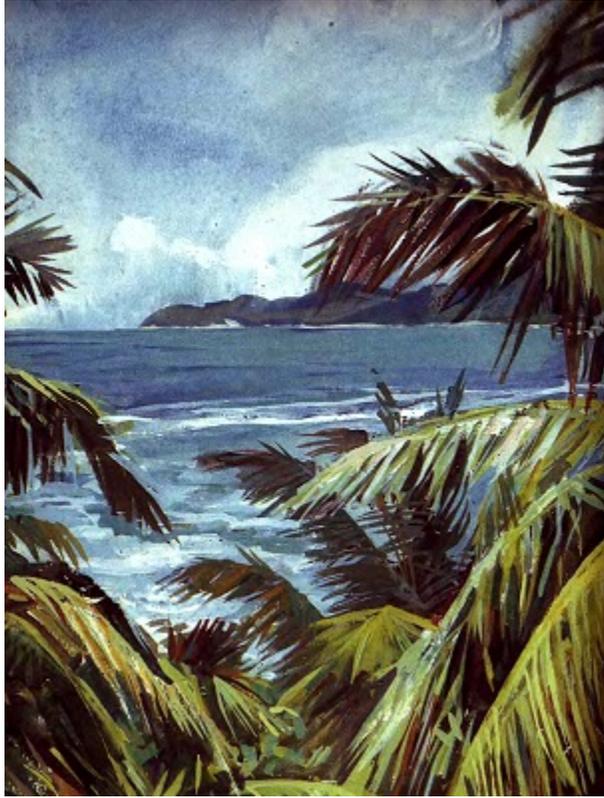
Утро

Одинокая звезда

Облака над Альдаброй

Пасмурный день на Сейшелах

Сумерки над острове Маэ

Закат у берегов Африки

Вечер

Тропический закат

Остров Маэ с рейда

Парус в бухте Нуси-Бе

Лунная ночь в Бискайском заливе

Коралловый берег

Вечер в Момбасе

Корабль и ночь

Остров Маврикий

Анцеранана. Бухта Диего-Гарсия

Мадагаскар. Закат над Огненным островом

Последний луч

Рассвет над Мадагаскаром

Сейшелы. Остров сокровищ

Скалы «Четыре брата»

Зеленая лагуна. Космоledo

Встреча в океане

Лунный свет в океане

Базар. Маврикий

С плантации. Маврикий

Атолл Космоledo

В Красном море

Атолл в кольце прибоя

Красные дороги Кении

Пагода. Маврикий

Лунная ночь. Альдобра

Nachsatz

Не все можно изобразить пером, и не все кистью. Не случайно книги иллюстрируют. Но когда это осуществляется одними и теми же авторами, эффект оказывается особенно ярким. Художники М. Плахова и Б. Алексеев выбрали необычную лабораторию для творчества — путешествие вместе с учеными по водным просторам планеты.

Для молодого поколения предложенная книга может оказаться особенно ценной, она сравнима с рассказами капитанов XVIII века, совершавших кругосветные плавания. Книга «К островам Индийского океана» вводит нас в далекий таинственный мир, читается на одном дыхании, вероятно, и потому, что романтика океанских плаваний близка и нам, потомкам мореходов и путешественников.

Несомненно, читатель с большим интересом прочитает книгу, сам становясь участником увлекательного путешествия, чтобы познакомиться с жизнью научно-исследовательского судна и нелегким трудом ученых-океанологов. И все же, думается, главным действующим лицом в книге представлен Океан. Прекрасный, красочный, изменчивый и неповторимый, призванный объединять, а не разъединять народы.

Академик Н. А. Шило

